И. И. Мечниковъ.

СОРОКЪ ЛѢТЪ

ИСКАНІЯ

РАЦІОНАЛЬНАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

„НАУЧНОЕ СЛОВО“.

И. И. Мечниковъ.

M55

СОРОКЪ ЛѢТЪ

ИСКАНІЯ

РАЦІОНАЛЬНАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

146805

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКВА.
НАУЧНОЕ СЛОВО.
1914.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1914.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Вступленіе 5

Предисловіе ко второму изданію 27

Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія 43

Возрастъ вступленія въ бракъ 69

Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу 119

Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ 142

Вступительное слово при открытіи Одесскаго съѣзда естествоиспытателей и врачей въ 1883 году 221

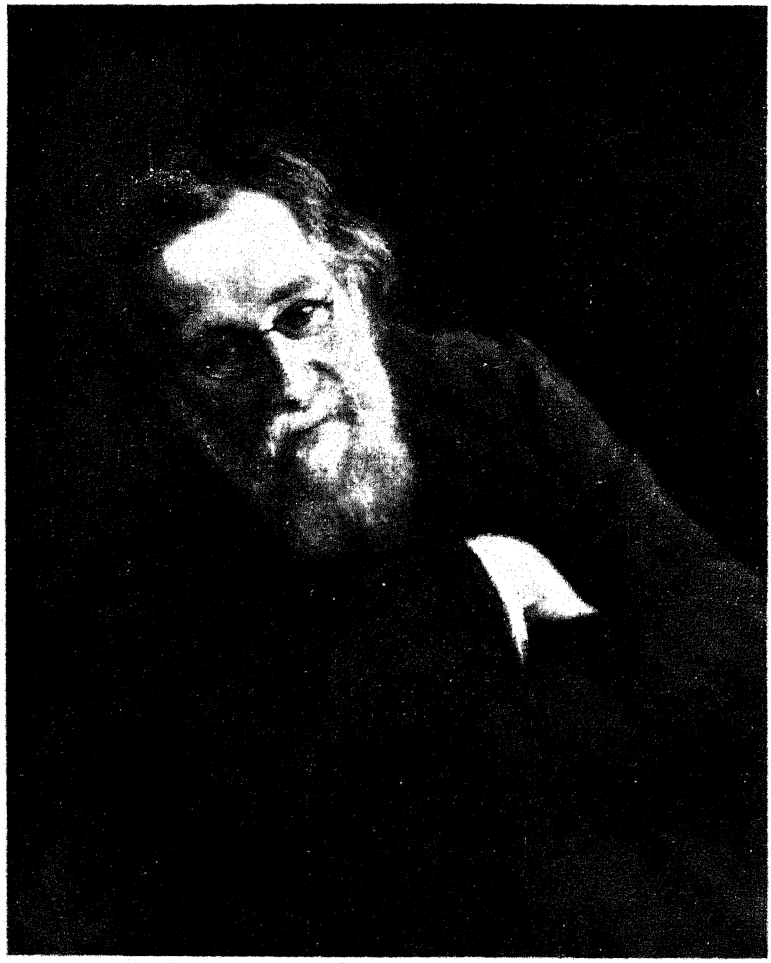
О цѣлебныхъ силахъ организма 226

Законъ жизни. По поводу нѣкоторыхъ произведеній Л. Толстого 236

Современное состояніе вопроса о старческой атрофіи 268

Флора нашего тѣла 290

Міросозерцаніе и медицина 316



Ил. Мечников

Снимокъ съ масляного портрета кисти

О. Н. Мечниковой.

Вступленіе.

Не безъ колебаній я исполняю желаніе моего многоуважаемаго издателя и друга, Г. К. Рахманова, предложившаго мнѣ собрать мои популярныя статьи, разсѣянныя за сорокъ слишкомъ лѣтъ въ различныхъ журналахъ, и издать ихъ въ видѣ отдѣльнаго тома. Такое предпріятіе, выполняемое теперь, можетъ явиться или слишкомъ поздно, или же черезчуръ рано. Поздно потому, что многія изъ статей несомнѣнно устарѣли; рано потому, что еще не пришло время осмотрѣться назадъ съ чисто исторической точки зрѣнія, какъ это было бы умѣстнѣе сдѣлать послѣ окончательнаго прекращенія моей дѣятельности.

Колебанія мои привели къ тому, что я рѣшилъ сдѣлать выборку изъ моихъ прежнихъ писаній и остановиться лишь на тѣхъ, которыя соединены одной общей мыслью и направлены къ установленію раціональнаго міропониманія. Быть можетъ, и теперь найдутся читатели, которыхъ заинтересуетъ ознакомиться съ исторіей развитія долголѣтней попытки, отвлекаясь отъ частностей, найти основы общаго воззрѣнія на человѣческую жизнь. Въ предлагаемомъ сборникѣ можно легко отмѣтить различныя фазы этого развитія и найти средство согласить кажущіяся противорѣчія между ними.

Но изданіе этого сборника можетъ быть оправдано лишь подъ условіемъ, чтобы цѣль, къ которой привело исканіе истины, дѣйствительно соотвѣтствовала послѣдней. Но такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Не должно ли уступить міровоззрѣніе, основанное на началахъ строгаго позитивизма и откровеннаго «агностицизма», одному изъ новыхъ теченій человѣческой мысли, стремящихся проникнуть за предѣлы опытнаго познаванія?

Не подлежитъ сомнѣнію, что за послѣднее время все болѣе и болѣе сказывается потребность къ разрѣшенію вопросовъ, передъ которыми въ недоумѣніи останавливается положительное знаніе. Долгое время многіе надѣялись, что явленія спиритизма откроютъ

новую область вѣдѣнія, которая съ успѣхомъ пополнитъ пробѣлы, оставляемые точной наукой, и докажетъ существованіе нематеріальнаго духовнаго міра. Но за послѣдніе годы акціи спиритовъ сильно пошатнулись. Недавно Парижское психологическое общество, очень озабоченное выясненіемъ явленій, считающихся спиритическими, пригласило для ряда сеансовъ извѣстную неаполитанку, Эузаппію Паладино, считающуюся чуть не самымъ чувствительнымъ медіумомъ. Когда она была уличена въ мошенничествѣ, то одинъ изъ ея ревностнѣйшихъ поклонниковъ, всегда усердно защищавшій ее, долженъ былъ признать обманъ, но оправдывалъ его утомленіемъ уже престарѣлой спиритки. По его мнѣнію, въ прежніе годы, Эузаппія дѣйствительно проявляла удивительную способность къ медіумическимъ явленіямъ, но въ старости она ослабѣла и, для поддержанія своей репутаціи, должна была прибѣгать къ уловкамъ и плутовству. Разумѣется, подобная аргументація никого не могла убѣдить.

Извѣстный мыслитель, Гюставъ ле-Бонъ, принялъ къ сердцу стремленіе спиритовъ доказать справедливость ихъ утвержденій. Онъ предложилъ премію тому, кто при наличности надлежащаго контроля покажетъ существованіе медіумическихъ явленій. Вызовъ однако остался безъ отвѣта. Продолжая интересоваться этимъ вопросомъ, ле-Бонъ собралъ нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ изъ главныхъ французскихъ спиритовъ. Несмотря на все усердіе послѣдняго, никто изъ присутствующихъ не могъ убѣдиться его доводами, между тѣмъ какъ рѣчь хозяина вызвала всеобщее одобреніе. Изъ разспросовъ, обращенныхъ къ гостямъ, оказалось, что никто изъ нихъ (кромѣ вышеупомянутаго спирита) никогда не былъ свидѣтелемъ явленій, подтверждающихъ существованіе медіумизма. Когда очередь дошла до меня, то и я присоединился къ общему мнѣнію. Мнѣ не разъ приходилось присутствовать на спиритическихъ сеансахъ, но они всегда оканчивались неудачей. Въ моей личной жизни тоже никогда не приходилось встрѣчаться съ явленіями, сколько-нибудь похожими на спиритическія. Изъ числа послѣднихъ еще наименѣе невѣроятными представляются «телепатическія» явленія, указывающія на общеніе лицъ на разстояніи. Есть немало людей, признающихъ существованіе «телепатіи», хотя и отвергающихъ спиритизмъ въ собственномъ смыслѣ слова. Въ теченіе моей уже долгой жизни я обращалъ особенное вниманіе на эти явленія, но только одинъ разъ я почувствовалъ особенное ощущеніе, которое заставило меня одну минуту подумать о телепатическомъ сообщеніи. Проснувшись ночью въ какомъ-то необычномъ волненіи, я въ то же время ска-

залъ себѣ: мнѣ представилось, что умеръ Вирховъ. Этотъ знаменитый ученый, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, былъ въ то время сильно боленъ послѣ перелома головки бедра. Въ виду его очень престарѣлаго возраста всѣ ожидали его смерти, можно сказать, съ часу на часъ. Условія для телепатіи были въ этомъ случаѣ вполнѣ подходящи; однако же мое особенное ощущеніе оказалось ложнымъ: Вирховъ умеръ лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разсказаннаго происшествія.

Среди лицъ, особенно мнѣ близкихъ, находились двѣ сестры-близнецы, до того похожія между собою, что даже родители ихъ часто смѣшивали. Въ дѣтствѣ, во избѣжаніе этого, ихъ отмѣчали особенной ленточкой. Нужно думать, что обѣ сестры произошли чрезъ раздѣленіе одного зародыша. Казалось бы, что между столь сходными, чуть не одинаковыми субъектами, къ тому же съ чрезвычайно нервнымъ темпераментомъ, телепатія могла проявляться съ особенной легкостью. Нужно замѣтить, что въ семьѣ этихъ близнецовъ существуетъ традиція, по которой дѣдъ ихъ представился воочію своей сестрѣ въ минуту смерти, происшедшей на очень далекомъ разстояніи.

Съ теченіемъ времени обѣ сестры, долгое время жившія вмѣстѣ, повыходили замужъ и разъѣхались въ разныя стороны. Одна изъ нихъ поселилась въ Петербургѣ, а другая — въ Парижѣ. Передъ тѣмъ какъ петербургская сестра скоропостижно умерла отъ родовъ, парижская готовилась къ хирургической операціи и все время безпокоилась и волновалась за судьбу первой. Несмотря на такое исключительное родство между этими близнецами, оставшаяся въ живыхъ нисколько не почувствовала телепатически смерти сестры и въ теченіе нѣсколькихъ дней вѣрила выдуманнымъ депешамъ, въ которыхъ ей сообщались ложныя свѣдѣнія о ходѣ ея болѣзни.

Неудивительно, что при такой наличности фактовъ позволительно отнестись съ большимъ скептицизмомъ къ разсказамъ о телепатическомъ сношеніи людей между собою и, болѣе того, съ духами умершихъ. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи извѣстнаго англійскаго физика, сэра Оливера Лоджа [1]), собрано все, что только можетъ утвердить вѣру въ существованіе безтѣлесныхъ духовъ, вступающихъ въ общеніе съ людьми чрезъ посредство медіумовъ, и, слѣдовательно, вѣру въ безсмертіе души. Авторъ не скрываетъ того, что онъ «инстинктивно» раздѣляетъ эту вѣру и высказываетъ

---

[1]) La survivance humaine. Французскій переводъ съ предисловіемъ Максуэля. Парижъ, 1912 г.

предвзятое мнѣніе въ этомъ смыслѣ. Но ему хотѣлось бы найти научное доказательство существованія души безъ тѣлесной оболочки и онъ выбивается изъ силъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Онъ приводитъ подробные протоколы спиритическихъ сеансовъ, на которыхъ медіумы (всегда женскаго пола) передаютъ со словъ духовъ ихъ сообщенія о самыхъ разнообразныхъ вещахъ, почти всегда объ очень незначительныхъ и неинтересныхъ мелочахъ, часто оказывающихся несоотвѣтствующими дѣйствительности. Оливеръ Лоджъ особенно настаиваетъ на убѣдительности такъ называемыхъ «перекрестныхъ сообщеній», то-есть такихъ, гдѣ нѣсколько медіумовъ въ безсознательномъ состояніи спиритическаго «транса» передаютъ фразы, которыя получаютъ смыслъ лишь тогда, когда ихъ соединяютъ воедино. Но Лоджъ находитъ это дѣло до того сложнымъ, что не рѣшается излагать его съ подробностями, которыя бы могли или убѣдить читателя, или же вызвать соотвѣтствующую критику.

Вотъ выводъ, къ которому въ концѣ-концовъ приходитъ нашъ авторъ. «Я принадлежу,—говоритъ онъ,—къ числу тѣхъ, которые думаютъ — требуя однако же новыхъ доказательствъ, еще болѣе сильныхъ и болѣе послѣдовательныхъ, — что въ настоящее время наилучшая, хотя бы и провизорная, гипотеза состоитъ въ допущеніи *возможности*, въ случаяхъ наиболѣе ясныхъ, существованія ясновидящаго сношенія съ умершими. Эти явленія наблюдаются среди цѣлой суммы побочныхъ данныхъ.., бо́льшая часть которыхъ обнаруживаетъ безсознательное происхожденіе и не имѣетъ доказательной силы» (стр. 265). Лоджъ надѣется даже, что когда-нибудь люди окажутся въ состояніи сообщаться съ существами, «находящимися въ отдаленномъ пространствѣ и, быть можетъ, даже внѣ его», въ небесномъ эѳирѣ (266). Онъ не признаетъ доказательными фотографіи привидѣній (стр. 78) и вообще высказывается съ большими колебаніями относительно существованія духовъ, требуя болѣе убѣдительныхъ доводовъ. Но всѣ его симпатіи на сторонѣ спиритизма.

Авторъ предисловія къ книгѣ Лоджа, французскій спиритъ или спиритологъ Максуэль настаиваетъ на томъ, что рекомендуемый имъ авторъ признаетъ лишь «возможнымъ» общеніе медіумовъ съ духами. «Онъ допускаетъ, что собранныя наблюденія оправдываютъ принятіе, въ видѣ временной гипотезы, сношенія живыхъ съ мертвыми» (стр. IV). Но, прибавляетъ Максуэль отъ себя: «не подлежитъ сомнѣнію, что мнѣніе Лоджа само по себѣ не убѣдительно; опыты, на которыхъ онъ основываетъ свое сужденіе, могутъ быть объяснены иначе, чѣмъ онъ это дѣлаетъ»

Итакъ, даже при наличности самаго благопріятнаго отношенія къ спиритизму двухъ приведенныхъ авторовъ, все же остается еще много мѣста для сомнѣнія въ явленіяхъ, которыя они считаютъ возможными, хотя и не достаточно доказанными. При такихъ условіяхъ понятно, что спиритизмъ не насчитываетъ много послѣдователей.

А между тѣмъ въ современномъ обществѣ существуетъ несомнѣнная потребность къ рѣшенію вопросовъ, относительно которыхъ наука безсильна. Въ только что вышедшей книжкѣ французскій философъ *ле-Роа* (Le Roy) [1]) довольно обстоятельно касается этого настроенія. По его мнѣнію, новое поколѣніе считаетъ, что если настоящій разумъ и «способенъ понимать очень различныя вещи, каждую по мѣрѣ ея особенности, но неразумно воображать, будто дѣйствительность можетъ быть сведена исключительно къ одному ея проявленію, а знаніе—къ одной его формѣ». Это поколѣніе думаетъ, «что наука, даже расширенная и болѣе приспособленная, чѣмъ теперь, вѣдающая только то, что существуетъ въ наличности, то-есть одни факты, совершенно неспособна разрѣшить загадку человѣческой жизни. Наука нигдѣ не проникаетъ въ самую глубину вещей, да и на свѣтѣ существуютъ не только однѣ вещи» (стр. 119). Этимъ объясняется «тоска по вѣрѣ» и «воскресеніе метафизики, то возрожденіе идеализма, которое составляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся чертъ нашей эпохи» (стр. 123). Эта потребность нашла себѣ выраженіе въ многочисленныхъ попыткахъ создать идеалистическое міровоззрѣніе, способное повести къ возникновенію новой религіи.

Недавно скончавшійся американскій философъ *Джэмсъ* былъ столь убѣжденъ въ существованіи загробнаго міра, что обѣщалъ послѣ своей смерти найти способъ духовнаго общенія съ своими друзьями. Онъ однакоже до сихъ поръ не выполнилъ этого обѣщанія. Но послѣ него осталась попытка создать философію, входящую въ рамки «прагматизма». Это—чисто практическое построеніе, очень напоминающее тѣ религіи, которыя проповѣдывались не ради ихъ соотвѣтствія съ истиной, а въ виду приносимой ими пользы людямъ. Внушалась, напримѣръ, «геенна огненная» не потому, что она существуетъ, а только какъ мѣра для предупрежденія дурныхъ поступковъ. «Прагматизмъ допускаетъ все. Онъ допускаетъ логику, онъ допускаетъ чувства и готовъ считаться съ самыми ничтожными и частичными опытами. Если мистическіе опыты могутъ повести къ практическимъ послѣдствіямъ, то онъ

[1]) Une philosophie nouvelle. Paris, 1912.

согласится и съ ними. И если бы оказалось, что при этомъ могъ встрѣтиться Богъ, то прагматизмъ призналъ бы и Бога, живущаго среди мелкоты обыденныхъ событій». «За признакъ истинности прагматизмъ выбираетъ то, что всего болѣе можетъ послужить для руководства въ жизни...» [1]). Такъ какъ «потребность нравственнаго распорядка, который бы не ограничивался временемъ, составляетъ одно изъ глубочайшихъ вождѣленій нашего сердца», то прагматизмъ допускаетъ «идею Бога, несмотря на то, что она уступаетъ въ ясности математическимъ даннымъ... но потому, что она представляетъ практическое преимущество, обезпечивая намъ идеальный строй, господство котораго не можетъ быть ничѣмъ нарушено» (стр. 107). И вообще, «принципы прагматизма не позволяютъ намъ отбросить гипотезу, если она ведетъ къ слѣдствіямъ, полезнымъ въ жизни» (стр. 246).

Нося чисто практическій характеръ, прагматизмъ не задается рѣшеніемъ общихъ вопросовъ бытія. *Джэмсъ* не считаетъ, «чтобы человѣческій опытъ представлялъ высшую форму опыта, существующаго на свѣтѣ». Онъ думаетъ, напротивъ, «что по отношенію къ міру въ его цѣломъ мы похожи на нашихъ любимцевъ собакъ и кошекъ, въ ихъ отношеніи къ совокупности человѣческой жизни. Онѣ живутъ въ нашихъ гостиныхъ и библіотекахъ и участвуютъ въ событіяхъ нашей жизни, значенія которыхъ онѣ и не подозрѣваютъ. Онѣ являются такимъ образомъ простыми касательными кривыхъ линій исторіи, концы которыхъ, равно какъ и ихъ формы, совершенно недоступны ихъ пониманію. Такъ и человѣкъ есть только касательная по отношенію къ широкой жизни міра. Но если не мало идеаловъ собаки и кошки совпадаютъ съ нашими, то и намъ позволительно думать, въ виду результатовъ, достигнутыхъ религіознымъ опытомъ, что существуютъ высшія силы, стремящіяся къ спасенію міра и имѣющія идеалы, подобные нашимъ. Прагматизмъ является такимъ образомъ религіознымъ ученіемъ». «Пусть каждый рѣшитъ, насколько онъ сможетъ приспособиться къ такой религіи. Прагматизму приходится отложить всякое догматическое рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ мы еще не увѣрены въ томъ, какой сортъ религіи можетъ въ концѣ-концовъ дать наилучшій результатъ» (269, 270).

Несмотря на все остроуміе построеній *Джэмса* и его сподвижниковъ по части прагматизма, это ученіе неспособно утолить тоски по вѣрѣ и неотступнаго желанія проникнуть въ высшія сферы, недоступныя положительному знанію. Чисто практическій

---

[1]) *James*. Le pragmatisme. Французское изданіе, 1911, стр. 86.

характеръ его еще не даетъ всего, къ чему стремится человѣческая душа. Понятно поэтому, что современные философы напрягли всѣ усилія, чтобы удовлетворить этой потребности. Въ этомъ отношеніи за послѣднее время особенно выдался іенскій профессоръ философіи *Эйкенъ* (*Eucken*), который, въ числѣ своихъ многочисленныхъ произведеній, напечаталъ книгу объ основахъ новаго воззрѣнія на жизнь и другую—о смыслѣ и цѣнности жизни. Признанный успѣшнымъ проповѣдникомъ новаго міропониманія, онъ былъ за это награжденъ преміей *Нобеля*. По этому поводу онъ произнесъ публичную рѣчь на торжественномъ собраніи въ Стокгольмѣ, въ которой подъ заглавіемъ: «натурализмъ или идеализмъ?» [1]), онъ представилъ въ сжатой формѣ свою теорію. Признавая прикладное значеніе натурализма въ дѣлѣ усовершенствованія матеріальной стороны жизни не подлежащимъ сомнѣнію, *Эйкенъ* возсталъ противъ проникновенія его въ болѣе внутреннюю область нашего существованія, такъ какъ «подчиненіе всѣхъ человѣческихъ стремленій цѣлямъ пользы представляется невыносимымъ униженіемъ и полнымъ отказомъ отъ всего, что составляетъ величіе и достоинство человѣка» (стр. 3). «Если бы человѣкъ былъ не больше какъ частицей природы, каковой она представляется точной наукѣ, то его бытіе являлось бы простымъ рядомъ отдѣльныхъ явленій... при чемъ не оказывалось бы ни малѣйшаго мѣста для высшаго единства, для внутренней связи жизни» (стр. 6). Такое единство однако же должно быть признано, для чего мысль должна оторваться отъ чувственныхъ впечатлѣній и подняться на высшую ступень. «Тотъ, кто представляетъ себѣ природу какъ цѣлое... тотъ самъ помѣщается не внутри природы, а выше ея и своей собственной дѣятельностью показываетъ, что внѣшній міръ еще не исчерпываетъ всей дѣйствительности». «И современная техника не менѣе свидѣтельствуетъ, что человѣкъ выше всякой простой природы, такъ какъ она требуетъ и доказываетъ предварительное участіе воображенія, придумываніе новыхъ сочетаній, предчувствіе новыхъ возможностей, точный расчетъ и смѣлую предпріимчивость. Какъ допустить, чтобы простое естественное существо, частица даннаго явленія природы могла быть способной къ подобнымъ дѣяніямъ?» (стр. 7). «Господство простой природы не даетъ тоже ни малѣйшаго мѣста для нравственныхъ проявленій» (8), и творчество въ искусствѣ доказываетъ существованіе души. Такимъ образомъ «жизнь оказывается не простой копіей или усвоеніемъ наличной дѣйствительности, но является возвышеніемъ надъ ней и созида-

[1]) Naturalismus oder Idealismus. Nobelrede. Les prix Nobel en 1908.

ніемъ новаго. Она не находитъ міръ готовымъ, а должна его сама себѣ приготовить» (10). Для достиженія этого «насъ долженъ обнять и понести живой потокъ, исходящій изъ цѣлаго. Онъ долженъ дать намъ силу, чтобы вести борьбу за новую ступень дѣйствительности... и чтобы принять участіе въ движеніи міросданія. Безъ корней въ такой наличности всецѣлаго наши духовныя стремленія никогда не получили бы ни твердой опоры, ни вѣрнаго направленія. У насъ невозможна самостоятельная и самовозвышающаяся жизнь, если въ дѣйствительности не существуетъ самостоятельнаго и внутренно самодвижущагося всецѣлаго» (11). Такимъ образомъ человѣкъ соединится интимно съ жизнью всего міросданія. Разъ дойдя до этой ступени, человѣкъ уже не сможетъ болѣе снизойти до обыкновеннаго существованія. «Поднявшись до жизни съ всецѣлымъ въ его безконечности, человѣку не будетъ возможно вернуться къ ограниченному состоянію простого естественнаго существа» (17). Такимъ образомъ открывается, по мнѣнію *Эйкена*, новый путь въ духовной жизни людей, который даетъ смыслъ и цѣнность жизни.

Въ другихъ, извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ іенскаго философа подробно развивается та же мысль о неспособности натурализма дать пищу высшимъ потребностямъ человѣчества и о томъ, что только сліяніе человѣка съ всецѣлымъ можетъ удовлетворить его. Я однако же не думаю, чтобы люди, привыкшіе къ точному мышленію и неохотно запутывающіеся въ очень туманныхъ общихъ построеніяхъ, согласились бы слѣдовать *Эйкену*. Сліяніе съ всецѣлымъ, то-есть то проявленіе «Космическаго чувства», о которомъ такъ много говорятъ въ послѣднее время, слишкомъ несвойственно человѣку и черезчуръ оторвано отъ дѣйствительности, чтобы сдѣлаться руководствомъ въ жизненномъ пути. Вѣдь никто не имѣетъ никакого понятія о томъ, что такое это всецѣлое и что означаетъ сліяніе съ нимъ, что нужно дѣлать, чтобы вступить на его дорогу. Уже понятіе о человѣчествѣ слишкомъ обще и неопредѣленно, чтобы основывать на немъ поступки, разъ подъ человѣчествомъ разумѣется весь человѣческій родъ съ его дикими и цивилизованными народами, съ хорошими и дурными людьми. Во сколько же разъ туманнѣе то всецѣлое, къ которому насъ призываютъ.

Если прагматизмъ страдаетъ отъ черезчуръ грубой практичности, то философія космическаго чувства грѣшитъ отсутствіемъ связи съ практической дѣйствительностью. Но въ настоящее время ни одно изъ этихъ двухъ направленій не насчитываетъ столько приверженцевъ, сколько «новая философія» *Бергсона*, которая

заняла вполнѣ первенствующее мѣсто въ современной мысли. По мнѣнію послѣдователей французскаго философа, онъ долженъ быть поставленъ въ рядъ «съ самыми великими философами всѣхъ странъ и всѣхъ временъ и признанъ единственнымъ первостепеннымъ философомъ Франціи со временъ *Декарта* и первымъ въ Европѣ послѣ *Канта*» [1]). Подобное мнѣніе раздѣляется не только многочисленными учениками *Бергсона,* но и его товарищами по философіи. Публика видитъ въ его ученіи начало новаго откровенія и ломится въ двери аудиторіи, въ которой онъ читаетъ лекціи въ Collège de France. Нужно приходить на нихъ по крайней мѣрѣ за часъ, чтобы достать хоть какое-нибудь мѣстечко. На одной изъ лекцій, на которыхъ я присутствовалъ, слушатели до того тѣснились, что выломали стекло во входной двери. Въ числѣ ихъ были люди всѣхъ возрастовъ, начиная отъ юношей обоего пола до сѣдовласыхъ стариковъ и старухъ. Костюмы были самые разнообразные, до грибовидныхъ шляпъ огромныхъ размѣровъ включительно. Передъ лекціей въ публикѣ слышались разговоры на разныхъ языкахъ, но съ приходомъ профессора они умолкали, и всѣ слушатели усиленно напрягали вниманіе.

Въ чемъ же заключается «новая философія» знаменитаго учителя? Онъ заявилъ себя ярымъ метафизикомъ. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія, по которому умъ человѣческій неспособенъ проникнуть въ истинную сущность міра и долженъ удовлетворяться лишь познаваніемъ явленій, воспринимаемыхъ нашими чувствами. Міръ, по *Бергсону,* доступенъ нашему знанію при посредствѣ «интуиціи», то-есть нѣкотораго вдохновенія, наитія, чутья. Когда хотятъ въ самой краткой формѣ охарактеризовать новую философію, ее опредѣляютъ какъ «философію интуиціи и теченія, или длительности» (durée). Интуиція составляетъ методу *Бергсона,* а «длительность» главное содержаніе его ученія. «Существуетъ,—говоритъ ученикъ и большой приверженецъ *Бергсона — Жиллуенъ,* — другой родъ познаванія, чѣмъ знаніе научное: это знаніе философское; существуетъ другой способъ познаванія кромѣ разума: это интуиція» (стр. 9). Послѣдняя отличается способностью проникать въ самую глубь вещей. «Вокругъ нашего познавательнаго и логическаго мышленія остается неопредѣленная туманность, состоящая изъ той же основы, на счетъ которой образовался тотъ яркій центръ, который мы нызываемъ разумомъ. Въ этой туманности и заключаются тѣ дополнительныя силы познаванія, о которыхъ мы имѣемъ лишь неясное ощущеніе когда мы запираемся въ себѣ, но которыя

[1]) *R. Gillouin.* Henri Bergson. Paris, 1912.

получаютъ освѣщеніе и опредѣленность въ то время, когда о нихъ можно судить по послѣдствіямъ, такъ сказать, въ эволюціи природы» [1]). Интуиція имѣетъ общее съ слѣпымъ инстиктомъ, но выше его. Она служитъ для обогащенія разума и для поднятія послѣдняго до степени наивысшаго сознанія (supraconscience). «Результаты интуиціи, вначалѣ неясные и только предчувствуемые, представляющіеся еще неусвояемыми умомъ и какъ бы нераціональными, становятся ясными и понятными по мѣрѣ ихъ примѣненія, когда они дѣлаются плодотворными. Для того, чтобы понять богатство дѣйствительнаго міра, нужно чтобы умъ сдѣлалъ надъ собою насиліе и разбудилъ скрытыя силы интуиціи» (*Le Roy*, стр. 196).

Отдавая себя во власть инстиктивной интуиціи, *Бергсонъ* при помощи ея приходитъ къ представленію о вѣчномъ теченіи, постоянномъ и непрерывномъ измѣненіи, не поддающемся измѣренію подобно времени, но ощущаемомъ подобно музыкальному сочетанію звуковъ, симфонически. Это теченіе (la durée) состоитъ въ «послѣдовательности качественныхъ измѣненій, которыя сливаются и проникаютъ другъ друга, не давая ясныхъ очертаній и безъ всякаго стремленія къ внѣшнему проявленію однихъ по отношенію къ другимъ, а также безъ всякаго родства съ числами» (*Бергсонъ*). — Вѣчное теченіе, войдя въ человѣческое существо, выражается въ немъ въ видѣ жизни, души, свободы, которыя сами являются источниками творчества. *Бергсонъ* убѣжденъ въ существованіи души независимой отъ мозга, хотя и находящейся съ нимъ въ извѣстномъ соотношеніи. Онъ пришелъ къ этому выводу послѣ очень подробнаго изслѣдованія памяти. Случаи частичной потери послѣдней, разработанные въ медицинѣ, убѣдили его въ томъ, что они не находятся въ опредѣленной зависимости отъ данныхъ поврежденій мозга. Потеря памяти собственныхъ именъ, напримѣръ, наблюдалась врачами при болѣзняхъ самыхъ различныхъ отдѣловъ мозговой коры. Къ тому же воспоминаніе далеко не есть ослабленное воспріятіе. Если бы это было такъ, то воспріятіе тихаго звука могло бы легко быть принято за воспоминаніе громкаго звука, чего однако же не бываетъ въ дѣйствительности. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній *Бергсонъ* приходитъ къ выводу, что «память есть нѣчто иное, чѣмъ простое отправленіе мозга; между воспріятіемъ и воспоминаніемъ разница не въ степени, а въ самой природѣ. Память переноситъ насъ въ настоящую область духа» (*Жиллуенъ*, стр. 21).

---

[1]) *Bergson*. Evolution créatrice.—Предисловіе.

Душа, познаваемая посредствомъ интуиціи, составляетъ часть мірового теченія. Она постоянно творитъ и стремится къ творчеству, подобно, тому какъ «созидательный духъ» никогда не останавливается, а вѣчно мѣняетъ и переливаетъ одни состоянія въ другія. Я присутствовалъ на заключительной лекціи *Бергсона* въ Collége de France въ этомъ году, въ которой онъ далъ общій очеркъ своего ученія «о созидательной эволюціи» (Evolution créatrice). По его «интуиціи», міровой геній (онъ его не назвалъ Богомъ) представляется ему въ видѣ ненасытнаго художника, который творитъ исключительно ради удовлетворенія своей потребности къ творчеству и къ вѣчной перемѣнѣ. Онъ нисколько не заботится о людяхъ, о ихъ счастіи и бѣдствіяхъ. Онъ скорѣе подобенъ композитору, который сочиняетъ музыку, слѣдуя своему созидательному инстикту, помимо всякаго интереса и независимо отъ житѣйскихъ дѣлъ. *Бергсонъ* сослался на пасторальную симфонію *Бетховена,* какъ на высшее выраженіе теченія души въ человѣческомъ творчествѣ. Такъ какъ «созидательная эволюція» никогда не прекращается, то ясно, что она далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

Я вкратцѣ изложилъ главное содержаніе «новой философіи» поскольку я ее смогъ понять и усвоить. Я не имѣю ни малѣйшей претензіи на полноту, тѣмъ болѣе, что я даже не прочиталъ всѣхъ сочиненій *Бергсона,* языкъ которыхъ мнѣ просто не по силамъ. Если же я все-таки рѣшаюсь говорить о ней, то это единственно въ виду ея отношенія къ вопросамъ, которые представляютъ для меня особенный интересъ и относительно которыхъ я имѣлъ случай переговорить лично съ *Бергсономъ.*

Интуиція, составляющая исходную точку опоры новой философіи, есть тотъ самый процессъ, который иногда испытываютъ ученые во время ихъ творческой дѣятельности. Въ этомъ меня удостовѣрилъ *Бергсонъ* послѣ того, какъ я ему привелъ нѣкоторые хорошо мнѣ извѣстные примѣры. Большею частью открытія дѣлаются вслѣдствіе логическаго обдумыванія интересующаго вопроса, идя шагъ за шагомъ за ходомъ мысли. Приходится перепробовать разные пути, прежде чѣмъ удастся вступить на надлежащій. Но гораздо рѣже случается, что умъ внезапно осѣняется новой мыслью, лишь отдаленно связанной съ предыдущими разсужденіями. Это является признакомъ геніальности и наблюдается въ видѣ исключенія. Возьмемъ для примѣра разсказъ только что скончавшагося знаменитаго *Пуанкаре* о томъ, какъ, будучи еще очень молодымъ, онъ дѣлалъ свои главныя открытія. «Въ теченіе двухъ недѣль,—говоритъ онъ,—я силился доказать, что невозможна никакая функція

подобная тѣмъ, которыя я впослѣдствіи назвалъ фуксовскими. Въ то время я еще былъ очень несвѣдущъ. Каждый день я садился за работу, проводилъ за ней часъ или два, но несмотря на то, что я перепробовалъ множество комбинацій, всѣ усилія оказывались тщетны. Однажды вечеромъ, противъ моего обыкновенія, я напился чернаго кофе, что мнѣ помѣшало заснуть: мысли стали рождаться во множествѣ; я чувствовалъ какъ онѣ сталкивались между собою до тѣхъ поръ, пока двѣ изъ нихъ какъ бы сцѣпились и образовали стойкое соединеніе. На слѣдующее утро я открылъ существованіе ряда фуксовскихъ функцій... послѣ чего мнѣ осталось только проредактировать выводы, что отняло всего нѣсколько часовъ». Другой разъ, отправляясь на геологическую экскурсію и вовсе не думая о математикѣ, онъ собирался сѣсть въ омнибусъ. «Въ ту минуту, когда я поднимался на ступеньку, мнѣ пришло въ голову,—говоритъ онъ,—несмотря на то, что я къ тому совершенно не былъ подготовленъ предыдущими размышленіями, что пріемы, которые я употреблялъ для опредѣленія фуксовскихъ функцій, были тождественны съ пріемами не-Эвклидовой геометріи». Въ этихъ примѣрахъ созидательная работа мысли совершалась безсознатнльно, чтобы потомъ вдругъ, подъ вліяніемъ какого-нибудь возбужденія, всплыть наружу и сдѣлаться сознанной. И во снѣ приходятъ новыя мысли, оказывающіяся иногда вѣрными, хотя большей частью онѣ бываютъ нелѣпы. И интуиція наяву, несмотря на геніальность ея возникновенія, не непремѣнно отгадываетъ истину. *Пуанкаре* долженъ былъ провѣрить его вдохновенныя мысли математической логикой, прежде чѣмъ признать ихъ правильность. Я не могу судить о его математическихъ работахъ, но внѣ ихъ, несмотря на свою несомнѣнную геніальность, онъ былъ не непогрѣшимъ. Защищая превосходство классической системы образованія, онъ утверждаетъ, что «большинство ученыхъ, не слѣдовавшихъ ей, сожалѣютъ объ этомъ». Въ этомъ примѣрѣ его интуиція обманула. Еще недавно извѣстный физико-химикъ *Оствальдъ*[1]) въ своей книгѣ о великихъ людяхъ настаивалъ на томъ, что многіе изъ числа первоклассныхъ ученыхъ радовались, что имъ не пришлось мучиться надъ изученіемъ древнихъ языковъ. Самъ *Оствальдъ*—рѣшительный противникъ классической системы. Общеизвѣстно, что *Дарвинъ* (мысли котораго о происхожденіи видовъ, сказать мимоходомъ, безконечно геніальнѣе «созидательной эволюціи» *Бергсона)* былъ очень доволенъ тѣмъ, что не зналъ классическихъ языковъ. Я могъ бы привести не мало примѣровъ въ

[1]) Les grands hommes. Французское изданіе, 1912 г.

томъ же родѣ. Но можно возразить, что интуиція даетъ вѣрные результаты лишь въ области, къ которой данное лицо имѣетъ спеціальное призваніе, и что *Пуанкаре,* геніальный математикъ, былъ болѣе чуждъ вопросовъ педагогики. Но другой французскій геній, *Пастёръ,* интуиція котораго повела къ величайшимъ открытіямъ, ошибался иногда и въ своей спеціальной области (напр., теорія пріобрѣтенной невоспріимчивости). Нерѣдки теоріи, геніальныя по своему построенію и однакоже не соотвѣтствующія дѣйствительности. *Бергсонъ* указываетъ на родство интуиціи съ инстинктомъ. Но вѣдь и инстинкты бываютъ иногда вредными и нецѣлесообразными.

Зависимость интуиціи отъ матеріи не подлежитъ сомнѣнію. Въ примѣрѣ *Пуанкаре* мы видѣли вліяніе возбуждающаго напитка (чернаго кофе) на пробужденіе творчества. *Бергсонъ* ссылается на музыкальную композицію, какъ на высшее свободное проявленіе творческаго взмаха (élan créateur). Но и въ музыкѣ нельзя не видѣть вліянія матеріальныхъ факторовъ. У птицъ, какъ это всѣмъ извѣстно, пѣніе есть прямое проявленіе полового чувства. Поютъ самцы, притомъ въ періодъ половой дѣятельности. И у людей нельзя не видѣть роли того же фактора. Прежде всего замѣтимъ, что музыкальный геній (какъ и геніальность вообще) составляетъ вторичный половой признакъ, подобно физической силѣ, усамъ и бородѣ. Несмотря на то, что женщинъ, умѣющихъ играть, значительно больше, чѣмъ мужчинъ, тѣмъ не менѣе музыкальное творчество ихъ ограничивается вообще небольшими пьесами въ родѣ романсовъ. Чрезвычайно рѣдки болѣе крупныя музыкальныя произведенія, вышедшія изъ-подъ пера женщинъ, да и среди нихъ нѣтъ выдающихся. Во всякомъ случаѣ исключенія въ видѣ женщинъ съ усами и бородой несравненно многочисленнѣе, чѣмъ женщины-композиторши. Всѣ геніальныя музыкальныя творенія вышли изъ головы мужчинъ, подобно тому, какъ пѣсни птицъ суть произведенія самцовъ. Вліяніе полового чувства на музыкальную дѣятельность мужчинъ легко усмотрѣть изъ исторіи творчества великихъ произведеній музыки. Возьмемъ для примѣра «Тристана и Изольду» *Вагнера,* которая многими цѣнителями считается лучшей его оперой. *Вагнеръ* писалъ значительную часть ея въ то время, когда онъ былъ пламенно влюбленъ въ молодую замужнюю женщину, госпожу Везендонкъ. Любовь ихъ, сдерживаемая долгомъ жены по отношенію къ мужу, возросла до высшаго предѣла. По словамъ біографа [1]), *Вагнеръ* не могъ «обойтись

1) *E. Schuré.* Femmes inspiratrices, Paris, 1909, стр. 18 и слѣд.

безъ госпожи Везендонкъ во время своей работы. Она должна была приходить къ нему, чтобы высиживать (couver) его мелодіи, что поглощало ее почти всецѣло. Съ тѣхъ поръ невысказанная любовь паритъ между ними подобно тончайшему эѳиру, составляя ихъ атмосферу и превращаясь въ ихъ взглядахъ, когда они встрѣчались, въ магнитный токъ». Вотъ какъ самъ *Вагнеръ* въ своихъ запискахъ воспоминаетъ объ этомъ времени. «Ровно годъ тому назадъ я кончилъ поэму Тристана и принесъ тебѣ его послѣднее дѣйствіе. Ты проводила меня до стула возлѣ дивана, ты поцѣловала меня и сказала: теперь я больше ничего не желаю. Въ этотъ день, въ этотъ часъ я родился вновь. Все, что было раньше, можетъ быть названо *до жизни*, а то, что было послѣ,—*послѣ жизни*. Я никогда не жилъ, кромѣ какъ въ этотъ чудный мигъ». Исторія этой любви находитъ свой отголосокъ въ страсти Тристана и Изольды. Романъ *Вагнера* съ Везендонкъ «произвелъ двухъ безсмертныхъ дѣтей: Тристана и Изольду» (Шюрѐ, стр. 23). Когда любовь первыхъ была раскрыта и имъ пришлось разстаться, свиданья были затруднены, и работа *Вагнера* оттого пострадала. Если бы сохранились подобныя данныя относительно другихъ великихъ музыкальныхъ произведеній, то я думаю, что и въ ихъ зарожденіи нашлась бы такая же романическая подкладка. Связь музыкальнаго генія съ половымъ чувствомъ не подлежитъ сомнѣнію. Труднѣе опредѣлить внутренній механизмъ этой связи, что неудивительно въ виду несовершенства нашихъ знаній. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ и соображеній я думаю, что тутъ играетъ роль сокъ предстательной железы (простаты). Будучи возбудителемъ сѣменныхъ тѣлецъ, онъ, по всей вѣроятности, способенъ возбуждать и мозговыя клѣтки. То, что въ геніальномъ открытіи *Пуанкаре* сдѣлала чашка кофе, во вдохновеніи Тристана должно было быть сдѣлано простатической жидкостью, усиленно выдѣленной подъ вліяніемъ близости молодой и красивой женщины (какова была госпожа Везендонкъ). Быть можетъ, увеличенное развитіе предстательной железы въ старости (такъ наз. простатическая аденома), подобно старческому увеличенію размѣровъ сердца, есть благотворная реакція организма для противодѣйствія одряхленію. Въ настоящемъ состояніи науки врядъ ли возможно въ точности провѣрить эту гипотезу (о роли простаты въ развитіи геніальности), интуитивный характеръ которой нисколько не гарантируетъ ея достовѣрности. Также невозможно и установить надлежащимъ образомъ характеръ связи между нервными клѣтками и памятью, что препятствуетъ принятію мнѣнія *Бергсона* о независимости памяти отъ матеріи и о существованіи самостоятельной души.

Но допустимъ, что всѣ сдѣланныя возраженія несостоятельны и что новая философія вѣрна. Допустимъ, что истина можетъ быть познаваема посредствомъ одной интуиціи, что въ силу этого дѣйствительно существуетъ вѣчное симфоническое теченіе, творящее жизнь; что душа независима отъ тѣла и что творческій геній удовлетворяетъ себя постоянной смѣной своихъ проявленій, не заботясь о радостяхъ и горестяхъ человѣчества, какъ это учитъ *Бергсонъ*. Объясняетъ ли подобная гипотеза то необыкновенное увлеченіе, которое она вызываетъ въ публикѣ? Видя, съ какой жадностью ловитъ послѣдняя всякое слово учителя, можно удивляться тому интересу, который она стала проявлять къ метафизикѣ. Многіе думаютъ, что это объясняется просто модой и нѣкоторымъ снобизмомъ, влекущимъ публику въ душную аудиторію Collège de France въ силу безотчетнаго стаднаго чувства. Я не раздѣляю этого мнѣнія и увѣренъ, что причина увлеченія кроется гораздо глубже. Потребность въ утѣшеніи противъ горестей человѣческой жизни несомнѣнно очень велика. Между тѣмъ профессіональныя религіи *уже* многихъ не удовлетворяютъ; наука же *еще* не дошла до этого удовлетворенія. При такихъ условіяхъ въ высшей степени желательно найти какой-нибудь исходъ изъ этого положенія. Если бы было доказано, что существуетъ душа, независимая отъ тѣла, то оказалось бы возможнымъ повѣрить въ ея безсмертіе, что было бы уже великимъ шагомъ къ утѣшенію въ горѣ. Когда сдѣлалось общепринятымъ, что *Бергсонъ* геніальнѣйшій философъ нашего времени, что онъ возстановилъ метафизику и доказалъ существованіе независимой отъ тѣла души и наличность творческаго духа, то всѣ пошли слушать его, тѣмъ болѣе, что онъ считается превосходнымъ ораторомъ. Многіе не утомляясь слѣдятъ за его лекціями, большею частью не понимая сказаннаго, но въ ожиданіи, что *Бергсонъ* наконецъ сообщитъ радостную вѣсть. Я спрашивалъ нѣсколькихъ лицъ изъ числа посѣтителей этого курса метафизики, достаточно ли они понимаютъ содержаніе лекціи. Всѣ безъ исключенія признались, что нѣтъ. Среди нихъ оказалась интеллигентная женщина, въ короткое время потерявшая единственную дочь и мужа. Первое время послѣ этого несчастья она не знала, какъ она сможетъ жить. Сначала она кинулась въ объятія спиритизма, но вскорѣ отшатнулась отъ него и сдѣлалась ревностной посѣтительницей Collège de France въ надеждѣ найти утѣшеніе. На одномъ многолюдномъ собраніи, на которомъ я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ *Бергсономъ*, многіе изъ присутствовавшихъ заинтересовались нашей бесѣдой. Одна изъ нихъ, извѣстная французская поэтесса, спросила его въ упоръ, признаетъ ли онъ без-

смертіе души, такъ какъ и она, и многія другія слушательницы посѣщаютъ его лекціи въ надеждѣ найти доказательство этого. Со свойственной ему серьезностью, простотой и откровенностью *Бергсонъ* отвѣтилъ буквально слѣдующее: «я увѣренъ въ существованіи души и думаю, что безсмертіе ея возможно и даже вѣроятно (possible et même probable), но дальше этого я не иду. Быть можетъ, со временемъ, когда я глубже проникну въ сущность вопроса, я буду въ состояніи дать болѣе опредѣленный отвѣтъ». Сколько я знаю, *Бергсонъ* трудится теперь надъ вопросами объ эстетическомъ и моральномъ проявленіи души.

Видя, что и посѣтители нашего собранія, и я въ томъ числѣ особенно заинтересованы мнѣніемъ *Бергсона* по вопросу о жизни и смерти, я заговорилъ съ нимъ объ этомъ, сославшись на слѣдующую фразу изъ его послѣдней книги: «животное беретъ свою точку опоры въ растеніи, человѣкъ опирается на животномъ мірѣ и все человѣчество, въ пространствѣ и времени, составляетъ огромное войско, скачущее рядомъ съ каждымъ изъ насъ, впереди и позади насъ, увлекаясь въ нападеніи, способномъ опрокинуть всякую защиту и преодолѣть много препятствій, даже, быть можетъ, смерть» [1]). Несмотря на туманное изложеніе, въ ней можно было усмотрѣть намекъ на какое-то рѣшеніе вопроса о смерти, этой главнѣйшей задачи человѣческаго ума. Такъ, очевидно, поняли и почитатели *Бергсона*, такъ какъ эта фраза приводится во всѣхъ книгахъ и статьяхъ о его ученіи. Въ отвѣтъ на мой вопросъ *Бергсонъ* сказалъ, что до сихъ поръ онъ очень мало думалъ о смерти и что въ приведенной фразѣ не заключается ничего опредѣленнаго, что со временемъ онъ займется этимъ вопросомъ и что считаетъ смерть «очень интереснымъ экспериментомъ».

Не успокоившись на этомъ, видя, что ни прагматизмъ *Джемса*, ни космизмъ *Эйкена*, ни метафизика *Бергсона* не высказываются опредѣленно о смерти, я сталъ искать дальше выраженія современныхъ взглядовъ на нее, чтобы составить себѣ понятіе о новѣйшемъ теченіи для разрѣшенія одного изъ главнѣйшихъ вопросовъ человѣческой мысли. Больше литераторъ, чѣмъ философъ, признанный однимъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ писателей, *Метерлинкъ* подробно высказалъ свой взглядъ на смерть въ рядѣ статей [2]), которыя вскорѣ должны быть собраны въ книгу. Писатель этотъ пользуется такой популярностью, что на него можно смотрѣть какъ на выразителя мнѣнія, съ которымъ навѣрно многіе

---

[1]) L'évolution créatrice, стр. 293, 294.

[2]) Le Figaro, 1—6 августа, 1911.

будутъ согласны. Подобно *Эйкену*, *Метерлинкъ* былъ недавно награжденъ Нобелевской премiей [1]). Къ тому же онъ интересуется точнымъ знанiемъ, какъ это видно изъ его сочиненiй о пчелахъ и о цвѣтахъ.

Боязнь смерти *Метерлинкъ* приписываетъ главнымъ образомъ сознанiю неизвѣстности о томъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ. «Остается лишь одна причина страха смерти,—говоритъ онъ,—боязнь неизвѣстности, въ которую она насъ повергаетъ». Найдя неудовлетворительными всѣ попытки разрѣшить этотъ вопросъ, онъ самъ старается разгадать его и найти успокоительный отвѣтъ. Онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы послѣ смерти сохранилось сознанiе нашей личности, хотя онъ и признаетъ, что это составляетъ наше главное желанiе. «Мнѣ совершенно безразлично, говоритъ себѣ наше я, ограниченное и упорное въ своемъ непониманiи, чтобы самыя возвышенныя, самыя свободныя и самыя прекрасныя черты моего духа жили вѣчной жизнью и свѣтились въ высшемъ блаженствѣ; онѣ уже не мои, и я ихъ поэтому не признаю. Смерть перерѣзала сплетенiе нервовъ или воспоминанiй, связанныхъ съ какимъ-то центромъ, въ которомъ находится точка, дающая ощущенiе моего цѣльнаго я. Будучи оторванными отъ меня и блуждающими въ пространствѣ и времени, судьба этихъ лучшихъ чертъ мнѣ такъ же чужда, какъ и судьба самыхъ отдаленныхъ звѣздъ» (*Метерлинкъ*, третiй фельетонъ).

Но если, съ одной стороны, невозможно допустить переживанiе за гробомъ сознанiя нашей личности, то, съ другой стороны, немыслимо и полное уничтоженiе. «Мы—узники безконечности безъ выхода, гдѣ ничто не пропадаетъ, но гдѣ все разсѣивается не уничтожаясь. Ни тѣло, ни мысль не могутъ затеряться внѣ мiра, внѣ времени и пространства. Ни одинъ атомъ нашей плоти, ни одна вибрацiя нашихъ нервовъ не уйдутъ туда, гдѣ ихъ не будетъ, такъ какъ нѣтъ мѣста, гдѣ не было бы ничего». «Для того, чтобы истребить что-либо, т.-е. чтобы отбросить его въ ничто, нужно, чтобы это ничто могло существовать; но если оно существуетъ въ какой бы то ни было формѣ, то значитъ, что оно уже не есть ничто» (2-й фельетонъ).

Итакъ, съ одной стороны, послѣ смерти сознанiе моего я не

---

[1]) Если я дважды ссылаюсь на эту премiю, то дѣлаю это вовсе не потому, чтобы считалъ присужденiе ея доказательствомъ выдающагося достоинства награждаемыхъ произведенiй. Какъ все человѣческое, и Нобелевскiе комитеты не непогрѣшимы. Достаточно указать, что ни *Толстой*, ни *Бертло*, ни *Пуанкаре*, ни д-ръ *Ру* не были удостоены ея, несмотря на многократныя предложенiя въ этомъ смыслѣ. Присужденiе этихъ премiй указываетъ однако же на большое распространенiе награждаемыхъ произведенiй.

удерживается, но не испытываетъ уничтоженія. Что же съ нимъ происходитъ тогда по мнѣнію *Метерлинка?* «Смерть, — говоритъ онъ,—есть форма жизни, которую мы еще не можемъ понять. Будемъ же смотрѣть на нее какъ на рожденіе и стараться, чтобы радостное ожиданіе, которымъ привѣтствуютъ послѣднее, сопровождало и нашу мысль на ступеняхъ гроба». Приготовленіе къ этому должно быть лучшимъ содержаніемъ нашей жизни. «Худшее изъ того, что насъ можетъ встрѣтить за гробомъ, это сонъ безъ сновидѣній, т.-е. то, что на землѣ относится къ числу величайшихъ благъ; но вѣроятнѣе, что мысль переживетъ, съ тѣмъ чтобы слиться съ міровой сущностью, т.-е. съ безконечностью. Если это послѣднее не есть море безразличія, то оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ океаномъ радости». «Если кажется невѣроятнымъ, чтобы движеніе, вибрація, лучеиспусканіе остановились или исчезли, то почему бы исчезла мысль?» «И если мы пріобрѣли наше теперешнее сознаніе, то почему невозможно пріобрѣсти новое?» Если наше сознаніе зародилось и пышно развилось послѣ нашего рожденія, «то почему не допустить, что гораздо болѣе новая, болѣе невѣдомая, болѣе обширная и болѣе плодотворная среда, въ которую мы перейдемъ послѣ этой жизни, еще болѣе не видоизмѣнитъ насъ?» «Можно легко допустить, что нашъ духъ, освобожденный отъ тѣла, или сразу сольется съ безконечностью, или же постепенно разовьется, чтобы избрать себѣ новую субстанцію, и, не ограниченный пространствомъ и временемъ, будетъ постоянно возрастать. Очень возможно, что наши высшія теперешнія пожеланія станутъ закономъ нашего будущаго развитія» (4-й фельетонъ). Во всякомъ случаѣ наше будущее существованіе можетъ быть только лучше настоящаго, такъ какъ оно совершится въ безконечности; оно «не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ блаженства». Хотя многіе изъ числа вопросовъ о будущей жизни не могутъ быть разрѣшены, но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы существованіе за гробомъ, въ видѣ ли полнаго сліянія съ безконечностью, или въ какомъ-либо иномъ, не было новой формой безконечнаго счастія.

Та часть соображеній *Метерлинка*, въ которой онъ признаетъ невозможность безсмертія сознанія нашей личности, не допускаетъ никакихъ возраженій. Это сознаніе, столь тѣсно связанное съ нашей нервной системой, не можетъ существовать не только, когда ея болѣе нѣтъ, когда она превращена въ какую-то кашу, но даже когда въ ней нарушено нормальное кровообращеніе, какъ это бываетъ въ глубокомъ снѣ, въ обморокѣ или подъ вліяніемъ хлороформа и другихъ наркотическихъ средствъ. Такъ же справедливо

утвержденіе *Метерлинка*, что ничто не можетъ исчезнуть. Но совершенно недопустимо его мнѣніе, что послѣ смерти наше теперешнее сознаніе можетъ обратиться въ другую сознательную форму. До нашего рожденія и столь часто на пути нашей жизни сознаніе отсутствуетъ, не превращаясь ни во что другое, нами какимъ бы то ни было образомъ вѣдомое. Даже то видоизмѣненіе нашего сознанія, которое мы воспринимаемъ въ сновидѣніяхъ, намъ большею частью непріятно, такъ какъ оно обусловливается нарушеніемъ правильной дѣятельности мозга. Безъ послѣдняго же для насъ наступаетъ именно ничто, которое хотя и превращается въ природѣ въ нѣчто, но въ столь же отличное отъ сознанія, какъ нашъ мозгъ, нормально функціонирующій, отличается отъ мозга, превращеннаго въ культуру гнилостныхъ бактерій или въ содержимое кишечнаго канала трупныхъ насѣкомыхъ.

Люди, привыкшіе къ научному мышленію, не удовлетворятся вышеприведенными попытками рѣшенія основного вопроса жизни, т.-е. вопроса о смерти. Несмотря на то, что наука не беретъ на себя смѣлости теперь же окончательно разрѣшить эту задачу, она тѣмъ не менѣе позволяетъ себѣ строить гипотезы, способныя руководить ею въ преслѣдованіи ея цѣли. Къ тому же она собираетъ матеріалы, необходимые для этого. Въ этомъ отношеніи особенно важно подробное знакомство съ чувствами и ощущеніями, которыя испытываютъ люди въ продолженіе своей жизни и которыя касаются жизни и смерти. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть интересной исторія развитія міровоззрѣнія человѣка, задавшагося цѣлью найти ключъ къ раціональному пониманію жизни и къ рѣшенію столь полнаго противорѣчіями вопроса о смерти. Въ виду этого я и рѣшаюсь предложить читателю рядъ статей, написанныхъ за долгій періодъ отъ 1870 по 1909 годъ.

Въ первомъ очеркѣ, озаглавленномъ: «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія» (Вѣстникъ Европы, 1871), пессимистически настроенный, еще очень молодой авторъ развиваетъ ту основную мысль, что человѣческій организмъ устроенъ настолько дурно, что приспособленіе его къ окружающимъ условіямъ является чрезвычайно труднымъ или даже вовсе невозможнымъ. Это несоотвѣтствіе особенно рѣзко проявляется въ дѣтскомъ организмѣ.

Та же мысль проповѣдывается и въ статьѣ: «Возрастъ вступленія въ бракъ» (Вѣстникъ Европы, 1874). Въ ней отмѣчается дисгармонія въ развитіи функцій, связанныхъ съ половой зрѣлостью и съ брачной жизнью. Первая развивается значительно раньше, чѣмъ способность къ послѣдней, откуда цѣлый рядъ тяжелыхъ послѣдствій и противорѣчій.

Выводы первыхъ двухъ очерковъ, на частныхъ примѣрахъ показывающихъ несообразность человѣческой организаціи, обобщаются въ статьѣ: «Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу» (Вѣстникъ Европы, 1877), въ которой дается почувствовать, что послѣдняя устроена настолько скверно, что, въ сущности, жить не стоитъ.

Съ другой стороны, къ тому же выводу приводитъ и очеркъ: «Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ» (Вѣстникъ Европы, 1878). Въ немъ развивается мысль, что побѣда въ этой борьбѣ достается вовсе не высшимъ представителямъ человѣчества, а наиболѣе практическимъ, не стѣсняющимся въ средствахъ.

Такимъ образомъ въ первыхъ четырехъ очеркахъ молодымъ авторомъ проводится, подъ прикрытіемъ научныхъ пріемовъ и подчасъ въ отдающей профессорскимъ педантизмомъ формѣ, пессимистическая точка зрѣнія на жизнь, основанная на дисгармоничности самой природы человѣка. Еще въ древности пытались основать принципъ нравственности на жизни, сообразной съ природой. Но такъ какъ послѣдняя заключаетъ изъянъ въ самомъ корнѣ, то неудивительно, что на ней невозможно воздвигнуть какую бы то ни было раціональную этику.

Между «Борьбой за существованіе» и вступительной рѣчью предсѣдателя Одесскаго съѣзда врачей и естествоиспытателей проходитъ пять лѣтъ. Авторъ вступилъ уже на высоту зрѣлаго возраста (ему пошелъ тридцать девятый годъ). Онъ не дошелъ еще до новаго міропониманія, но пессимизмъ его уже значительно поблѣднѣлъ. Онъ предчувствуетъ возможность раціональной этики, несмотря на недостатки человѣческой природы. Всю надежду онъ возлагаетъ на развитіе теоретической науки, которая одна способна вывести человѣчество на истинную дорогу.

На томъ же съѣздѣ представляется впервые, въ формѣ еще почти совсѣмъ гипотетической, попытка разрѣшить вопросъ о противодѣйствіи организма болѣзнетворнымъ вліяніямъ, исходящимъ изъ внѣшняго міра. Это первый зачатокъ «теоріи фагоцитовъ». Хотя онъ и не связанъ прямо съ вопросомъ о жизни и смерти, но онъ, тѣмъ не менѣе, находится въ логическомъ отношеніи къ нему. Для рѣшенія его очень важно уяснить сущность старости; послѣдняя же можетъ быть понята при помощи теоріи фагоцитовъ, пожирающихъ клѣтокъ, защищающихъ насъ отъ заразныхъ началъ и набрасывающихся на ослабленные элементы организма.

Разработка теоріи фагоцитовъ потребовала цѣлый періодъ жизни автора. Семь лѣтъ усиленной работы было употреблено на утвер-

жденіе устоевъ новаго ученія и на опроверженіе многочисленныхъ возраженій, сдѣланныхъ противъ него. Тѣмъ временемъ шло дальнѣйшее развитіе и организма и мысли. Юношескій пессимизмъ—настоящая болѣзнь молодости—сгладился и на его мѣсто вступилъ болѣе спокойный и радостный взглядъ на жизнь. «Инстинктъ жизни» проявился съ значительной силой. Несмотря на нецѣлесообразное устройство человѣческаго организма, возможно счастливое существованіе и раціональная этика. Послѣдняя должна заключаться не въ правилахъ жизни, сообразной съ наличной несовершенной природой человѣка, а въ нравственныхъ поступкахъ, основанныхъ на природѣ, измѣненной сообразно идеалу человѣческаго счастія. Эта проповѣдь активной дѣятельности вылилась въ формѣ критики ученія Льва Толстого, которое въ то время оказывало вліяніе на молодое поколѣніе. Статья «Законъ жизни» (Вѣстникъ Европы, 1891) была посвящена этой критикѣ.

Еще понадобилось нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ новое воззрѣніе на жизнь приняло болѣе опредѣленную и, нужно думать, окончательную форму. Въ первоначальномъ видѣ оно было изложено въ очеркѣ: «Флора нашего тѣла» (1901). Затѣмъ ему было посвящено два сочиненія: «Этюды о человѣческой природѣ» (Москва, 1903) и «Этюды оптимизма» (Москва, 1907). Въ настоящій томъ вошелъ краткій очеркъ, достаточно резюмирующій оптимистическое пониманіе жизни и смерти, подъ названіемъ: «Міросозерцаніе и медицина» (Вѣстникъ Европы, 1909). Человѣкъ, явившійся въ результатѣ длиннаго цикла развитія, носитъ на себѣ явные слѣды животнаго происхожденія. Пріобрѣвъ невѣдомую въ животномъ мірѣ степень умственнаго развитія, онъ сохранилъ многіе признаки, оказавшіеся ему не только ненужными, но прямо вредными. Высокое умственное развитіе обусловило сознаніе неизбѣжности смерти, а животная природа сократила жизнь вслѣдствіе хроническаго отравленія ядами, вырабатываемыми бактеріями кишечной флоры. Эта основная дисгармонія человѣческой природы можетъ быть устранена правилами раціональной гигіены, чѣмъ дается возможность человѣку прожить полный и счастливый циклъ жизни, заканчивающейся спокойной естественной смертью. Это и есть такъ называемый *ортобіозъ*, на который можно смотрѣть какъ на цѣль раціональнаго человѣческаго существованія.

Задача этики сводится къ тому, чтобы предоставить наибольшему количеству людей возможность достигнуть цѣли ихъ жизни, т.-е. провести весь циклъ ихъ раціональнаго существованія вплоть до естественнаго конца. Пока однако же до этого еще далеко. Теперь только намѣчаются правила, которымъ должно слѣдовать для

достиженія этого идеала. Для полной разработки ихъ необходима дальнѣйшая научная дѣятельность, которой нужно дать самый широкій просторъ. Можно заранѣе предсказать, что со временемъ жизнь должна будетъ во многихъ случаяхъ сложиться иначе, чѣмъ теперь. Ортобіозъ требуетъ трудолюбивой, здоровой, умѣренной жизни, чуждой всякой роскоши и излишествъ. Нужно поэтому измѣнить существующіе нравы и устранить крайности богатства и бѣдности, отъ которыхъ теперь проистекаетъ такъ много страданій.

Со временемъ, когда наука устранитъ современныя бѣдствія, когда можно будетъ не трепетать за здоровье и благополучіе близкихъ, когда собственная жизнь станетъ протекать нормально, человѣкъ подымется на болѣе высокую ступень и легче, чѣмъ теперь, отдастся служенію самыхъ возвышенныхъ цѣлей. Тогда искусство и теоретическая наука займутъ то подобающее имъ мѣсто, котораго онѣ лишены теперь благодаря множеству заботъ.

Нужно надѣяться, что люди поймутъ свою настоящую пользу и станутъ содѣйствовать успѣхамъ ортобіоза. Для этого потребуется много труда и немало самопожертвованія, которые облегчатся сознаніемъ дѣятельности къ достиженію истинной цѣли человѣческаго существованія.

Ил. Мечниковъ.

Парижъ, $\frac{\text{3 сентября}}{\text{21 августа}}$ 1912.

Предисловіе ко второму изданію.

Потребность въ новомъ изданіи предлагаемой читателю книги не находится ли въ противорѣчіи съ все сильнѣе дающимъ себя чувствовать повсемѣстно противодѣйствіемъ научному міровоззрѣнію? Въ Россіи это противодѣйствіе выражается стремленіемъ къ мистицизму. Многіе русскіе обижаются когда имъ говорятъ о «богоискательствѣ», увѣряя, что такого искательства больше нѣтъ, что оно уже привело къ желанной находкѣ. Даже въ гораздо болѣе положительной Франціи за послѣднее время все громче раздаются голоса противниковъ положительной философіи, возникшей и развившейся главнымъ образомъ на французской почвѣ. Въ этомъ движеніи нельзя не видѣть признака какого-то тревожнаго состоянія, способнаго привлечь къ себѣ особенное вниманіе.

Есть ли возможность ближе опредѣлить это настроеніе и провѣрить его справедливость и умѣстность? Не подлежитъ сомнѣнію, что недовольство судьбой и всякаго рода страданія заставляютъ людей искать утѣшенія въ вѣрѣ. Наивные люди ищутъ въ монастыряхъ убѣжища отъ всякаго рода горестей въ жизни. Всѣмъ памятна исторія Лизы Тургенева (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»), ушедшей въ обитель отъ неудовлетворенной любви. Такихъ примѣровъ не мало и теперь. Но тутъ дѣло касается признанныхъ или непризнанныхъ религій. Очень многіе, не удовлетворяясь ими, все же ищутъ утѣшенія въ вѣрѣ. Тѣ, которые надѣялись на перестройку общественной жизни на принципахъ соціализма, видѣли въ послѣднемъ своего рода символъ вѣры, въ истинности котораго не должно было быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Событія, совершившіяся въ новѣйшее время въ Европѣ и въ Россіи, не могли однако-же не поколебать даже самыхъ отчаянныхъ фанатиковъ. Стоитъ приверженцамъ самаго рѣшительнаго соціализма подойти къ практическому осуществленію его, чтобы приблизиться къ господствующему «капиталистическому, буржуазному» строю. Я живо помню ужасъ, испытанный мирными,

трудолюбивыми гражданами въ ожиданіи соціальнаго переворота. Полвѣка назадъ, когда Бакунинъ разносилъ современное ему общественное устройство, грозя разрушить его, чтобы очистить поле для новой жизни, мнѣ приходилось часто вращаться въ кружкѣ, гдѣ онъ былъ постояннымъ членомъ. Среди насъ былъ очень извѣстный женевскій ученый, не скрывавшій своего безпокойства въ виду, какъ ему казалось, приближавшейся катастрофы. Онъ сильно горевалъ, думая о своихъ малюткахъ и о положеніи, которое ихъ ожидаетъ въ будущемъ. Я утѣшалъ его какъ могъ, увѣряя, что соціалистическая катастрофа не такъ страшна, какъ ему кажется, и что громы Бакунина мнѣ кажутся скорѣе бутафорскими. Болѣе сорока лѣтъ прошло со смерти моего друга и дѣти его, уже пожилые люди, спокойно доживаютъ свой вѣкъ въ Швейцаріи, пользуясь унаслѣдованнымъ добромъ. Самое названіе «соціализмъ» съ тѣхъ поръ очень распространилось, но подъ нимъ укрываютъ самое разнообразное содержаніе. Кто теперь не соціалистъ? Во французскомъ парламентѣ, напримѣръ, есть соціалисты солидарные (Socialistes unifiés), соціалисты независимые и радикалъ-соціалисты. Между ихъ образомъ мыслей разница очень существенная. Попытки соціалистическаго переворота во Франціи въ 1848 и 1871 годахъ повели въ обоихъ случаяхъ къ усиленной реакціи. Легко было предвидѣть, что и нѣкоторое поползновеніе къ такому перевороту въ революціонные дни въ Россіи, вмѣсто того, чтобы водворить рай на землѣ, не замедлятъ вызвать жестокую, черезъ мѣру сильную реакцію. Такъ оно разумѣется и вышло.

Въ знаменитомъ «Съ того берега» Герцена живо передано отчаяніе, послѣдовавшее послѣ неудачи іюльскихъ дней въ Парижѣ. Подобное же, если не большее отчаяніе овладѣло многими современными русскими дѣятелями въ виду того зла, къ которому привела ихъ благожелательная, вполнѣ самоотверженная дѣятельность.

Соціализмъ нерѣдко сравниваютъ съ христіанствомъ. Подобно тому, какъ послѣднее послѣ долгой борьбы одержало верхъ, такъ и соціализму пророчили и продолжаютъ пророчить окончательную побѣду. Не слѣдуетъ забывать однако же, что между христіанствомъ его основателей и тѣмъ, которое установилось на практикѣ, разница столь же велика, какъ и между разными соціализмами. Если какой-нибудь изъ послѣднихъ и восторжествуетъ когда-нибудь, то легко предвидѣть, что кромѣ названія онъ будетъ мало чѣмъ похожъ на свой первообразъ.

Разочарованіе въ религіи соціализма несомнѣнно явилось однимъ изъ факторовъ исканія какой-нибудь другой религіи, способной замѣнить первую. Нѣкоторые юноши изъ числа тѣхъ, которые такъ

легко разставались съ жизнью, признавались, что причиной ихъ отчаянія было именно разочарованіе въ соціализмѣ. Другіе же, не доходя до такого крайняго рѣшенія, бросались въ «богоискательство», въ надеждѣ найти спасеніе въ метафизикѣ.

Я не думаю, чтобы въ современномъ душевномъ развитіи во Франціи указанный мотивъ игралъ бы такую роль, какъ въ Россіи. Разочарованіе въ первоначальномъ соціализмѣ въ мыслящихъ кругахъ здѣсь совершилось давно, послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ соціалистическаго переворота. Идеализмъ сороковыхъ годовъ во Франціи вскорѣ замѣнился усиленнымъ скептицизмомъ, поведшимъ къ столь сильно развившемуся карьеризму. Мнѣ кажется, что замѣчаемый поворотъ среди французской молодежи объясняется другими побужденіями. Въ основѣ французскаго характера очень большую роль играетъ замѣченная еще Тацитомъ любовь къ активной борьбѣ или попросту воинственность. Несмотря на свое умственное превосходство и необыкновенную талантливость, французы несомнѣнно самый воинственный изъ европейскихъ народовъ. Они упиваются воспоминаніями объ одержанныхъ нѣкогда побѣдахъ и до сихъ поръ больше всего преклоняются передъ Наполеономъ первымъ. Ихъ чувство чести національной, семейной и личной, развито въ чрезвычайной степени. Нигдѣ не бываетъ столько дуэлей изъ-за ничтожныхъ предлоговъ, какъ во Франціи. Потребность воевать и побѣждать у нихъ ненасытна; изъ-за нея они постоянно расширяютъ свои колоніальныя владѣнія и наслаждаются побѣдой даже какого-нибудь дагомейскаго царька, въ родѣ Беганзина. Въ самыхъ распространенныхъ календаряхъ почти каждый день отмѣчается какой-нибудь французской побѣдой, между тѣмъ какъ о ихъ пораженіяхъ большей частью умалчивается.

При такомъ настроеніи разгромъ 1870 года былъ для французовъ ударомъ, болѣе чувствительнымъ, чѣмъ бы онъ могъ быть при равныхъ условіяхъ для какого бы то ни было другого народа. Полученная рана вскрывается и по сю пору, лишь поверхностно заживая по временамъ. Вскорѣ послѣ заключенія франкфуртскаго мира, въ виду полной невозможности отместки, «реванша», многіе передовые французы направили свои стремленія въ сторону миролюбивой дѣятельности. Полагая, что пораженіе было обусловлено недостаточнымъ распространеніемъ образованія въ народѣ, они съ жаромъ принялись за устройство народныхъ школъ и стали по возможности содѣйствовать просвѣщенію. Отсюда преклоненіе предъ умственнымъ прогрессомъ, культъ науки и искусства, заслонившій на время воинственный пылъ. Въ заброшенныхъ раньше высшихъ учебныхъ заведеніяхъ стали устраивать новыя образцовыя лабораторіи. Живымъ сви-

дѣтельствомъ этого направленія могутъ служить монументальныя зданія новой Сорбонны и медицинскаго факультета въ Парижѣ. Подъемъ стремленія къ высшимъ сферамъ умственной дѣятельности выразился въ неслыханномъ до того развитіи идеи общечеловѣчности и чувства международной солидарности. Четверть вѣка назадъ «напоминаніе о прошедшей военной славѣ считалось преступленіемъ противъ Франціи». Извѣстный профессоръ философіи Жакобъ, преподававшій этику въ женской нормальной школѣ въ Севрѣ, высказался въ то время слѣдующимъ образомъ: «Если нашей родинѣ суждено сыграть блестящую роль въ мірѣ, то это можетъ совершиться посредствомъ науки, искусства, изящныхъ промысловъ, избраннаго вкуса, великодушія въ обращеніи, словомъ, въ силу нашего гостепріимнаго характера; но я не вижу ничего въ будущемъ помимо средствъ миролюбивыхъ» [1]). Высшими выразителями интеллектуальнаго направленія во Франціи второй половины прошлаго столѣтія, проповѣдывавшими настоящій культъ разума и науки, явились Ренанъ и Тэнъ.

Реакція противъ этого направленія развивалась исподволь и постепенно. Возможность опоры на союзниковъ пріободрила многихъ. Успѣхи техники автомобилизма и особенно воздухоплаванія дали новый толчокъ для пробужденія французскаго воинственнаго темперамента. Почва была подготовлена когда грубыя выходки восточныхъ сосѣдей вызвали громкій протестъ. Экспедиція военнаго судна въ Агадиръ переполнила чашу и вся Франція заговорила о войнѣ.

Въ сферѣ мысли это возрожденіе національзма нашло себѣ очень рѣзкое выраженіе. По свидѣтельству извѣстнаго литературнаго критика Эмиля Фагэ, «реакція противъ Огюста Конта, Тэна и Ренана проявилась съ гораздо большей силой, чѣмъ можно было думать. Когда о нихъ упоминаютъ, то дѣлаютъ это не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣніемъ... Общее направленіе есть вполнѣ выраженный анти-интеллектуализмъ». При такихъ условіяхъ неудивительно, что все, что содѣйствуетъ расширенію кругозора, что побуждаетъ къ миролюбивому соглашенію, считается теперь многими французами унизительнымъ и непріемлемымъ. Между прочимъ досталось и Толстому за его проповѣдь непротивленія злу и миролюбія, которая еще недавно подымалась на облака. Наоборотъ, все, что клонитъ къ усиленію энергичной дѣятельности, прославляется, какъ новое слово. Отсюда культъ спорта, который развился во Франціи въ небывалой прежде степени. Президентъ всеобщаго союза парижскихъ студентовъ (Association gênérale des étudiants) заявилъ недавно, что

---

[1]) Цитировано у Agathon: Les jeunes gens d'aujourd'hui. Paris 1913, стр. 23.

французская молодежь полна желанія проявить свой героизмъ и что война должна служить эстетическимъ идеаломъ энергіи и силы. Французскій писатель Агатонъ, написавшій надѣлавшую большого шума книгу о французскомъ юношествѣ, книгу, награжденную Монтіоновской преміей французской академіи, дополняетъ собранныя имъ свѣдѣнія слѣдующими комментаріями. «Война, по мнѣнію современной молодежи, побуждаетъ къ проявленію самыхъ благородныхъ человѣческихъ добродѣтелей, которыя она ставитъ всего выше: «къ энергіи, самообладанію, къ самопожертвованію ради высшей цѣли». Одна англійская писательница, смущенная воинственнымъ настроеніемъ французскаго юношества, выразилась слѣдующимъ образомъ: «тѣ самые мои друзья, которыхъ я прежде знала какъ поклонниковъ мира, какъ враговъ милитаризма и узкаго національнализма, какъ приверженцевъ Гете, Ницше и Вагнера, теперь поразительно измѣнились. Они лишь шопотомъ произносятъ прежнія слова мира и прогресса, но каждымъ словомъ, каждымъ удареніемъ голоса, каждымъ взглядомъ, даютъ почувствовать ихъ желаніе войны». Одинъ профессоръ парижскаго лицея характеризовалъ очень мѣтко эту перемѣну настроенія новаго поколѣнія. «Въ то время какъ недавняя молодежь была *мозговою*, теперешняя сдѣлалась явно *мускульною*». (*Agathon*, стр. 280).

Подобное настроеніе должно было найти себѣ выраженіе въ религіи и философіи. Отшатнувшись отъ истиннаго знанія, которое проповѣдуетъ миролюбивое рѣшеніе международныхъ осложненій и порицаетъ узкій національнализмъ, часть французской молодежи кинулась въ объятія католицизма. По свидѣтельству нѣсколькихъ профессоровъ лучшихъ парижскихъ лицеевъ (соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ), большинство ихъ учениковъ усердно ходятъ къ обѣдни, а меньшинство относится къ этому скорѣе симпатично. Большое количество французскихъ юношей стало искать въ новѣйшей философіи поддержки ихъ настроенію. Пренебрегая профессорами позитивистами, оно стало ломиться въ аудиторію Бергсона, находя у него подтвержденіе своихъ стремленій. Проповѣдникъ ограниченности знанія, Бергсонъ выдвигаетъ на первый планъ наитіе (интуицію), которое должно убѣдить въ независимости души отъ мозговой дѣятельности и доказываетъ наличность свободной воли. Послѣдняя должна слѣдовать внутреннему, инстинктивному побужденію, не стѣсняясь голосомъ разсудка. Бергсонизмъ выражаетъ «религію *дѣйствія, энергіи, человѣческой воли* [1]), которая такъ соотвѣтствуетъ стремленіямъ современной французской молодежи. Спрошенный со-

[1]) *I. Benda.* Une philosophie pathétique. Paris, 1913, стр. 83.

трудникомъ монархической газеты «Gaulois», Бергсонъ высказалъ слѣдующія мысли. Прежде всего онъ отнесся одобрительно къ развитію любви къ спорту, видя въ этомъ доказательство большей самоувѣренности молодого поколѣнія, по его мнѣнію, очень желательной. Бергсонъ указалъ на необходимость опровергнуть прежнее направленіе, длившееся почти сорокъ лѣтъ, которое учило, что человѣкъ есть пассивное существо, зависящее отъ среды и долженствующее подчиняться ей. «Я убѣдился въ томъ,—сказалъ Бергсонъ,—что необходимо какъ можно скорѣе реагировать противъ этихъ ложныхъ теорій, превращающихъ человѣка въ существо пассивное, безформенное, безъ почина, безъ воли... словомъ, въ какую-то вещь. Мы осуществили эту реакцію и, какъ видите, она начинаетъ приносить плоды». «Нельзя не радоваться,—такъ кончаетъ Бергсонъ свой разговоръ съ журналистомъ,—при видѣ молодежи болѣе смѣлой, болѣе предпріимчивой, болѣе сознающей свою отвѣтственность, однимъ словомъ, болѣе французской, чѣмъ предыдущія поколѣнія» (*Agathon*, стр. 285, 286).

Прослѣженное нами развитіе идей освѣщаетъ только одну часть замѣчаемаго нынѣ отступленія отъ знанія въ сторону метафизики. Не подлежитъ сомнѣнію, что это явленіе имѣетъ подъ собою и другую, притомъ болѣе глубокую почву. Не думаю, чтобы столь обширное распространеніе бергсонизма, какъ мы его теперь видимъ, зависѣло отъ убѣжденія людей въ неспособности положительной науки дать абсолютное рѣшеніе всѣхъ основныхъ задачъ, интересующихъ человѣчество. Въ этомъ отношеніи мы не раздѣляемъ взгляда Бэнды. Не думаю также, чтобы многіе мыслящіе люди отшатнулись отъ науки, потому что она не можетъ рѣшить окончательно спора о томъ, объясняются ли міровыя явленія существованіемъ атомовъ, соединяющихся между собою въ очень большомъ, хотя и не въ безконечномъ количествѣ комбинацій, или же они (явленія) объясняются допущеніемъ безпрерывной и безконечной энергіи. Навѣрно значительное большинство слушателей, томящихся въ аудиторіи Бергсона, не страдаютъ отъ неувѣренности въ существованіи или несуществованіи эѳира. Ихъ неудовлетворенность наукой должна объясняться иначе. Наука, обѣщавшая укротить человѣческія страданія, на каждомъ шагу обнаруживаетъ свою немощь. На первомъ планѣ между этими страданіями находятся страданія въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть болѣзни. Хотя медицинская наука за послѣднее полстолѣтіе совершила очень большіе успѣхи, но все же она еще безпомощна въ черезчуръ большомъ числѣ случаевъ. На каждомъ шагу приходится сознаваться въ ея безсиліи противъ столь распространенныхъ дѣтскихъ болѣзней, противъ чуть не всѣхъ бо-

лѣзней дыхательныхъ органовъ, сосудовъ и сердца, противъ большинства злокачественныхъ опухолей и пр. Когда, болѣе трети столѣтія назадъ, Пастёръ открылъ способъ предохраненія отъ нѣкоторыхъ инфекціонныхъ болѣзней, то онъ и вмѣстѣ съ нимъ очень многіе другіе увѣровали, что новая открывшаяся эра не замедлитъ привести къ окончательной побѣдѣ надъ всѣми инфекціями. Когда, слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ, Кохъ показалъ воочію главнаго врага человѣчества—чахоточную палочку, то всѣмъ показалось, что средство противъ него не замедлитъ быть открыто. Между тѣмъ, несмотря на неисчислимое множество работъ въ этомъ направленіи, и теперь чахотка является ужасомъ, противъ котораго наука почти всегда безпомощна. Открытіе противоядія противъ дифтерита и столбняка, сдѣланное почти четверть вѣка назадъ, вселило надежду на распространеніе того же принципа и на другія болѣзни. Но мечты эти и до сихъ поръ оправдались лишь отчасти. Въ будничной жизни эти отрицательные результаты привели многихъ къ разочарованію въ медицинѣ и въ наукѣ вообще. Ежедневные факты потери близкихъ лицъ, дѣтей и взрослыхъ, несмотря на всѣ усилія врачеванія, не могли не повліять на настроеніе оставшихся страдальцевъ. Потерявъ вѣру въ знаніе, неудивительно, что многіе изъ послѣднихъ обратились къ метафизикѣ съ ея чаяніемъ безсмертія души и счастія въ будущей жизни. Повидимому, на самое возникновеніе бергсонизма повліяла безпомощность науки противъ прирожденнаго недуга его единственнаго ребенка.

При несомнѣнно еще очень несовершенномъ состояніи медицины, что же даетъ новая метафизика въ ея наиболѣе современной формѣ? Дѣйствительно ли она доказываетъ независимость и безсмертіе души и что можно извлечь изъ ея ученія ради уменьшенія человѣческихъ страданій?

Изъ всѣхъ предложенныхъ метафизическихъ системъ все большее и большее распространеніе теперь получаетъ бергсонизмъ, о которомъ мы говорили въ предисловіи къ первому изданію этой книги. Съ тѣхъ поръ парижское общество: «Вѣра и жизнь» выпустило томъ организованныхъ имъ публичныхъ лекцій «О современномъ матеріализмѣ» [1]). Въ немъ собрано все, что можно было добыть лучшаго въ борьбѣ за спиритуализмъ. Въ немъ напечатана лекція Генри Пуэнкаре о современномъ представленіи о томъ, что такое матерія, и говорится о матеріализмѣ въ біологіи, въ политической экономіи, въ литературѣ, въ театрѣ и въ нравахъ. Но особенное вниманіе обращаетъ на себя лекція Бергсона: «Душа и жизнь», въ

[1]) La materialisme actuel. Bibliothèque de philosophie scientifique. Paris 1913.

которой онъ даетъ сжатый очеркъ всей своей метафизики. Для лицъ, которымъ чтеніе трехъ томовъ философіи Бергсона почему-нибудь не по силамъ, эта лекція является особенно желанной. Благодаря ей мы можемъ высказаться о бергсонизмѣ болѣе опредѣленно, чѣмъ это было сдѣлано нами въ предисловіи къ первому изданію.

Бергсонъ, разумѣется, не сомнѣвается въ томъ, что наше сознаніе находится въ какомъ-то соотношеніи съ мозгомъ. «Сознаніе,— говоритъ онъ,—несомнѣнно подвѣшено къ мозгу» (подобно тому, какъ платье можетъ быть подвѣшено къ крючку), «но отсюда еще ничуть не слѣдуетъ, чтобы мозгъ могъ воспроизвести всѣ подробности сознанія и чтобы сознаніе было отправленіемъ мозга» (стр. 17). Чтобы составить себѣ опредѣленное представленіе о характерѣ соотношенія между душой и тѣломъ, Бергсонъ углубляется въ самонаблюденіе, которое приводитъ его къ слѣдующему заключенію. «Я вамъ скажу,—говоритъ онъ (стр. 24),—что внимательное изученіе жизни духа и соотвѣтствующихъ ей физіологическихъ процессовъ приводитъ меня къ мысли, что здравый смыслъ правъ и что въ человѣческомъ сознаніи должно быть безконечно больше содержанія, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ мозговомъ аппаратѣ». Основываясь на этомъ, Бергсонъ думаетъ, «что мысль, по крайней мѣрѣ въ большей своей части, независима отъ мозга» (стр. 26). «Мозгъ есть лишь органъ жестовъ, пантомимы и только ея», тогда какъ жизнь духа заходитъ далеко за предѣлы жизни мозга. «Мозгъ, собственно говоря, не есть органъ ни мысли, ни чувства, ни сознанія; но онъ обусловливаетъ то, что сознаніе, чувство и мысль распространяются на реальную жизнь и становятся способными къ цѣлесообразному дѣйствію» (стр. 31). «Поэтому-то незначительное измѣненіе мозгового вещества можетъ быть достаточно для того, чтобы духъ въ его цѣломъ могъ показаться нарушеннымъ» (стр. 32). Въ случаяхъ, когда болѣзненное состояніе отражается на духовной жизни, можно спросить: «самый ли духъ при этомъ страдаетъ, или же скорѣе дѣло идетъ о нарушеніи механизма, который приковываетъ духъ къ предметамъ?» Анализъ памяти убѣждаетъ Бергсона въ справедливости его мнѣнія о существованіи независимой души. Представленіе психологовъ-позитивистовъ о томъ, что впечатлѣнія органовъ чувствъ запечатлѣваются въ мозгу подобно тому, какъ звуки отпечатываются на кружкахъ фонографа, Бергсонъ считаетъ несовмѣстимымъ съ тѣмъ, что воспоминаніе представляетъ образъ цѣльнымъ, тогда какъ воспріятія органовъ чувства множественны. Въ этомъ Бергсонъ видитъ «очевидное доказательство того, что въ воспоминаніи участвуетъ нѣчто совершенно отличное отъ

простого механическаго отпечатка». Въ дѣлѣ памяти «мозгъ служитъ скорѣе для *напоминанія*, чѣмъ для сохраненія впечатлѣнія» (стр. 38). Тотъ фактъ, что при потерѣ памяти забываютъ прежде всего имена собственныя, потомъ нарицательныя, прилагательныя и позже всего глаголы, Бергсонъ считаетъ необъяснимымъ съ точки зрѣнія матеріалистической и видитъ въ немъ доказательство, «что духъ со всѣхъ сторонъ заходитъ за предѣлы мозга и что отправленіе послѣдняго соотвѣтствуетъ лишь ничтожной частицѣ умственной дѣятельности» (стр. 45).

Всѣ эти выводы служатъ Бергсону для того, чтобы выяснить его отношеніе «къ самому главному вопросу, интересующему человѣчество». «Откуда мы вышли? Что мы дѣлаемъ въ этомъ мірѣ? Куда мы направляемся»? Вотъ какъ онъ отвѣчаетъ на эти вопросы. «Если, какъ я старался показать,—говоритъ Бергсонъ на стр. 47,—мысль заходитъ за предѣлы жизни мозга, если послѣдній ограничивается приведеніемъ въ дѣйствіе незначительной части того, что происходитъ въ сознаніи, въ такомъ случаѣ безсмертіе души является столь вѣроятнымъ, что доказательство должно быть дано не тѣмъ, кто это утверждаетъ, а, напротивъ, должны доказать свое мнѣніе тѣ, кто отрицаетъ безсмертіе». Слѣдуя этому методу, Бергсонъ «приходитъ постепенно къ положенію, которое на практикѣ равняется достовѣрности».

Всѣ эти разсужденія, несмотря на свою кажущуюся глубину и тонкость, не могутъ ни малѣйшимъ образомъ поколебать того основного и съ давнихъ поръ хорошо извѣстнаго факта, что сознаніе нарушается вмѣстѣ съ нарушеніемъ мозговой дѣятельности и прекращается съ прекращеніемъ ея. Не только грубыя нарушенія мозга, какъ тѣ, которыя слѣдуютъ за кровоизліяніемъ или механическимъ поврежденіемъ, но и тѣ незначительныя измѣненія мозговой дѣятельности, которыя наблюдаются во снѣ или въ сильномъ лихорадочномъ состояніи, вполнѣ достаточны для того, чтобы извратить сознаніе. Когда люди мечтаютъ о безсмертіи души и убаюкиваютъ себя надеждой встрѣтить на томъ свѣтѣ близкихъ сердцу, то имъ не приходятъ въ голову перспективы очутиться тамъ съ той степенью сознанія, которая свойственна грудному ребенку или одряхлѣвшему старику. Достаточно слѣдовательно недоразвитія дѣтскаго мозга или обветшанія старческаго мозга, чтобы низвести нашу сознательную жизнь на никѣмъ нежеланную ступень. Какъ же при этомъ еще помышлять о сознаніи послѣ превращенія мозга въ мертвую безформенную массу! Когда приверженцы безсмертія души стали вызывать духовъ съ того свѣта, то оказалось, что эти духи снизошли съ очень печальной сознательностью. Такъ, духъ знаме-

нитаго спирита Майерса явился очумѣлымъ, способнымъ лишь говорить неинтересныя сплетни о предсѣдателѣ спиритическаго общества и т. под. Духъ другого предводителя спиритовъ, Годжсона, вызванный знаменитымъ Джемсомъ, наговоривъ всякихъ нелѣпостей, очень скоро скрылся. Не думаю, чтобы вѣрующимъ въ будущую жизнь улыбалась переспектива обратиться въ подобнаго рода духовъ, которые притомъ же очевидно были ничто иное, какъ родъ галлюцинаціи ихъ пріемниковъ—медіумовъ. Основываясь на приведенныхъ примѣрахъ сошедшихъ на землю душъ умершихъ, можно подумать, что «тотъ свѣтъ» представляетъ собою какой-то безтѣлесный домъ сумашедшихъ.

Противъ неразрывности связи душевной дѣятельности съ мозгомъ, что могутъ возразить разслѣдованія Бергсона о потерѣ памяти слова, основанныя на врачебныхъ наблюденіяхъ, «недостаточныхъ самихъ по себѣ и не подлежащихъ точному толкованію», какъ это свидѣтельствуетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ физіологіи мозга, Германъ Мункъ.

Показавъ, что наука не разрѣшила вопроса о томъ, какъ въ мозгу отдѣльныя впечатлѣнія могутъ обобщаться въ цѣльное представленіе, сохраняемое въ памяти, Бергсонъ заключаетъ изъ этого, что духъ независимъ отъ мозга. Но изъ его критики можетъ только быть логически выведено, что представленіе объ отпечатываніи образовъ въ мозговыхъ клѣткахъ не достаточно выяснено, а никакъ не то, что память есть отправленіе души, независимое отъ тѣла.

Подбодренный успѣхомъ, Бергсонъ, перешедшій отъ предположенія возможности и даже вѣроятности безсмертія души къ признанію достовѣрности этой гипотезы, не удовлетворитъ тѣхъ своихъ послѣдователей, которые слушаютъ его въ надеждѣ утѣшиться чаяніемъ загробной встрѣчи съ потерянными близкими. Еще менѣе можетъ онъ удовлетворить людей, стоящихъ на прочной почвѣ позитивизма, и ищущихъ научнаго рѣшенія задачи жизни и смерти.

Сойдя съ метафизической выси, на вопросъ о томъ: «откуда мы вышли», можетъ быть данъ тотъ самый отвѣтъ, который былъ высказанъ уже раньше. Человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, болѣе всего приближающейся къ сохранившимся даннымъ видамъ человѣкообразныхъ обезьянъ, хотя и невѣроятно, чтобы послѣднія были прямыми человѣческими предками. Послѣ того, какъ этотъ выводъ былъ почти единогласно признанъ въ наукѣ, за послѣднее время стали раздаваться отдѣльные голоса въ противоположномъ направленіи. Въ этомъ отношеніи выдѣляется мнѣніе недавно скончавшагося талантливаго физіолога Ціона, который сдѣлалъ все возможное, чтобы

отстоять независимое отъ обезьянъ происхожденіе человѣка. Въ своемъ сочиненіи: «Богъ и наука» [1]), онъ удѣлилъ особую главу этому вопросу. При появленіи этой книги, газетныя рекламы возвѣстили, что Ціонъ окончательно опровергъ теорію о родствѣ человѣка съ обезьянами. Вся его аргументація сводится однако же только къ тому, что всѣ извѣстные, самые древніе остатки человѣка четвертичной формаціи относятся къ вполнѣ опредѣленному человѣческому виду, не обнаруживая сколько-нибудь замѣтнаго перехода къ организму обезьянъ. Подобно тому, какъ Бергсонъ изъ неполноты данныхъ о физіологіи мозга заключаетъ о существованіи независимой отъ тѣла безсмертной души, такъ и Ціонъ, изъ недостаточности свѣдѣній объ ископаемыхъ остаткахъ человѣка, заключаетъ о независимости послѣдняго отъ организма обезьянъ. Кто не знаетъ, что даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ Европы и Америки раскопки далеко не дошли до желанной степени совершенства? Въ Азіи и Африкѣ онѣ только что начаты. Къ тому же не подлежитъ сомнѣнію, что скелетъ очень часто въ почвѣ подвергается разрушенію и вывѣтривается. Вѣдь не заключать же изъ того, что въ Неандерталѣ была найдена только черепная крышка, что остального скелета никогда не существовало или, что у человѣка, жившаго въ окрестностяхъ Гейдельберга въ началѣ четвертичной эпохи, отъ котораго сохранилась нижняя челюсть, существовала бы только она одна. При такихъ условіяхъ недостаточность палеонтологическихъ данныхъ не можетъ умалять достоинства другихъ доказательствъ, каковы: поразительное сходство организаціи человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ, подобіе ихъ зародышей и одинаковыя свойства тончайшихъ реакцій ихъ кровяныхъ сыворотокъ. Между тѣмъ Ціонъ обходитъ всѣ эти стороны вопроса молчаніемъ и останавливается исключительно на палеонтологическихъ остаткахъ, придавая имъ неподобающее, черезчуръ важное значеніе. Даже такой философъ метафизикъ, какъ Эдуардъ фонъ Гартманнъ [2]), признающій «цѣль природы» и проповѣдующій, что каждый человѣкъ «долженъ принести себя въ жертву на алтарь природы, смыслъ которой состоитъ въ духовной жизни цѣлаго», и тотъ не останавливается передъ неполнотой палеонтологическихъ данныхъ о человѣкѣ. «Что человѣкъ былъ созданъ—говоритъ онъ—не чудомъ, а развился медленно и постепенно изъ ряда животныхъ предковъ, это установлено такъ прочно, что болѣе нѣтъ надобности въ доказательствахъ посредствомъ геологическихъ переходныхъ формъ» (стр. 372).

[1]) Dieu et Science Paris 1910.
[2]) Das Problem des Lebens. 1906.

Всѣ научныя пріобрѣтенія послѣднихъ лѣтъ вполнѣ подтверждаютъ положеніе о происхожденіи человѣка отъ обезьянъ-предковъ. Второй вопросъ Бергсона: «что мы дѣлаемъ въ этомъ мірѣ», лучше бы формулировать такъ: «что должны мы дѣлать въ этомъ мірѣ?» Нашъ отвѣтъ на него, развитый какъ въ предлагаемой читателю книгѣ, такъ и въ моихъ другихъ сочиненіяхъ, можетъ быть высказанъ слѣдующимъ образомъ: мы должны всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы люди, и мы въ томъ числѣ, провели весь круговоротъ жизни въ гармоническомъ сочетаніи чувства и разума, вплоть до наступленія въ глубокой старости чувства пресыщенія жизнью. Самое большое несчастіе на землѣ зависитъ отъ того, что люди не достигаютъ этого предѣла и умираютъ преждевременно. Въ этомъ положеніи заключается основа всѣхъ нравственныхъ поступковъ. На третій вопросъ Бергсона: «куда мы направляемся», разумный отвѣтъ можетъ быть только слѣдующій: мы направляемся къ полному уничтоженію тѣла и зависящаго отъ него духа. Мысль о такомъ концѣ тяжела лишь при томъ условіи, когда конецъ наступаетъ несвоевременно. Являясь же послѣ правильно проведеннаго цикла жизни, онъ не представляетъ ничего страшнаго.

Тотъ фактъ, что люди въ настоящее время лишь въ исключительныхъ случаяхъ живутъ соотвѣтственно изложенной программѣ, зависитъ отъ дисгармоніи человѣческой природы, связанной съ ея животнымъ происхожденіемъ. Несмотря на то, что это положеніе доказано научнымъ образомъ, противъ него еще иногда слышатся возраженія. Такъ, напр., извѣстный американскій біологъ, Чарльсъ Седжвикъ Майнотъ[1]), не соглашается съ теоріей дисгармоніи человѣческаго организма. Эти дисгармоніи кажутся ему не очень важными «такъ какъ дѣло идетъ большей частью о такихъ структурахъ, физіологическаго значенія которыхъ мы не знаемъ» (стр. 77). Тутъ Майнотъ имѣетъ въ виду отмѣченныя мною дисгармоніи въ устройствѣ кишечнаго канала. Если и можно сознаться съ тѣмъ, что отправленія толстой кишки у человѣка еще недостаточно изучены, то нельзя отрицать того, что мнимая польза отъ нея далеко перевѣшивается недостатками. Отсутствіе настоящей толстой кишки у многихъ позвоночныхъ и возможность прожить безъ нея въ теченіе десятковъ лѣтъ у людей, у которыхъ она удалена или атрофирована, доказываетъ справедливость моего мнѣнія. Съ другой стороны, отрицавшійся еще недавно и отрицаемый иногда и теперь фактъ, что бактеріи толстыхъ кишекъ выдѣляютъ яды, отравляющіе хронически или быстро, больше не долженъ подвергаться сомнѣнію. Изслѣдо-

[1]) Современныя проблемы біологіи. Русскій переводъ. Москва 1913.

ванія, произведенныя въ моей лабораторіи доказали, что образуемые кишечными бактеріями фенолы и индолъ—яды, способные сократить человѣческую жизнь. Одинъ изъ моихъ учениковъ установилъ недавно, что выдѣленія маслянокислыхъ бактерій кишечной формы тоже ядовиты. За послѣднее время стали раздаваться голоса о пользѣ червеобразнаго отростка слѣпой кишки для человѣка. Но эта польза ничѣмъ не можетъ быть доказана, между тѣмъ какъ вредъ отъ него, выражающійся въ частомъ воспаленіи, наблюдается на каждомъ шагу. Фактъ, что очень многочисленныя лица, у которыхъ червеобразный отростокъ былъ удаленъ, не испытываютъ отъ этого ни малѣйшаго вреда, подтверждаетъ его ненужность. Я знаю молодого человѣка, которому 17 лѣтъ назадъ была сдѣлана эта операція и который отлично перенесъ невзгоды военной службы и во всѣхъ отношеніяхъ пользуется отличнымъ здоровьемъ.

Въ основѣ возраженій Майнота заключено его невѣрное представленіе о моей теоріи старости. «Въ высшей степени невѣроято,—говоритъ онъ,—чтобы процессы броженія въ толстой кишкѣ имѣли то значеніе, которое имъ приписываетъ Мечниковъ. Но если бы онъ и былъ правъ, то его открытіе не объясняло бы все-таки явленія старости по той простой причинѣ, что старость—явленіе, весьма широко распространенное; оно бываетъ также у животныхъ и растеній, совсѣмъ не имѣющихъ толстой кишки». Но вѣдь, говоря о кишечныхъ ядахъ, я имѣлъ въ виду причиняемую ими *преждевременную* старость, которая прерываетъ жизнь до наступленія своевременной старости, ведущей къ естественной смерти и которая только и можетъ быть сравниваема со старостью организмовъ, не имѣющихъ толстой кишки. Черепахи, крокодилы и птицы, имѣя очень слабо развитыя толстыя кишки, живутъ дольше млекопитающихъ съ большой толстой кишкой, но тѣмъ не менѣе и они подвергаются старческому перерожденію, но въ болѣе нормальное позднее время. Этотъ примѣръ непониманія со стороны опытнаго біолога показываетъ, какъ нужно усвоить себѣ новыя понятія, не входящія въ кругозоръ обиходныхъ представленій. Я радъ этому недоразумѣнію, чтобы отмѣтить необходимость продумать теорію, прежде чѣмъ возражать противъ нея. Майнотъ думаетъ, что моя теорія старости опровергается доказаннымъ будто бы фактомъ, что кислое молоко не вліяетъ на измѣненіе кишечной флоры и ссылается при этомъ на Гертера. Но полезное вліяніе молочно-кислыхъ бактерій подтверждено такимъ количествомъ наблюденій и опытовъ, изъ которыхъ многіе добыты уже послѣ смерти Гертера, что объ этомъ здѣсь можно и не распространяться. Къ тому же, если бы даже и было доказано, что кислое молоко не противодѣйствуетъ

кишечному гніенію, то это ничуть бы не опровергало теорію объ участіи кишечныхъ ядовъ въ одряхленіи организма.

Выраженіе противъ теоріи дисгармоніи человѣческаго организма я еще встрѣтилъ съ другой стороны. Редакція международнаго журнала «Документы прогресса» собрала мнѣнія нѣкоторыхъ писателей и ученыхъ о томъ, нужно ли сообщать отрокамъ свѣдѣнія о половой жизни. По этому поводу Мазадъ [1]) говоритъ слѣдующее: «Я не могу допустить дисгармонію человѣческой природы. Немыслимо, чтобы человѣкъ отъ рожденія получалъ наклонность къ половымъ отклоненіямъ». «Нѣкоторыя дѣти являются жертвами наслѣдственности и уже рождаются извращенными, но другія дѣти рождаются нормальными». «Я не сомнѣваюсь въ томъ, что очень многія дѣти извращены въ половомъ отношеніи; но я увѣренъ, что изъ десяти случаевъ девять объясняются не наслѣдственностью инстинкта, а являются результатомъ подражанія» (стр. 274). Противъ этого можно привести много возраженій. Уже въ моей книгѣ о человѣческой природѣ [2]), я сослался на врачей Фюрбрингера и Христіана, которые, въ виду чрезвычайно распространеннаго среди дѣтей онанизма, считаютъ его явленіемъ почти нормальнымъ, глубоко заложеннымъ въ человѣческой природѣ. Я знаю много примѣровъ, подтверждающихъ это мнѣніе. Могу сослаться еще на доктора Ферé [3]), книга котораго у меня подъ рукою. «...ненормальнораннее проявленіе полового инстинкта пробуждается довольно часто раньше полнаго созрѣванія половыхъ элементовъ; такіе случаи наблюдались у пяти- и шестилѣтнихъ дѣтей и даже еще раньше, помимо всякихъ наружныхъ признаковъ половой зрѣлости». Въ такихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто недостатокъ соотвѣтствія между развитіемъ полового инстинкта и половыхъ органовъ» (стр. 8). «Проявленіе полового инстинкта у значительнаго количества женщинъ наблюдается и послѣ прекращенія мѣсячныхъ очищеній» (стр. 10). А половая страстность стариковъ, не остывающая несмотря на дряхлость организма и являющаяся поводомъ злыхъ насмѣшекъ, подобно тому, какъ прежде (да отчасти и теперь) подымали на смѣхъ горбуновъ, одержимыхъ бугорчаткой позвоночника, не служитъ ли новымъ доказательствомъ основной дисгармоніи въ развитіи органовъ размноженія? Въ то время, когда покрытое морщинами лицо, убѣленное сѣдиной, уже не можетъ привлекать женщинъ, половые органы бываютъ переполнены зрѣлыми сѣмянными тѣлами!

---

[1]) Les documents du progrès. Décembre 1913.
[2]) Этюды о природѣ человѣка. 4-е изданіе. Москва 1913, стр. 70.
[3]) L'instinct sexuel. Paris 1902.

Подобные примѣры дисгармоніи такъ часты, что ихъ нельзя отбросить, какъ ненормальныя исключенія.

Наличность половыхъ извращеній у млекопитающихъ (собакъ, обезьянъ) съ своей стороны свидѣтельствуетъ о ихъ глубокомъ укорененіи въ организмѣ.

Изъ всѣхъ дисгармоній человѣческой природы самая главная есть несоотвѣтствіе краткости жизни съ потребностью жить гораздо дольше. Какъ было сказано выше, наука еще далеко не сказала послѣдняго слова въ нашей борьбѣ за продленіе жизни; хотя медленнѣе, чѣмъ мы бы желали, но все же она подвигается къ этой цѣли. Съ каждымъ годомъ она выясняетъ причины, сокращающія наши дни, и указываетъ средства противъ хроническаго отравленія кишечными ядами. Главное при этомъ заключается не въ абсолютной долговѣчности, а въ продленіи жизни до момента наступленія чувства пресыщенія ею и ощущенія потребности небытія. Предѣлъ этотъ по всей вѣроятности наступаетъ въ различныхъ возрастахъ, въ теченіе старости, подобно тому, какъ есть женщины, у которыхъ уже въ тридцать лѣтъ прекращаются мѣсячныя, въ то время, какъ у другихъ они удерживаются до семидесяти лѣтъ. Я недавно бесѣдовалъ со старикомъ 76 лѣтъ, который никакъ не можетъ понять, чтобы когда-нибудь у него появилось чувство пресыщенія жизнью, тогда какъ я знаю другого старика, которому еще не исполнилось 69 лѣтъ и къ которому по временамъ уже начинаетъ подкрадываться это чувство.

При такихъ условіяхъ становится очень труднымъ опредѣлить предѣлъ «нормальной» жизни человѣка, преодолѣвшаго хроническое отравленіе, обусловливающее преждевременную смерть. Только гадательно можно опредѣлить *средній* предѣлъ такой жизни въ 100—120—140 лѣтъ, съ тѣмъ, что правило это должно претерпѣвать не мало исключеній. По этому поводу не могу умолчать о злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ авторовъ, разсуждающихъ о предѣльномъ возрастѣ человѣка. Проходя мимо книжнаго магазина, издающаго религіозныя сочиненія, я увидѣлъ въ витринѣ трактатъ о старости, Бонара [1]), почетнаго ректора католическаго университета въ Лилѣ. Заинтересовавшись отношеніемъ къ старости и смерти болѣе чѣмъ семидесятилѣтняго старика, я удивился полемическимъ пріемамъ автора, съ пѣной у рта отдѣлывающаго людей, не раздѣляющихъ его точки зрѣнія. Досталось, между прочимъ, и мнѣ за то, что я будто бы обѣщаю людямъ жизнь въ теченіе восьми и девятисотъ лѣтъ! Мое мнѣніе даже приведено у него въ видѣ ци-

---

[1]) *Baunard.* Le vieillard. 7-е изданіе. Парижъ 1913, стр. 370.

таты изъ моей книги (безъ указанія названія и страницы), ни въ одной изъ которыхъ разумѣется никогда не было ничего подобнаго. Согласно со всѣми остальными писателями и я отнесъ легенду о Мафусаилѣ къ числу невѣроятныхъ басенъ. Злобное отношеніе католическаго ректора къ противникамъ указываетъ лишь на то, что онъ не настолько увѣренъ въ справедливости своего взгляда на смерть, чтобы спокойно говорить о ней, какъ это подобало бы его сану и возрасту.

Трудно допустить, чтобы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ наука не справилась съ задачей и не разрѣшила бы вопроса о продленіи человѣческой жизни до желаннаго предѣла и объ устраненіи другихъ дисгармоній человѣческой природы. Столь же трудно допустить, чтобы замѣчаемое нынѣ противо-интеллектуальное направленіе продержалось долго, даже во Франціи. Нужно думать, что, подобно тому какъ человѣческія жертвоприношенія сдѣлались исключеніемъ, какъ даже принесеніе въ жертву собственной жизни становится все болѣе рѣдкимъ, какъ кровная месть сохранилась лишь среди дикихъ или полудикихъ людей, такъ равно разрѣшеніе личной и семейной обидъ дуэлью, а народной обиды—войной, отойдутъ раньше или позже въ область исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ переведутся и характеры, которые проповѣдуютъ поэтичность всякаго рода дракъ, и настанетъ время, когда «мускульная» молодежь снова станетъ «мозговой».

Подобно тому, какъ не удержались правила нравственности, по которымъ нужно подставить лѣвую щеку тому, кто ударилъ тебя въ правую или по которымъ нельзя жениться на разведенной женѣ и т. под., такъ же точно не должны удержаться и проповѣдуемыя теперь правила, по которымъ за малѣйшее нарушеніе того, что называется «честью», нужно идти на дуэль и воевать.

Послѣ періода преувеличеннаго увлеченія спортами и другими проявленіями физической силы, а также метафизическими и подобными имъ теоріями, долженъ наступить новый періодъ умственнаго расцвѣта. Утѣшеніемъ въ теперешнихъ горестяхъ должно служить то, что со временемъ наука утѣшитъ людей въ борьбѣ съ неразрѣшенными пока бѣдствіями.

Въ самый текстъ этой книги внесено лишь одно существенное измѣненіе: въ него включена первая статья о старости, содержащая планъ изслѣдованій объ этомъ явленіи.

Ил. Мечниковъ.

Парижъ, 6/19 февраля 1914 г.

Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей разладъ между теоріей и практикой проявляется очень рѣзко. Въ то время, какъ теоретики проповѣдуютъ свою теорію «естественнаго воспитанія» и порицаютъ практиковъ за употребленіе слишкомъ искусственныхъ рутинныхъ способовъ, практики относятся съ презрѣніемъ ко всякимъ широкимъ обобщеніямъ и никакъ не хотятъ промѣнять на нихъ добытые опытомъ педагогическіе результаты. Теорія естественнаго воспитанія Ж.-Ж. Руссо нашла горячихъ послѣдователей и между современными теоретиками-философами. Такъ, Гербертъ Спенсеръ, исходя, очевидно, изъ того же принципа, «que les premiers mouvements de la nature sont toujours droits», совѣтуетъ родителямъ и воспитателямъ превратиться въ родъ посредника между природой и ребенкомъ и, никогда не придумывая «искусственныхъ» способовъ исправленія, всегда обращаться къ «естественному методу». Сущность этого метода заключается въ томъ, чтобы ребенокъ видѣлъ въ наказаніи необходимое послѣдствіе его проступка, чтобы онъ собственнымъ опытомъ дошелъ до сознанія, что наказаніе и проступокъ относятся какъ слѣдствіе къ причинѣ во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ. Гербертъ Спенсеръ посвящаетъ цѣлую главу «о нравственномъ воспитаніи» разъясненію этого метода, который былъ выраженъ уже Руссо въ слѣдующемъ правилѣ: «il ne faut jamais infliger aux enfants les châtiments comme châtiment, mais il doit toujours leur arriver comme une suite naturelle de leur mauvaise action». Руссо полагаетъ, впрочемъ, что и въ такомъ наказаніи должна рѣдко встрѣчаться надобность при правильномъ «естественномъ» воспитаніи. Онъ убѣжденъ, что наклонности и желанія дѣтей являются единственно ради ихъ собственной пользы и что всѣ поползновенія дѣтей къ вреднымъ дѣйствіямъ составляютъ результатъ дурного воспитанія. Поэтому нужно давать возможно большій просторъ

дѣтской волѣ. Будучи въ значительной степени предоставленъ своимъ собственнымъ средствамъ, ребенокъ научится опытомъ отличать вредное отъ полезнаго и сумѣетъ избѣгать перваго. Гербертъ Спенсеръ комментируетъ это положеніе различными примѣрами. «Если ребенокъ упадетъ или ударится головою объ столъ, то уже одно воспоминаніе о боли заставитъ его быть болѣе осторожнымъ. Если онъ дотронется до рѣшетки камина, сунетъ руку въ пламя свѣчи, обварится кипяткомъ,—обжогъ будетъ для него урокомъ, который онъ не скоро забудетъ. Впечатлѣніе, произведенное *однимъ или двумя происшествіями такого рода,* такъ глубоко, что никто не уговоритъ потомъ ребенка пренебрегать законами своего организма». Такъ какъ приведенный и другіе подобные ему примѣры самымъ наглядымъ образомъ уясняютъ принципъ «естественнаго наказанія», то и разборъ такихъ примѣровъ можетъ до нѣкоторой степени служить критикой самой теоріи. Спенсеръ не указываетъ намъ на то, о ребенкѣ какого возраста онъ говоритъ; но, по самой сущности дѣла, нужно думать, что онъ имѣетъ въ виду очень молодого, приблизительно пятилѣтняго, ребенка—болѣе взрослый не станетъ уже дѣлать опытовъ со всовываніемъ пальца въ пламя свѣчи. Если мы, основываясь на наблюденіяхъ изъ обычной жизни, станемъ разбирать вопросъ о томъ, какія послѣдствія будутъ имѣть ударъ и обжогъ на маленькаго ребенка, то найдемъ, какъ непосредственное послѣдствіе, испугъ и чувство боли. Такъ какъ послѣдняя (напримѣръ, боль отъ горячей воды и раскаленнаго желѣза) можетъ продолжаться довольно долго, то ребенокъ будетъ находиться, сверхъ того, долгое время въ возбужденномъ, нервномъ состояніи. Возможно, что онъ дѣйствительно съ перваго же или со второго раза найдетъ причинную связь между каминомъ, водою, столомъ и болью, но въ такомъ случаѣ онъ не будетъ въ состояніи узнать настоящей причины, вызвавшей въ немъ болѣзненное ощущеніе, такъ какъ онъ непремѣнно соединитъ воспоминаніе о боли съ воспоминаніемъ о столѣ, каминѣ и водѣ. Всѣ эти предметы дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, на зрѣніе, и у ребенка навсегда останется воспоминаніе о формѣ и цвѣтѣ камина, соединенное съ воспоминаніемъ о боли; поэтому онъ будетъ всегда бояться подойти къ камину и дотронуться до него. Умѣнье соединить причинною связью болѣзненное ощущеніе съ невидимымъ свойствомъ (раскаленностью) камина никакъ не можетъ быть приписано маленькому ребенку, сдѣлавшему одинъ или два опыта. То же самое должно быть сказано и относительно другихъ случаевъ, когда ребенокъ поспѣшно заключаетъ о причинной связи различныхъ явленій. Извѣстная пословица: «у страха глаза велики», показываетъ очень

ясно, что умъ склоненъ слишкомъ широко обобщать связь болѣзненныхъ ощущеній съ вызвавшими ихъ предметами. Вслѣдствіе такого черезчуръ широкаго обобщенія, собака, битая нѣсколько разъ палкой, начинаетъ бояться всякой палки и всякаго другого предмета, похожаго на палку. То же самое мы видимъ и на дѣтяхъ. Имѣя, такимъ образомъ, въ виду, что слишкомъ скоро выведенное заключеніе ведетъ къ черезчуръ широкому обобщенію, мы должны придти къ заключенію, что поступающій на основаніи такого «опыта» ребенокъ станетъ въ невѣрное, естественное отношеніе къ предметамъ. Ударившись объ столъ, обварившись водой, обжегшись о каминъ, онъ будетъ бояться стола, воды и камина и не рѣшится имѣть дѣло съ этими предметами даже въ томъ случаѣ, когда они будутъ ему положительно полезны. Безъ посторонней помощи онъ не скоро научится правильно связывать причины съ слѣдствіями. Но нужно замѣтить, что въ жизни маленькаго ребенка встрѣчается огромное множество такихъ случаевъ, когда отношенія его къ окружающей природѣ гораздо болѣе сложны и потому еще гораздо менѣе понятны ему, чѣмъ разобранный примѣръ съ кипяткомъ, раскаленнымъ желѣзомъ и проч. Напримѣръ, ребенокъ нездоровъ и ему нужно принять невкусное лѣкарство. (Я надѣюсь, что и самые отчаянные философы-теоретики не откажутся признать факта, что не всѣ дѣтскія болѣзни происходятъ отъ дурного воспитанія: наилучше воспитанныя, по мнѣнію этихъ философовъ, дѣти дикихъ народовъ также не освобождены отъ болѣзней). Ребенокъ, попробовавши горькую микстуру, отказывается пить ее: онъ не въ состояніи понять, что отъ невкуснаго лѣкарства можетъ послѣдовать выздоровленіе. Положимъ даже, что онъ уже не въ первый разъ боленъ и не въ первый разъ принимаетъ лѣкарство, но такъ какъ между пріемомъ микстуры и выздоровленіемъ проходитъ всегда болѣе или менѣе длинный промежутокъ времени, въ который совершается много разныхъ событій, то не только ребенокъ, но даже часто и взрослый человѣкъ не можетъ уловить здѣсь естественной связи явленій и открыть дѣйствительную причину выздоровленія. Если ребенокъ (что и бываетъ въ большинствѣ случаевъ) отказывается отъ добровольнаго принятія микстуры и если за этимъ слѣдуетъ ухудшеніе болѣзни, то и здѣсь и опять по той же причинѣ, т.-е. вслѣдствіе болѣе или менѣе значительной разновременности причины и слѣдствія, онъ не въ состояніи уловить причинной связи явленій. Совершенно сходныя столкновенія ребенка съ природою являются постоянно въ дѣлѣ выбора пищи. Ребенокъ ѣстъ все, что ему ни попадается на глаза, и въ такомъ количествѣ, какое только можетъ въ него войти. Ка-

кимъ образомъ можетъ онъ понять, что въ томъ кускѣ, который онъ ѣстъ, поднявши его прямо съ пола, находятся яйца паразитовъ, могущія произвести очень серьезную болѣзнь; или что тѣ плоды, которые онъ гдѣ-нибудь сорвалъ, могутъ быть ему вредны или даже опасны. Сколько событій произойдетъ въ тотъ промежутокъ времени, который необходимъ, чтобы какое-нибудь вредное вещество произвело свое необходимое послѣдствіе, или «естественное наказаніе» Спенсера. Если философы-теоретики станутъ возражать, что нормальный, неиспорченный воспитаніемъ ребенокъ руководится при выборѣ пищи особымъ пищеизбирательнымъ инстинктомъ, который отталкиваетъ отъ него всѣ вредныя яства, то какъ же послѣ этого объяснить, что животныя, какъ домашнія (т.-е. «испорченныя» человѣкомъ, по мнѣнію философовъ-теоретиковъ), такъ и дикія, наѣдаются паразитовъ, которые производятъ нерѣдко смертельныя болѣзни. Или какъ объяснить, что обезьяны въ Индіи до того опиваются наркотическими напитками, что человѣкъ съ помощью этого ловитъ ихъ и порабощаетъ. Я привелъ такого рода примѣры изъ обыденной жизни ребенка, когда онъ бываетъ не въ состояніи найти связь между двумя отдаленными другъ отъ друга по времени явленіями. Но какое множество подобныхъ фактовъ встрѣчается на каждомъ шагу въ дѣтской жизни. Польза чистоты, одного изъ главнѣйшихъ гигіеническихъ условій, принадлежитъ къ числу такихъ фактовъ, которые не могутъ быть поняты дѣтскимъ умомъ. Дѣти, начиная съ очень ранняго возраста, «капризничаютъ» при одѣваніи и умываніи и, напротивъ, съ большимъ удовольствіемъ пачкаются. Какое же тутъ можетъ быть «естественное» наказаніе вслѣдъ за проступкомъ, вредность котораго никакъ не можетъ быть познана ребенкомъ. Совершенно неестественно будетъ и наказаніе, которое предлагаетъ Спенсеръ для маленькой Констанціи, всегда опаздывающей съ приготовленіями къ прогулкѣ. «Живого нрава и способная углубиться въ занятія минуты, Констанція никогда не думала одѣваться, пока остальныя дѣти не были уже готовы. Гувернанткѣ и сестрамъ почти постоянно приходилось ждать ее; а мать почти неизмѣнно награждала вѣтреницу однимъ и тѣмъ же выговоромъ. Какъ неудачна ни оказывалась эта система, матери никогда не приходило на мысль попробовать на Констанціи «естественное наказаніе». «Если Констанція не готова во-время, *естественный результатъ* тотъ, чтобы ее оставили дома и лишили прогулки». Я не знаю, скоро ли подобное наказаніе сдѣлало бы Констанцію, дѣвочку «живого нрава» и очевидно увлекающуюся, аккуратной и внимательной по отношенію къ приготовленіямъ къ прогулкѣ; я полагаю, что, остав-

шись дома, она осталась бы недовольна обращеніемъ съ ней и не приняла бы на себя никакой вины (и въ этомъ я съ ней совершенно согласенъ). Она разсуждала бы, по всей вѣроятности, слѣдующимъ образомъ: «я не приготовилась къ прогулкѣ единственно потому, что была увѣрена, что назначенный часъ еще не пришелъ; занявшись дѣломъ, я не замѣтила, какъ прошло время; это—ошибка, но совершенно невольная: у меня не было ни малѣйшаго желанія задержать сестеръ и тѣмъ дѣлать имъ непріятность, а между тѣмъ я теперь страдаю. Если у меня живой и увлекающійся характеръ, то въ этомъ всего менѣе виновата я; если характеръ зависитъ отъ воспитанія, то виноваты тѣ, кто меня воспитываетъ; если же характеръ есть прирожденное свойство, то и тутъ я ни въ чемъ непричастна». Однимъ словомъ, Констанція, не имѣя даже надобности въ послѣдовательномъ разсужденіи, ясно чувствовала бы, что она сдѣлала ошибку не по своей винѣ, а вслѣдствіе совершенно независящаго отъ ея воли обстоятельства (т.-е. отъ живого характера); и въ то же время она чувствовала бы, что терпитъ наказаніе. Подобная исправительная система можетъ только запугать дѣтей, что, какъ извѣстно, очень дурно вліяетъ на развитіе характера. Спенсеръ находитъ, что проповѣдуемый имъ способъ наказанія есть самый справедливый, и видитъ большое преимущество его въ томъ, «что каждый ребенокъ признаетъ справедливость естественнаго наказанія». Онъ думаетъ, что «когда ребенокъ ощущаетъ точную мѣру непріятныхъ послѣдствій своихъ дурныхъ дѣйствій, онъ долженъ болѣе или менѣе ясно сознать *справедливость наказанія*». Съ этимъ невозможно согласиться ни подъ какимъ видомъ. Чтобы признать справедливость наказанія, для этого нужно или сознавать въ себѣ волю, или же, не разсуждая ни о чемъ, принимать на вѣру все, сообщаемое «старшими». Поэтому сознавать справедливость наказанія можетъ только развитой человѣкъ, который вообще считаетъ себя существомъ, долженствующимъ не подчиняться постороннему вліянію, а бороться съ нимъ и дѣйствовать по собственной (по крайней мѣрѣ, какъ таковую сознаваемой) волѣ, или же забитый ребенокъ, который никакой воли не имѣетъ и не сознаетъ, а думаетъ, что онъ «виноватъ», если ему это прикажутъ думать. За исключеніемъ этихъ крайнихъ случаевъ, наказуемый чувствуетъ или сознаетъ, что онъ совершилъ проступокъ подъ вліяніемъ какой-нибудь посторонней силы и что, слѣдовательно, онъ выноситъ наказаніе, несправедливо ему вмѣненное. Относительно ребенка нужно еще имѣть въ виду то обстоятельство (о чемъ будетъ подробно сказано ниже), что при слабой волѣ чувствительность у него вообще очень сильно

развита. Побужденіе къ совершенію проступка, или такъ называемый соблазнъ, будетъ на него дѣйствовать всегда сильно, подавляя неразвитую волю, и сильно же будетъ дѣйствовать на него наказаніе. Послѣднее должно, слѣдовательно, еще усилить чувствительную сторону ребенка. Терпя наказаніе и не признавая за собой вины, ребенокъ долженъ сильно чувствовать или горе, или злобу, или то и другое вмѣстѣ. Спенсеръ, очевидно, не различаетъ чувства справедливости отъ чувства естественной законности. Лиссабонское землетрясеніе было явленіемъ совершенно законнымъ съ точки зрѣнія естественной связи событій, но кто же въ душѣ не возмущался несправедливостью подобной катастрофы, поглотившей столько невинныхъ людей? Собственно эпитеты справедливости или несправедливости даже не могутъ быть и прилагаемы къ естественнымъ природнымъ явленіямъ. А ребенокъ, сознающій или чувствующій, что проступокъ его былъ простымъ результатомъ посторонникъ его волѣ вліяній, долженъ такъ же смотрѣть на наказывающаго его воспитателя, какъ мы смотримъ на наказывающую природу, т.-е. какъ на нѣчто такое, что дѣйствуетъ, не обращая вниманія на справедливость или несправедливость. Изъ разобранныхъ примѣровъ можно уже видѣть, что ребенокъ не въ состояніи вступить въ правильныя отношенія къ природѣ, основываясь только на дѣйствіи своего ума, т.-е. на томъ опытѣ, который ему доступенъ. Слѣдовательно, роль воспитателя уже поэтому не можетъ ограничиться только однимъ посредничествомъ между ребенкомъ и внѣшней природой. Ребенокъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ въ жизни такія положенія, которыя могутъ быть правильно поняты только съ помощью долгой опытности и большого знанія. Онъ не можетъ ни понять, ни почувствовать связи между явленіями, отдѣленными другъ отъ друга продолжительнымъ промежуткомъ времени; поэтому ему вообще недоступна идея полезности, тогда какъ сфера чувственнаго удовольствія или неудовольствія для него открыта. Теорія «естественнаго воспитанія» открыто или тайно, но должна признать, какъ принципъ, что естественныя наклонности ребенка если не сознательно, то инстинктивно ведутъ къ пользѣ. Но это справедливо только въ самыхъ общихъ чертахъ. Дѣйствительно, голодъ, жажда и другія естественныя побужденія имѣютъ цѣлью пользу организма, т.-е. сохраненіе его жизни. Но, говоря о воспитаніи человѣка, мало того, чтобы онъ могъ жить, въ чисто-физіологическомъ смыслѣ слова; нужно, чтобы ребенокъ воспитывался и развивался во всѣхъ отношеніяхъ, а тутъ-то и оказывается, что не всѣ наклонности ребенка настолько полезны, какъ голодъ и жажда, для сохраненія даже матеріальной жизни. Ж.-Ж.

Руссо и другіе защитники «естественнаго воспитанія» стояли на томъ, что природа создала человѣка «совершеннымъ», т.-е. приноровленнымъ къ наилучшей жизни, но что человѣкъ сумѣлъ испортить всю природу до того, что хорошее, «естественное» воспитаніе теперь уже является намъ дѣломъ почти что невозможнымъ. «O, hommes! est-ce ma faute si vous avez rendu difficile tout ce qui est bien», говоритъ Руссо (Emile, I, 128). Откуда же, спрашивается, человѣкъ получилъ возможность такъ легко испортить свое существованіе, если онъ родился вполнѣ способнымъ къ наилучшей жизни? Защитники «естественнаго воспитанія» не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, но, разъ предположивши, что человѣкъ первоначально испортился, они указываютъ на употребительное воспитаніе, какъ, на источникъ распространенія зла. Съ цѣлью искоренить послѣднее они и предлагаютъ родителямъ быть «толкователями и служителями природы». А между тѣмъ именно Руссо могъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, найти дѣйствительный источникъ зла и усмотрѣть, что воспитаніе, несмотря на все его большое значеніе, не есть, по крайней мѣрѣ, единственная причина «порчи» человѣка. Не онъ ли говоритъ про самого себя: «Il faut, que malgré l'éducation la plus honnête, j'eusse un grand penchant à dégénérer: car cela se fit très rapidement, sans la moindre peine; et jamais César si précoce ne devint si promptement Laridon» [1]); и далѣе: «si jamais enfant reçut une éducation raisonnable et saine, ç'a été moi [2])».

И несмотря на такое, по мнѣнію самого Руссо, хорошее воспитаніе, онъ самъ описываетъ себя не особенно доблестнымъ человѣкомъ. Значитъ, существуетъ нѣчто такое, что независимо отъ воспитанія и гораздо глубже его дѣйствуетъ на человѣка. Я предлагаю обратить вниманіе именно на эту непослѣдовательность Руссо. Разсуждая о «естественномъ воспитаніи», онъ увѣряетъ, что дурное воспитаніе испортило людей и что одно хорошее воспитаніе непремѣнно сдѣлаетъ человѣка хорошимъ. Оставивши же въ сторонѣ всякіе теоретическіе вопросы и планы, превратившись въ человѣка, анализирующаго фактически прожитое прошедшее, Руссо уже сознаетъ, что однимъ воспитаніемъ ничего не сдѣлаешь, что, несмотря на всѣ добродѣтели, которыми онъ былъ окруженъ, въ немъ развились сквернѣйшіе недостатки.

До сихъ поръ мы говорили о теоріи такъ называемаго естественнаго воспитанія съ цѣлью показать, что она не рѣшаетъ

---

1) *Rousseau.* Confession. Oeuvres complètes, т. VIII, 1865, стр. 20.
2) Ibid. Стр. 42.

главнаго вопроса, и затѣмъ указали на признаніе Ж.-Ж. Руссо, что, независимо отъ воспитанія (каково бы оно ни было), существуетъ еще нѣчто другое («grend penchant á dégénérer»), вліяющее громаднымъ образомъ на всю судьбу человѣка. Рѣшеніе этого вопроса очевидно необходимо для того, чтобы опредѣлить границы и дѣйствительное значеніе воспитанія. Для рѣшенія подобнаго вопроса недостаточно одного размышленія, основаннаго на обыденныхъ, кое-какъ собранныхъ данныхъ. Это лучше всего видно именно потому, что такіе умные и глубокіе мыслители, какъ Ж.-Ж. Руссо и Гербертъ Спенсеръ, съ помощью однихъ априористическихъ выводовъ, пришли къ такой теоріи, которая положительно не выдерживаетъ критики. Для возможно удовлетворительнаго рѣшенія вопроса мы необходимо должны прибѣгнуть къ помощи положительной науки, которая уже и теперь даетъ намъ много важныхъ фактовъ. Цѣль нашей статьи и заключается именно въ томъ, чтобы показать, что основной вопросъ воспитанія настолько же подчиняется точной научной разработкѣ, какъ и многіе другіе вопросы изъ человѣческой жизни. Правда, въ настоящее время мы еще не можемъ представить достаточно полнаго и всесторонняго отвѣта на нашъ вопросъ, но можемъ, по крайней мѣрѣ, указать на пути, по которымъ нужно слѣдовать. При разсмотрѣніи теоріи «естественнаго воспитанія» было сказано, что защитники ея обвиняютъ человѣка въ томъ, что онъ слишкомъ отдалился отъ природы. Они находятъ, что природа сдѣлала свое дѣло и что человѣку нужно только не отступать отъ указываемаго ею пути. Извѣстно какъ подобное воззрѣніе выдвинуло въ прошломъ столѣтіи изученіе «естественныхъ» первобытныхъ народовъ, въ которыхъ цивилизованные люди искали для себя примѣровъ. Простота этой жизни такъ называемыхъ «дикихъ» дѣйствительно должна была поражать рѣзкимъ контрастомъ при сравненіи ея съ черезчуръ усложненной и, въ самомъ дѣлѣ, дикой жизненной обстановкой наиболѣе цивилизованныхъ людей. Въ то время указывали и на животныхъ, какъ на существа, живущія «естественной» жизнью природы и тѣмъ представляющія для цивилизованнаго (или, что то же «испорченнаго») человѣка много поучительнаго. Если мы сравнимъ воспитаніе современнаго цивилизованнаго человѣка съ простымъ воспитаніемъ «дикаря» или съ еще болѣе простымъ воспитаніемъ высшихъ животныхъ, то намъ представится громадное различіе. Уже a priori можно заключить, что наиболѣе сложное и продолжительное воспитаніе мы встрѣтимъ у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Очевидно, что для того, чтобы изучить какое-нибудь ремесло или науку, и вообще для того, чтобы сдѣлаться членомъ современнаго обще-

ства, нужно пройти длинную школу какъ умственнаго, такъ и нравственнаго обученія. Для цивилизованныхъ обществъ все болѣе и болѣе оправдывается пословица: «вѣкъ живи, вѣкъ учись». Совершенно иное мы видимъ относительно народовъ нецивилизованныхъ, или такъ называемыхъ «дикарей». Тутъ воспитательный періодъ жизни продолжается несравненно короче. Ребенокъ можетъ скоро изучить всѣ незатѣйливыя ремесла родителей и съ ранняго возраста начать вести болѣе или менѣе самостоятельную жизнь. «Дѣти американскихъ индѣйцевъ подражаютъ своимъ родителямъ и, играя, изучаютъ ремесла, нужныя для ихъ дальнѣйшей жизни. М. Кенне разсказываетъ, что уже маленькія дѣти хиказавовъ употребляютъ ружья для стрѣльбы птицъ, бѣлокъ, кроликовъ и проч. на разстояніи отъ 20 до 30 футовъ» [1]). «Увѣряютъ, что дѣти нѣкоторыхъ индѣйцевъ уже на третьемъ году начинаютъ ѣздить верхомъ» [2]). «На западномъ берегу Африки дѣти очень рано выучиваютъ языкъ, всѣ пріемы и дѣйствія взрослыхъ» [3]). Совершенно согласныя съ этимъ показанія мы находимъ и относительно нѣсколько болѣе цивилизованныхъ народовъ Средней Азіи. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Вамбери: «Время ребячьихъ игръ въ Средней Азіи тянется не долго. Дѣвочку рано начинаютъ учить прясть, ткать, шить, дѣлать сыръ и т. п., а мальчика уже на пятомъ году сажаютъ на лошадь; на десятомъ же, а иногда и раньше, онъ участвуетъ уже въ маневрахъ—примѣрныхъ сраженіяхъ—и жокеемъ на скачкахъ» [4]). Въ показаніяхъ путешественниковъ, къ сожалѣнію, довольно рѣдко попадаются факты о воспитаніи дѣтей у первобытныхъ народовъ, но все, что мы знаемъ объ этомъ предметѣ, согласно показываетъ, что воспитательный періодъ у нихъ, сравнительно съ цивилизованными народами,—очень коротокъ. Это подтверждается и тѣмъ, всѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что у насъ крестьянское юношество, при нахожденіи его въ обычныхъ условіяхъ, скорѣе становится взрослымъ, чѣмъ юношество болѣе развитыхъ классовъ. У крестьянъ браки совершаются вообще значительно раньше, чѣмъ въ образованномъ обществѣ, что совершенно ясно a priori.

Но какъ ни значительна разница въ воспитательномъ періодѣ у нецивилизованныхъ и цивилизованныхъ людей, все же она далеко не въ такой степени поразительна, какъ различіе въ продолжительности того же періода у людей и другихъ млекопитающихъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Собака, несмотря на то, что она

1) *Waitz.* Die Indianer Nordamerikas. Leipzig, 1865, стр. 101.
2) *Waitz.* Antropologie der Naturvölker. Leipzig, 1862, т. III, стр. 117.
3) Ibid. T. II, стр. 123.
4) Очерки Средней Азіи. 1868, стр. 94.

рождается слѣпою, уже на третьемъ или четвертомъ мѣсяцѣ мѣняетъ зубы, а черезъ девять или десять мѣсяцевъ становится вполнѣ способною къ размноженію. Медвѣдь развивается нѣсколько дольше: онъ растетъ до шести лѣтъ, но половой зрѣлости достигаетъ раньше этого срока. Волкъ становится способнымъ къ размноженію на третій годъ своей жизни; въ то же время созрѣваютъ органы размноженія у оленя и лося. Приблизительно въ этомъ же возрастѣ созрѣваетъ и оселъ. Мелкія животныя развиваются вообще гораздо скорѣе. Крыса оканчиваетъ свое развитіе черезъ два, три мѣсяца; хомякъ приблизительно въ такой же срокъ становится способнымъ къ размноженію; окончательно же вырастаетъ онъ черезъ годъ. Сказанное здѣсь относительно кратковременности физическаго развитія различныхъ животныхъ въ не меньшей мѣрѣ справедливо и относительно психическаго ихъ развитія. Чуди, описывая жизнь молодыхъ лисицъ, поражается сходствомъ ихъ маневровъ съ пріемами взрослыхъ. То же самое разсказываютъ многіе наблюдатели и относительно другихъ животныхъ. Брэмъ говоритъ слѣдующее о развитіи изслѣдованнаго имъ тюленя: «новорожденный росъ съ замѣчательной быстротой; онъ видимо увеличивался въ величинѣ и во всемъ объемѣ; движенія его съ каждымъ днемъ становились свободнѣе и умнѣе, пониманіе окружающаго вообще увеличивалось. Около восьми дней по рожденіи онъ уже на сушѣ принималъ всѣ тюленьи положенія: лѣниво ложился на бока и на спину, выгибался, приподнимая заднія ласты кверху и играя ими, и проч. На третьей недѣлѣ своей жизни онъ уже превратился въ настоящаго тюленя». Такъ какъ сравнительная продолжительность воспитательнаго періода для насъ имѣетъ величайшую важность, то мы, прежде всего, намѣрены разсмотрѣть отношенія ея къ продолжительности періода развитія въ маткѣ и къ продолжительности жизни вообще. Сравнивая продолжительность эмбріональнаго развитія (т.-е. развитія внутри тѣла матери) съ продолжительностью воспитательнаго развитія до достиженія половой зрѣлости, мы получаемъ слѣдующія цифры (выводя это отношеніе для человѣка, мы брали 15 лѣтъ за срокъ наступленія половой зрѣлости и имѣли въ виду населяющіе Европу цивилизованные народы). Продолжительность внутриматочнаго развитія относится къ продолжительности внѣматочнаго развитія до достиженія половой зрѣлости [2]), какъ:

---

[1]) *Брэмъ.* Illustrirtes Thierleben, т. II, стр. 796.

[2]) Данныя для прилагаемыхъ цифръ заимствованы мною главнымъ образомъ изъ только что цитированнаго сочиненія Брэма.

1 : 20 у человѣка.
1 : 16 „ медвѣдя.
1 : 11,6 „ выдры.
1 : 9,3 „ слона.
1 : 8,6 „ ежа.
1 : 4,7 „ собаки.
1 : 4,2 „ дикой свиньи.
1 : 2,7 „ „ лося.
1 : 2,5 „ „ козла.
1 : 2 „ „ крысы.
1 : 1,2 „ „ козы.

Изъ приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ прежде всего, что внутриматочное развитіе сравнительно всего короче у человѣка, а всего продолжительнѣе у травоядныхъ и у крысы. Это обстоятельство прямо указываетъ на то, что ребенокъ, появляясь на свѣтъ, представляется мало развитымъ сравнительно съ новорожденными и молодыми животными, и что поэтому-то для его доразвитія и полагается столь длинный срокъ внѣматочнаго, или воспитательнаго, развитія. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается непосредственными изслѣдованіями о развитіи частей тѣла у человѣка и другихъ млекопитающихъ, какъ это будетъ показано ниже. Теперь же мы посмотримъ, въ какомъ отношеніи находится продолжительность воспитательнаго періода къ наибольшей продолжительности жизни вообще. Говоря о человѣкѣ, мы возьмемъ за срокъ воспитательнаго періода 20 лѣтъ (хотя мы имѣли бы полное право взять нѣсколькими годами больше); максимумъ же жизни человѣческой мы полагаемъ приблизительно въ 130 лѣтъ. При этомъ отношеніе воспитательнаго періода къ продолжительности жизни будетъ равняться отношенію:

1 : 5,4 для человѣка.
1 : 6,2 „ слона.
1 : 8 „ медвѣдя.
1 : 8,7 „ льва.
1 : 9 „ ежа.
1 : 15 „ собаки.
1 : 19 „ дикой свиньи.

Мы видимъ отсюда, что даже на тѣлесное развитіе (не говоря уже о психическомъ) у человѣка употребляется гораздо больше времени (въ послѣматочномъ періодѣ развитія), чѣмъ у другихъ млекопитающихъ. Сравнительная медленность человѣческаго раз-

витія въ постэмбріональномъ (внѣматочномъ) періодѣ зависитъ не только отъ болѣе медленныхъ процессовъ роста, но также отъ того, что, рождаясь на свѣтъ, человѣкъ представляется сравнительно менѣе развитымъ, чѣмъ другія новорожденныя млекопитающія. Это составляетъ, очевидно, результатъ сравнительно болѣе кратковременнаго развитія человѣка въ теченіе внутриматочнаго періода. Рѣзче всего отличіе между взрослымъ и новорожденнымъ млекопитающимъ обнаруживается въ дѣлѣ устройства головы. Кости черепа въ это время бываютъ соединены не постоянными швами, а временными связками, дающими костямъ большую возможность раздвигаться; это обстоятельство составляетъ существенное условіе при развитіи мозга. Временныя связки (такъ называемые роднички) бываютъ болѣе всего развиты у человѣка и у ближайшихъ къ нему обезьянъ. Особенно сильно развиты у зрѣлаго человѣческаго зародыша два родничка, изъ которыхъ одинъ (большій) помѣщается между лобными и темянными костями и другой (меньшій) между темянными и чешуей затылочной кости. Эти оба родничка являются у хищныхъ млекопитающихъ и у грызуновъ только въ рудиментарномъ видѣ, вслѣдствіе чего общая форма черепа у новорожденныхъ этихъ животныхъ ближе подходитъ къ формѣ взрослаго черепа, нежели у обезьянъ, а въ особенности — у человѣка [1]). У новорожденныхъ жвачныхъ животныхъ кости черепа ограничиваются уже зубцами, образующими швы. Хотя и существуетъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о меньшемъ развитіи нѣкоторыхъ новорожденныхъ млекопитающихъ сравнительно съ новорожденнымъ ребенкомъ, но эти факты, по своей одиночности и скоропреходимости, не могутъ измѣнять главнаго результата. Извѣстно, что нѣкоторыя хищныя, напримѣръ, собака, кошка, рождаются слѣпыми, но, во-первыхъ, у нихъ вѣки скоро прорѣзываются, и глаза начинаютъ раньше функціонировать, нежели у человѣка, рождающагося уже съ прорѣзанными вѣками. Кромѣ того, эта первоначальная слѣпота не соединяется съ недоразвитіемъ какого-нибудь изъ важнѣйшихъ органовъ, и потому у многихъ хищныхъ (напримѣръ, у льва) вѣки прорѣзываются еще до рожденія. Нетрудно убѣдиться въ томъ, что указанные факты относительно сравнительной исторіи развитія человѣка и другихъ высшихъ животныхъ должны играть очень важную роль въ жизни, въ теченіе воспитательнаго періода. Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ прежде всего, что ребенокъ разнится отъ взрослаго человѣка гораздо

---

[1]) См. *Kehrer*. Beiträge zur vergleichenden und experimentellen Geburtskunde Zweites Heft. 1868, стр. 92.

больше, чѣмъ всякое другое молодое животное отъ взрослаго. Между ребенкомъ и взрослымъ человѣкомъ лежитъ длинный воспитательный періодъ съ цѣлымъ міромъ особенныхъ условій. У другихъ же животныхъ, воспитательное развитіе которыхъ намъ болѣе или менѣе извѣстно, разница между молодымъ и взрослымъ животнымъ невелика и кратковременна, вслѣдствіе чего первое очень скоро догоняетъ второе. Этотъ выводъ намъ необходимъ для того, чтобы взвѣсить роль подражанія при воспитаніи. Всѣмъ извѣстно, что всѣ молодыя животныя имѣютъ величайшую наклонность къ подражанію дѣйствіямъ взрослыхъ. Дѣтей на этомъ основаніи часто называютъ «обезьянами». Очевидно, что чѣмъ меньше различіе между молодымъ и взрослымъ животнымъ какого-нибудь вида, тѣмъ полезнѣе будетъ роль подражанія при воспитаніи молодого животнаго. Молодое травоядное животное, которое рождается наиболѣе развитымъ и которое по появленіи на свѣтъ оказывается уже способнымъ слѣдовать за матерью, можетъ во всѣхъ отношеніяхъ подражать ей. Въ подобномъ случаѣ подражаніе является главнѣйшимъ и почти единственнымъ орудіемъ воспитанія. Въ нѣсколько меньшей мѣрѣ то же приложимо и ко многимъ другимъ животнымъ. Хищныя хотя и не такъ рано, какъ жвачныя, но все же еще очень скоро начинаютъ свое воспитаніе, т.-е. слѣдуютъ за матерью, подражаютъ ей въ дѣлѣ добыванія пищи, устраиваютъ себѣ такія же жилища, какія дѣлаетъ ихъ мать,—словомъ, употребляютъ всѣ свои подражательныя наклонности съ воспитательной цѣлью и такимъ образомъ, безъ помощи всякой педагогической системы, блистательно оканчиваютъ свое образованіе. Мы уже выше видѣли примѣры такого успѣшнаго дѣйствія подражанія въ дѣлѣ воспитанія лисицы и тюленя, и всякому извѣстны подобные же примѣры относительно молодыхъ собакъ и кошекъ. Щенокъ, видя, что большія собаки побѣжали въ какую-нибудь сторону и залаяли, самъ бѣжитъ туда же и лаетъ, совершенно не понимая, зачѣмъ все это дѣлается. Мы видѣли также, что подраженіе играетъ очень важную и полезную роль въ дѣлѣ воспитанія нецивилизованныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ, гдѣ дѣти, играя, научаются всѣмъ дѣйствіямъ родителей. Понятно, что здѣсь подражаніе уже иногда можетъ вести и не къ добру, такъ какъ и въ обстановкѣ «дикихъ» людей встрѣчается много условій, вредныхъ для ребенка. Но, взявши общій итогъ, мы можемъ все-таки принять, что подражаніе у такихъ народовъ составляетъ благопріятное условіе для воспитанія. Поэтому-то, по всей вѣроятности, въ семействахъ «дикихъ» народовъ наказанія дѣтей употребляются далеко не такъ часто, какъ въ «цивилизо-

ванномъ» обществѣ. Многіе путешественники утверждаютъ, что американскіе индѣйцы считаютъ тѣлесное наказаніе за преступленіе, и что вообще они только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ строгости. То же разсказываютъ и объ африканскихъ дикаряхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подражаніе молодыхъ индивидуумовъ своимъ родителямъ всего менѣе можетъ быть полезно въ тѣхъ случаяхъ, когда между молодыми и взрослыми индивидуумами существуетъ наибольшее физическое и психическое различіе. Подобнымъ условіямъ всего болѣе соотвѣтствуютъ именно дѣти цивилизованныхъ людей. Само собою разумѣется, что между маленькимъ мальчикомъ и его отцомъ, членомъ современнаго общества, будетъ гораздо большее отличіе, чѣмъ между мальчикомъ-дикаремъ и его неразвитымъ, заботящимся только о добываніи пищи и прочихъ жизненныхъ средствъ отцомъ. Въ послѣднемъ случаѣ мальчикъ рано можетъ начать пріучаться къ взрослому образу жизни и слѣдовать за своимъ отцомъ, во всемъ подражая ему. Онъ легко выучится тѣмъ пріемамъ, которые необходимы при добываніи дикихъ животныхъ и растеній; онъ можетъ смѣло подражать отцу во многихъ привычкахъ обыденной жизни: онъ, конечно, скорѣе научится ѣсть руками, чѣмъ ребенокъ цивилизованнаго общества научится употреблять ножикъ, вилку и ложку, не дѣлая себѣ этими предметами никакого вреда. «Дикаго» ребенка не нужно учить сидѣть на стулѣ и за столомъ, бѣгать по гладкому полу и проч. Простая обстановка «дикаго» человѣка, разумѣется, болѣе подходитъ къ особенностямъ ребенка, чѣмъ гораздо болѣе сложная обстановка цивилизованныхъ людей. Въ этомъ дѣлѣ существуетъ такое же отношеніе, какъ и въ дѣлѣ относительнаго различія между ребенкомъ и взрослымъ у цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ людей. И независимо отъ предыдущихъ соображеній легко убѣдиться въ томъ, что если данная обстановка соотвѣтствуетъ условіямъ жизни взрослаго человѣка, то она необходимо должна быть слишкомъ сложна для ребенка. Поэтому-то и оказывается то сознанное многими обстоятельство, что дѣтей лучше воспитывать (по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго возраста) въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Вся деревенская обстановка съ садами, полями и проч. гораздо болѣе можетъ соотвѣтствовать условіямъ, необходимымъ для развитія ребенка, чѣмъ городъ съ его театрами, дворцами, лавками, рысаками и проч. Въ этомъ отношеніи мы совершенно сходимся съ Ж.-Ж. Руссо, который начинаетъ воспитаніе своего Эмиля въ деревнѣ и только со временемъ (впрочемъ, все-таки слишкомъ рано) перевозитъ его въ городъ. Только мы, считая обыкновенную деревенскую обстановку болѣе подходящею

для ребенка, чѣмъ городскую, далеки отъ мысли считать ее вполнѣ соотвѣтствующею всѣмъ условіямъ развитія дѣтскаго организма. Къ сожалѣнію, послѣдній представляетъ много такихъ сторонъ, которыя дѣлаютъ и любую деревенскую обстановку слишкомъ сложной для него. Намъ необходимо имѣть въ виду (что, именно, всегда упускается изъ вида защитниками теоріи «естественнаго» воспитанія), что ребенокъ не есть человѣкъ въ миніатюрѣ, родъ временнаго карлика, который обладаетъ всѣми тѣми же свойствами, которыя характеризуютъ взрослаго человѣка. Уже простое эмбріолого-анатомическое изслѣдованіе показываетъ намъ, что организмъ ребенка качественно отличается отъ организма взрослаго человѣка. Мы выше говорили о соединяющихъ черепныя кости ребенка временныхъ связкахъ, которыя играютъ очень важную роль въ дѣлѣ развитія мозга, а слѣдовательно и цѣлаго организма. У ребенка существуютъ и особенные органы (thymus) и анатомическія особенности кровеносной системы. Почки его представляются лопастными и проч. И въ интеллектуальномъ отношеніи ребенокъ не есть человѣкъ въ миніатюрѣ. Хотя онъ очень рано начинаетъ связывать отдѣльныя представленія и дѣлать изъ нихъ выводы, но онъ дѣлаетъ это иначе, чѣмъ взрослый цивилизованный человѣкъ, и оттого-то ребенокъ воображаетъ все живымъ и вообще антропоморфируетъ внѣшніе предметы. Являясь во многихъ важныхъ отношеніяхъ отличнымъ отъ взрослаго человѣка, ребенокъ, очевидно, не можетъ ужиться въ той обстановкѣ, которая пригодна (да и то въ извѣстной только мѣрѣ) для взрослыхъ людей. И для того-то, чтобы согласить ребенка съ окружающей обстановкой, обыкновенно и употребляются разнаго рода насильственныя мѣры. Поясним это примѣромъ. Ребенокъ, находясь въ саду, замѣчаетъ красивыя, но вредныя ягоды. Видъ этихъ привлекательныхъ плодовъ возбуждаетъ въ ребенкѣ желаніе непремѣнно съѣсть ихъ. Онъ поступаетъ совершенно естественно, намѣреваясь сорвать ягоду и положить ее въ ротъ: во всемъ его организмѣ не существуетъ никакого регулятора, который бы отвратилъ намѣреніе ребенка; видъ ягодъ ему не противенъ, а привлекателенъ, и вкусъ— также. Очевидно, что тутъ мы видимъ примѣръ несоотвѣтствія ребенка (руководствующагося своими чувствами) съ окружающей обстановкой; для того, чтобы согласить ихъ, нужно вмѣшательство посредствующаго взрослаго человѣка. Воспитатель старается внушить ребенку, что эти ягоды вредны и что ихъ поэтому ѣсть не слѣдуетъ. Ребенокъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не соглашается съ этими доводами, такъ какъ, по его мнѣнію, все, что вкусно и красиво, въ то же время и съѣдобно. Воспитатель

долженъ прибѣгнуть къ насилію, т.-е. отнять ягоды или отвести ребенка. Ребенокъ, разсуждающій на основаніи собственныхъ соображеній, т.-е. судя о достоинствѣ предметовъ по вкусу, считаетъ воспитателя кругомъ виноватымъ и, подчиняясь силѣ, огорчается и озлобляется. Таковъ обыкновенный ходъ дѣла. Несоотвѣтствіе желаній ребенка съ окружающей обстановкой ведетъ къ порчѣ характера, т.-е. въ большей части случаевъ оно производитъ или сильнѣйшую раздражительность, или же подчиняемость, т.-е. апатію. Стоитъ умножить въ умѣ случаи несоотвѣтствія внѣшней обстановки съ естественными наклонностями ребенка, и тогда будетъ понятно, что они должны производить дурное вліяніе на развитіе характера. Отъ этого вывода легко перейти къ слѣдующему правилу: для возможно лучшаго воспитанія нужно стараться ставить ребенка подъ вліяніе обстановки, наиболѣе для него соотвѣтствующей. Мы указали на одну, и притомъ очень важную, причину неуспѣха воспитанія, т.-е. на одинъ изъ источниковъ такъ называемой «порчи» характера. Ребенокъ цивилизованныхъ народовъ слишкомъ рѣзко разнится отъ взрослаго индивидуума и потому не можетъ стать въ соотвѣтствіе съ обстановкой, пригодной для послѣдняго. Вслѣдствіе этого подражаніе, играющее столь важную и благопріятную роль въ дѣлѣ воспитанія животныхъ, менѣе разнящихся по возрастамъ, оказывается часто очень вреднымъ при воспитаніи ребенка цивилизованныхъ людей. Сравнительно очень значительная продолжительность внѣматочнаго, или воспитательнаго, развитія дѣтей является дальнѣйшимъ, очень неблагопріятнымъ условіемъ для воспитанія. Но, кромѣ указанной, есть еще и другія причины, мѣшающія правильному воспитанію дѣтей. Онѣ лежатъ столь же глубоко, какъ и та, о которой мы до сихъ поръ говорили. Онѣ лежатъ именно въ самыхъ условіяхъ физическаго развитія дѣтскаго организма. Научно доказанные факты свидѣтельствуютъ, что та гармонія, которая (и то въ извѣстной только степени) устанавливается во взросломъ организмѣ между различными частями тѣла, составляетъ одно изъ позднѣйшихъ явленій развитія, и что въ ребенкѣ существуютъ такіе органы, которые окончательно развиваются ранѣе, нежели они должны функціонировать. Въ развитіи человѣческаго организма мы встрѣчаемъ вообще несоразмѣрность въ относительномъ развитіи органовъ, которая и служитъ источникомъ многихъ вредныхъ организму дѣйствій и составляетъ существенное препятствіе правильному воспитанію. Это положеніе уяснится слѣдующимъ рядомъ фактовъ.

Изслѣдованія Гартинга [1]) показали, что новорожденный ребе-

[1]) Recherches micrométriques. Utrech. 1854.

нокъ имѣетъ уже полное число нервныхъ волоконъ и, что утолщеніе нервовъ, обнаруживающееся во время дальнѣйшаго развитія, совершается на счетъ утолщенія одной оболочки (неврилеммы) уже готовыхъ нервныхъ волоконъ.

Вотъ цифры:

	Срединный нервъ руки.	Бедренный нервъ.
У новорожденнаго ребенка	20,906	37,297
У взрослаго человѣка	22,560	35,416

Тѣ небольшія различія, которыя замѣчаются въ этихъ цифрахъ, очевидно указываютъ на существованіе индивидуальныхъ (хотя и очень небольшихъ) особенностей въ числѣ нервныхъ волоконъ. Приписывать же эти отличія росту мы не можемъ, такъ какъ одинъ нервъ у новорожденнаго оказался содержащимъ меньше, а другой, наоборотъ, больше волоконъ, чѣмъ у взрослаго. Въ дѣлѣ развитія нервовъ мы, слѣдовательно, видимъ совершенно обратное тому, что было вообще сказано о развитіи человѣка. Въ то время какъ нервы, по числу составляющихъ ихъ волоконъ, представляются почти совершенно одинаковыми у новорожденнаго и у взрослаго,— другіе анатомическіе признаки, напримѣръ, устройство черепа, представляютъ намъ сравнительно огромныя отличія у новорожденнаго и у взрослаго человѣка. Имѣя, съ одной стороны, въ виду указанный фактъ относительно развитія нервовъ, съ другой же стороны, принимая въ расчетъ, что у ребенка эти нервы распространены на (абсолютно, а не относительно) меньшей поверхности, чѣмъ у взрослаго, мы можемъ уже видѣть, что у ребенка чувствительность должна быть болѣе значительна, чѣмъ у взрослаго, если только въ дѣтскомъ организмѣ не существуетъ какихъ-либо причинъ, препятствующихъ развитію чувствительности. Экспериментальнымъ рѣшеніемъ этого вопроса занялся извѣстный физіологъ Чермакъ [1]). Онъ дѣлаетъ съ помощью Веберовскаго метода измѣренія осязательной способности дѣтей, а потомъ сравниваетъ полученныя цифры съ тѣми, которыя добылъ Веберъ при измѣреніи осязанія у взрослыхъ. Самый методъ подобнаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, что наблюдатель дотрогивается, слегка надавливая, до кожи наблюдаемаго человѣка обѣими ножками циркуля, болѣе или менѣе раздвинутыми, разомъ. Наблюдаемый субъектъ, не видя, разумѣется, циркуля, долженъ опредѣлить: ощущаетъ ли онъ уколъ въ одномъ только мѣстѣ, или же ясно различаетъ два укола отъ обѣихъ ножекъ. Роль наблюдателя заключается въ томъ,

[1]) Physiologiche Studien. III. Beiträge zur Physiologie des Tastsinnes, въ Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien, 1855, т. XV, стр. 466.

чтобы замѣтить и вымѣрить разстояніе между ножками циркуля, необходимое для того, чтобы вызвать начало ощущенія двойного укола. Это разстояніе бываетъ различно, смотря по тому, къ какой части тѣла прикладывается циркуль. Такъ, напримѣръ, чтобы получить явственное двойное ощущеніе отъ ножекъ циркуля на кончикѣ языка, нужно раздвинуть ихъ на $^1/_2$ парижской линіи; для того же, чтобы получить подобное же двойное ощущеніе на спинѣ, нужно раздвинуть ножки циркуля на 30 парижскихъ линій. Это разстояніе даетъ непосредственно мѣру тонкости того чувства, которое у физіологовъ называется *пространственнымъ чувствомъ кожи* (Raumsinn der Haut). Вотъ именно это-то чувство и опредѣлилъ Чермакъ для дѣтей. Онъ дѣлалъ опыты надъ четырьмя мальчиками отъ одиннадцати- до двѣнадцатилѣтняго возраста, которымъ измѣрялъ тонкость пространственнаго чувства на 37 различныхъ мѣстахъ кожи. *Всѣ полученныя имъ цифры (за исключеніемъ двухъ) меньше, чѣмъ соотвѣтствующія цифры у взрослыхъ, что прямо указываетъ на бо́льшую тонкость пространственнаго чувства у мальчиковъ.* Возьмемъ для примѣра нѣсколько подобныхъ цифръ:

Часть кожи.	Разстояніе конповъ циркуля въ линіяхъ. Взросл.	Мальчикъ 11 л. 9 м.	Мальчикъ 12 лѣтъ.	Мальчикъ 11 лѣтъ.	Мальчикъ 12 лѣтъ.
Красная поверхность губы	2	1	$^3/_4$	1	1
Некрасная часть губы	4	3	3	2	3
Спинная поверхн. перв. сустава пальц. . .	7	5	4	5	5
Внутренняя поверхн. губъ близъ десенъ . .	9	5	6	6	6
Покрытая волосами ниж. часть затылка . .	12	8	10	8	9
Верхняя поверхность руки	14	9	10	9	12
Шея подъ нижней челюстью	15	9	10	8	10
Кожа надъ грудной костью	20	16	15	15	14

Изслѣдованія Чермака показываютъ, что съ увеличеніемъ роста чувствительность постепенно притупляется, что, очевидно, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ увеличенія (абсолютнаго) наружной поверхности тѣла. Это положеніе Чермакъ доказываетъ и другимъ рядомъ опытовъ, именно изслѣдованіемъ тонкости пространственнаго чувства въ растянутой и нормальной кожѣ, при чемъ первая оказывается менѣе чувствительною, чѣмъ послѣдняя. Сравнивая результаты всѣхъ опытовъ, Чермакъ пришелъ также къ выводу [1]),

[1]) l. c., стр. 499.

что притупленіе кожной чувствительности при возрастаніи человѣка совершается не только вслѣдствіе различныхъ, хотя и неизвѣстныхъ, измѣненій въ органахъ центральной нервной системы (т.-е. въ мозгу). Къ сожалѣнію, этотъ выводъ не такъ научно доказанъ, какъ выводъ о большей чувствительности кожи у дѣтей, а поэтому мы не можемъ брать его за основаніе для дальнѣйшихъ соображеній [1]). Во всякомъ случаѣ, однако, мы должны здѣсь обратить вниманіе на то, что центральные нервные органы должны имѣть очень большое вліяніе на развитіе чувствительности. Новорожденный ребенокъ (какъ мы выше видѣли) имѣетъ приблизительно такое же число нервныхъ волоконъ, какъ и взрослый, а между тѣмъ мы не имѣемъ никакой возможности утверждать, чтобы онъ чувствовалъ интенсивнѣе взрослаго человѣка, а тѣмъ болѣе интенсивнѣе болѣе развитого ребенка. Чувствительность не есть простое отправленіе нервныхъ волоконъ; она зависитъ отъ центральной нервной системы: привычка чувствовать и вниманіе необходимы для тонкости ощущенія, а ихъ недостаетъ новорожденному или вообще очень маленькому ребенку. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, за исключеніемъ ранняго дѣтскаго возраста, чувствительность кожи у дѣтей вообще сильнѣе, чѣмъ у взрослыхъ. Этотъ фактъ считается общепринятымъ въ наукѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ столь же положительныхъ данныхъ относительно сравнительной тонкости другихъ чувствъ у ребенка и у взрослаго человѣка. Но многіе факты допускаютъ предположеніе, что и они чрезвычайно развиты у ребенка. Такъ, напримѣръ, такъ называемое мускульное чувство должно быть въ высшей степени развито даже у такихъ маленькихъ дѣтей, у которыхъ пространственное чувство кожи, по всей вѣроятности, стоитъ на далеко меньшей степени развитія. Всякій, наблюдавшій очень маленькихъ дѣтей, вѣроятно замѣтилъ, что они во время бодрствованія постоянно двигаютъ то однимъ, то другимъ изъ своихъ членовъ: они, какъ говорятъ, «ужасно кривляются». Они до чрезвычайности любятъ, чтобы ихъ качали, носили, подымали и пр.; плачутъ, когда ихъ кладутъ на мѣсто, и успокаиваются, когда ихъ опять берутъ на руки. Это прямо указываетъ, именно, на такъ называемую мускульную чувствительность. Если мы примемъ въ соображеніе указанную Гартингомъ особенность числового развитія нервныхъ волоконъ, то и тутъ увидимъ подтвержденіе предположенія объ усиленной мускульной чувствительности дѣтей. Если число нервныхъ волоконъ, идущихъ отъ муску-

[1]) См. *Wundt.* Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung, въ Zeitschrift für rationelle Medicin, 1858, стр. 248.

ловъ къ нервнымъ центрамъ, приблизительно одинаково у ребенка и у взрослаго, то очевидно, что при абсолютно меньшей величинѣ дѣтскихъ мускуловъ, нервы ихъ будутъ расположены гуще, а слѣдовательно и мускульная чувствительность (притомъ нервные центры будутъ способствовать этому) должна быть сильнѣе. То обстоятельство, что нервные центры ребенка дѣйствительно способны къ сильнымъ мускульнымъ ощущеніямъ, показывается уже вышеприведенными примѣрами. Относительно развитія четырехъ болѣе концентрированныхъ чувствъ (зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса) мы знаемъ очень немногое. Существуетъ, однако, фактъ, доказанный Кусмаулемъ [1]), что очень скоро послѣ появленія на свѣтъ дѣти уже способны различать вкусъ различныхъ предметовъ и получать явственно выраженное неудовольствіе и удовольствіе отъ вкусовыхъ ощущеній. Значительная степень развитія чувствительности, соединенная съ сравнительно очень быстрымъ теченіемъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ въ организмѣ, составляетъ очень важную причину страстности, характеризующей вообще дѣтскій нравъ. Подобный характеръ получаетъ полную возможность развиваться вслѣдствіе того, что удерживающіе страстность моменты, т.-е. умъ и воля, у ребенка представляются сначала вовсе неразвитыми, а потомъ—развитыми, но сравнительно очень слабо. Хотя наука не можетъ непосредственно показать степень развитія волевого аппарата, но тѣмъ не менѣе существуютъ данныя для того, чтобы составить себѣ понятіе о сравнительно позднемъ развитіи этого регулятора человѣческой жизни. Ребенокъ очень долго не проявляетъ воли при выведеніи экскрементовъ, въ то время какъ непроизвольное выведеніе ихъ наружу обыкновенно служитъ для него однимъ изъ поводовъ, возбуждающихъ страстность. Ребенокъ обыкновенно кричитъ, когда онъ чувствуетъ себя мокрымъ, но тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи подчинить своей волѣ мочеиспускательныхъ движеній. Неравномѣрное развитіе чувствительныхъ и волевыхъ аппаратовъ въ организмѣ ребенка оказываетъ, очевидно, очень большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе характера и на всю моральную жизнь человѣка. Руссо уже зналъ, что причина слабости человѣческаго характера кроется въ неравномъ отношеніи между желаніями человѣка и его силами, но онъ думалъ, что подобное неравенство составляетъ одинъ изъ продуктовъ дурного воспитанія. «D'où vient la faiblesse de l'homme?» спрашиваетъ Руссо [2]), «De l'inégalité qui se trouve entre sa force et ses

[1]) Ueber das Seelenleben der Neugeborenen. Leipzig. 1859.

[2]) Emile. Paris. 1836. T. II, стр. 5.

désirs. Ce sont nos passions qui nous rendent faibles, parce qu'il faudrait pour les contenter plus de forces que nous en donna la nature».

Нужно прибавить, что природа дала намъ не только менѣе силъ, чѣмъ сколько необходимо для удовлетворенія нашихъ желаній, но что она же и дала намъ эти чрезмѣрныя желанія, такъ какъ она снабдила человѣческій организмъ усиленной чувствительностью, что, какъ мы видѣли, непосредственно доказывается научнымъ опытомъ. Сопоставляя только что выведенный результатъ съ тѣмъ, что было сказано выше о существенномъ отличіи въ развитіи человѣка и другихъ млекопитающихъ, легко убѣдиться въ томъ, что чѣмъ дальше продолжается воспитательное (внѣматочное) развитіе и чѣмъ медленнѣе устанавливается равновѣсіе (въ той мѣрѣ, въ какой оно только можетъ установиться) между страстностью и волею, тѣмъ крупнѣе должны быть послѣдствія неравновѣсія между этими двумя двигателями жизни. Послѣдствія эти должны особенно усиливаться тамъ, гдѣ существуетъ наибольшее развитіе между взрослымъ и молодымъ организмомъ. Имѣя въ виду эти выводы и принимая въ соображеніе выше показанные факты, что воспитательное развитіе человѣка продолжается дольше соотвѣтствующаго періода у другихъ животныхъ, и что новорожденный ребенокъ сравнительно больше разнится отъ взрослаго человѣка, чѣмъ крайніе возрасты у другихъ высшихъ животныхъ, мы, очевидно, должны придти къ заключенію, что неравномѣрность въ развитіи чувствительности и воли всего значительнѣе и всего вліятельнѣе будетъ у человѣка. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается непосредственнымъ наблюденіемъ. «Ни одно животное,— говоритъ Бурдахъ[1]),—послѣ своего рожденія не представляется столь нетерпѣливымъ и столь страстно желающимъ, какъ человѣкъ: онъ одинъ только считаетъ предѣлы своей жизни нестерпимыми». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ развитія несоразмѣрность между двумя основными качествами человѣческаго характера, т.-е. чувствительностью и страстностью, съ одной стороны, и умомъ и волею, съ другой, приходитъ въ большее или меньшее равновѣсіе, но несомнѣнно также и то, что первоначальная несоразмѣрность оставляетъ глубокіе дальнѣйшіе слѣды, которые во множествѣ случаевъ выражаются и у взрослыхъ людей въ преобладаніи страстности надъ волею. Это важное обстоятельство должно обращать на себя все вниманіе воспитателей при выработкѣ характера силою воспитанія. Такъ какъ для научнаго рѣшенія вопроса о воспитаніи установленіе по возможности полнаго понятія о природной, естественной

[1]) Traité de Physiologie, trad. par Jourdan. Paris. 1839, т. IV, стр. 420.

несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ частей организма играетъ весьма важную роль, то мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію наиболѣе осязательныхъ примѣровъ подобной несоразмѣрности. Очень убѣдительные факты въ этомъ отношеніи представятъ намъ нѣкоторые моменты изъ исторіи развитія половыхъ органовъ. По всей вѣроятности, въ тѣсной связи съ описаннымъ выше значительнымъ развитіемъ кожной чувствительности у дѣтей находится и очень раннее развитіе той особенной формы осязанія, которая составляетъ половое ощущеніе. Всѣмъ извѣстно изъ обыденной жизни, въ особенности же хорошо извѣстно это кормилицамъ и нянюшкамъ, что еще грудныя дѣти получаютъ очевидное удовольствіе отъ болѣе или менѣе продолжительнаго прикосновенія къ ихъ наружнымъ половымъ органамъ. Въ раннемъ возрастѣ дѣти получаютъ такое удовольствіе обыкновенно отъ случайнаго тренія, потомъ уже сами начинаютъ доставлять себѣ наслажденіе, и въ огромномъ множествѣ случаевъ развиваютъ въ себѣ всѣмъ извѣстный и до чрезвычайности распространенный порокъ—онанизмъ. Я не имѣю ни возможности, ни надобности подробно распространяться здѣсь объ этомъ порокѣ, такъ какъ теперь онъ важенъ для насъ единственно, какъ примѣръ несоразмѣрности въ развитіи различныхъ аппаратовъ половой системы. Существенно то, что чувствительный половой аппаратъ начинаетъ дѣйствовать гораздо раньше, чѣмъ всѣ остальные аппараты половой системы—фактъ, представлляющій намъ новый примѣръ преждевременнаго развитія страстныхъ элементовъ. Это обстоятельство совершенно уясняется основнымъ фактомъ развитія нервовъ, указаннымъ впервые Гартингомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если число волоконецъ чувствительнаго нерва половыхъ органовъ не увеличивается по мѣрѣ выростанія организма и если (въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія) нервные центры способны у дѣтей къ половому ощущенію, то ясно, что и въ наружныхъ гениталіяхъ ребенка нервныя волоконца будутъ размѣщены гуще, чѣмъ у взрослаго человѣка. Несоотвѣтствіе подобнаго эмбріологическаго явленія очевидно каждому: въ то время, какъ половые органы, т.-е. ихъ внутреннія главнѣйшія части, находятся еще въ такомъ состояніи, когда они рѣшительно не могутъ совершать своего отправленія, въ то самое время половое чувство уже настолько обособлено, что ребенокъ получаетъ возможность злоупотреблять имъ и доставлять себѣ тѣмъ большой вредъ. Въ доказательство того, что это чувство очень сильно требуетъ удовлетворенія (разумѣется, не «нормальнаго»), мы можемъ привести повсемѣстное распространеніе онанизма. Бартъ говоритъ[1]),

[1]) Цитировано у *Вайца*, въ Antropologie der Naturvölker, II, стр. 206.

что, несмотря на отсутствіе всякихъ неестественныхъ пороковъ между обитателями Золотого Берега Африки, онанизмъ у нихъ сильно распространенъ. О вредномъ вліяніи на весь организмъ этого порока, происходящаго, именно, вслѣдствіе преждевременнаго развитія половой чувствительности, всякій имѣетъ большее или меньшее понятіе, и хотя онъ, положимъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ прямо опасенъ, но зато всегда производитъ сильное вліяніе на развитіе столь распространенной «нервности» организма. Много нервныхъ болѣзней обязаны своимъ происхожденіемъ онанизму. И весьма вѣроятно, что этотъ же порокъ составилъ сильную долю того «penchant a dégénérer», котораго существованіе предположилъ въ себѣ Ж.-Ж. Руссо, т.-е. что онъ въ значительной мѣрѣ повліялъ на развитіе безгранично страстнаго характера великаго мыслителя. Чѣмъ дольше продолжается періодъ отъ проявленія половой чувствительности до начала «нормальной» дѣятельности половыхъ органовъ, тѣмъ дольше будетъ организмъ подверженъ пороку, который будетъ производить тѣмъ худшее вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь животнаго. Такъ какъ именно этотъ періодъ всего дольше продолжается у человѣка, то понятно, что на него всего сильнѣе и должна повліять природная несоразмѣрность въ развитіи половыхъ органовъ, т.-е. слишкомъ преждевременное появленіе полового чувства. Какъ ни длиненъ, сравнительно, періодъ развитія человѣка отъ начала появленія полового чувства до общаго созрѣванія половыхъ органовъ, но все же послѣдній моментъ оказывается, въ свою очередь, также слишкомъ преждевременнымъ. Время появленія половой зрѣлости различно у различныхъ половъ и у различныхъ народовъ. «Мы должны признать, — говоритъ Бурдахъ [1]),—что существуетъ общее правило, по которому чѣмъ совершеннѣе развивается общечеловѣческій характеръ, тѣмъ позже появляется половая зрѣлость». Это положеніе дѣйствительно подтверждается многими фактами. У народовъ, населяющихъ берега Амазонской рѣки, половая зрѣлость дѣвочки появляется приблизительно въ 12 лѣтъ; въ тотъ же срокъ появляется она и у нецивилизованныхъ сѣверныхъ народовъ Сибири. Очень рано появляется она также у жителей марокканской пустыни и у обитателей Индіи. У негритянскихъ и монгольскихъ народовъ половая зрѣлость появляется вообще раньше, чѣмъ у европейцевъ, каковое отношеніе не измѣняется и при переселеніи этихъ народовъ въ другіе климаты. Для европейскихъ дѣвочекъ нужно принять пятнадцатилѣтній возрастъ за средній срокъ появленія половой зрѣлости. У европей-

[1]) Traité de Physiologie, т. V, стр. 40.

скихъ мальчиковъ этотъ періодъ наступаетъ обыкновенно отъ 15-ти до 18-тилѣтняго возраста.

Какимъ бы колебаніямъ ни подвергались среднія цифры наступленія періода половой зрѣлости, во всякомъ случаѣ, въ общемъ результатѣ выходитъ, что этотъ періодъ появляется слишкомъ преждевременно по отношенію къ общему, цѣлостному развитію организма и, напротивъ, черезчуръ поздно сравнительно съ появленіемъ полового чувства. Несоразмѣрность въ появленіи полового чувства и половой зрѣлости служитъ причиною продленія того «ненормальнаго» періода, когда ребенокъ долженъ прибѣгать къ «неестественнымъ» средствамъ самоудовлетворенія. Несоразмѣрность же въ относительномъ наступленіи періода половой и общей зрѣлости организма производитъ очень много разнообразныхъ дурныхъ послѣдствій въ другой формѣ. Всякому болѣе или менѣе извѣстно, какое вліяніе производитъ половое воздержаніе на весь организмъ и въ какой мѣрѣ оно обусловливаетъ нервныя болѣзни (особенно у дѣвушекъ). Съ другой стороны, извѣстно также, что вступленіе въ бракъ дѣвицъ въ молодомъ возрастѣ служитъ очень важной причиной болѣзненности и даже смертности молодыхъ женщинъ. Если мы примемъ (согласуясь, разумѣется, съ научными данными), что періодъ общей зрѣлости организма появляется въ Европѣ приблизительно въ 20 лѣтъ для дѣвочекъ и въ 24 года для мальчиковъ, то у насъ получится продолжительность несоразмѣрности въ половой и общей зрѣлости, равная пяти годамъ для дѣвочекъ и отъ шести до восьми лѣтъ для мальчиковъ. До какой степени вредно, даже просто въ физическомъ отношеніи, вступленіе молодыхъ дѣвушекъ и юношей въ бракъ, можно уже видѣть изъ прилагаемыхъ статистическихъ данныхъ [1]). Въ періодъ отъ 1855 до 1857 года во Франціи умерло особъ женскаго пола въ возрастѣ:

	Изъ 1000 замужнихъ женщинъ.	Изъ 1000 незамужнихъ (дѣвушекъ).
15—20 лѣтъ	14,0	8,0
20—25 „	9,8	8,5
30—40 „	9,1	10,3
40—50 „	10,0	13,8

Относительно сравнительной смертности женатыхъ и неженатыхъ юношей въ періодѣ отъ 15 до 20-тилѣтняго возраста мы имѣемъ слѣдующія цифры: изъ 1000 женатыхъ—29,3 ежегодно, изъ 1000 неженатыхъ только 6,7. Очевидно, что приведенный примѣръ не-

[1]) См. *Oesterlen.* Handbuch der medicinischen Statistik. Tübingen, 1865, стр. 193.

соразмѣрнаго развитія половой зрѣлости съ общей зрѣлостью организма всего болѣе оказываетъ вліянія на народы, стоящіе во главѣ цивилизаціи. Тамъ, гдѣ вступленіе въ бракъ составляетъ нѣчто большее, чѣмъ простое сожительство, гдѣ при выборѣ супруговъ въ значительной мѣрѣ участвуютъ многіе нравственные моменты, самое время заключенія брака должно болѣе или менѣе отодвигаться, удлиняя тѣмъ и безъ того продолжительный періодъ, начинающійся съ половой зрѣлости. Поэтому-то мы и видимъ, что обыкновенно въ низшихъ слояхъ браки заключаются вообще раньше, чѣмъ въ развитыхъ сословіяхъ, и у нецивилизованныхъ народовъ раньше, чѣмъ у болѣе цивилизованныхъ. Приведенные примѣры ясно показываютъ, что въ развитіи организма дѣйствительно существуютъ несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ аппаратовъ,—несоразмѣрности, которыя вообще тѣмъ значительнѣе, чѣмъ продолжительнѣе тянется весь періодъ воспитательнаго развитія. Но, кромѣ указанныхъ, существуетъ еще много другихъ подобныхъ же примѣровъ, которые въ настоящую минуту менѣе осязательны и потому менѣе убѣдительны. Вообще только дальнѣйшая научная разработка исторіи воспитательнаго развитія человѣка и другихъ животныхъ дастъ намъ полный отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы науки о воспитаніи. Въ настоящее время главная цѣль наша состояла въ указаніи путей, по которымъ должно идти изслѣдованіе, и въ раскрытіи главнѣйшихъ факторовъ, дѣйствующихъ при развитіи человѣка. Мы и теперь могли бы указать на нѣкоторые жизненные вопросы, которые до сихъ поръ не перестаютъ быть спорными и нерѣшенность которыхъ зависитъ, именно, отъ несоотвѣтствія въ относительномъ развитіи различныхъ человѣческихъ способностей,—несоотвѣтствія, въ основаніи котораго лежитъ, по всей вѣроятности, простое органическое несоотвѣтствіе во времени развитія нѣкоторыхъ частей нашего тѣла. Всѣмъ извѣстенъ главный философскій вопросъ, который съ самыхъ первыхъ временъ умственной жизни человѣчества раздѣлилъ его на двѣ большія партіи. Вопросъ этотъ заключается въ томъ, откуда человѣкъ получаетъ источники своего познанія. Получаются ли всѣ наши знанія изъ матеріала, добытаго нашими чувствами (nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu), или же существуютъ еще какія-нибудь основныя прирожденныя понятія, независимыя отъ ощущеній (nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu, nisi intellectus ipse)? Если этотъ вопросъ можетъ кѣмъ-нибудь считаться порѣшеннымъ, то уже во всякомъ случаѣ, никакъ не научно рѣшеннымъ, а практически. Зная, что положенія, основанныя на данныхъ, добытыхъ посредствомъ чувствъ, даютъ возможность съ положительной точ-

ностью предсказывать событія (какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, астрономія), мы, конечно, должны относиться съ довѣріемъ къ показанію чувствъ, взаимно контролируемыхъ. Но все же этимъ не можетъ окончательно разрѣшиться вопросъ: откуда и какимъ образомъ происходятъ и развиваются наши познанія? Если бы человѣкъ могъ запомнить первыя свои ощущенія и вообще если бы элементы, изъ которыхъ составляется человѣческое знаніе, не только входили въ различныя комбинаціи, но и оставляли бы по себѣ слѣдъ въ памяти, то, конечно, человѣкъ не отступалъ бы такъ часто отъ прямого пути логическаго мышленія, и спорный до сихъ поръ вопросъ, очевидно, вовсе не былъ бы вопросомъ. Въ томъ-то и дѣло, что первыя наши ощущенія, играя громаднѣйшую роль въ исторіи развитія познанія, совершенно недоступны памяти, которая, очевидно, развивается позже, чѣмъ слѣдовало бы... Изъ всего сказаннаго нами выше слѣдуетъ, что въ развитіи самаго организма находятся условія, имѣющія дурное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе. Эти условія заключаются, главнымъ образомъ, въ неравномѣрномъ развитіи такихъ частей, «нормальное» отправленіе которыхъ должно составлять нѣчто гармонически цѣлое. Изъ сказаннаго легко видѣть также, что чѣмъ долѣе продолжается воспитательное развитіе, тѣмъ сильнѣе выражается и дѣйствіе неравномѣрнаго развитія органовъ. Этотъ выводъ даетъ намъ, между прочимъ, возможность объяснить себѣ причину разлада между педагогами-теоретиками и педагогами-практиками, о которомъ мы сказали въ началѣ нашей статьи. Теоретики, какъ Руссо, обращая вниманіе только на одну сторону дѣла, именно на черезчуръ значительное усложненіе условій воспитанія у цивилизованныхъ народовъ сравнительно съ болѣе простыми условіями воспитанія такъ наз. дикарей, и на происходящія отъ этого невзгоды, возстаютъ противъ отдаленія человѣка отъ природы и ищутъ спасенія въ безпрекословномъ слѣдованіи «указаніямъ природы». Они при этомъ упускаютъ изъ виду, что именно уклоненіе человѣка отъ «указаній природы» и та быстрая порча, на которую сѣтуетъ Руссо, составляютъ прямой и необходимый результатъ особенностей самаго организма. Понятно, почему практики не могли и не должны были останавливаться на теоріи «естественнаго воспитанія». Они должны были хорошо видѣть, что эта теорія хороша только на бумагѣ, а что въ дѣйствительности она непримѣнима, такъ какъ самое строгое слѣдованіе ея правиламъ не могло устранить препятствій, составляющихъ результатъ естественной неравномѣрности въ развитіи организма. Поставивши такимъ образомъ вопросъ о воспитаніи на почву индуктивной науки, можно указать приблизительно и на задачи педагогіи.

Возрастъ вступленія въ бракъ.

Антропологическій очеркъ.

I.

Возрасты и отношенія ихъ къ развитію.—Высшія и низшія человѣческія расы.—Общій выводъ о возрастахъ человѣка.

Основной темой для соображеній, которыя я намѣренъ развить въ этомъ очеркѣ, я выбралъ положеніе, являющееся простымъ выводомъ изъ суммы фактовъ и гласящее, что если какой-нибудь видъ или индивидуумъ животнаго дѣлаетъ шагъ впередъ противъ своихъ собратій, то отношенія возрастовъ у него мѣняются и тѣмъ самымъ являются причиной различныхъ, иногда довольно сложныхъ, измѣненій. Положеніе это всего лучше объясняется примѣрами. Возьмемъ двухъ обыкновеннѣйшихъ въ нашихъ водахъ амфибій, тритона и лягушку, животныхъ, стоящихъ близко другъ къ другу въ зоологической системѣ. Изъ этихъ двухъ видовъ лягушка занимаетъ высшее мѣсто въ системѣ, слѣдовательно дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ шагъ впередъ противъ своего собрата—тритона. Въ то время какъ послѣдній всю свою жизнь сохраняетъ форму удлиненнаго, похожаго на ящерицу животнаго съ короткими ногами и длиннымъ хвостомъ, лягушка только въ теченіе нѣкотораго времени является въ видѣ тритонообразнаго хвостатаго существа; при дальнѣйшемъ развитіи она теряетъ признаки, дѣлающіе ее столь похожею на тритона, и пріобрѣтаетъ свойства, характеризующія ее какъ настоящую лягушку. Другими словами, взрослая лягушка несравненно менѣе похожа на себя въ личиночномъ состояніи, нежели тритонъ, который какъ бы соотвѣтствуетъ лягушкѣ въ ея хвостатомъ, личиночномъ возрастѣ. Отсюда явно слѣдуетъ, что у лягушки развитіе будетъ болѣе сложное и болѣе длинное, чѣмъ у тритона; у нея совершается такъ называемое полное превращеніе, тогда какъ развитіе тритона подойдетъ подъ категорію простой метаморфозы. Другой примѣръ мы возьмемъ изъ области

такъ называемыхъ ракообразныхъ животныхъ. Личинки, выходящія изъ яицъ омара, хотя и похожи общимъ видомъ на взрослую форму, но отличаются отъ нея главнымъ образомъ раздвоенными ногами, приближаясь въ этомъ отношеніи къ нѣкоторымъ мелкимъ морскимъ ракамъ, сходнымъ съ креветками и извѣстнымъ подъ названіемъ раздвоенноногихъ. У послѣднихъ та особенность, которая характеризуетъ молодой возрастъ омара, остается на всю жизнь, подобно тому, какъ и у тритона хвостъ является органомъ постояннымъ, а не кратковременнымъ, какъ у лягушки; можно бы было привести еще цѣлый рядъ аналогичныхъ примѣровъ, но въ нихъ, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности, такъ какъ выводъ во всѣхъ случаяхъ будетъ одинъ и тотъ же, т.-е. что, прогрессируя въ развитіи, животное претерпѣваетъ измѣненіе въ распредѣленіи и отношеніи возрастовъ.

Теперь посмотримъ, можно ли въ средѣ рода человѣческаго отыскать явленія, подходящія подъ выведенное только что правило, слѣдовательно, явленія, которыя напоминали бы намъ развитіе амфибій и раковъ. Не выходя даже за предѣлы чистой зоологіи, мы можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Не всѣ виды человѣческаго рода представляютъ намъ одинаковую степень физическаго развитія: есть расы высшія и низшія; изъ нихъ послѣднія отличаются именно такими особенностями, которыя у первыхъ являются въ видѣ переходныхъ кратковременныхъ признаковъ. Я не стану разбирать здѣсь этого предмета во всей подробности, такъ какъ въ этомъ для нашей цѣли нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе, что я намѣренъ посвятить вопросу о группировкѣ человѣческихъ расъ особую статью. Для нашей цѣли достаточно указать въ общихъ чертахъ, безъ числовыхъ данныхъ, на тѣ признаки, которые извѣстны, конечно, всякому изъ моихъ читателей. Изъ представителей низшихъ расъ въ Европѣ всего болѣе распространены негры. Кто не знаетъ ихъ характернаго лица съ совершенно плоскимъ переносьемъ, широкимъ, какъ бы придавленнымъ носомъ, еще болѣе широкими и выдающимися губами и проч.? Всѣ эти особенности представляютъ прямую противоположность красиваго кавказскаго лица, отличающагося возвышеннымъ переносьемъ, длиннымъ, тонкимъ носомъ, тонкимъ «пропорціональнымъ» ртомъ и проч. Но сравните двѣ только что описанныя физіономіи съ лицомъ очень маленькаго дитяти любого европейскаго народа. Всѣмъ извѣстно, что лицо новорожденныхъ дѣтей сравнительно съ взрослыми крайне безобразно, и что безобразіе это главнымъ образомъ обусловливается необычайно широкимъ лицомъ, отсутствіемъ переносья, вздернутымъ широкимъ носомъ и

большими губами, т.-е. именно тѣми признаками, которые отличаютъ лицо негра отъ взрослаго европейца. Отсюда явно слѣдуетъ, что представители высшей человѣческой расы рождаются съ лицомъ, характеризующимъ низшія расы, подобно тому, какъ омаръ рождается съ раздвоенными ногами (Shizopoda), а лягушка—съ хвостомъ, составляющимъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей тритона. Въ то время какъ головастикъ при дальнѣйшемъ своемъ развитіи теряетъ жабры и хвостъ, новорожденный европеецъ претерпѣваетъ рядъ измѣненій, переводящихъ его безобразное негрообразное лицо въ красивое европейское. Все лицо значительно удлиняется, что главнымъ образомъ совершается на счетъ удлиненія носа, который изъ широкаго и раздавленнаго переходитъ въ прямой или загнутый и притомъ болѣе выдающійся; ротъ и губы принимаютъ нормальные размѣры и проч.

Низшія въ физическомъ отношеніи человѣческія расы и въ умственномъ отношеніи значительно отстаютъ отъ высшихъ, главнымъ представителемъ которыхъ для насъ будутъ всегда служить европейскіе народы. Что бы ни говорили объ умственныхъ способностяхъ негровъ и другихъ низшихъ расъ, высказанное только что положеніе все-таки останется непреложнымъ фактомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между неграми выдаются отдѣльныя личности, но это столь же мало измѣняетъ общій выводъ, какъ и то обстоятельство, что у негровъ иногда попадаются совершенно европейскія физіономіи. Этимъ также отнюдь не отвергается возможность совершенствованія негровъ, потому что при данныхъ условіяхъ всякое низшее существо можетъ быть переведено на болѣе высокую степень развитія, хотя само собою понятно, что это совершенствованіе при обыкновенныхъ условіяхъ есть дѣло величайшей трудности, часто же и вовсе невозможное. Поэтому, напримѣръ, меня нисколько не удивляютъ накопляющіеся съ каждымъ годомъ факты объ одичаніи негровъ въ Либеріи, на Гаити и въ Америкѣ, гдѣ они постепенно переходятъ къ язычеству и подчасъ даже вводятъ у себя людоѣдскіе обычаи.

Подобно тому, какъ дѣти наши въ ранней молодости напоминаютъ своими физіономіями лица низшихъ расъ, и въ умственномъ отношеніи они являются чрезвычайно похожими на дикарей. Это обстоятельство до такой степени рѣзко бросается въ глаза, что на него не разъ указывали какъ путешественники, такъ и кабинетные ученые. Имѣя въ виду большое значеніе этого факта для нашихъ дальнѣйшихъ соображеній, я считаю нужнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Кто не знаетъ «дикихъ» выходокъ нашихъ мальчиковъ, главныя развлеченія которыхъ заключаются въ

борьбѣ, вознѣ, шумѣ и гвалтѣ; кого не поражаетъ ихъ неровный, пылкій характеръ, на который такъ сильно и такъ кратковременно дѣйствуютъ внѣшнія впечатлѣнія? Безграничная удаль, щегольянье выносливостью боли и другихъ непріятныхъ ощущеній одинаково характеризуютъ какъ нашего юношу въ гимназическомъ возрастѣ, такъ и индѣйца, считающаго крайне постыднымъ выказать страданіе, до какихъ бы предѣловъ оно ни дошло. У Леббока [1]) собрано довольно много фактовъ изъ отчетовъ различныхъ путешественниковъ, фактовъ, указывающихъ на поразительное сходство между поступками дѣтей и дикарей; особенный же интересъ представляютъ данныя, приведенныя Тэйлоромъ [2]) въ пользу того мнѣнія, что дѣтскія игры составляютъ остатокъ обычаевъ, бывшихъ въ употребленіи у взрослыхъ въ давнопрошедшія времена и сохранившихся донынѣ у различныхъ дикихъ народовъ. Первый изъ названныхъ авторовъ сообщаетъ также весьма важные факты, доказывающіе основное сходство многихъ языковъ первобытныхъ народовъ съ языкомъ нашихъ дѣтей, заключающееся въ стремленіи къ повторенію слоговъ. Въ то время какъ въ европейскихъ языкахъ подобныя слова являются какъ рѣдкія исключенія (напримѣръ, въ англійскомъ: adscititions, adventitions), у дѣтей они составляютъ главнѣйшую часть лексикона (папа, мама, дядя, няня, ляля, вава и проч.), а также весьма распространены въ языкахъ негритянскихъ народовъ, полинезійцевъ и другихъ «дикарей» (напримѣръ, Kamehameha, Rivi-Rivi, susu, papah и проч.).

Мысль о сходствѣ дѣтей съ первобытными дикарями далеко еще не разработана въ той мѣрѣ, какъ она того заслуживаетъ, хотя на нее уже съ давнихъ поръ было обращено вниманіе ученыхъ. Въ сущности, то же самое выражнетъ мнѣніе Огюста Конта [3]) и многихъ другихъ писателей, что въ развитіи отдѣльнаго индивидуума какъ бы вкратцѣ повторяется исторія всего человѣчества. Раннее дѣтство Контъ сравниваетъ съ періодомъ фетишизма въ развитіи человѣчества; слѣдующій затѣмъ возрастъ онъ какъ для отдѣльнаго индивидуума, такъ и для цѣлаго общества называетъ политеистическимъ періодомъ. Юность отдѣльнаго человѣка съ ея мечтами и идеалами онъ приравниваетъ метафизической стадіи развитія и т. п.

---

[1]) Origin of civilisation, 1870, стр. 402—409.

[2]) Первобытная культура. Томъ I, глава третья.

[3]) Philosophie positive. Томы IV—VI въ различныхъ мѣстахъ; напр.: „Le developpement individuel reproduit sous nos yeux, dans une succesion plus rapide et plus familiere, dont l'ensemble est alors mieux appréciable, quoique moins prononcé les principales phases du developpement social“ IV, стр. 447. Для животныхъ та же мысль была всѣхъ лучше формулирована Ф. Мюллеромъ въ сочиненіи: „Für Darvin“, 1864.

Итакъ, въ человѣческомъ родѣ, такъ же какъ и вообще въ органическомъ мірѣ, развитіе, начинаясь отъ одной исходной точки, идетъ впередъ, но останавливается въ одномъ мѣстѣ на такомъ пунктѣ, который въ другомъ случаѣ составляетъ только кратковременную переходную ступень. Съ этой точки зрѣнія низшія расы какъ бы задерживаются на опредѣленной стадіи развитія, подобно тому, какъ у тритона задерживается его длинный хвостъ, а у Shizopoda—ихъ раздвоенныя ноги.

Изъ всего сказаннаго неизбѣжно вытекаетъ тотъ простой выводъ, что между отдѣльными возрастами дикаря существуетъ несравненно большее сходство, чѣмъ между возрастами цивилизованнаго человѣка, подобно тому, какъ хвостатая личинка тритона гораздо болѣе похожа на взрослую форму, чѣмъ головастикъ—на лягушку. Личинка тритона съ того момента, когда она потеряла жабры и пріобрѣла четыре ноги, есть уже по всѣмъ признакамъ настоящій молодой тритонъ; соотвѣтствующая же стадія развитія лягушки будетъ еще головастикомъ-личинкой. То же самое и у человѣка. На низшихъ ступеняхъ юноша становится взрослымъ, начиная съ того момента, когда у него появились физическіе признаки взрослаго человѣка, когда онъ достаточно силенъ для того, чтобы собственными руками обезпечить жизнь свою и своего семейства. На высшихъ же ступеняхъ развитіе продолжается несравненно дольше, такъ какъ цѣль, которую оно должно достигнуть шире и глубже.

II.

Возрастъ вступленія въ бракъ у различныхъ народовъ.—Существованіе дисгармоніи въ развитіи человѣка.

Въ первой главѣ выставленъ принципъ, на которомъ будутъ основаны послѣдующія соображенія; цѣль же этихъ соображеній заключается въ томъ, чтобы уяснить отношеніе возрастовъ у народовъ, «остановившихся» на различныхъ ступеняхъ развитія. Для того, чтобы по возможности точно и подробно разработать этотъ вопросъ, имѣющій важное значеніе для общей антропологіи, я избралъ возрастъ вступленія въ бракъ, какъ наиболѣе подходящій къ нашей цѣли. Вступленіе въ брачную жизнь составляетъ довольно естественную переходную ступень отъ юношескаго къ зрѣлому возрасту и образуетъ рѣзкую черту, вліяющую на всю жизнь человѣка. Именно по этой причинѣ объ этомъ возрастѣ имѣется всего болѣе фактическихъ данныхъ, значительный запасъ которыхъ

необходимъ для основательнаго изученія занимающаго насъ вопроса. Собственно статистическія свѣдѣнія находятся только для вполнѣ цивилизованныхъ народовъ, для первобытныхъ же приходится ограничиться фактами, собранными путешественниками въ различныя времена. Мы начнемъ нашъ обзоръ съ первобытныхъ народовъ Африки, какъ съ племенъ, занимающихъ одну изъ низшихъ ступеней на лѣстницѣ человѣческаго рода. У готтентотовъ браки совершаются обыкновенно черезъ посредство родителей, при чемъ случается, что невѣсту сговариваютъ въ то время, когда она она еще не вышла изъ дѣтскаго возраста [1]). Нерѣдко бываетъ, что дѣвушекъ отдаютъ замужъ, когда имъ только что минуло восемь или девять лѣтъ [2]). Сходные обычаи встрѣчаемъ мы и у кафровъ. У нихъ выдаваніе замужъ есть родъ коммерческаго предріятія. Появленіе половой зрѣлости у дѣвочекъ сопровождается обыкновенно празднествами, при чемъ пирующіе предаются всевозможнаго рода эксцессамъ. На слѣдующее утро дѣвушка публично принимается въ число зрѣлыхъ женщинъ и съ того момента уже считается годной къ вступленію въ бракъ [3]). У негровъ мы видимъ то же самое, только въ еще болѣе рѣзкихъ размѣрахъ. Они гордятся полигаміей и стремятся получить елико возможно болѣе женъ. Король Ашанти можетъ имѣть 3333 жены, для чего ему нерѣдко приходится жениться на маленькихъ, даже еще не отнятыхъ отъ груди дѣвочкахъ. Вообще у негровъ въ большомъ употребленіи ранніе сговоры, такъ что нерѣдко родители условливаются уже относительно браковъ еще нородившихся дѣтей [4]). Для насъ всѣ эти факты имѣютъ потому особенное значеніе, что они показываютъ, во-первыхъ, простоту взглядовъ на брачныя отношенія, во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что и фактическій бракъ, т.-е. половое сожитіе, должно начинаться у негровъ сравнительно очень рано. Относительно послѣдняго пункта мы имѣемъ и болѣе прямыя указанія. По свидѣтельству многихъ путешественниковъ, наступленіе половой зрѣлости у мальчиковъ, такъ же какъ и у дѣвочекъ, ознаменовывается процессуальнымъ шествіемъ, при чемъ разряженная дѣвочка объявляется зрѣлой и готовой къ выходу замужъ [5]). Условія для вступленія въ бракъ негровъ-юношей

[1]) *Fritsch.* Die Eingeboren Süd-Africas. 1872, стр. 331.

[2]) *Reich.* Geschichte, Natur und Gesundheitslehre des ehelichen Lebens, 1864, стр. 324.

Единственное достоинство этого сочиненія заключается въ томъ, что въ немъ приведено очень много интересныхъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ.

[3]) *Fritsch,* 1, ., стр. 112.

[4]) *Reich,* стр 301—302.

[5]) *Waitz.* Antropologie der Naturvölker, II, стр. 110.

также чрезвычайно легки и просты. Для этого стоитъ только быть собственникомъ нѣсколькихъ трубокъ, стула, сундука, выстроить избу и поймать плѣннаго. Дѣвочки же выходятъ замужъ между десяти- и двѣнадцатилѣтнимъ возрастомъ [1]) (на сѣверо-гвинейскомъ берегу), или же, какъ напримѣръ, у негровъ племени Кичъ (по Бѣлому Нилу) въ четырнадцать лѣтъ [2]). Ранніе браки свойственны и другимъ народамъ Африки, принадлежащимъ къ кавказскому племени. Такъ, въ Абиссиніи дѣвочекъ отдаютъ замужъ необыкновенно молодыми [3]), въ Массауа юноши начинаютъ вступать въ бракъ съ семнадцати, а дѣвушки съ двѣнадцати лѣтъ (по показанію Мунцингера) [4]). То же сообщаетъ Рольфсъ [5]) и относительно марокканскихъ марабутовъ; онъ видѣлъ восьмилѣтнюю жену и тринадцатилѣтняго мужа.

Такъ какъ читателю легко можетъ показаться съ перваго взгляда, что на брачную жизнь только что перечисленныхъ народовъ имѣетъ преобладающее вліяніе жаркій климатъ цѣлой Африки, то я считаю необходимымъ тотчасъ же перейти къ обзору возраста вступленія въ бракъ у первобытныхъ народовъ, живущихъ въ холодномъ поясѣ земного шара. Относительно атхинцевъ (т.-е. обитателей Алеутскихъ острововъ, ближайшихъ къ Камчаткѣ), отецъ Веніаминъ [6]) сообщаетъ слѣдующее: «Вступать въ бракъ позволялось съ 10-тилѣтняго возраста, какъ время, въ которое мальчикъ могъ и долженъ былъ умѣть владѣть байдаркою и стрѣлами и, слѣдовательно, числиться въ числѣ промышленниковъ, а дѣвица—шить. Родители еще въ дѣтствѣ дѣлали сватовство другъ съ другомъ и назначали дѣтей своихъ супругами». Въ Аляскѣ (бывшей русской Америкѣ) браки заключаются также довольно рано; по словамъ американскаго путешественника Уимпера, у туземцевъ Аляски (Ко-Юконсъ) «пятнадцатилѣтняя дѣвушка или уже имѣетъ мужа, или же распускаетъ сѣти для подысканія такового [7])». О раннихъ бракахъ туземцевъ Камчатки упоминаетъ Эрманъ [8]). Гумбольдтъ говоритъ въ своемъ путешествіи по Южной Америкѣ [9]), что между эскимосками, камчадалками и корячками не-

1) *Reich.* 306.
2) Globus, 1871, т. XIX, стр. 181.
3) Globus, 1871, т. XIX, стр. 181.
4) Zeitschrift für allgemeine Erdkunde, 1859, стр. 99.
5) Reise durch Marokko etc. Bremen, 1868, стр. 88.
6) Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, 1840, т. III, стр. 9.
7) Globus, 1869, т. XVI, стр. 58.
8) Zeitschrift für Ethnologie, т. III, 1871, стр. 162.
9) Voyage aux régions équinoxiales du nouveau continent, т. III, 1817, стр. 293.

рѣдки матери десятилѣтняго возраста. У Клемма [1]) мы также находимъ, что эскимоски, остячки и самоѣдки часто рождаютъ, когда имъ только что исполнится пятнадцать лѣтъ. Къ сожалѣнію, ни Гумбольдтъ, ни Клеммъ не ссылаются на источники, вслѣдствіе чего сообщаемыя ими свѣдѣнія не могутъ быть подвергнуты критикѣ.

О тунгузахъ, принадлежащихъ также къ числу первобытныхъ народовъ холоднаго климата, мы имѣемъ свѣдѣнія, сообщенныя Георги. Въ его путешествіи по Россіи мы находимъ слѣдующее [2]): «для того, чтобы сберечь плату за невѣсту, родители охотно мѣняютъ своихъ дѣтей такимъ образомъ, что сынъ однихъ беретъ дочь другихъ, и наоборотъ». Между ними встрѣчаются пятнадцатилѣтніе мужья и двѣнадцатилѣтнія жены. Богатые сторговываютъ часто восьмилѣтнихъ дѣтей, которыя остаются у родителей невѣсты и спятъ вмѣстѣ. Послѣ рожденія перваго ребенка молодые отдѣляются.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о возрастѣ вступленія въ бракъ первобытнаго народа мнѣ удалось добыть относительно волжскихъ калмыковъ. Благодаря обязательности г. главнаго попечителя калмыцкаго народа К. И. Костенкова, я получилъ для изученія составленные ламаитскимъ духовенствомъ списки движенія народонаселенія калмыцкой степи; изъ всѣхъ данныхъ я, однакоже, могъ воспользоваться только возрастомъ вступленія въ бракъ, такъ какъ у калмыковъ вообще (какъ еще было замѣчено Палласомъ) обращается большое вниманіе не только на годъ рожденія, но даже на мѣсяцъ, день и проч. Абсолютныя же цифры числа бракосочетаній, рожденій и проч. вслѣдствіе неточности никуда негодны. Тотъ фактъ, что калмыки вступаютъ въ бракъ довольно рано, былъ уже замѣченъ сарептскимъ миссіонеромъ Веньяминомъ Бергманномъ [3]), написавшимъ извѣстное сочиненіе о калмыцкой степи. Болѣе же убѣдительны въ этомъ отношеніи слѣдующія числовыя данныя; изъ 279 дѣвушекъ, вышедшихъ замужъ (въ 1870 и 1871 годахъ):

8	находилось	въ	возрастѣ	14	лѣтъ	18—	въ	возрастѣ	21	года
5	„	„	„	15	„	6	„	„	22	„
30	„	„	„	16	„	6	„	„	23	„
65	„	„	„	17	„	4	„	„	24	„
53	„	„	„	18	„	1	„	„	26	„
54	„	„	„	19	„	1	„	„	27	„
28	„	„	„	20	„					

[1]) Allgemeine Kulturgeschichte, т. II 1843, стр. 207.

[2]) Bemerkungen einer Reise im russischen Reich, 1775, т. I, стр. 265.

[3]) Nomadische Streifereien unter den Kalmücken.

Maximum падаетъ, слѣдовательно, на семнадцатилѣтній возрастъ. Двадцатилѣтнихъ невѣстъ еще меньше, чѣмъ шестнадцатилѣтнихъ, послѣ же двадцати лѣтъ числа быстро спускаются до minimum'а; въ двадцать пять лѣтъ не было ни одной невѣсты; послѣ этого возраста было только два случая, да и тѣ, можетъ быть, означаютъ вступленіе во второй бракъ. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ относительно женившихся мужчинъ, менѣе точны, на томъ основаніи, что въ спискахъ для нихъ не обозначено, вступаютъ ли они въ первый или во второй бракъ. Вслѣдствіе этого общій показанный возрастъ будетъ нѣсколько больше истиннаго. Вотъ полученныя мною числа. Изъ 301 мужчины, вступившихъ въ бракъ, было:

2	въ возрастѣ	16	лѣтъ.	15	въ возрастѣ	26	лѣтъ.
14	„ „	17	„	14	„ „	27	„
20	„ „	18	„	20	„ „	28	„
28	„ „	19	„	7	„ „	29	„
32	„ „	20	„	1	„ „	30	„
37	„ „	21	„	3	„ „	31	„
19	„ „	22	„	3	„ „	32	„
35	„ „	23	„	2	„ „	33	„
23	„ „	24	„	2	„ „	38	„
23	„ „	25	„	1	„ „	51	„

На maximum (37) здѣсь приходится возрастъ 21 года; приблизительно столько же женившихся было однакоже и въ возрастѣ 20 (32) и 23 лѣтъ (35). Вообще у мужчинъ мы замѣчаемъ гораздо болѣе постепенный ходъ чиселъ, чѣмъ у невѣстъ, что отчасти обусловливается именно примѣшиваніемъ браковъ вдовцовъ. Съ семнадцати лѣтъ цифры начинаютъ сразу увеличиваться и точно такъ же быстро падаютъ послѣ 28 лѣтъ, такъ что брачными возрастами главнымъ образомъ слѣдуетъ считать двѣнадцатилѣтній періодъ между двумя указанными предѣлами. Обсуждая приведенныя числа, необходимо имѣть въ виду общія условія населенія калмыцкой степи и главнымъ образомъ то обстоятельство, что въ немъ общая сумма мужского населенія значительно превышаетъ женское,—обстоятельство, замедляющее совершеніе браковъ.

На основаніи приведенныхъ чиселъ, средній возрастъ вступленія въ бракъ выходитъ для жениховъ 22,8 лѣтъ, а для невѣстъ 18,3. О томъ, насколько эти возрасты ниже соотвѣтствующихъ цифръ для собственно европейскихъ народовъ, будетъ рѣчь впереди. Покамѣстъ же мы снова возвращаемся къ показанію возрастовъ для различныхъ первобытныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ, основываясь на отчетахъ путешественниковъ.

Отъ монгольскаго племени мы переходимъ къ малайскимъ и полинезійскимъ народамъ, при чемъ намъ придется ограничиться лишь очень немногими фактами, такъ какъ о возрастѣ вступленія въ бракъ у этихъ народовъ, столь интересныхъ съ точки зрѣнія семейной жизни, къ сожалѣнію, имѣется очень мало свѣдѣній. О малайскомъ народѣ острова Борнео, даякахъ, знаменитый натуралистъ Уоллесъ [1]) сообщаетъ слѣдующее: «браки совершаются рано (но не слишкомъ рано), и старые холостяки и дѣвушки здѣсь тоже неизвѣстны». Замѣчательно рано вступаютъ въ бракъ жители Мадагаскара (принадлежащіе также къ малайскому племени). По свидѣтельству путешественника семнадцатаго столѣтія Мегизеруса [2]), мальчики женятся въ возрастѣ отъ 10 до 12, дѣвочки въ возрастѣ 10 лѣтъ. О раннихъ бракахъ маорисовъ (туземцевъ Новой Зеландіи), жителей маленькаго острова Пуйнипетъ (принадлежащаго къ Каролинскому архипелагу) и Никобарскихъ острововъ, упоминается въ путешествіи фрегата «Novara» [3]). У меланезійцевъ, нравы которыхъ вообще гораздо строже, чѣмъ въ Полинезіи, въ большомъ употребленіи обрученіе маленькихъ новорожденныхъ или даже еще неродившихся дѣтей. Нерѣдко выдаютъ молодыхъ, еще еле достигшихъ половой зрѣлости дѣвушекъ за шестидесятилѣтнихъ стариковъ,—обычай, часто встрѣчающійся у полигамическихъ народовъ [4]). У меланезійскихъ туземцевъ Новой Каледоніи мужчины женятся между 17 и 18, а дѣвушки вступаютъ въ бракъ между 13 и 14 годами [5]). Туземцы острововъ Фиджи, отличающіеся поздно наступающей половой зрѣлостью, вступаютъ въ бракъ позже прочихъ меланезійцевъ; у нихъ прямо запрещается сожительство ранѣе 18 или 20 лѣтъ, т.-е. возраста, когда у мужчинъ отростаетъ густая борода [6]). Совершенно то же встрѣчаемъ мы и у нѣкоторыхъ племенъ юго-западной Австраліи [7]), такъ что нерѣдко мужчины не женятся до тридцатилѣтняго возраста. Этотъ обычай отчасти объясняется недостаткомъ женщинъ, отчасти же онъ обусловленъ и религіозными мотивами.

Америка представляетъ намъ цѣлый рядъ интересныхъ фактовъ. У большей части индѣйскихъ народностей мы встрѣчаемъ ранніе

[1]) Малайскій архипелагъ. Русск. пер., стр. 99.

[2]) *Рейхъ*, стр. 328.

[3]) Reise der österreichischen Fregatte „Novara". Beschreibende Theil, т. III, стр. 111, т. II, стр. 418, 86.

[4]) См. Герлянда продолженіе соч. Вайца. Antropologie der Naturvölker, т. IV, стр. 631, 632.

[5]) Ausland. 1866, стр. 450.

[6]) Герляндъ въ Вайцъ, Антропологія, т. VI, стр. 630.

[7]) *Герляндъ*, l. c., стр. 715, 778.

браки, у южно-американскихъ индѣйцевъ они заключаются нѣсколько ранѣе, чѣмъ у сѣверо- и средне-американскихъ народовъ. Наступленіе половой зрѣлости считается моментомъ, съ котораго можетъ быть начинаема брачная жизнь. Такимъ образомъ, лаплатскимъ индѣйцамъ разрѣшается вступленіе въ бракъ съ 12 лѣтъ для дѣвушекъ и съ 14 лѣтъ для мальчиковъ, т.-е. именно въ то время, около котораго у нихъ наступаетъ половая зрѣлость [1]). Нѣкоторыя индѣйскія дѣвушки (народа Варрау, нѣкоторыхъ бразильскихъ народовъ и проч.) выходятъ замужъ уже въ 10 лѣтъ. Бурмейстеръ, описывая бразильскій народъ Короадосовъ, упоминаетъ объ обрядахъ, совершаемыхъ при наступленіи первой менструаціи у дѣвушекъ, и прибавляетъ, что къ этому времени онѣ считаются способными къ вступленію въ бракъ, что онѣ и выполняютъ обыкновенно примѣрно въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ. То же самое сообщаютъ и относительно перуанскихъ дикарей. Дѣвушки гуарановъ (парагвайскихъ индѣйцевъ) вступаютъ въ бракъ между 10 и 12 годами, а юноши нѣсколько позже, и проч., и проч. Исключеніе изъ общаго правила раннихъ браковъ составляютъ между нынѣшними индѣйцами только парагвайскіе абипоны,—народъ, подробнымъ описаніемъ котораго наука обязана аббату Добрицгоферу. У нихъ дѣвушки въ рѣдкихъ случаяхъ выходятъ замужъ ранѣе 19 или 20 лѣтъ, юноши же почти никогда не женятся ранѣе достиженія двадцатипятилѣтняго возраста.

Въ противоположность нынѣшнимъ «дикимъ» индѣйцамъ, цивилизованные обитатели древней Мехики и Перу вступали въ бракъ значительно позже. Судя по словамъ историка Клавигера, юношамъ въ Мехикѣ разрѣшалось вступать въ бракъ отъ 20 до 22-лѣтняго возраста, подходящій же возрастъ для дѣвушки полагался между 16 и 18 годами. Еще болѣе поздній возрастъ назначался въ царствѣ Инковъ, гдѣ брачный возрастъ начинался съ 24 лѣтъ для мужчинъ и отъ 18 до 20-ти лѣтъ для дѣвушекъ. И у нынѣшнихъ индѣйцевъ, живущихъ къ западу отъ Миссисипи, сохранилось воспоминаніе о томъ, что въ прежнее время браки совершались позже, чѣмъ теперь.

Тотъ выводъ, который неизбѣжно вытекаетъ изъ только что указанныхъ фактовъ относительно Америки, еще съ большею рѣзкостью обнаруживается при обзорѣ народовъ индокавказскаго племени. И здѣсь низшимъ степенямъ культурнаго развитія соотвѣтствуетъ болѣе ранній возрастъ вступленія въ бракъ. Индусы и

---

1) *Рейхъ*, l. c. О вступленіи въ бракъ индѣйцевъ, стр. 365, 371, 374, 380, 404, 410, 420, 430, 432, 433, 435, 436, 445, 447, 455, 460.

родственные имъ цыгане занимаютъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ. У индусовъ также существуетъ обычай обрученія въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, но и самый бракъ у нихъ совершается, когда обрученные только что вступаютъ въ юношество. Дѣвушки выходятъ замужъ по достиженіи двѣнадцати или тринадцатилѣтняго возраста. То же встрѣчаемъ мы у цыганъ, разсѣянныхъ по странамъ, климатъ которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ тропическимъ климатомъ ихъ первоначальной родины. О раннихъ бракахъ этого народа мы имѣемъ нѣсколько указаній. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ, заимствованное мною изъ сочиненія Грелльманна: «по достиженіи 13 или 14 лѣтъ цыганскій юноша замѣчаетъ уже, что ему недостаетъ еще чего-то, кромѣ пищи и питья; а такъ какъ онъ такъ же мало озабоченъ дальнѣйшей судьбой, какъ и птицы небесныя, да и притомъ еще пользуется неограниченной свободой дѣйствій, то онъ тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу и женится на первой понравившейся ему дѣвушкѣ двѣнадцати, а въ крайнемъ случаѣ тринадцатилѣтняго возраста». Сингалезцы (обитатели острова Цейлона, столь извѣстные своей поліандріей) вступаютъ въ бракъ столь же рано и при тѣхъ же условіяхъ (обрученіе въ дѣтствѣ), какъ и индусы. Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ французскій путешественникъ дю-Перронъ о бракахъ парсовъ Гусураты, небольшого иранскаго народа Остъ-Индіи. Родители сговариваютъ дѣтей, когда послѣднимъ исполнилось три года; по достиженіи шестилѣтняго возраста ихъ уже поселяютъ вмѣстѣ, хотя бракосочетаніе совершается не ранѣе наступленія половой зрѣлости у невѣсты. Въ Кирманѣ парсы сговариваютъ девятилѣтнихъ дѣтей, въ бракъ же дозволяютъ вступать не ранѣе двѣнадцати лѣтъ, а истинный бракъ, т.-е. сожитіе, совершается тотчасъ послѣ наступленія менструаціи. Сходные обычаи по отношенію къ возрасту вступленія въ бракъ встрѣчаемъ мы у нѣкоторыхъ другихъ народовъ иранскаго семейства, какъ-то у персіанъ, курдовъ и армянъ. Позже другихъ совершаются браки у афганцевъ, у которыхъ обыкновенно юноши женятся на двадцатомъ, дѣвушки же выходятъ замужъ на пятнадцатомъ или шестнадцатомъ году. Такъ какъ, однакоже, пріобрѣтеніе жены стоитъ довольно большихъ денегъ, то нерѣдко случается, что мужчины до 40 лѣтъ остаются холостыми; двадцатилѣтнія дѣвы въ Афганистанѣ также не составляютъ рѣдкости.

Между народами Кавказа нѣкоторые, какъ, напримѣръ, грузины, вступаютъ въ бракъ чрезвычайно рано. Обрученіе у нихъ совершается часто еще въ то время, когда дѣти не вышли изъ колыбели, самый же бракъ нерѣдко совершается въ 15 лѣтъ для мальчика и въ 12 лѣтъ для дѣвочки. У другихъ же кавказскихъ

народовъ, какъ, напримѣръ, у хевзуровъ, дѣвушекъ выдаютъ замужъ на двадцатомъ году, хотя ихъ и обручаютъ еще въ дѣтствѣ. Мы уже видѣли выше, что нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ кавказскому племени народовъ Африки вступаютъ въ бракъ въ весьма раннемъ возрастѣ. То же мы должны теперь сказать и о нынѣшнихъ египтянкахъ, и объ африканскихъ арабскихъ дѣвушкахъ, которыя выходятъ замужъ иногда въ 10, большею же частью въ 12 или 13 лѣтъ. Дѣвушки алжирскихъ евреевъ также довольно рано вступаютъ въ бракъ (между 13 и 16 годами). Мужчинамъ же иногда приходится ждать до тридцатилѣтняго возраста. Алжирскіе мавры вступаютъ въ бракъ раньше (богатые юноши въ 13 лѣтъ, бѣдные позже). Тунисскіе мавры женятся въ 16 или 18, иногда даже въ 14 лѣтъ. Дѣвочки же выходятъ замужъ иногда ранѣе полнаго десятилѣтняго возраста. Тунисскіе евреи женятся между 16 и 20-ю годами, еврейки выходятъ между 12 и 15-ю годами.

Обратимся теперь къ болѣе подробнымъ свѣдѣніямъ, которыя представляетъ намъ статистика относительно европейскихъ народовъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ въ этомъ отношеніи странъ первое мѣсто по раннему вступленію въ бракъ занимаетъ Россія, какъ это недавно было показано профессоромъ Янсономъ, интересный этюдъ котораго послужилъ намъ источникомъ для слѣдующихъ данныхъ. «Въ Россіи браки заключаются ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо,— говоритъ названный ученый, сравнивая возрастъ вступленія въ бракъ въ Россіи и въ одиннадцати европейскихъ государствахъ. На возрастъ до 20 лѣтъ въ Россіи приходится около 47% всѣхъ браковъ, въ то время какъ въ Западной Европѣ % такихъ браковъ колеблется между 10 и 2%. Наоборотъ, несвоевременныхъ и позднихъ браковъ у насъ гораздо менѣе, особенно позднихъ; у насъ они даютъ около 1% всѣхъ браковъ, на западѣ Европы отъ 3 до 2%».

Разсматривая возрастъ вступленія въ бракъ по поламъ, г. Янсонъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «въ возрастѣ до 20 лѣтъ въ Западной Европѣ женится 1,5% мужчинъ, въ Россіи—36,9, т.-е. въ 24 раза больше; на 11,6% женщинъ, выходящихъ замужъ до 20 лѣтъ, въ Россіи приходится 56,6%, т.-е. почти въ пять разъ больше; слѣдовательно, для женщинъ ранніе браки у насъ не представляютъ такого характернаго явленія, какъ ранніе браки для мужчинъ. На одного мужчину, вступающаго въ бракъ до 20 лѣтъ, приходится на западѣ Европы 8, а у насъ 1,5 женщинъ той же возрастной группы».

Губерніи, въ которыхъ мужчины женятся всего позже (абсолютный брачный возрастъ въ 25—35 лѣтъ), суть: Петербургская,

Ревельская, Рижская, Митавская и Ковенская, т.-е. пять губерній, принадлежащихъ къ числу наиболѣе цивилизованныхъ въ Россіи. Губерніи же, въ которыхъ браки мужчинъ совершаются всего ранѣе, составляютъ центръ Россіи, по преимуществу губерніи Рязанская (63% браковъ отъ 20 до 25 лѣтъ), Тамбовская, Тульская, Донская область, Воронежская, Калужская, Нижегородская, Пензенская, Орловская и Владимірская (51%). Абсолютный брачный возрастъ женщины представляетъ въ общемъ тѣ же данныя, какъ возрастъ мужчины.

Весьма интересны слѣдующія цифры относительно распредѣленія брачнаго возраста мужчины и женщины по вѣроисповѣданіямъ:

Возрастъ вступленія въ бракъ.	Православные.	Старообрядцы.	Католики.	Протестанты.	Евреи.	Магометане.	Средн. выводъ.
Для мужчины:							
Отъ — до 20 л. . .	3974	4208	824	667	4342	1618	3689
„ 20 „ 25 „ . .	3170	3062	3161	3180	2637	3837	3183
„ 25 „ 35 „ . .	1613	2153	4197	4061	1779	1708	1806
„ 35 „ 50 „ . .	1087	733	1910	1578	908	1429	1140
Послѣ 50 л. . . .	166	42	307	434	234	408	257
Для женщины:							
Отъ — до 20 л. . .	5868	5453	3864	2664	6089	4529	5665
„ 20 „ 25 „ . .	2571	2579	3262	3724	2121	3108	2636
„ 25 „ 35 „ . .	1035	1399	2017	2656	1218	1651	1142
„ 35 „ 50 „ . .	500	376	811	881	526	617	524
Послѣ 50 л. . . .	26	5	45	76	45	95	31

Замѣтимъ еще послѣдній выводъ г. Янсона: «въ городскомъ населеніи Россіи возрастъ брачущихся замѣтно отличается отъ возраста въ остальномъ населеніи. Въ городахъ браки заключаются вообще позже, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Для мужчинъ абсолютный возрастъ приходится на періодъ 25 — 35 лѣтъ; женщинъ относительно менѣе выходитъ замужъ до 20 лѣтъ и значительно болѣе отъ 25 до 35 лѣтъ, чѣмъ въ остальномъ населеніи». Эти данныя имѣютъ самое непосредственное значеніе для нашего общаго вывода. Городское населеніе вообще стоитъ на болѣе высокой степени развитія, чѣмъ сельское, и вступаетъ въ бракъ позже, нежели послѣднее. То же замѣчаемъ мы и при разсмотрѣніи распредѣленія браковъ по вѣроисповѣданіямъ. Изъ заимствованной у г. Янсона таблички мы видимъ, что изъ всего населенія Россіи всего позже

вступаютъ въ бракъ протестанты, затѣмъ католики, т.-е. именно лица, принадлежащія къ народамъ западно-европейской культуры. Всѣхъ раньше, напротивъ, вступаютъ въ бракъ евреи, семейные обычаи которыхъ, какъ извѣстно, стоятъ еще на очень примитивной ступени. Почти столь же рано совершаются браки у православныхъ и старообрядцевъ. Лица, принадлежащія къ этимъ двумъ исповѣданіямъ, принадлежатъ въ то же время и одному общему культурному слою, вслѣдствіе чего совершенно понятно, что по отношенію возраста вступленія въ бракъ они представлютъ между собою самое значительное сходство (см. табличку). Аномальнѣе всѣхъ другихъ оказываются числа по отношенію магометанъ (очевидно большею частью татаръ), такъ какъ сравнительно со степенью культуры браки ихъ совершаются недостаточно рано. Но зато это единственный пародоксальный фактъ во всей табличкѣ.

Обратимся теперь къ Западной Европѣ. Браки до двадцатилѣтняго возраста, которые у насъ составляютъ почти половину всѣхъ браковъ (47%), а у калмыковъ больше половины (53,63%), въ Европѣ называются «преждевременными» и составляютъ самую ничтожную долю всѣхъ браковъ. Такихъ браковъ приходится всего больше(15,74%) въ Сардиніи, всего же меньше (1,91%) въ Баваріи; между этими крайностями находится Франція (10,71%), Англія (7,30%), Бельгія (5,60%), Нидерланды (4,44%) и Норвегія (2,69%). Эти колебанія, сравнительно говоря, не настолько значительны, чтобы ихъ можно было солиднымъ образомъ поставить въ зависимость отъ культуры, да и вообще ихъ покамѣстъ невозможно объяснить научнымъ образомъ. Для нашей цѣли въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ и надобности, такъ какъ мы можемъ вращаться только въ сферѣ крупныхъ явленій, и потому-то намъ важнѣе всего знать общія данныя для Западной Европы, какъ большого центра высшей культуры. Ничтожное число «преждевременныхъ» браковъ есть первый фактъ, имѣющій для насъ тѣмъ большее значеніе, что смыслъ его до крайности ясенъ. «Браки ранѣе 20 лѣтъ, — говоритъ Ваппеусъ (II, 270), — въ цивилизованныхъ государствахъ слѣдуетъ считать вообще преждевременными или черезчуръ ранними, такъ какъ въ нашихъ государствахъ ни мужъ, ни жена, или во всякомъ случаѣ первый изъ нихъ не достигаютъ въ то время той физической и нравственной зрѣлости, которая потребна для выполненія различныхъ обязанностей, налагаемыхъ бракомъ». Браки, заключенные между 20 и 25 годами, въ Европѣ еще считаются ранними, своевременными же называютъ браки, заключенные между 25 и 35-ю годами. Такихъ браковъ въ десяти государствахъ Западной Европы (Англія, Сардинія, Франція, Нор-

вегія, Нидерланды, Бельгія, Швеція, Голштинія, Шлезвигъ и Данія) заключается 47,91%, въ Россіи же только 14,78%.

Особенный интересъ представляютъ для насъ данныя относительнаго средняго возраста и притомъ первыхъ браковъ, данныя, которыя мы заимствуемъ у Ваппеуса (томъ II, стр. 285). Такимъ образомъ средній возрастъ будетъ:

	Для женіховъ.	Для невѣстъ.
Въ Англіи	25,94 года.	24,69 года.
„ Франціи	28,41 „	25,32 „
„ Норвегіи	28,51 „	26,98 „
„ Нидерландахъ . . .	29,15 „	27,78 „
„ Бельгіи	29,94 „	28,19 „

Я не хочу утомлять читателя дальнѣйшимъ перечисленіемъ фактовъ, сходныхъ съ тѣми, которыя я уже сообщилъ. Если ему, однакоже, захочется имѣть ихъ большее количество, пусть онъ самъ обратится къ цитированнымъ мною источникамъ, по преимуществу же къ сочиненіямъ Вайца, Рейха и Ваппеуса. Я же попробую обобщить полученные результаты и затѣмъ указать на ихъ разнообразное значеніе.

Изъ всего вышесказаннаго прежде всего вытекаетъ, что браки заключаются тѣмъ позже, чѣмъ выше стоитъ культурное развитіе народа, или другими словами, что развитіе, цивилизація влечетъ за собою большее или меньшее запаздываніе возраста вступленія въ бракъ. Этотъ выводъ настолько рѣзокъ, что намъ не предстоитъ выгораживать его противъ какихъ-либо возможныхъ возраженій. Я этимъ ничуть не хочу сказать, чтобы у всѣхъ перечисленныхъ народовъ приведенная цифра возраста была во всѣхъ случаяхъ одинаково соизмѣримой, то-есть, чтобы пятнадцатилѣтній возрастъ гдѣ-нибудь въ Индостанѣ соотвѣтствовалъ пятнадцатилѣтнему возрасту въ Европѣ и т. п.,—я утверждаю только, что, отвлекаясь даже отъ всѣхъ отличій въ большей или меньшей быстротѣ физическаго созрѣванія, все-таки возрастъ вступленія въ бракъ у первобытныхъ народовъ несравненно болѣе ранній, чѣмъ у цивилизованныхъ. Многіе дикіе народы сговариваютъ своихъ дѣтей, когда тѣ еще не успѣли выйти изъ дѣтскаго возраста, и ждутъ появленія половой зрѣлости, какъ момента, опредѣляющаго начало истинной брачной жизни. Поэтому-то у такихъ народовъ первое появленіе менструаціи считаются дѣломъ особенной важности и сопровождается торжественными процессіями и пиршествомъ. У цивилизованныхъ народовъ мы видимъ совершенно иное; у нихъ появленіе половой зрѣлости и возрастъ вступленія въ бракъ не только не являются

синхронически совпадающими моментами, но раздѣляются всегда значительнымъ промежуткомъ времени. Такъ, напр., у англичанокъ, у которыхъ средній возрастъ вступленія въ бракъ равняется приблизительно 24 годамъ и восьми съ половиною мѣсяцамъ, половая зрѣлость наступаетъ среднимъ числомъ въ 15 съ половиною лѣтъ, по свидѣтельству Гогга [1]); у нихъ слѣдовательно, промежутокъ между обоими моментами, котораго у дикихъ народовъ не существуетъ вовсе, равняется девяти годамъ и двумъ съ половиною мѣсяцамъ. У француженокъ этотъ промежутокъ еще больше. Средній возрастъ вступленія въ (первый) бракъ у нихъ составляетъ 25 лѣтъ и 4 мѣсяца, моментъ же появленія первой менструаціи у нихъ падаетъ примѣрно на возрастъ 14 лѣтъ и 4 мѣсяца, слѣдовательно разница равняется одиннадцати годамъ.

Важное значеніе указанныхъ фактовъ не можетъ не броситься въ глаза, и потому мы должны остановиться на нихъ нѣсколько долѣе. Всѣмъ извѣстно, что наступленіе половой зрѣлости ни у одного европейскаго цивилизованнаго народа не считается признакомъ годности для вступленія въ бракъ и, слѣдовательно, признакомъ полной зрѣлости. «Совершеннолѣтіе» по нашимъ законамъ начинается съ 21 года, т.-е. по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять позже наступленія зрѣлости у мальчиковъ. Тотъ же возрастъ опредѣляется и французскими законами; въ Пруссіи и Австріи совершеннолѣтній возрастъ начинается съ 24 лѣтъ. Хотя по законамъ и можно вступать въ бракъ до наступленія совершеннолѣтія, тѣмъ не менѣе понятно, что браки, совершонные въ этомъ періодѣ, будутъ больше или меньше браками преждевременными. Но, что гораздо важнѣе и съ точки зрѣнія физіологическихъ законовъ, моментъ появленія половой зрѣлости (у европейцевъ, по крайней мѣрѣ) наступаетъ ранѣе общей зрѣлости организма, того, что называется nubilitas. Въ каждомъ учебникѣ физіологіи можно найти указаніе на то, что истинная способность къ размноженію наступаетъ позже половой зрѣлости, хотя нигдѣ не опредѣляется въ точности моментъ наступленія этой способности. Всего больше занимались этимъ предметомъ медики, при чемъ на общую зрѣлость они смотрѣли какъ на моментъ, съ котораго начинаются наиболѣе правильные роды, т.-е. роды, сопряженные съ наименьшими шансами смертности и безплодія. Денканъ [2]), болѣе другихъ занимавшійся этимъ вопросомъ, опредѣляетъ наступленіе общей

[1]) Medical Times Gazette. November, 4, 1871.

[2]) Jahresbericht über die Leistungen und Fortschritte in der gesammten Medicin für 1866. T. II, 1867, стр. 516.

зрѣлости для дѣвушекъ въ 20 лѣтъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ приводитъ то, что возрастъ отъ 20—24 лѣтъ подверженъ наименьшей послѣродовой смертности и представляется наиболѣе плодороднымъ, а также и то, что ростъ тазовыхъ костей завершается только около двадцатилѣтняго возраста. Если мы, слѣдуя этому мнѣнію, скажемъ, что возрастъ вступленія въ бракъ, положенный физическою природою, будетъ для европейскихъ дѣвушекъ равняться 20 годамъ, то все же должны будемъ признать, что цивилизація отодвигаетъ и его на нѣсколько лѣтъ. Для англичанокъ этотъ промежутокъ, между наступленіемъ общей зрѣлости и среднимъ возрастомъ вступленія въ бракъ, составитъ 4,69 года, для француженокъ—5,32, для норвежекъ—6,98, для голландокъ—7,78, для бельгійскихъ невѣстъ—8,19 года.

Причины подобнаго запаздыванія противъ всѣхъ нормъ, указанныхъ природою, могутъ быть отчасти указаны теперь же, хотя болѣе подробно онѣ будутъ разсмотрѣны ниже. На первомъ планѣ должно быть поставлено умственное развитіе, неизбѣжно вносимое цивилизаціей. Тазовыя кости могутъ кончить свой ростъ въ 20 лѣтъ и наилучшимъ образомъ приспособиться къ рожанію дѣтей, тѣмъ не менѣе это обстоятельство ни мало не будетъ опредѣляющимъ моментомъ при вступленіи въ бракъ большинства цивилизованныхъ дѣвушекъ, которыя руководствуются при этомъ иными мотивами, какъ напр., общественнымъ положеніемъ, репутаціей и проч.

Опредѣленіе общей зрѣлости для мужского пола подвержено еще несравненно большимъ затрудненіямъ, чѣмъ для дѣвушекъ; во всякомъ случаѣ не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что физическая бракоспособность юноши не можетъ подчиняться тѣмъ сложнымъ требованіямъ, какія налагаютъ на женскій полъ условія дѣторожденія. Если мы, для того чтобы опредѣлить наступленіе общей зрѣлости, обратимся къ распредѣленію смертности по возрастамъ и по семейному состоянію, то опять получимъ въ результатѣ двадцатилѣтній возрастъ, какъ первый предѣлъ, положенный природою для вступленія юношей въ бракъ. Изъ изслѣдованія д-ра Фарра [1]) оказывается, что смертность женатыхъ мужчинъ (во Франціи) очень велика до двадцатилѣтняго возраста; начиная же отъ этого предѣла и вплоть до 80 лѣтъ холостые подвержены гораздо большей смертности, чѣмъ женатые. Между тѣмъ въ Европѣ браки отъ 20—25 лѣтъ еще считаются ранними и составляютъ менѣе трети (30,25% среднимъ числомъ для Англіи, Франціи,

[1]) Статья этого ученаго извѣстна мнѣ изъ книги *Дарвина* „О происхожденіи человѣка“, т. I, глава 5.

Норвегіи, Нидерландовъ и Бельгіи взятыхъ вмѣстѣ)[1]), всего числа женившихся. Если мы, подобно тому, какъ это сдѣлали для дѣвушекъ, вычтемъ моментъ наступленія общей зрѣлости (полагая его также въ 20 лѣтъ) изъ средняго возраста вступленія въ бракъ, то получимъ слѣдующія числа: для англичанъ—5,94 года, для французовъ—8,41, для норвежцевъ—8,51, для голландцевъ—9,15, для бельгійцевъ—9,94 года.

Общій нашъ выводъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ. *Половая зрѣлость (pubertas), общая физическая зрѣлость (nubilitas) и брачная зрѣлость (возрастъ вступленія въ бракъ), составляютъ три важныхъ момента въ жизни человѣка, имѣющихъ одну и ту же цѣль: удовлетвореніе стремленій къ поддержанію вида (размноженіе). Въ однихъ случаяхъ (большинство первобытныхъ народовъ) эти три момента совпадаютъ или почти совпадаютъ другъ съ другомъ; въ другихъ же случаяхъ они раздвигаются, между ними появляются промежутки, тѣмъ болѣе длинные, чѣмъ дольше совершается развитіе, и потому наиболѣе ощутительные у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Эти промежутки, означающіе неравномѣрное и, слѣдовательно, неодновременное развитіе аппаратовъ, служащихъ для одной и той же цѣли, составляютъ доказательство существованія дисгармоніи въ развитіи человѣка.* На это обстоятельство мною уже было указано въ статьѣ: «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія» [2]), въ которой я именно пытался доказать, что въ теченіе всего внѣматочнаго періода «существуютъ несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ аппаратовъ», несоразмѣрности, имѣющія большое значеніе въ дѣлѣ воспитанія, въ смыслѣ препятствій послѣднему. Настоящій очеркъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ продолженіе той же статьи, такъ какъ основа въ немъ та же самая; различіе же заключается, во-первыхъ, въ томъ, что мною взятъ теперь не дѣтскій возрастъ, а юношескій, во-вторыхъ же, и это гораздо важнѣе, въ томъ, что для изученія дисгармоническихъ моментовъ брачной жизни мы имѣемъ гораздо болѣе данныхъ, чѣмъ для воспитательныхъ дисгармоній. Въ моей предыдущей статьѣ мнѣ, поэтому, приходилось ограничиваться общими замѣчаніями, здѣсь же весь вопросъ можетъ быть разсмотрѣнъ съ помощью обстоятельныхъ, часто числовыхъ статистическихъ данныхъ. Въ настоящей главѣ брачный вопросъ былъ разсмотрѣнъ исключительно, такъ сказать, съ географико-этнологической точки зрѣнія. Но такъ какъ для насъ весьма важно исключить участіе

[1]) Выводъ сдѣланъ по числамъ *Bannеyca* (Bevölkerungsstatistik), II, стр. 283.

[2]) См. выше, стр. 43.

чисто этническихъ моментовъ, выдвигая напередъ вліяніе развитія цивилизаціи, то намъ неизбѣжно придется приступить къ обзору фактовъ относительно возраста вступленія въ бракъ въ сферѣ одного народа, или, по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ, близкихъ другъ къ другу этнологическихъ группъ.

III.

Возрастъ вступленія въ бракъ въ различныхъ культурныхъ слояхъ.—Дисгармоническіе періоды.—Отношеніе ихъ у мужчинъ и женщинъ.

Въ сферѣ каждаго народа существуетъ нѣсколько общественныхъ слоевъ, болѣе или менѣе рѣзко отличающихся другъ отъ друга въ культурномъ отношеніи. Этимъ отличіямъ соотвѣтствуютъ и возрасты вступленія въ бракъ, представляющіе среди одного и того же народа иногда довольно значительныя измѣненія. Вотъ почему намъ невозможно удовлетвориться тѣми суммарными данными о возрастахъ, которыя приводятся въ статистическихъ сочиненіяхъ и которыя являются, поэтому, весьма сложными величинами. Въ статистикахъ говорится о Франціи, Англіи и т. п. какъ о чемъ-то цѣломъ и единомъ; между тѣмъ населеніе этихъ странъ состоитъ изъ многихъ группъ, стоящихъ на совершенно различной степени развитія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть поразительнѣе отличія между французомъ-позитивистомъ, отыскивающимъ научные законы психическихъ явленій, и бретанскимъ рыбакомъ, приносящимъ жертвы и совѣтующимся съ знахарями о болѣзняхъ и проч.? Изучая вліяніе культуры на семейную и общественную жизнь, невозможно игнорировать подобныя отличія.

На измѣненіе возраста вступленія въ бракъ въ сферѣ одного и того же народа вліяютъ, во-первыхъ, колебанія матерьяльнаго благосостоянія, а во-вторыхъ, измѣненія въ степени общаго культурнаго развитія. Еще со временъ Мальтуса стало извѣстнымъ, что въ неурожайные годы заключается меньше браковъ, чѣмъ въ урожайные, изъ чего слѣдуетъ, что первые, задерживая на нѣкоторое время вступленіе въ бракъ, дѣлаютъ брачный возрастъ нѣсколько болѣе позднимъ. У первобытныхъ народовъ подобнаго рода факты составляютъ почти исключительную причину измѣненія этого возраста, что особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда жена пріобрѣтается за деньги и при томъ стоитъ довольно дорого. Такъ, напр., въ Кохинхинѣ, «мужчины низшихъ классовъ рѣдко женятся ранѣе двадцати, многіе же принуждены ждать и до 30 лѣтъ; бо-

гатые же вступаютъ въ бракъ уже въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ» [1]). То же самое относится къ афганцамъ и маврамъ, какъ это уже было сказано въ предыдущей главѣ. Всѣмъ извѣстно также, что и въ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ степень матерьяльнаго благосостоянія играетъ немаловажную роль въ дѣлѣ возраста вступленія въ бракъ. Для того, чтобы жениться, юноша долженъ обзавестись извѣстнымъ добромъ, пріобрѣтеніе котораго требуетъ времени; въ нѣкоторыхъ государствахъ даже существуетъ законъ, требующій отъ вступающаго въ бракъ доказательствъ обладанія опредѣленнымъ имуществомъ. Въ Швеціи существуетъ поговорка: «нѣтъ сельдей, нѣтъ и браковъ», происшедшая вслѣдствіе того, что количество браковъ у береговыхъ жителей этой страны опредѣляется бо́льшимъ или меньшимъ уловомъ сельдей. Въ 1871 г. уловъ былъ неслыханный, и число браковъ возросло до небывалой въ прежнія времена степени.

У первобытныхъ или въ низшихъ слояхъ цивилизованныхъ народовъ такого рода матеріальные мотивы составляютъ главнѣйшую и, какъ я сказалъ уже, почти единственную причину, обусловливающую запаздываніе браковъ. На болѣе же высокихъ степеняхъ культурнаго развитія въ томъ же направленіи дѣйствуютъ другія причины и дѣйствуютъ притомъ съ несравненно большею силою. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ необходимо нѣсколько обстоятельнѣе ознакомиться съ измѣненіями брачнаго возраста въ различныхъ культурныхъ слояхъ одного и того же народа. Возьмемъ, напримѣръ, англичанъ, у которыхъ средній возрастъ вступленія въ бракъ есть самый ранній изъ пяти извѣстныхъ въ этомъ отношеніи европейскихъ государствъ. Для мужчинъ онъ равняется, какъ было сказано выше, 25,94, а для женщинъ—24,69 года. Статистическаго матеріала для опредѣленія брачнаго возраста по культурному состоянію не имѣется; поэтому я прибѣгнулъ къ слѣдующему способу. Я выбралъ сословіе пэровъ, епископовъ, бароновъ и пр., какъ представителей одного изъ высшихъ культурныхъ слоевъ, стоящаго на высокой ступени матерьяльнаго благосостоянія, и въ то же время такого слоя, о которомъ можно получить наибольшее число фактическихъ данныхъ. По моей просьбѣ одинъ изъ моихъ друзей выписалъ [2]) для меня возрастъ вступленія въ первый бракъ 690 мужчинъ и 112 женщинъ изъ названнаго сословія, при чемъ получились слѣдующія числа:

---

1) *Рейхъ*, стр. 233. Составлено по Крауфорду.

2) По сочиненію Dod. Peerage, Baronetage and Knightage of Gr. Britain and Ireland for 1872. London. I. Peers, Peeresses, Bishops, Lords of session Privy-Councillers, Baronets and Knights of the British Empire.—*A. E.*

Для мужчинъ.

Въ возрастѣ: 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 лѣтъ.
Число браковъ: 1, 2, 7, 34, 29, 44, 54, 51, 49, 39, 52, 33, 32.

Въ возрастѣ: 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43 лѣтъ.
Число браковъ: 44, 25, 38, 24, 20, 21, 12, 10, 9, 9, 7, 3, 4.

Въ возрастѣ: 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 57, 68, 70 лѣтъ.
Число браковъ: 7, 4, 3, 4, 3, 5, 2, 2, 1, 3, 1, 1, 1.

Для женщинъ.

Въ возрастѣ: 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 лѣтъ.
Число браковъ: 2, 9, 6, 11, 18, 9, 14, 13, 2, 10, 4, 3, 2.

Въ возрастѣ: 30, 31, 33, 37 лѣтъ.
Число браковъ: 3, 4, 1, 1.

Судя по этимъ даннымъ, средній возрастъ вступленія въ бракъ будетъ для мужчинъ равняться 29,63 года, т.-е. на 3,69 года позже, чѣмъ для англичанъ вообще; для женщинъ же онъ составитъ только 23,07 года, т.-е. на 1,62 года раньше, чѣмъ для англичанъ вообще. Для того, чтобы лучше сравнивать приведенныя мною данныя, я сопоставляю здѣсь процентныя отношенія для пэровъ, епископовъ и проч., съ числами, заимствованными мною у Эттингена [1]), при чемъ считаю нужнымъ замѣтить, что я беру только мужчинъ (такъ какъ число фактовъ для женщинъ очень незначительно) и вмѣсто пермильныхъ расчетовъ дерптскаго профессора ограничиваюсь процентами:

Возрасты.	Для англичанъ вообще.	Для пэровъ, епископовъ и проч.	Возрасты.	Для англичанъ вообще.	Для пэровъ, епископовъ и проч.
15 — 16	0,0007	0,	40 — 45	3,45	4,34
16 — 17	0,0023	0,	45 — 50	2,12	2,75
17 — 18	0,044	0,14	50 — 55	1,53	1,0
18 — 19	0,42	0,	55 — 60	0,93	0,43
19 — 20	1,96	0,28	60 — 65	0,62	
20 — 25	46,18	24,49	65 — 70	0,26	
25 — 30	26,36	32,46	70 — 75	0,11	
30 — 35	10,55	23,62	75 — 80	0,026	0
35 — 40	5,45	10,43	80 и т. д.	0,007	0

[1]) Moralstatistik. 1868, стр. 411.

Въ первомъ столбцѣ maximum приходится на возрастъ отъ 20—25 лѣтъ, во второмъ же онъ спускается на возрастъ 25—30 лѣтъ. Въ первомъ до 25 лѣтъ заключается вообще 48,63%, т.-е. почти половина всѣхъ браковъ, во второмъ же столбцѣ до 25 лѣтъ женятся только 24,91%, т.-е. почти четверть общаго числа браковъ. Результаты получились бы, однакоже, еще несравненно болѣе рѣзкіе, если бы въ таблицѣ Эттингена были приведены только числа для первыхъ браковъ и если бы изъ нихъ были исключены тѣ самые пэры, лорды и проч., которые столь явно замедляютъ возрастъ вступленія въ бракъ.

Для низшихъ слоевъ англійскаго населенія у меня нѣтъ подробныхъ данныхъ, поэтому я ограничиваюсь только цитатой изъ статьи проф. Пешеля, человѣка вообще весьма добросовѣстнаго и компетентнаго. «Въ фабричныхъ областяхъ Англіи,—говоритъ этотъ ученый въ своей статьѣ: «Sorgen des modernen Gesellschaft» [1]),—юноши женятся уже въ возрастѣ отъ 17 до 19 лѣтъ, дѣвушки же выходятъ замужъ отъ 16 до 18 лѣтъ». Хотя эти числа очевидно преувеличены, такъ какъ всѣхъ мужскихъ браковъ отъ 17 до 19 лѣтъ приходится для всей Англіи не болѣе 0,46%, тѣмъ не менѣе справедливо то, что фабричные рабочіе вступаютъ въ бракъ довольно рано сравнительно съ остальными англичанами.

Обратимся теперь къ нѣмецкимъ странамъ. Распредѣленіе браковъ по возрастамъ и поламъ мнѣ извѣстно для общаго населенія Баваріи, Пруссіи и Австріи, для которыхъ получены слѣдующія цифры:

Для мужчинъ въ %.

Въ возрастѣ:	Баварія.	Пруссія.	Австрія.
до 20 лѣтъ	0,29	1,27	—
отъ 20—30 лѣтъ	44,21	62,38	58,32
„ 30—40 „	38,36	25,65	27,23
„ 40—50 „	17,14	7,70	8,85
выше 50 лѣтъ		3,09	5,60

Для женщинъ.

Въ возрастѣ:	Баварія.	Пруссія.	Австрія.
до 20 лѣтъ	3,53	8,42	15,70
отъ 20—30 лѣтъ	57,82	7,90	57,10
„ 30—40 „	29,27	17,17	19,37
„ 40—50 „	9,38	4,61	6,39
выше 50 лѣтъ		0,90	1,05

[1]) Ausland, 1866, стр. 330.

Изъ общей массы населенія я могъ выдѣлить только нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ, браки которыхъ записаны въ готскомъ календарѣ; я поступалъ при этомъ точно такъ же, какъ и относительно англійскихъ пэровъ, т.-е. бралъ только вступленіе въ первый бракъ, какъ единственное вѣрное выраженіе дѣйствительнаго брачнаго возраста. Мною было выписано 270 принцевъ (сіятельныхъ и свѣтлѣйшихъ) и 272 принцессы, при чемъ получились слѣдующія числа:

Для мужчинъ.

Въ возрастѣ:	19,	20,	21,	22,	23,	24,	25,	26,	27,	28,	29,	30,	31 года.
Число браковъ:	1,	1,	5,	7,	8,	15,	15,	15,	27,	23,	16,	19,	14.
Въ возрастѣ:	32,	33,	34,	35,	36,	37,	38,	39,	40,	41,	42,		48 лѣтъ.
Число браковъ:	12,	13,	14,	17,	10,	6,	5,	6,	5,	5,			11.

Для женщинъ.

Въ возрастѣ:	16,	17,	18,	19,	20,	21,	22,	23,	24,	25,	26,	27,	28 лѣтъ.
Число браковъ:	1,	10,	24,	23,	28,	38,	21,	21,	20,	20,	17,	17,	7.
Въ возрастѣ:	29,	30,	31,	32,	33,	34,	35,	36,	37,	38,	39,	41,	42 лѣтъ.
Число браковъ:	4,	5,	3,	5,	1,	0,	2,	2,	1,	0,	0,	1,	1.

Средній возрастъ, высчитанный на основаніи этихъ чиселъ, равняется для принцевъ 30,5 года, а для принцессъ 22,6 года. Для первыхъ, слѣдовательно, онъ выше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, для послѣднихъ же онъ, напротивъ, отодвигается назадъ. Самое большое число браковъ падаетъ для мужчинъ на двадцатисемилѣтній возрастъ, для принцессъ же оно соотвѣтствуетъ возрасту 21 года. Если мы высчитаемъ процентное отношеніе возрастовъ, соединяя послѣдніе въ такія же группы, какія были приняты вообще для трехъ нѣмецкихъ государствъ, то получимъ:

	Для мужчинъ.	*Для женщинъ.*
Въ возрастѣ до 20 лѣтъ . . .	0,37%	21,32%
отъ 20 до 30 лѣтъ	48,88 „	70,96 „
„ 30 „ 40 „	42,96 „	6,99 „
„ 40 „ 50 „	7,77 „	0,73 „

Сравнивая полученные результаты, мы никоимъ образомъ не должны упускать изъ виду, что числа для Баваріи, Пруссіи и Австріи относятся къ возрасту всѣхъ браковъ, тогда какъ наши данныя для принцевъ составлены только для перваго брака, отсюда ясно, что въ первыхъ процентныя отношенія должны выхо-

дить бо́льшими, чѣмъ для первыхъ браковъ, такъ какъ позднѣе всего заключаются вторые и третьи браки. Несмотря, однакоже, на это, полученныя числа для принцевъ указываютъ на болѣе поздній брачный возрастъ ихъ сравнительно съ общимъ населеніемъ Австріи и Пруссіи. До тридцатилѣтняго возраста въ Пруссіи женится 63,65%, въ Австріи 58,32%, мужчинъ принцевъ того же возраста въ этотъ періодъ женится 49,25%. Только Баварія представляетъ исключеніе, такъ какъ въ ней сумма браковъ до 30 лѣтъ составляетъ 44,5%, что, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ можетъ зависѣть именно отъ присоединенія вторыхъ и третьихъ браковъ. Для женщинъ у насъ, подобно тому, что мы видѣли для англичанокъ, получается обратное правило. Принцессы выходятъ замужъ вообще раньше, чѣмъ въ трехъ нѣмецкихъ государствахъ, но мы именно вслѣдствіе только что указанной причины не можемъ опредѣлить разницы.

Для того, чтобы получить нѣкоторое представленіе о возрастѣ вступленія въ бракъ низшихъ слоевъ населенія Европы, я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно русскихъ и малорусскихъ крестьянъ, вѣнчавшихся въ Верхнедуванской церкви Купянскаго уѣзда (Харьковской губ.). Въ моемъ распоряженіи находились церковныя книги за 1805—1814 и за 1861—1870 годы. Я, какъ и въ другихъ случаяхъ, бралъ только вступленіе въ первый бракъ и получилъ слѣдующія абсолютныя числа:

Для крестьянъ.

Возрастъ въ періодѣ:	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	39
1805—1814 г.	16	39	47	20	43	4	9	1	2	2	0	0	0	0	1	0
1861—1770 г.	0	0	17	58	36	36	22	12	2	11	5	1	0	2	0	1

1805—1814 г. сумма . . . . . 184.
1861—1870 г. „ . . . . . 203.

Для крестьянокъ.

Возрастъ въ періодѣ:	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	33
1805—1814:	18	48	36	48	16	19	1	2	1	0	3	0	0	0	0	0	0
1861—1870:	0	18	55	58	50	33	6	5	2	1	4	1	1	1	1	1	1

1805—1814 г. сумма 192.
1861—1870 „ „ 238.

Средній возрастъ вступленія въ бракъ выходитъ для мужчинъ равнымъ 19,7 года (въ періодѣ 1805—1814 гг. онъ составляетъ 18,71 года; въ періодѣ 1861—1870 гг.—20,79 года), для женщинъ же онъ составляетъ 18,11 года (1805—1814 гг.—17,5, въ

1861—1870 гг.—18,72). Если мы возьмемъ процентное отношеніе возрастныхъ группъ, то получимъ:

	Для мужчинъ.	*Для женщинъ.*
Въ возрастѣ до 20 л.	51,29	80,7
отъ 20 „ 25 „	43,15	16,28
„ 25 „ 40 „	5,56	3,03

Какъ, ни рано, слѣдовательно, заключаются браки въ Россіи вообще, тѣмъ не менѣе низшія сословія и здѣсь значительно раньше вступаютъ въ брачную жизнь, чѣмъ остальныя. Хотя сравненіе затрудняется тѣмъ, что у меня взяты только первые браки, цифры же г. Янсона соотвѣтствуютъ всѣмъ тремъ бракамъ, однако не подлежитъ сомнѣнію, что различіе въ процентномъ отношеніи такъ называемыхъ «преждевременныхъ браковъ», равняющееся 14,40% для мужчинъ и 24,05% для женщинъ, прямо указываетъ на болѣе ранній брачный возрастъ означенныхъ крестьянъ. Если мы станемъ брать отдѣльный періодъ 1805—1814 и 1861—1870 годовъ, то увидимъ, что брачный возрастъ во второмъ періодѣ нѣсколько позже, чѣмъ въ первомъ. Мы уже видѣли, что средній возрастъ вступленія въ бракъ отъ 1805—1814 гг. равенъ для мужчинъ 18,71 г., въ періодѣ же 1861—1870 гг. онъ уже составляетъ 20,79 г., т.-е. на 2,08 года позже; для женщинъ онъ въ первомъ періодѣ равенъ 17,5 г., во второмъ—18,72, т.-е. на 1,67 года позже. Если возьмемъ процентное отношеніе возрастныхъ группъ въ оба періода, то получимъ:

Для мужчинъ.

	1805—1814 гг.	1861—1870 гг.
до 20 лѣтъ	66,3	36,89
отъ 20 до 25 лѣтъ	32,06	53,21
„ 25 до 39 „	1,64	9,85

Для женщинъ.

	1805—1814 гг.	1861—1870 гг.
до 20 лѣтъ	86,46	76,05
отъ 20 до 25 лѣтъ	11,98	19,75
„ 25 до 33 „	1,61	4,20

Такимъ образомъ, во второмъ періодѣ мы замѣчаемъ правильное опаздываніе брачнаго возраста для мужчинъ значительно болѣе рѣзкое, чѣмъ для женщинъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что оно обусловлено чисто внѣшней причиной, именно тѣмъ, что законодательство наше измѣнило законный возрастъ вступленія въ

бракъ. Въ первомъ періодѣ юноши имѣли право жениться съ 16 лѣтъ, а дѣвушка выходить замужъ начиная съ 15 лѣтъ, во второмъ же періодѣ законный возрастъ повысился до 18 и 16 лѣтъ. Между тѣмъ факты, собранные въ приведенныхъ мною табличкахъ, говорятъ противное. Въ первомъ періодѣ, въ возрастѣ 18 лѣтъ всѣхъ браковъ было 25,5%, во второмъ же періодѣ, въ которомъ не было ни одного брака въ 16 и 17 лѣтъ, женились въ 18 лѣтъ всего 17 юношей, т.-е. 8,6% всѣхъ браковъ за соотвѣтствующее время. Примѣрно то же самое замѣчается и для дѣвушекъ. Дѣлая эти сравненія, необходимо припомнить, что въ теченіе перваго періода крестьяне находились въ крѣпостной зависимости, и что на этотъ періодъ выпадаютъ одни изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ русской жизни, тогда какъ во второмъ періодѣ, послѣ освобожденія, они (по крайней мѣрѣ, въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь) достигли довольно значительной степени благосостоянія. Запаздываніе брачнаго возраста въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, произошло совершенно помимо элементарныхъ экономическихъ причинъ.

Есть примѣры, прямо показывающіе процессъ измѣненія брачнаго возраста. Во время моего пребыванія въ калмыцкой степи, Астраханской губерніи, я имѣлъ случай бесѣдовать долго съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ калмыковъ, человѣкомъ простого званія, употребившимъ свое состояніе на введеніе земледѣлія въ своемъ околодкѣ, что ему стоило не мало труда при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ того края (засуха, недостатокъ рабочихъ силъ и пр.). Калмыкъ этотъ, живя въ 12 верстахъ отъ Сарепты, имѣлъ случай не разъ сталкиваться съ цивилизованными нѣмцами и перенялъ отъ нихъ любовь къ труду и улучшенію быта. Познакомивъ меня съ своимъ семействомъ, онъ сообщилъ мнѣ, что хотя ему не стоило бы ни малѣйшаго труда выдать тотчасъ же взрослую дочь и сына (онъ человѣкъ, по калмыцкимъ понятіямъ, богатый), но что онъ считаетъ нелѣпымъ калмыцкій обычай раннихъ браковъ: сыновей женить слѣдуетъ не ранѣе 25 лѣтъ (средній возрастъ вступленія въ бракъ калмыковъ равняется, какъ мы уже видѣли, 22,8 года, а самый ранній возрастъ—16 годамъ), иначе они не успѣваютъ выучиться чему бы то ни было, и проч. Возьмемъ другой примѣръ изъ современной исторіи Индіи. Что бы ни говорили о дѣйствіяхъ англичанъ въ Индостанѣ, не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что они заботятся о просвѣщеніи своихъ азіатскихъ подданныхъ. Индусы много пишутъ, читаютъ и, между прочимъ, посѣщаютъ учебныя заведенія. Все это значительно вліяетъ на измѣненіе прежнихъ нравовъ. Недавно вышло на бенгальскомъ языкѣ сочиненіе одного индусскаго ученаго по имени Сомъ-Натъ-Макардшія,

профессора санскрита, въ которомъ онъ ратуетъ противъ вступленія въ бракъ въ раннемъ возрастѣ. «Двѣ трети юношей, вступающихъ въ университетъ, въ шестнадцать лѣтъ уже женаты, — говоритъ онъ. — Есть мальчики семи или восьми лѣтъ, уже имѣющіе жену. Можетъ ли юноша заниматься должнымъ образомъ науками, когда ему приходится заботиться о содержаніи семьи? Крайне необходима поэтому реформа, которая бы измѣнила подобное положеніе дѣла». Было бы въ высшей степени интересно, въ связи съ тѣмъ, что было сказано относительно этнологическаго и, такъ сказать, соціологическаго распредѣленій брачнаго возраста, познакомиться съ измѣненіями того же возраста въ историческомъ отношеніи. Мы только что видѣли образчикъ подобныхъ измѣненій у русскихъ крестьянъ, въ первой же главѣ было сказано нѣсколько словъ объ измѣненіи брачнаго возраста во времени у американцевъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ потерей цивилизаціи стали раньше вступать въ бракъ, у первыхъ же мы видимъ обратное явленіе. Вообще, послѣ всего сказаннаго, весьма вѣроятно, что историческое измѣненіе брачнаго возраста шло въ томъ же направленіи, какъ и географическое, но у меня, къ сожалѣнію, недостаетъ свѣдѣній, чтобы представить читателю отчетъ объ этомъ предметѣ. Что народы въ первобытномъ состояніи ранѣе вступаютъ въ бракъ, чѣмъ въ цивилизованномъ, это фактъ, мало подлежащій сомнѣнію; важнѣе, однакоже, знать, въ какомъ именно возрастѣ совершалось наибольшее количество браковъ въ различные историческіе періоды.

Относительно древнихъ первобытныхъ германцевъ существуетъ замѣчаніе Тацита, который хвалитъ ихъ за то, что они не рано вступаютъ въ бракъ, не торопятся выдавать дѣвушекъ замужъ, ожидая ихъ равномѣрнаго и полнаго возраста [1]).

Цезарь опредѣляетъ послѣдній въ 20 лѣтъ и позже [2]). Я, къ сожалѣнію, не имѣю свѣдѣній о ходѣ брачнаго возраста въ дальнѣйшія времена, но знаю, что нынче браки нѣмцевъ заключаются позже, чѣмъ въ прежнее недавнопрошедшее время. Извѣстный нѣмецкій писатель Риль [3]), оплакивая упадокъ патріархальныхъ семейныхъ нравовъ и отношеній въ современной Германіи, говоритъ между прочимъ: «Berechtigtes frühes Heirathen wird bei unseren Erwerbsverhältnissen immer seltener. Wie soll aber der Vater die Sitte des Hauses fest in die Kinder pflanzen, wenn ihn diese erst als einen Mann min greisen Haaren kennen lernen, wenn er stirbt bevor sie zur Vernunft und Einsicht gekommen sind? Dass der Gross-

[1]) *Tacitus*. Germania C. XX.

[2]) *Unger*. Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwickelung. Wien. 1850, отр. 110.

[3]) Die Familie. Шестое изданіе, 1862, стр. 234.

vater oder gar der Urgrossvater den Enkeln und Urenkeln die Ueberlieferungen des Hauses erzählt, das wird bei dem späten Heirathen bald nur noch in Gütlichten vorkommen. Es ist eine Calamität geworden, wenn die Leute früh heirathen, eine Calamität, wenn sie spät heirathen, und wenn sie ehelos bleiben, so ist dies auch eine Calamität.

Факты, сообщенные въ этой главѣ, указываютъ не менѣе тѣхъ, которые были перечислены въ предыдущей, на цивилизацію, какъ на главный моментъ, замедляющій возрастъ вступленія въ бракъ. Если изъ этого правила и были замѣтны нѣкоторыя исключенія, то они касались исключительно женскаго пола (ранніе браки пэрессъ, принцесъ и проч.). Это обстоятельство заставляетъ насъ обозрѣть полученныя данныя для обоихъ половъ въ отдѣльности. Общій результатъ получается тотъ, что *въ ходѣ брачнаго возраста невѣстъ мы замѣчаемъ менѣе рѣзкія измѣненія, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ возрастѣ мужчинъ, на вступленіе въ бракъ которыхъ культурное развитіе оказываетъ болѣе сильное и болѣе правильное вліяніе.*

Подкладка, лежащая въ основаніи этого правила, совершенно понятна и заключается въ томъ, что женщина во всѣхъ случаяхъ, которые у насъ имѣлись въ виду, способна вообще менѣе отдаляться отъ первобытнаго состоянія, чѣмъ мужчина. Для того, чтобы удобнѣе было обозрѣть распредѣленіе брачнаго возраста по поламъ въ связи съ культурнымъ развитіемъ, я собралъ разсѣянныя въ этой главѣ данныя на прилагаемой табличкѣ (см. ниже), къ которой приложилъ также предполагаемый средній возрастъ появленія половой зрѣлости. Такъ какъ для насъ, однакоже, въ настоящую минуту представляетъ существенное значеніе хотя бы приблизительное опредѣленіе момента появленія половой зрѣлости, то (понеимѣнію прямыхъ указаній) для Норвегіи я взялъ цифру, извѣстную для Швеціи, а для Голландіи и Бельгіи я воспользовался цифрой, показанной для Даніи извѣстнымъ медикомъ и натуралистомъ Ганноверомъ. Для половой зрѣлости мальчиковъ я увеличилъ соотвѣтственную цифру дѣвочекъ на два. Для большаго удобства я отмѣтилъ также и возрастъ наступленія общей физической зрѣлости, но по неимѣнію данныхъ для различныхъ народовъ я для всѣхъ вообще опредѣлилъ этотъ моментъ въ 20 лѣтъ для женскаго пола и въ 23 для мужского. Для англійскихъ пэровъ и пэрессъ я взялъ среднее число изъ цифръ, извѣстыхъ для Лондона и Манчестера.

Національн. и положеніе:	Возрасты:														
	14—15	15—16	16—17	17—18	18—19	19—20	20—21	21—22	22—23	23—24	24—25	25—26	26—27	27—28	28—29
Русскія крестьянки 1805—1814 гг.	15	=	=	17,5		Моментъ наст. общ. физич. зрѣлости.									
Онѣ же: 1861—1870 гг.	15	=	=	=	18,72										
Англичанки .		15,5	=	=	=		—	—	—	—	24,69				
Француженки.	14,33	=	=	=	=		—	—	—	—	—	25,35			
Норвежки . .		15,58	=	=	=		—	—	—	—	—	—	26,98		
Голландки . .		15,7	=	=	=		—	—	—	—	—	—	—	27,78	
Бельгійки . .		15,7	=	=	=		—	—	—	—	—	—	—	—	28,19

Національн. и положеніе:	Возрасты:														
	14—15	15—16	16—17	17—18	18—19	19—20	20—21	21—22	22—23	23—24	24—25	25—26	26—27	27—28	28—29
Англійск. пэрессы и пр.	14,41	=	=	=	=	Моментъ наст. общ. физ. зрѣл.	—	—	—	23,07					
Нѣмецкія принцессы . . .	15	=	=	=	=		—	—	22,6						

Національн. и положеніе:	Возрасты:														
	16—18	18—19	19—20	20—21	21—22	22—23	23—24	24—25	25—26	26—27	27—28	28—29	29—30	30—31	
Рус. крестьяне: 1805—1814 гг.	17	18,71													
Они же: 1861—1870 гг.	17	=	=	20,79		Моментъ наступл. общ. физич. зрѣлости.									
Англичане . .	17,5	=	=	=	=		—	—	25,94						
Французы . .	16,33	=	=	=	=		—	—	—	—	—	28,41			
Норвежцы . .	17,58	=	=	=	=		—	—	—	—	—	28,51			
Голландцы . .	17,7	=	=	=	=		—	—	—	—	—	—	29,15		
Бельгійцы . .	17,7	=	=	=	=		—	—	—	—	—	—	29,94		
Англ. пэры, барон. и проч.	16,41	=	=	=	=		—	—	—	—	—	—	29,63		
Нѣмецкіе принцы	17	=	=	=	=		—	—	—	—	—	—	—	30,5	

Первая цифра для каждой группы означаетъ возрастъ появленія половой зрѣлости, вторая же соотвѣтствуетъ возрасту вступленія въ бракъ. Мѣста, выполненныя черточками, означаютъ время продолжительности дисгармоническихъ періодовъ, при чемъ двойныя черты соотвѣтствуютъ первому дисгармоническому періоду человѣческаго развитія, который продолжается отъ наступленія половой до наступленія общей физической зрѣлости; второй же періодъ, означенный одиночными черточками, соотвѣтствуетъ времени отъ наступленія общей физической зрѣлости до возраста вступленія въ бракъ.

Таблички эти понадобятся намъ для нѣсколькихъ цѣлей. Во-первыхъ, онѣ показываютъ намъ, что ходъ брачнаго возраста идетъ неравномѣрно для обоихъ половъ,—обстоятельство, на которое я уже мелькомъ указалъ выше. Такъ какъ оно имѣетъ большое значеніе въ разбираемомъ нами вопросѣ, то я считаю нужнымъ указать здѣсь на законъ, которому оно подчинено. Законъ этотъ, поскольку онъ касается статистически изслѣдованныхъ европейскихъ народовъ, формулированъ Ваппеусомъ слѣдующимъ образомъ [1]: «мужчины самой ранней возрастной группы всюду женятся вообще на болѣе взрослыхъ женщинахъ; въ возрастной группѣ отъ 20 до 25 л. (въ Нидерландахъ и Бельгіи отъ 21 до 25 лѣтъ) замѣчается наименьшая разница въ возрастѣ между мужемъ и женою; начиная же отъ этого времени она быстро растетъ вмѣстѣ съ возрастомъ мужчины, что продолжается до самаго старшаго возраста мужчины». «Въ результатѣ получается, что вообще чѣмъ позже заключаются браки, тѣмъ возрастъ мужа болѣе превышаетъ возрастъ жены». Переводя это правило на общій антропологическій языкъ и подставляя полученный изъ вышеуказанныхъ фактовъ общій выводъ, оказывается, что съ усиленіемъ культурнаго развитія, замедляющимъ брачный возрастъ, разница между мужчиной и женщиной по отношенію къ этому возрасту становится все болѣе рѣзкой. Этотъ выводъ составляетъ, собственно говоря, только частный случай болѣе общаго антропологическаго закона, по которому развитіе усиливаетъ контрастъ между обоими полами. Этотъ законъ проявляется отъ крупныхъ фактовъ до мелочей. Извѣстный анатомъ Гушке пришелъ къ заключенію [2], которое потомъ было подтверждено Велкеромъ [3], что «по мѣрѣ увеличенія совершенства расы, увеличивается и разница между полами по отношенію

[1] Allgemeine Bevölkerungsstatistik, т. II, 305 и 306.

[2] *Schädel*, Hirn und Seele. Jena, 1854, стр. 48.

[3] Untersuchungen über Wachsthum und Bau des menschlichen Schädels, 1862 стр. 69.

къ вмѣстимости черепной полости; особенно же сильно превосходитъ въ этомъ отношеніи европеецъ европейку, сравнительно съ негромъ и негритянкой». Внѣшніе признаки, наиболѣе рѣзко отличающіе мужчину отъ женщины, какъ-то усы, борода и проч., сильнѣе всего развиты у самой совершенной кавказской расы. Негритянскіе, монгольскіе, американскіе и малайскіе народы въ этомъ отношеніи представляются несравненно болѣе женоподобными. Къ числу мелочныхъ признаковъ мы можемъ отнести, напр., одежду. Обиліе украшеній, серьги, ожерелья и т. п., перья, яркіе цвѣта одежды суть вещи, немыслимыя для цивилизованнаго европейскаго мужчины въ здравомъ умѣ. Для мужчинъ же первобытныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ всѣ эти принадлежности столь же неизбѣжны, какъ и для нашихъ женщинъ. Консерватизмъ, патріархальныя и семейныя наклонности, вообще говоря, у женщинъ гораздо болѣе развиты, чѣмъ у мужчинъ, и у первобытныхъ народовъ болѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ. Всѣмъ извѣстно какую роль играютъ въ настоящую минуту эти наклонности у клерикально настроенныхъ французскихъ женщинъ, и Гербертъ Спенсеръ справедливо замѣтилъ, что предоставленіе женщинамъ права избирательнаго голоса значительно усилило бы консервативную партію парламента. Причина всѣхъ этихъ явленій кроется въ значеніи женщины по отношенію къ поддержанію вида, т.-е. размноженію. Это послѣднее отправленіе, требуя затраты большого количества матеріи и дѣятельности, неизбѣжно задерживаетъ личное индивидуальное развитіе женщины. Многими натуралистами вполнѣ сознанъ тотъ фактъ, что женщина представляется какъ бы соотвѣтствующей мужчинѣ въ юношескомъ возрастѣ, слѣдовательно задерживается на извѣстной ступени развитія, подобно тому какъ задерживается развитіе личинкоподобной самки многихъ насѣкомыхъ (Strepsiptera, Psyche, Lampyris), самцы которыхъ являются въ видѣ гораздо болѣе развитыхъ крылатыхъ существъ. Никто, конечно, не выведетъ изъ моихъ словъ, чтобы я утверждалъ, будто женщина неспособна къ развитію и должна во всѣхъ случаяхъ и вѣчно оставаться на личинкоподобной стадіи развитія. Я утверждаю только, что прогрессивное развитіе женщины должно совершаться въ ущербъ ея способности размноженія, выкармливанія и воспитанія дѣтей, совершенно подобно тому, какъ усиленная дѣятельность рабочихъ пчелъ, муравьевъ и термитовъ могла явиться не иначе, какъ вмѣстѣ съ появленіемъ безплодія или же плодовитости въ экстренныхъ исключительныхъ случаяхъ. Фактическое доказательство этого мнѣнія представляютъ намъ Соединенные Штаты. Женщины-янки съ давнихъ поръ заботятся о собственномъ развитіи и

сдѣлали въ этомъ отношеніи огромные успѣхи, но они совершились, видимо, на счетъ способности размноженія и семейной жизни. Такимъ образомъ, всѣмъ извѣстно, до чего между американскими женщинами распространено вытравливаніе плода и употребленіе другихъ средствъ къ уменьшенію плодовитости. Результаты всего этого до того рѣзки, что общее «размноженіе живущихъ въ Америкѣ нѣмцевъ совершается среднимъ числомъ отъ четырехъ до пяти разъ скорѣе, чѣмъ настоящихъ американцевъ». Послѣдній цензъ (1870 года) показалъ, что изъ всего населенія Соединенныхъ Штатовъ (38.555.983) почти половина (16.458.561) или произошла отъ родителей, родившихся внѣ Америки (10.892.015), или же состоитъ изъ настоящихъ иностранцевъ (5.556.546), т.-е. родившихся внѣ Америки. Развитіе, съ помощью искусственныхъ мѣръ уменьшающее плодовитость, неизбѣжно ведетъ къ большему приравниванію женщины къ мужчинѣ. Поэтому совершенно понятно отвращеніе, питаемое развитыми женщинами къ тѣмъ особенностямъ женскаго костюма, которыя приближаютъ его къ одѣянію дикарей, а также и къ первобытной патріархальности и консерватизму.

На приложенныхъ табличкахъ изображено самымъ наглядным образомъ увеличеніе дисгармоническихъ періодовъ, результаты котораго будутъ разсмотрѣны нами по возможности обстоятельно. Здѣсь же я долженъ указать на то, что удлиненіе этихъ періодовъ имѣетъ, вообще говоря, вліяніе на уменьшеніе общей продолжительности брачныхъ союзовъ. Что во всемъ этомъ лежитъ зявязка «ненормальная», это, я думаю, каждому кидается въ глаза. Иначе какъ же объяснить тотъ фактъ, что физическое развитіе организма не идетъ въ рядъ съ развитіемъ культурнымъ, производя между обоими все увеличивающуюся пропасть, грозящую всему существованію человѣка?..

Я считаю необходимымъ предупредить читателя, что всѣ мои соображенія и сопоставленія направлены для разрѣшенія теоретическихъ вопросовъ общей антропологіи. У меня нигдѣ, ни прямымъ, ни косвеннымъ путемъ, не высказываются и не затрогиваются практическіе вопросы, какъ бы тѣсно они ни находились въ связи съ тѣмъ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ. Я не даю совѣтовъ относительно возраста вступленія въ бракъ, не порицаю позднихъ браковъ и пр. Все дѣло ограничивается у меня желаніемъ указать на связь культурнаго развитія съ измѣненіями семейной жизни и на результаты ихъ отношеній. При этомъ слѣдуетъ имѣть также въ виду, что я говорю только о дан-

ныхъ формахъ развитія, не позволяя себѣ дѣлать болѣе обширныхъ обобщеній. Изъ того, что европейскія цивилизаціи сопровождаются опредѣленными видоизмѣненіями семейной жизни, еще не слѣдуетъ, чтобы всякое вообще развитіе представляло тотъ же характеръ. Примѣромъ народа, ставшаго сравнительно на довольно высокую ступень культурнаго развитія и въ то же время сохранившаго патріархальный семейный бытъ, могутъ намъ служить доблестные сыны Небесной Имперіи. Читая описаніе ихъ брачныхъ обычаевъ и отношеній, вы легко подумаете, что имѣете дѣло съ первобытнѣйшимъ народомъ, не только никогда не думавшимъ объ изобрѣтеніи книгопечатанія, но считающимъ подобную вещь дьявольщиной, придуманной для гибели человѣческаго рода. Такимъ образомъ у нихъ встрѣчается обрученіе малолѣтнихъ дѣтей, и вообще китайскіе юноши и дѣвицы не вступаютъ въ бракъ, а выдаются родителями, при чемъ на собственный выборъ первыхъ не обращается ни малѣйшаго вниманія. У китайцевъ дѣти вообще строжайшимъ образомъ подчинены родителямъ и во всемъ должны безусловно повиноватіся послѣднимъ...

IV.

Количество браковъ и связь его съ возрастомъ вступленія въ бракъ.

Разсмотрѣніе явленій, находящихся въ тѣснѣйшей связи или же въ прямой зависимости отъ возраста вступленія въ бракъ, мы начнемъ съ числа или «частости» браковъ. Естественно, что тамъ, гдѣ брачный союзъ составляетъ простое сожительство, начинающееся съ того времени, когда супруги только что пріобрѣли физическую способность къ брачной жизни, гдѣ выборъ жениха или невѣсты не составляетъ ни малѣйшаго затрудненія, браки должны составлять явленіе, несравненно болѣе общее, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда выборъ представляется дѣломъ весьма сложнымъ, какъ, напр., въ цивилизованномъ обществѣ. Этимъ достаточно обозначается связь брачнаго возраста съ частостью браковъ, на которой мы намѣрены теперь остановиться.

Первобытные народы, вообще столь рано вступающіе въ бракъ, представляютъ намъ и наибольшую частость браковъ. Дарвинъ [1]) ссылается на Берчеля, который говоритъ, что между дикарями

---

[1]) Происхожденіе человѣка и половой подборъ, т. II, стр. 408.

южной Африки никогда не встрѣчается холостыхъ, и на Асару, утверждающаго то же самое объ индѣйцахъ Южной Америки. Подобнаго рода замѣчанія мы встрѣчаемъ у очень многихъ путешественниковъ. Относительно даяковъ мы уже привели выше цитату изъ Уоллеса, говорящую объ отсутствіи холостяковъ. Пеппинъ и Бурмейстеръ говорятъ то же относительно американскихъ дикарей [1]). Многіе первобытные народы считаютъ за великое безчестіе, если кому-нибудь между ними не удастся во-время вступить въ бракъ, другіе же вовсе не могутъ себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ всю жизнь вести холостой образъ жизни. Одинъ бедуинскій начальникъ говорилъ путешественнику Зеетцену, что «ему совершенно непонятно, какъ тотъ можетъ проводить всю свою жизнь холостымъ». «У насъ,—прибавилъ онъ,—каждый долженъ имѣть жену, и если бы кому-нибудь вздумалось не послѣдовать этому правилу, того бы навѣрно сочли негодяемъ». Бартъ совѣтуетъ путешественникамъ по внутренней Африкѣ брать съ собою жену, такъ какъ туземцы относятся къ холостымъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Капитанъ Джонъ Россъ говоритъ объ эксимосахъ слѣдующее: «Безбрачное состояніе имъ вовсе неизвѣстно. Одна мысль о немъ имъ кажется безсмыслицей, и они совершенно не въ состояніи понять, какимъ образомъ у насъ могутъ обходиться безъ жены» [2]).

У сингалезовъ и у китайцевъ безбрачіе свѣтскихъ составляетъ нѣчто исключительное. У волжскихъ калмыковъ частость браковъ, несмотря на значительную неравномѣрность въ численномъ отношеніи обоихъ половъ, весьма велика, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ. Въ древнія времена въ Спартѣ и на Критѣ холостяки подвергались общему презрѣнію и наказывались закономъ, при чемъ подобное наказаніе считалось особенно позорнымъ.

Переходя теперь къ европейскимъ народамъ, относительно которыхъ имѣются статистическія данныя, мы прежде всего замѣтимъ, что по частости браковъ между ними первое мѣсто занимаютъ русскіе, которые, какъ мы видѣли выше, отличаются и особенно раннимъ брачнымъ возрастомъ. Въ цитированной выше статьѣ г. Янсона мы находимъ слѣдующіе важные выводы. Въ 1867 г. въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Финляндіи, Привислянскаго края и Саратовской губ.) приходился одинъ бракъ на 99,4 человѣка. «Ни одно европейское государство не даетъ такой большой частости браковъ. Maximum браковъ по отношенію къ

---

[1]) *Рейхъ*, стр. 447, 336.

[2]) Всѣ три цитаты у *Рейха*, стр. 289, 313, 360.

населенію въ Западной Европѣ имѣетъ Цислейтанская Австрія, но и тамъ онъ равняется 1 на 104; въ другихъ государствахъ относительная цифра браковъ «гораздо менѣе». Г. Янсонъ прибавляетъ далѣе, что 1867 годъ былъ неблагопріятенъ для заключенія браковъ, и что поэтому правильнѣе принять одинъ бракъ на 96 человѣкъ. «Если принять среднюю для западно-европейскихъ государствъ, равную 1 браку на 140, то у насъ частость браковъ будетъ на 45% выше». При распредѣленіи частости браковъ по губерніямъ мы видимъ, что тѣ же пять губерній, принадлежащихъ къ наиболѣе цивилизованнымъ въ Россіи, которыя представляли сравнительно самый поздній брачный возрастъ, отличаются и наименьшею частостью браковъ. Такимъ образомъ, въ Ревельской 1 бракъ приходится на 150 человѣкъ, въ Рижской и Митавской—1 на 146, въ Ковенской—1 на 142. Изъ 10-ти же губерній, въ которыхъ мужчины всего ранѣе вступаютъ въ бракъ, семь принадлежатъ къ категоріи, гдѣ одинъ бракъ приходится на 100—110 жителей [1]). Если мы обратимся къ распредѣленію частости браковъ по вѣроисповѣданію и возьмемъ только тѣ цифры, которыя г. Янсонъ считаетъ «внушающими къ себѣ достаточное довѣріе», то получимъ для православныхъ 1 бракъ на 96 человѣкъ, для католиковъ — 1 на 122, для протестантовъ — 1 на 144 [2]). То-есть увидимъ тотъ же самый порядокъ, который замѣчается и при распредѣленіи браковъ по возрастамъ и вѣроисповѣданіямъ, что весьма сильно доказываетъ связь между частостью браковъ и брачнымъ возрастомъ. То же подтверждается и распредѣленіемъ браковъ въ городахъ и селахъ. Въ послѣднихъ, какъ мы видѣли, браки заключаются вообще раньше, чѣмъ въ городахъ, и число браковъ въ нихъ значительно превышаетъ частость городскихъ браковъ. Г. Янсонъ констатируетъ общій фактъ, «что въ городахъ у насъ меньше браковъ, чѣмъ въ остальномъ населеніи, почти на 30%,—фактъ діаметрально противоположный тому, что даетъ статистика западно-европейскихъ государствъ», гдѣ число браковъ въ городскомъ населеніи почти на 10% превышаетъ число браковъ въ деревняхъ [3]).

Въ Западной Европѣ, гдѣ частость браковъ значительно меньше, чѣмъ въ Россіи, приходится [4]):

въ Англіи и Уэльсѣ 1 бракъ на 115 жителей (1863—1866)
„ Шотландіи . . . . . 135 „ (1863—1866)

---

[1]) Сравнительно-статистич. этюды, III, стр. 224, 225.
[2]) То-же.
[3]) То-же.
[4]) То-же.

въ Ирландіи	191	жителей	(1864—1866)
„ Франціи	126	„	(1863—1866)
„ Бельгіи	134	„	(1863—1866)
„ Пруссіи	115	„	(1865—1867)
„ Баваріи	116	„	(1863—1866)
„ Италіи	142	„	(1865—1869)
„ Швеціи	168	„	(1866 - 1870)
„ Австріи Цисл.	104	„	(1867—1869)
„ Австр. Трансл.	110	„	(1867—1869)

Частныя отличія между частостью браковъ въ этихъ государствахъ нами не могутъ и не должны быть подробно разсматриваемы, такъ какъ они, очевидно, зависятъ отъ различныхъ причинъ, обусловливающихъ и измѣненія того же отношенія въ одной и той же странѣ, смотря по времени. Для насъ, однакоже, весьма важно обратить вниманіе на связь между частостью и возрастомъ вступленія въ бракъ, поскольку она выражается приведенными числами. Такимъ образомъ, Англія, имѣющая самый ранній брачный возрастъ (изъ пяти государствъ, для которыхъ выше былъ приведенъ средній возрастъ вступленія въ бракъ), имѣетъ и отношеніе, равное 1 : 115. Франція, стоящая на второмъ мѣстѣ по брачному возрасту, отличается и меньшей противъ Англіи частостью браковъ (1 : 126); еще рѣзче отличается Бельгія, имѣющая болѣе поздній брачный возрастъ и отношеніе частости, равное 1 : 134. Для Норвегіи и Нидерландовъ въ приведенной табличкѣ, взятой мною у г. Янсона, не существуетъ данныхъ, поэтому я считаю нужнымъ воспользоваться менѣе новыми данными Ваппеуса, въ которыхъ приведены цифры и для обоихъ названныхъ государствъ, тѣмъ болѣе, что числа для средняго брачнаго возраста были также заимствованы у этого автора и относятся къ одновременнымъ даннымъ. Мы возьмемъ средній брачный возрастъ для обоихъ половъ вмѣстѣ и сопоставимъ полученныя числа съ отношеніемъ частости браковъ по Ваппеусу (т. II, стр. 246).

	Средн. возр. вступленія въ бракъ:		На 1 вѣнчаніе приходится жителей.
въ Англіи	25,31	года	118,13 (1845—1854)
„ Франціи	26,86	„	126,92 (1844—1853)
„ Норвегіи	27,75	„	129,29 (1846—1855)
„ Нидерландахъ	28,47	„	130,27 (1845—1854)
„ Бельгіи	29,06	„	145,11 (1847—1856)

Въ результатѣ между обоими моментами получается полнѣйшее соотвѣтствіе.

Для того, чтобы еще лучше оцѣнить вліяніе культуры на брачную жизнь, можно привести то обстоятельство, что въ населеніи Европы, способномъ къ бракосочетанію (начиная съ 18 лѣтъ), около двухъ третей находится или находилось въ бракѣ (именно 65,98%), цѣлая же треть (34,01%) находится въ безбрачномъ состояніи (Ваппеусъ, II, стр. 223). Я не привожу здѣсь данныхъ для распредѣленія населенія въ отдѣльныхъ государствахъ, такъ какъ для насъ важны общія цифры для всей Западной Европы.

Обратимся теперь къ распредѣленію частости браковъ въ городахъ и деревняхъ, на аномальное отношеніе котораго было уже указано выше. Въ то время какъ въ русскихъ деревняхъ браковъ заключается на 30% больше, чѣмъ въ городахъ, въ Западной Европѣ мы встрѣчаемъ обратное явленіе; тамъ перевѣсъ числа городскихъ браковъ составляетъ приблизительно 10%. Такой фактъ легко можетъ быть приведенъ какъ доказательство того, что частость браковъ не находится въ зависимости отъ культурнаго развитія, предполагая, конечно, что послѣднее стоитъ въ городахъ на болѣе высокой степени, чѣмъ въ деревняхъ. Присмотримся нѣсколько ближе къ этому вопросу. Изъ 10-ти государствъ, приведенныхъ Ваппеусомъ, только въ трехъ (Шлезвигѣ, Саксоніи и Пруссіи) частость браковъ въ деревняхъ нѣсколько превышаетъ городскую; остальныя же семь (Франція, Нидерланды, Бельгія, Швеція, Данія, Голштинія и Ганноверъ) представляютъ обратный примѣръ. Всѣхъ рѣзче оказываются въ этомъ отношеніи Бельгія, Франція и Нидерланды. Такъ, напр., въ Парижѣ одно бракосочетаніе приходится на 99,8 жителей, во Франціи же вообще на 129 29 жит. Съ нашей точки зрѣнія подобные факты, съ перваго взгляда парадоксальные, объясняются весьма просто, если мы примемъ въ соображеніе, что бракъ можетъ получать различное содержаніе, смотря по условіямъ. Въ первоначальной и наиболѣе распространенной формѣ бракъ есть не только сожительство супруговъ, но и главное условіе произведенія потомства; отымите отъ него этотъ послѣдній моментъ и у васъ получатся совершенно иные результаты. Какъ ни затруднено, вообще говоря, вступленіе въ бракъ цивилизованныхъ народовъ сравнительно съ первобытными, не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что часть этихъ затрудненій заключается въ произведеніи дѣтей, ихъ воспитаніи, содержаніи и проч. Искусственное устраненіе этого затрудненія, болѣе доступное для городского населенія чѣмъ для сельскаго, неизбѣжно должно увеличить число браковъ. Доказательствомъ этого служитъ именно то, что въ городахъ, несмотря на большую частость законныхъ браковъ, плодовитость послѣднихъ значительно меньше сравнительно

съ деревнями. Такъ, напр., во Франціи на 1 бракъ приходится 3,16 дѣтей въ городахъ и 3,28 въ деревняхъ; въ Нидерландахъ—3,91 въ городахъ, 4,32 въ деревняхъ; въ Бельгіи 3,80 и 4,17; въ Швеціи—2,99 и 4,19, и пр.

Тѣ же соображенія могутъ быть приложены и для цѣлыхъ западно-европейскихъ государствъ; такъ что если бы мы могли статистически отличать обѣ формы браковъ, то цифра 126 для Франціи навѣрно бы значительно увеличилась.

Статистика даетъ нѣкоторые матеріалы и для распредѣленія частости браковъ по времени,—обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что оно хотя отчасти дѣлаетъ возможнымъ пополненіе соотвѣтствующаго пробѣла для брачнаго возраста. У Ваппеуса приведены въ этомъ отношеніи числа для пяти государствъ: Франціи, Швеціи, Норвегіи, Саксоніи и Пруссіи. Въ четырехъ послѣднихъ замѣчается вообще довольно правильное и постоянное уменьшеніе частости браковъ. Такъ, на 10.000 жителей въ Швеціи приходилось въ 1751 г.—3641 въ брачномъ состояніи, а въ 1855 г. только 3259; въ Норвегіи съ 1769 по 1855 г. соотвѣтствующая цифра съ 3760 упала до 3221; въ Саксоніи съ 1834 по 1849 г. она упала съ 3552 на 3498. То же самое замѣчено и относительно Пруссіи, гдѣ въ періодѣ отъ 1817 до 1843 г. на 1 бракосочетаніе приходилось 109 жителей, въ періодѣ 1844—1853 г. уже 115, а въ періодѣ 1854—1860г.—118 жителей. Франція представляетъ исключеніе, такъ какъ въ ней въ 1806 г. на 10.000 приходилось 3584, находящихся въ брачномъ состояніи, въ 1841 г. соотвѣтствующая цифра возвысилась до 3781, а въ 1851 г. она сдѣлалась равной 3894. Ваппеусъ видитъ въ этомъ доказательство «значительнаго прогресса этой страны», который въ сущности сводится къ усиленному участію искусственныхъ мѣръ для уменьшенія плодовитости, что доказывается слѣдующими данными. Въ періодѣ 1811—1815 г. на 1 бракъ приходилось 3,49 дѣтей, въ періодѣ 1841—1845 г. соотвѣтствующая величина спустилась до 3,21, а въ періодѣ 1851—1855 г. до 3,07. Этотъ важный моментъ, дѣйствительный вообще въ Европѣ, преимущественно же во Франціи, объясняетъ такимъ образомъ много съ виду исключительныхъ явленій и можетъ быть также приведенъ, какъ одинъ изъ факторовъ, обусловливающихъ сравнительно столь ранній брачный возрастъ французовъ.

Итакъ, мы видимъ, что частость браковъ идетъ вообще параллельно и въ связи съ ходомъ возраста вступленія въ бракъ, и слѣдовательно, усиливаетъ эффекты послѣдняго. Для пополненія нашего очерка мы неизбѣжно должны остановиться на послѣдствіяхъ этихъ

двухъ моментовъ, связь которыхъ съ цивилизаціей не можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Эти послѣдствія будутъ интересовать насъ главнымъ образомъ не по отношенію къ благосостоянію и судьбѣ цѣлыхъ народовъ, но поскольку они (эти отношенія) вліяютъ на счастье и участь отдѣльныхъ индивидуумовъ.

V.

Отношеніе брачнаго возраста и частости браковъ къ смертности, самоубійству, преступленіямъ и душевнымъ болѣзнямъ.—Общіе выводы и заключенія.

Въ наукѣ накопился уже порядочный матеріалъ относительно вліянія брачнаго состоянія и безбрачія на смертность, наклонность къ преступленіямъ, самоубійствамъ, помѣшательству и пр. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти моменты составляютъ главнѣйшіе факторы, слагающіе сумму несчастій человѣческихъ и тѣмъ самымъ подлежащіе нашему разсмотрѣнію. Если извѣстные періоды индивидуальнаго развитія можно считать «дисгармоническими», то подобное мнѣніе можетъ быть оправдано только фактическимъ доказательствомъ, основаннымъ именно на изученіи результатовъ, обусловленныхъ большею или меньшею продолжительностью подобныхъ періодовъ.

Выше уже было упомянуто объ изслѣдованіяхъ Фарра относительно вліянія брачнаго состоянія на смертность въ различныхъ возрастахъ. Теперь мы должны остановиться нѣсколько долѣе на этомъ предметѣ. Говоря вообще, «смертность холостыхъ гораздо значительнѣе, чѣмъ женатыхъ; такъ что брачная жизнь не только не укорачиваетъ жизни, несмотря на заботы и лишенія для содержанія семьи, но несомнѣнно оказываетъ благопріятное вліяніе на общую продолжительность существованія» (Ваппеусъ, II, 217). Это правило провѣрено и для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ; такъ, извѣстно, что оно приложимо къ медикамъ, между которыми холостые подвержены большей смертности, чѣмъ женатые (Ваппеусъ, стр. 333).

Всѣ ученые согласны съ тѣмъ, что начиная отъ двадцатилѣтняго возраста, вообще умираетъ болѣе холостыхъ, нежели женатыхъ (то же относится и къ женскому полу). Вопросъ заключается только въ томъ, какой изъ двухъ моментовъ является въ данномъ случаѣ причиннымъ. Большинство ученыхъ полагаетъ, что безбрачное состояніе само по себѣ уже служитъ обстоятельствомъ,

значительно увеличивающимъ шансы смертности. Лица не связанныя семейной жизнью, болѣе склонны къ эксцессамъ, слѣдовательно болѣе подвержены болѣзненности, уходъ же за ними вообще дурной и т. п. По мнѣнію же другихъ, какъ, напр., Фарра и Дарвина, усиленная смертность безбрачныхъ доказываетъ только, что въ бракъ вступаютъ наиболѣе здоровые и вообще лучшіе люди, которые поэтому и переживаютъ холостыхъ, какъ наименѣе одаренныхъ. Бракъ, по ихъ мнѣнію, есть, такимъ образомъ, орудіе естественнаго подбора, всегда дающаго перевѣсъ хорошимъ и устраняющаго дурныхъ.

Продолжительное рѣшеніе вопроса, чье изъ двухъ мнѣній наиболѣе приближается къ истинѣ, не можетъ быть дано за неимѣніемъ достаточнаго количества точныхъ статистическихъ свѣдѣній, поэтому-то намъ придется прибѣгнуть къ различнымъ побочнымъ средствамъ для того, чтобы по крайней мѣрѣ приблизительно отвѣтить на вопросъ. Разсмотримъ прежде всего аргументы обѣихъ сторонъ. Д-ръ Старкъ, отстаивающій мнѣніе большинства, ссылается главнымъ образомъ на то, что выгодное отношеніе лицъ, находящихся въ брачномъ состояніи, продолжается до глубокой старости, слѣдовательно дѣйствительно въ такое время, когда о «брачномъ подборѣ» уже не можетъ быть рѣчи. Дарвинъ отвѣчаетъ на это, что усиленный контингентъ умирающихъ старцевъ можетъ быть данъ такими холостяками, которые еще въ юности были слабы и потому забракованы, но тѣмъ не менѣе дожили до болѣе или менѣе поздняго возраста. Дарвинъ высказываетъ, впрочемъ, это мнѣніе апріористически, не давая ему должнаго фактическаго подкрѣпленія. Сходнымъ образомъ относится онъ и къ другому аргументу Старка, именно, что смертность вдовъ и вдовцовъ во Франціи очень велика сравнительно съ женами и мужьями; онъ ссылается прямо на Фарра, который объясняетъ эту усиленную смертность «бѣдностью и дурными привычками, слѣдующими за разложеніемъ семьи, а также и печалью». Этотъ отвѣтъ является опять чисто апріористическимъ. Для разъясненія недоразумѣній слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Если бы усиленная смертность безбрачныхъ зависѣла исключительно отъ «брачнаго подбора», то какъ могло бы объясниться уменьшеніе смертности тѣхъ же безбрачныхъ въ молодые годы, т.-е. до 20 лѣтъ. Вѣдь въ это время подборъ также долженъ существовать, и хотя юноши иногда и вступаютъ въ бракъ необдуманно, слѣдовательно, наперекоръ истинному подбору, но зато именно въ силу своей юности имѣютъ много времени впереди и этимъ самымъ увеличиваютъ шансы подбора. Такимъ образомъ, 18—20-лѣтняя дѣвушка имѣетъ несрав-

ненно болѣе возможности выбирать подходящаго жениха, нежели 25 лѣтняя. Факты показываютъ однакоже, что замужнія женщины подвержены до 20 лѣтъ значительно большей смертности, нежели дѣвушки, на что какъ мы видѣли выше, опирается Денканъ, стараясь опредѣлить возрастъ наступленія общей зрѣлости. Этотъ же ученый показалъ, что въ періодѣ отъ 20—24 лѣтъ женщины подвержены наименьшей смертности отъ родовъ,—обстоятельство, играющее очевидно важную роль въ дѣлѣ вопроса о смертности въ различныхъ возрастахъ женщины.

Крайне важно было бы знать, для рѣшенія нашего вопроса, какія именно болѣзни обусловливаютъ бо́льшую смертность холостыхъ. По мнѣнію Эстерлена, этотъ излишекъ смертей производится прежде всего острыми болѣзнями, какъ, напр., тифомъ, воспаленіемъ легкихъ и проч., а также бугорчаткой, душевными болѣзнями и пьянствомъ, сифилисомъ, несчастными случаями, самоубійствомъ. Правда, что это мнѣніе имѣетъ видъ апріористическаго вывода, но если оно тѣмъ не менѣе справедливо, то понятно, что брачный выборъ можетъ устранять только лицъ, страдающихъ или подверженныхъ хроническимъ болѣзнямъ.

Если мы для рѣшенія вопроса прибѣгнемъ къ тому же способу, который употребилъ въ дѣло Дарвинъ, т.-е. станемъ перебирать въ памяти знакомые примѣры, то должны будемъ придти къ заключенію, что смертность безбрачныхъ имѣетъ двоякій характеръ. Съ одной стороны, несомнѣнно, что выборъ исключаетъ очень слабыхъ и хронически больныхъ индивидуумовъ, но, съ другой стороны, не менѣе вѣрно и то, что холостая жизнь является моментомъ, крайне пагубно вліяющимъ на всю судьбу человѣка и потому обусловливающимъ много смертныхъ случаевъ. Существующія статистическія свѣдѣнія не даютъ возможности указать на количественную сторону каждаго изъ этихъ факторовъ и потому приходится поневолѣ удовлетвориться самыми общими результатами. Какъ бы то ни было, достаточно допустить хотя бы слабое вліяніе безбрачія на усиленіе смертности, для того чтобы видѣть, что уменьшеніе числа браковъ въ новѣйшее время должно отражаться все съ большею и большею силою въ общемъ итогѣ культурной жизни. Отсюда не слѣдуетъ выводить прямо, чтобы общая смертность увеличивалась съ каждымъ годомъ по мѣрѣ уменьшенія частости браковъ. Смертность есть результатъ суммъ, сложныхъ условій, и безбрачіе составляетъ одно изъ нихъ.

Ежегодное увеличеніе числа самоубійствъ въ цивилизованныхъ государствахъ Европы уже обратило на себя вниманіе статистиковъ и моралистовъ, благодаря стараніямъ которыхъ собрано и

приведено въ порядокъ много отдѣльныхъ фактовъ. Всѣ попытки умалить значеніе послѣднихъ оказались тщетны, и теперь уже никто изъ людей науки не старается доказать, что всѣ самоубійства совершаются въ состояніи безумія и помѣшательства.

Тѣсная связь между частотой самоубійствъ и рѣдкостью браковъ, а также и съ возрастомъ вступленія въ послѣдній, вытекаетъ изъ общей суммы данныхъ о самоубійствѣ. Извѣстно, напр., что дикіе народы, вообще столь рано вступающіе въ бракъ, представляютъ чрезвычайно мало примѣровъ самоубійства. Между евреями и православными, ранѣе и чаще другихъ вступающими въ бракъ, замѣтно вообще менѣе самоубійствъ, чѣмъ между католиками, и еще менѣе, чѣмъ между протестантами.

Прямыя показанія о сравнительной частотѣ самоубійствъ между брачнымъ и безбрачнымъ населеніемъ свидѣтельствуютъ вообще о большей склонности къ самоубійству послѣдняго. Несмотря на то, что эта склонность увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ между молодыми безбрачными, частота самоубійствъ значительно больше, чѣмъ между лицами, находящимися въ брачномъ состояніи (Эттингенъ, стр. 936). По изслѣдованіямъ Адольфа Вагнера, оказывается, что въ Саксоніи, Вюртембергѣ и Баденѣ большая часть самоубійствъ приходится на долю безбрачныхъ, особенно же вдовыхъ и находящихся въ разводѣ.

Еще раньше Леви нашелъ, что изъ трехъ самоубійцъ —двое холостыхъ и одинъ женатый. По статистическимъ свѣдѣніямъ 1865 г. относительно самоубійствъ во Франціи, оказывается, что на долю женатыхъ приходится 19,9%, холостыхъ—28,1%, вдовцовъ—52,5%. Для женщинъ было введено иное процентное отношеніе. Между самоубійцами было нѣсколько болѣе замужнихъ (24,9%), чѣмъ незамужнихъ (21,6%), но зато особенно много вдовъ (53,5%) [1]). И здѣсь, подобно тому, что мы видѣли относительно браковъ, числа для женщинъ болѣе варьируются въ разныя стороны, чѣмъ для мужчинъ. Общій же результатъ относительно участія обоихъ половъ въ самоубійствахъ, т.-е., что мужчинъ приходится значительно (въ 3—4½ раза) болѣе чѣмъ женщинъ, сходится съ тѣмъ, что послѣднія вообще раньше и чаще вступаютъ въ бракъ, представляя новое доказательство высказаннаго выше положенія.

Статистически, доказано что самоубійства совершаются вообще чаще въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ (Ад. Вагнеръ, стр. 200 и слѣд.),—обстоятельство, очевидно, стоящее въ связи съ болѣе высокимъ уровнемъ культуры и большею сложностью городской жизни. Оно нисколько не является противорѣчіемъ общему правилу о связи

[1]) По Легуа у *Эттингена* Moralstatistik, стр. 338.

самоубійствъ съ брачной жизнью, такъ какъ мы видѣли, что усиленная частота браковъ въ европейскихъ городахъ есть явленіе, такъ сказать, вторичнаго культурнаго происхожденія, и что эти городскіе браки имѣютъ свой особенный характеръ. Въ Россіи же частота самоубійствъ въ городахъ находится въ самомъ незатемненномъ и простомъ отношеніи къ большему числу безбрачныхъ и къ болѣе позднему возрасту вступленія въ бракъ городского населенія [1]).

Нѣмецкая поговорка: «Je länger Junggesell, je tiefer in der Höll», характеризующая народный взглядъ на безбрачіе, оправдывается и статистическими цифрами. Въ уголовной статистикѣ принято за правило, что холостые даютъ гораздо большій контингентъ преступниковъ, чѣмъ женатые. Такимъ образомъ во Франціи, гдѣ безбрачные и вообще безсемейные люди составляютъ менѣе половины общаго населенія страны, безбрачныхъ подсудимыхъ была большая половина, а въ 1865 г. изъ 4154 ихъ было 2272. Въ Бельгіи (1856—1860) изъ 1384 тяжкихъ преступниковъ на долю безсемейныхъ пришлось 811, т.-е. 58,6%.

Въ Италіи (1863) изъ общей суммы 47.943 наказанныхъ за проступки, было 29.129, т.-е. 60,7%, безбрачныхъ. Съ другой стороны, замѣчательно, что во Франціи мелкіе земледѣльцы-собственники, составляющіе почти половину всего населенія, дали не болѣе 31% причастныхъ къ преступленіямъ (Эттингенъ, стр. 647). По даннымъ баварской уголовной статистики 1862—1866 годовъ оказывается, что преступность женатыхъ и замужнихъ составляетъ только 37% преступности безбрачныхъ. По общему разсчету, на 10.000 брачныхъ ежегодно обвиняется 17 человѣкъ, изъ такого же количества безбрачныхъ—48. Процентное отношеніе обвиненныхъ въ Баваріи (за исключеніемъ зарейнской части) было слѣдущее [2]):

Въ году:	*Безбрачныхъ:*	*Брачныхъ:*
1862—1863	78	22
1863—1864	79	21
1864—1865	80	20
1865—1866	78	22

---

[1]) Я убѣжденъ, что статистика самоубійствъ представила бы еще болѣе рѣзкія доказательства въ пользу нашей общей мысли,-если бы она строго раздѣляла настоящія, намѣренныя самоубійства отъ случайныхъ самоубійствъ, какъ напр., утопленіе лицъ, одержимыхъ бѣлою горячкою, и проч., и если бы она имѣла болѣе комбинированныхъ данныхъ объ участіи сословій и другихъ культурныхъ группъ въ данныхъ формахъ самоубійства.

[2]) Данныя о баварской уголовной статистикѣ взяты мною изъ статьи доктора *Майра* Criminalistische Studien въ Прибавленіяхъ къ № 19-му и 20-му „Allgemeine Zeitung“ за 1872 г.

Женщины, дающія меньшее число самоубійцъ, оказываются и значительно менѣе наклонными къ совершенію преступленій. Такимъ образомъ, во Франціи на 100 обвиненныхъ мужчинъ приходится только 23 женщины (Кетле). Сходное отношеніе было найдено и для баварскаго населенія, гдѣ на 100 обвиненныхъ мужчинъ приходилось въ годъ (отъ 1862—63 г. до 1865—66 г.) 19, 18, 16, 15 женщинъ (Майръ).

Особенный интересъ представляетъ для общей антропологіи вопросъ объ участіи возрастовъ въ преступленіяхъ. Вотъ какимъ образомъ формулируетъ Кетле выведенный имъ законъ: «наклонность къ преступленію возрастаетъ очень быстро по мѣрѣ приближенія къ зрѣлому возрасту; тутъ она достигаетъ maximum'а и начинаетъ уменьшаться, но медленно, до послѣдняго предѣла жизни. Этотъ законъ представляетъ большое постоянство и терпитъ измѣненія только по отношенію къ величинѣ и времени появленія maximum'а. Во Франціи maximum для преступниковъ вообще приходится около 24 лѣтъ; въ Бельгіи эта критическая эпоха наступаетъ нѣсколько позже; въ Англіи и великомъ герцогствѣ Баденскомъ она, напротивъ, наблюдается раньше [1]). Остановимся покамѣстъ на этомъ общемъ результатѣ. Первый пунктъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе, состоитъ въ томъ, что ходъ возраста наибольшей наклонности къ преступленіямъ совершенно совпадаетъ съ ходомъ средняго брачнаго возраста. Оба возраста наступаютъ всего ранѣе у англичанъ, затѣмъ у французовъ, всѣхъ же позже у бельгійцевъ. Это совпаденіе указываетъ на то, что возрастъ наибольшей наклонности къ преступленію выпадаетъ какъ разъ на долю того періода, который мы выше назвали дисгармоническимъ. У французовъ онъ прерывается брачнымъ возрастомъ, наступающимъ, среднимъ числомъ въ 28,41 года, т.-е. въ то время, когда наклонность къ преступленію начинаетъ уменьшаться. Вторая половина дисгармоническаго періода, оканчивающаяся брачнымъ возрастомъ, начинается съ момента появленія общей зрѣлости, т.-е. примѣрно съ 23 лѣтъ, того возраста, который у Кетле (т. II, стр. 354) считается началомъ критическаго момента наибольшей наклонности къ преступленію. Въ Англіи эта наклонность проявляется всего рѣзче между 20 и 25 годами, при чемъ послѣдняя цифра приближается къ среднему брачному возрасту (26,94 года).

Весьма важно знать, какого рода преступленія выпадаютъ по преимуществу на этотъ дисгармоническій періодъ наибольшей пре-

[1]) *Quetelet.* Physique sociale 2-e édition, 1869, т. II, стр. 867.

ступной наклонности. Мы отвѣтимъ на это словами Кетле, которыя множество разъ цитируются во всевозможныхъ сочиненіяхъ потому именно, что они всего лучше выражаютъ суть дѣла: «Il (le penchant au vol) s'exerce d'abord à la faveur de la confiance qui régne dans l'intérieur des familles, puis se manifeste au dehors et jusque sur les chemins publiques, où il finit par recourir à la violence, lorsque déjà l'homme a fait le triste essai de la plénitude de ses forces, en se livrant à tous les genres d'homicides. Ce funeste penchant est moins précoce cependant, que celui qui vers l'adolescence nait avec le feu des passions et les désordres qui l'accompagnent et qui pousse l'homme au viol et aux attentats à la pudeur, en commençant à chercher ses victimes parmi les êtres dont la faiblesse oppose le moins de résistance» (II. 361).

Далѣе идутъ преступленія зрѣлаго возраста, отличающіяся холодной обдуманностью, каковы: отравленіе и пр.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о сумашествіи, какъ объ одномъ изъ крупныхъ явленій, связанныхъ съ брачной жизнью и съ культурнымъ развитіемъ вообще.

У первобытныхъ народовъ помѣшательство составляетъ явленіе весьма рѣдкое, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно проявляется, оно принимаетъ большею частью форму слабоумія или идіотизма. Докторъ Берчель, проведшій двадцать пять лѣтъ между черокезскими индійцами, не видѣлъ ни одного случая настоящаго сумашествія. Между индусами душевныя болѣзни встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ Европѣ [1]).

Со времени Эскироля, сказавшаго, что «les progrès de la civilisation multiplient les fous», этотъ выводъ сдѣлался общепринятымъ. Хотя обнаруживаемое статистическими изслѣдованіями численное увеличеніе душевныхъ болѣзней въ новѣйшія времена зависитъ отъ суммы различныхъ причинъ, тѣмъ не менѣе общій результатъ о связи сумашествія съ культурой признается большинствомъ психіатровъ [2]). Въ пользу этого говоритъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много данныхъ, чтобы самый фактъ могъ быть игнорированъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ числу причинъ, увели-

---

[1]) *Griesinger.* Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten, 2-te Aufl., 1861 стр. 141. Въ Сѣверной Америкѣ въ 1850 г. на 100.000 человѣкъ приходилось сумашедшихъ бѣлыхъ и свободныхъ темнокожихъ 150, а рабовъ только 47 человѣкъ. Oesterlen. Med. Stat. 523.

[2]) См. *Griesinger.* Ibid., стр. 142—143. *Maudsley.* Physiologie und Pathologie der Seele. Deutsche Uebers. 1870, стр. 209, 210.

чивающихъ число душевныхъ болѣзней, нужно отнести общее усложненіе жизненныхъ условій культурныхъ народовъ; для насъ важнѣе всего указать здѣсь на одно изъ этихъ условій, касающееся брачной жизни.

Въ результатѣ статистическихъ изслѣдованій получилось, что у безбрачныхъ, особенно же мужчинъ, сумашествіе есть явленіе, несравненно болѣе частое, чѣмъ у женщинъ и замужнихъ. Такимъ образомъ, въ вюртембергскомъ королевствѣ въ 1852 г. на 100 сумашедшихъ:

	Мужскаго пола.	*Женскаго пола.*
Было безбрачныхъ	67,9	61,6
„ брачныхъ	24,3	24,8
„ вдовыхъ.	6,6	12,1
„ разведенныхъ . . .	1,1	1,4 [1]).

Сходный результатъ былъ полученъ и для другихъ странъ. По расчетамъ извѣстнаго французскаго статистика Легуа, приведеннымъ Рейхомъ [2]), оказывается что въ Баваріи въ 1858 г. было 81% безбрачныхъ и только 19% брачныхъ сумашедшихъ; въ ганноверскомъ королевствѣ по даннымъ 1856 г. было 78,85%—безбрачныхъ, 14,72%—брачныхъ, 64,4%—вдовыхъ и т. д.

Приведенные факты пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что большая часть сумашедшихъ выпадаетъ на зрѣлый возрастъ, когда относительное число вступившихъ въ бракъ весьма велико. Такъ, судя по отчету Фарра [3]), наибольшее число душевныхъ болѣзней приходится на возрастъ отъ 30 до 39 лѣтъ у мужчинъ и отъ 40 до 49 лѣтъ у женщинъ. При такомъ положеніи дѣла невозможно въ данномъ случаѣ искать объясненія въ какомъ-нибудь брачномъ подборѣ. Напротивъ, изъ приведенныхъ фактовъ легко видѣть, что безбрачіе должно служить причиной развитія душевныхъ болѣзней, рѣзкое обнаруженіе которыхъ выпадаетъ, разумѣется позже, момента зарожденія недуга. Въ пользу этого говорятъ и прямыя наблюденія о связи душевныхъ болѣзней съ половой жизнью, неправильности которой отражаются болѣе или менѣе рѣзко на всемъ строѣ душевной жизни человѣка. Между 144 душевными больными женскаго пола, находившимися въ клиникѣ Эскироля, было не менѣе 88 случаевъ, причиной которыхъ предполагалось воздержаніе. Маудсли (1 с., стр. 211) считаетъ это обстоятельство одной изъ главныхъ причинъ помѣшательства у особъ женскаго пола.

---

[1]) *Oesterlen.* Medicinische Statistik, стр. 521.

[2]) Das eheliche Leben, стр. 510.

[3]) *Quetelet.* Phisique sociale, II, стр. 193.

На предыдущихъ страницахъ я старался привести извѣстную мнѣ сумму данныхъ, которыя могли самымъ наглядным образомъ обнаружить по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающіеся результаты дисгармоническихъ періодовъ человѣческой жизни. Нельзя не замѣтить, что, взятые въ цѣлости, эти результаты представляютъ довольно крупный итогъ, который долженъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ оказать существенное вліяніе на всю судьбу культурной жизни народовъ. Можетъ быть тутъ-то и лежитъ корень того явленія, на которое съ особеннымъ удареніемъ указывалъ Дрэперъ, и которое заключается въ аналогіи жизни народовъ съ жизнью отдѣльныхъ индивидуумовъ. Какъ послѣдніе, такъ и первые должны имѣть начало, возмужалость и конецъ. Кетле формулируетъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ [1]): «A plusieurs égards la vie des peuples tient à la classe des phénomènes périodiques. Malgré le peu de recherches faites à ce sujet, ou on reconnait assez bien la durée, on peut établir les différentes phases de la période et en déterminer l'énergie»... «L'existance la plus longue de l'homme atteint, au plus, un siécle; pour une ville ou pour un peuple elle ne dépasse guère huit à dix fois cette durée. Les républiques de la Grêce, l'ancienne Rome, Venise et tous les centres principaux de la puissance et de la civilisation n'ont pas dépassé ce terme» и проч.

Цѣль настоящей статьи и заключалась, между прочимъ, въ томъ, чтобы показать, что само развитіе составляетъ источникъ періодичности съ ея концомъ. Всякое развитіе заключаетъ въ себѣ критическіе моменты, и чѣмъ дальше оно длится, тѣмъ больше такихъ моментовъ и тѣмъ рѣзче ихъ дѣйствіе. Всѣмъ извѣстно, какъ важно время прорѣзыванія зубовъ у дѣтей, составляющее именно одинъ изъ критическихъ моментовъ раннихъ степеней внѣматочнаго развитія. По крайней мѣрѣ одинъ процентъ всѣхъ смертей обусловливается этой причиной. По расчетамъ, сдѣланнымъ для дѣтскаго населенія Лондона, смертность отъ прорѣзыванія зубовъ составляетъ $^1/_{38}$ общей смертности до пятилѣтняго возраста; всего бо́льшую роль она играетъ между первымъ и вторымъ годомъ, такъ что «развитіе коренныхъ зубовъ и клыковъ отнимаетъ болѣе чѣмъ вдвое жизней, нежели прорѣзываніе рѣзцовъ» (Эстерленъ, стр. 592).

Относительно смертности дѣтей вообще можно замѣтить, что она идетъ рука объ руку съ развитіемъ. Какъ то, такъ и другое представляютъ наибольшую величину въ теченіе перваго года жизни. «Самая большая смертность выпадаетъ на первый годъ, въ томъ числѣ на первый мѣсяцъ, на первую недѣлю и на первый день

[1]) Ibid., стр. 216—217.

послѣ рожденія. Разница въ смертности перваго и послѣдующихъ 11 мѣсяцевъ даже больше, чѣмъ между первымъ и слѣдующими за нимъ годами» (Эстерленъ, 140). Примѣрно то же извѣстно, напр., относительно процесса роста, который сначала идетъ очень быстро, а потомъ постепенно все болѣе и болѣе слабѣетъ.

Другое доказательство въ пользу того же общаго положенія видимъ мы въ томъ, что у животныхъ, развитіе которыхъ длится короче, чѣмъ у человѣка, и у которыхъ, слѣдовательно, новорожденные болѣе приближаются къ состоянію взрослыхъ, смертность въ раннихъ возрастахъ значительно меньше. Для примѣра я возьму овцу, которая, какъ вообще травоядныя, рождается на свѣтъ въ сравнительно весьма развитомъ состояніи. На Гогенгейскомъ овцеводномъ заводѣ смертность ягнятъ въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ послѣ рожденія равнялась 3,6% [1]), слѣдовательно представляла цифру, гораздо болѣе низкую, чѣмъ для нашихъ дѣтей. Смертность послѣднихъ въ теченіе тѣхъ же первыхъ трехъ мѣсяцевъ составляла во Франціи (1853) 4,5%, въ Нидерландахъ—9,08%, въ четырехъ швейцарскихъ кантонахъ (Бернъ, Цюрихъ, С.-Галенъ и Люцернъ, 1867)—12,3%, а въ Австріи (1851) она доходила до 15,47% [2]).

Эти факты, по всей вѣроятности, составляютъ частный случай болѣе общаго правила, по которому чѣмъ длиннѣе метаморфоза, слѣдовательно, чѣмъ дольше тянется развитіе и чѣмъ больше приходится критическихъ моментовъ, тѣмъ сильнѣе и смертность развивающихся организмовъ. Въ силу этого правила, животныя, совершающія длинный и сложный циклъ развитія, какъ, напр., большинство паразитовъ, подвержены огромной смертности въ личиночномъ состояніи, для пополненія которой они рождаются въ сравнительно громадномъ количествѣ. Такъ, напр., массу выходящихъ за одинъ разъ личинокъ солитера можно смѣло считать сотнями тысячъ; въ тѣлѣ одной аскариды насчитали около милліона зрѣлыхъ яицъ, и т. п.

Изъ сказаннаго достаточно выяснилось, что въ культурномъ развитіи съ его удлиненными дисгармоническими періодами и вытекающими отсюда послѣдствіями можно усмотрѣть аналогію съ физическимъ развитіемъ ребенка, сопровождаемымъ такъ наз. болѣзнями развитія (Entwickelungskrankheiten), въ родѣ прорѣзыванія зубовъ, и влекущихъ за собою значительную смертность. Отсюда

[1]) Составлено по цифрамъ *Шмидта* въ его Schafzucht und Wollkunde, 1852, стр. 146, 147.

[2]) Составлено по цифрамъ *Bannеуса* (Bevölkerungsstatistik, I, стр. 307); для Швейцаріи же по Geburten, Sterbefälle u. Trauugen in der Schweiz in 1867, Bern. 180.

понятно, что въ жизни многихъ первобытныхъ народовъ можно нерѣдко замѣтить больше гармоніи и счастія, чѣмъ въ нашей,—обстоятельство, на которое указывали многіе писатели, по преимуществу Ж.-Ж. Руссо. Раньше послѣдняго оно поразило Бюффона, выразившаго свою мысль очень изящно: «Un sauvage absolument sauvage... serait un spectacle curieux pour un philosophe, il pourrait, en observant son sauvage, évaluer au juste la force des appétits de la nature; il y verrait l'âme à découvert, il en distinguerait tous les mouvements naturels, et peut-être y reconnaîtrait-il plus de douceur, de tranquillité et de calme que dans la sienne; peut-être verrait-il clairement que la vertu appartient à l'homme sauvage plus qu'à l'homme civilisé et que le vice n'a près naissance que dans la société».

Мы не станемъ здѣсь разбирать подробнѣе этого съ давнихъ поръ поставленнаго на обсужденіе вопроса, по поводу котораго обѣими партіями было сдѣлано множество преувеличеній. Но скажемъ только, что и до сихъ поръ между путешественниками нерѣдко встрѣчаются поклонники идеи Бюффона и Руссо. Наиболѣе рѣзко въ этомъ смыслѣ высказывается Уоллесъ. Да и какъ быть, въ самомъ дѣлѣ, въ виду, напр., подобнаго рода заявленія? Во время пребыванія фрегата «Навары» на островѣ Каръ-Никобаръ, путешественники, разспрашивая туземцевъ о ихъ бытѣ, между прочимъ коснулись вопроса о томъ, какого рода наказаніе полагается у нихъ за различныя преступленія. Туземецъ отвѣчалъ самымъ наивнымъ образомъ: «у насъ никакихъ преступленій не совершается: мы всѣ народъ хорошій; у васъ же, должно быть, много злыхъ людей; иначе зачѣмъ бы у васъ было столько пушекъ и разнаго оружія». Всѣмъ извѣстенъ рѣзкій нравственный контрастъ, представляемый дикими варварами, покорившими Римъ, и ультра-цивилизованными обитателями этого замѣчательнаго государства. Пусть читатель прочитаетъ послѣднюю главу «Исторіи нравственности въ Европѣ отъ Августа до Карла Великаго» Лекки и тогда онъ увидитъ и значеніе возрастовъ культурнаго развитія и ту роль, которую въ немъ играла нравственность вообще, а часть ея, связанная съ брачной жизнью, въ особенности.

Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу.

Во всей обширной области «искусства» (эстетики и этики въ широкомъ смыслѣ), основное воззрѣніе на человѣческую природу всегда играло и играетъ въ высшей степени важную роль. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить только нѣкоторые спорные вопросы изъ области политики, нравственности или искусства. Такъ, напр., при обсужденіи столь живого женскаго вопроса, онъ постоянно сводится къ вопросу о женской природѣ и рѣшается такъ или иначе, смотря по взгляду на нее. Противники женской свободы, какъ, напр., Огюстъ Контъ, удовлетворяются доказательствомъ положенія, что природа женщины ниже мужской; такъ какъ защитники женщинъ находятъ необходимымъ опровергнуть это положеніе. Сходные пріемы употреблялись и при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи негровъ, который былъ сведенъ на чисто антропологическую почву. Въ области изящныхъ искусствъ, вопросъ о человѣческой природѣ, составляя часть болѣе общаго вопроса объ отношеніи искусства къ природѣ вообще, уже по этому одному занимаетъ одно изъ самыхъ первостепенныхъ мѣстъ.

Жизнь, непосредственно соприкасающаяся съ прикладными отраслями науки, т.-е. съ искусствомъ въ обширномъ смыслѣ слова, при рѣшеніи всѣхъ своихъ вопросовъ обращается къ наукѣ, чтобы узнать и принять къ свѣдѣнію результаты, добытые ею. Въ виду этого я рѣшаюсь обратить вниманіе читателя на антропологическое воззрѣніе на человѣческую природу, но прежде чѣмъ излагать это, я считаю, однакоже, нужнымъ представить бѣглый очеркъ другихъ главнѣйшихъ воззрѣній на тотъ же предметъ.

Обращусь прежде всего къ воззрѣнію, вытекающему изъ проявленій такъ называемыхъ первобытныхъ или естественныхъ наро-

довъ, стоящихъ, какъ полагаютъ, обыкновенно ближе всего къ природѣ.

Можно сказать вообще, что нѣтъ первобытнаго народа, который бы въ большей или меньшей степени не прибѣгалъ къ искусству съ цѣлью измѣнить свои природныя свойства и который бы, слѣдовательно, смотрѣлъ на лучшихъ представителей человѣческаго рода какъ на идеалъ, къ уподобленію которому слѣдовало бы стремиться.

Не удовлетворяясь тѣмъ, что дала человѣку природа, такъ называемыя первобытные люди употребляютъ нерѣдко самыя изумительныя усилія для улучшенія своего внѣшняго вида, такъ что не остается ни одного мало-мальски доступнаго органа, который бы у того или другого народа не былъ подверженъ искусственнымъ измѣненіямъ. Особенно большая доля ихъ приходится на части головы. Не говоря о волосахъ, подлежащихъ самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ формы и окраски, какъ это отчасти дѣлается и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, — упомянемъ о другихъ частяхъ. Зубы подвергаются у многихъ первобытныхъ народовъ измѣненіямъ какъ цвѣта, такъ и формы. Женщины племени фелата, въ центральной Африкѣ, красятъ себѣ зубы попеременно въ голубой, желтый и красный цвѣта и оставляютъ только нѣкоторымъ, для контраста, ихъ естественный бѣлый цвѣтъ. На островахъ Малайскаго архипелага съ зубовъ удаляютъ эмаль и чернятъ ихъ, чтобы (какъ они говорятъ) они не были похожи на бѣлые зубы собакъ. Нѣкоторые народы выбиваютъ переднiе рѣзцы, а женщины въ одной части Суматры спиливаютъ ихъ до десенъ. У другихъ народовъ существуетъ обыкновеніе придавать зубамъ заостренную, коническую форму и т. д. На губахъ дѣлаютъ надрѣзы, украшаютъ ихъ вкладываніемъ костей, палочекъ и пр. Въ центральной Африкѣ женщины прободаютъ нижнюю губу и вкладываютъ въ нее полированный кристаллъ, который во время разговора совершаетъ очень смѣшныя движенія. Носъ и уши съ давнихъ поръ сдѣлались мѣстомъ для вкладыванія серегъ и другихъ украшеній; кромѣ того, носъ у нѣкоторыхъ народовъ (какъ, напр., у таитянъ, малайцевъ Суматры, готтентотовъ и пр.) подвергается сплющиванію, а уши (у ботокудовъ и ленгуасовъ Южной Америки) вытягиваются до плечъ. Различные виды раскрашиванія лица, татуированія и образованія искусственныхъ бородавокъ до того распространены у первобытныхъ народовъ и притомъ настолько разнообразны, что одно перечисленіе фактовъ заняло бы цѣлую главу (объ этомъ собраны болѣе подробныя свѣдѣнія въ первой главѣ «Происхожденія цивилизаціи» Леббока и въ девятнадцатой главѣ

«Происхожденія человѣка» Дарвина). Обратимся поэтому къ менѣе общеизвѣстному, но въ высшей степени интересному явленію, именно къ искусственному измѣненію формы головы. Этотъ съ перваго взгляда поразительно странный обычай распространенъ почти по всему земному шару, что одно уже указываетъ на его давнее происхожденіе. Въ однихъ случаяхъ тиски кладутъ съ цѣлью расширить голову, въ другихъ же случаяхъ главнымъ образомъ имѣется въ виду удлинить ее и придать ей форму сахарной головы и т. д. По крайней мѣрѣ, на островѣ Целебесѣ дѣтямъ обматываютъ голову выбитой корой одного дерева, затѣмъ обвязываютъ ее платкомъ и, наконецъ, втискиваютъ между двухъ досокъ. Операція эта тянется отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ, послѣ чего голова уже получаетъ желанную форму [1]). Обычай этотъ встрѣчается еще у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, какъ, напр., у южныхъ французовъ, а также у грузинъ, которые накладываютъ грудным дѣтямъ повязку вокругъ головы. Но несравненно больше онъ былъ распространенъ въ Европѣ въ древнія времена, какъ это показываютъ находимые въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ (въ Савойѣ, Швейцаріи, Англіи, Австріи, Крыму и на Кавказѣ) искусственно изуродованные черепа, а также сообщенія древнихъ писателей (главнымъ образомъ Гиппократа) о «макрокефалахъ», народѣ съ необыкновенно длинной, получаемой искусственнымъ путемъ головой.

Не одна голова подвергалась различнаго рода «уродованіямъ» съ эстетической цѣлью. Изъ другихъ частей тѣла въ этомъ отношеніи должны быть упомянуты икры, объ искусственномъ измѣненіи которыхъ у американскихъ индѣйцевъ писалъ Гумбольдтъ, а также—женскія груди и ноги. Въ то время какъ одни народы стремятся всячески удлинить груди, другіе, наоборотъ, принимаютъ мѣры къ ихъ сплющенію. Этотъ послѣдній пріемъ употреблялся и нѣкоторыми европейскими народами; полагаютъ даже, что онъ еще до сихъ поръ въ обычаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи (напр., въ Брегенцервальдѣ). Въ Испаніи, въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, молодымъ дѣвушкамъ сдавливали созрѣвающія груди свинцовыми пластинками, и достигали этимъ способомъ почти полной атрофіи молочныхъ железъ. Общеизвѣстный фактъ искусственнаго уменьшенія ногъ у китаянокъ доходитъ до перемѣщенія цѣлой суммы костей пальцевъ и ступни, и хотя из-

[1]) См. статью *Риделя* въ Zeitschrift für Ethnologie, 1871, стр. 110. Берлинское антропологическое общ. получило въ подарокъ такой приборъ съ острова Целебеса.

вѣстія нѣкоторыхъ писателей о неподвижности китаянокъ съ такими ногами и оказались невѣрными, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что искусственное уменьшеніе не остается безъ вредныхъ послѣдствій.

Полагаютъ, что человѣкъ прибѣгаетъ къ искусственному измѣненію частей своего тѣла съ цѣлью усилить природныя особенности ихъ и тѣмъ приблизиться къ идеалу красоты даннаго народа. Такимъ образомъ, думаютъ (Дарвинъ), что отъ природы малые размѣры ногъ китаянокъ вызвали искусственное уменьшеніе ноги, что сплющеніе носа и удлиненіе головы практикуются народами, у которыхъ и безъ того уже носъ плоскій и голова длинна. Не отвергая этого объясненія для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, оно, однакоже, не можетъ быть принято какъ общее правило. Противъ него говорятъ прямо такіе искусственные пріемы, какъ, напримѣръ, татуированіе верней губы у женщинъ айно съ цѣлью изобразить подобіе усовъ. Случай этотъ еще особенно замѣчателенъ тѣмъ, что такіе татуированные усы обыкновенно окрашиваются въ синій цвѣтъ [1]). Можно привести еще случай искусственныхъ накрашенныхъ усовъ у мужчинъ даяковъ, лишенныхъ отъ природы этого украшенія [2]).

Перечисленные факты, взятые всѣ вмѣстѣ, указываютъ на то, что народамъ на первобытной стадіи развитія данный природою человѣческій образъ не представляется идеаломъ прекраснаго. Другіе факты свидѣтельствуютъ, что отъ нихъ не ускользнуло и недостаточно полезное устройство нашего тѣла. Цѣлый рядъ искусственныхъ пріемовъ употребляется людьми съ цѣлью, по возможности, устранить нѣкоторыя природныя особенности нашего организма. Сюда можно отнести, напримѣръ, обрѣзаніе, столь распространенное у многихъ народовъ. Обрѣзаніе дѣвочекъ не ограничивается только мусульманскими народами Африки, но встрѣчается также и у западно-африканскихъ негровъ, у яванскихъ малайцевъ и даже у перуанскихъ индѣйцевъ [3]). Нѣкоторые писатели приписываютъ этой операціи цѣль чисто практическую. Другой обычай (такъ наз. инфибуляціи, сшиваніе или сращиваніе малыхъ губъ) также весьма распространенъ у народовъ Африки и Азіи. Къ той же категоріи искусственныхъ измѣненій можно отнести еще вырѣзываніе одного яичка у готтентотовъ, а также вытягиваніе и другіе пріемы, употребляемые кафрами для закидыванія грудей за

[1]) См. Archiv für Antropologie, 1872. Протоколы Берлинскаго антропологическаго общества, стр. 27.

[2]) *Уоллесъ*. Малайскій архипелагъ.

[3]) См. статью *Плосса* въ Zeitschrift für Ethnologie, 1871, стр. 382.

спину для кормленія. Въ высшей степени интересенъ упоминаемый Гиппократомъ обычай сарматовъ прижиганія правой груди посредствомъ мѣдныхъ пластинокъ и правой руки у участвовавшихъ на войнѣ сарматскихъ женщинъ.

Несмотря на отсутствіе опредѣленныхъ философскихъ воззрѣній у первобытныхъ народовъ на основаніи только многочисленности и распространенности пріемовъ для усовершенствованія человѣка въ практическомъ и эстетическомъ отношеніяхъ можно уже утверждать, что народы эти смотрятъ на человѣческую природу какъ на нѣчто несовершенное и способное измѣняться подъ вліяніемъ человѣческой воли.

Существенное отличіе представляетъ эллинское воззрѣніе на человѣческую природу, воззрѣніе, почти цѣликомъ перенесенное и въ міросозерцаніе новѣйшаго міра. Высокое мнѣніе о человѣческой природѣ во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ древнихъ грековъ [1]). Въ то время, какъ азіатскіе предшественники ихъ въ дѣлѣ цивилизаціи представляли своихъ боговъ чаще всего въ видѣ фантастическихъ существъ съ смѣшанными признаками человѣка и самыхъ разнообразныхъ животныхъ, греки, «создавшіе божества цѣликомъ по собственному образу и подобію», придавали имъ реальный образъ лучшихъ представителей человѣческаго рода. Значеніе этого факта во всей греческой жизни и цивилизаціи не можетъ быть преувеличенно. Почитаніе человѣческой природы ограничивалось не однимъ внутреннимъ содержаніемъ ея, но распространялось и на внѣшнюю форму. Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія имѣли тѣлесныя упражненія, каковы: гимнастика, плаваніе и пр. Стремясь достигнуть наибольшаго физическаго совершенства, идеалъ грековъ никогда не переступалъ, однакоже, за предѣлы даннаго природою человѣческаго образа. Поэтому мы у нихъ не встрѣчаемъ ничего, подобнаго искусственнымъ операціямъ дикарей для измѣненія частей тѣла. Напротивъ, всѣ ихъ пріемы при ухаживаніи за тѣломъ ограничивались лишь ничтожнымъ отступленіемъ отъ природныхъ условій. Въ этомъ отношеніи у нихъ на первомъ планѣ стояло помаженіе волосъ и натираніе тѣла масломъ, считавшееся столь важнымъ для гимнастическихъ упражненій. Въ болѣе древній періодъ (до начала персидскихъ войнъ) аѳиняне отпускали косу, но и потомъ онѣ носили довольно длинные волосы. Бритье бороды считалось постыднымъ, такъ какъ голый подбородокъ придавалъ неестественную для мужчины женствен-

[1]) „Mensch sein war dem Griechen das Höchste“ (Stahr, Torso, стр. 17).

ность; оно вошло во всеобщее употребленіе только во времена македонскаго владычества, но и тогда не соблюдалось философами, находившимися въ противорѣчіи съ существующими воззрѣніями [1]).

Греческое поклоненіе человѣческой природѣ цѣликомъ отразилось въ пластическомъ искусствѣ и обусловило первенство грековъ въ этой области. Поставивъ задачей искусства точное воспроизведеніе наиболѣе совершеннаго человѣческаго образа, греческіе художники измѣрили всѣ части тѣла и съ помощью этого столь приблизились къ дѣйствительности, что современная наука подтвердила всѣ ихъ главные выводы. Скульптура, какъ искусство, наиболѣе соотвѣтствующее воззрѣнію грековъ на человѣческую природу, сдѣлалось у нихъ національнымъ. По самой природѣ своей оно всего болѣе пригодно для изображенія цѣлаго, гармонически сложеннаго тѣла. Вотъ что говоритъ по этому поводу Ипполитъ Тэнъ [2]): «Статуя—большой кусокъ мрамора или бронзы—обыкновенно стоитъ на пьедесталѣ одна; ей невозможно сообщить того пылкаго жеста или слишкомъ страстнаго выраженія, которые передаются живописью и допускаются въ барельефахъ»... «Кромѣ того, статуя солидна: члены ея и торсъ вѣски, тяжелы; можно обойти вокругъ нея и измѣрить глазомъ всю матеріальную ея толщу; притомъ она обыкновенно совсѣмъ или почти нага, и потому ваятель долженъ придать туловищу и членамъ такое же значеніе, какъ и головѣ, и отнестись съ равной любовью какъ къ животной сторонѣ, такъ и нравственной. Одна лишь греческая цивилизація удовлетворяетъ этимъ обоимъ условіямъ. На этой ступени и въ этой именно формѣ культуры люди непосредственно наслаждаются тѣломъ; душа не подчинила его себѣ, не отбросила на второй планъ; оно само по себѣ сохраняетъ важное значеніе. Зритель даетъ одинаковую цѣну различнымъ частямъ его, благороднымъ и неблагороднымъ—и широко дышащей груди, и гибкой, сильной шеѣ, и мышцамъ, образующимъ то впадины, то вздутые бугры вокругъ хребта, рукамъ, которымъ придется метать дискъ, голенямъ и ступнямъ, которыхъ упругость подбрасываетъ всего человѣка впередъ на бѣгу и при скачкѣ». Греческая философія ставила чрезвычайно высоко всего человѣка, и между прочимъ его тѣло и образъ. Демокритъ восхвалялъ древнихъ за то, что они

---

[1]) См. *Германнъ*. Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer, I, 1870, стр. 175—177.

[2]) За неимѣніемъ подъ руками подлинника „Чтеній объ искусствѣ“ Тэна, приходится цитировать по неудачному переводу, изданному въ Москвѣ въ 1874 году (стр. 338).

посвятили части человѣческаго тѣла богамъ: голову—Зевсу, глаза—Палладѣ и т. д. Соотвѣтственно идеалу греческаго искусства, и нравственная философія грековъ выработала «уваженіе ко всѣмъ задаткамъ человѣческой природы и стремленіе къ гармоническому развитію цѣлаго человѣка». Воззрѣніе это, выраженное у Платона, сдѣлалось основнымъ принципомъ старой академіи и затѣмъ перешло въ новую академію, а оттуда въ скептическую школу. Такъ, напр., по мнѣнію Ксенократа (четвертаго столѣтія), принадлежавшаго къ старой академіи, «счастье заключается въ выполненіи всѣхъ естественныхъ дѣйствій и состояній, въ обладаніи свойственной человѣку добродѣтелью и всѣми служащими ей способностями» (Целлеръ; l. c., 880).

Но столь общій принципъ, рѣзко выражающій античное воззрѣніе на человѣческую природу, отчасти именно въ силу своей общности не могъ рѣшать безаппеляціонно болѣе частныхъ вопросовъ, по отношенію къ которымъ мы, поэтому, и встрѣчаемъ многочисленныя противорѣчія и разногласія. Такъ какъ послѣднія, однакоже, имѣютъ очень важное значеніе въ дѣлѣ разсматриваемаго нами вопроса, то я и обращаюсь къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Взглядъ Платона и его ближайшаго ученика Спевзиппа на наслажденіе, какъ на нѣчто, не входящее въ представленіе о благѣ, встрѣтилъ противника въ другомъ ученикѣ Платона—Аристотелѣ. По его мнѣнію, «наслажденіе составляетъ естественный конецъ всякаго дѣйствія, результатъ, столь же непосредственно связанный съ совершенной дѣятельностью, насколько красота и здоровье связаны съ совершеннымъ устройствомъ тѣла»,—«цѣль, на которой успокаивается всякое жизненное движеніе» (Целлеръ, 1-е изданіе, т. II, 2, стр. 447).

Воззрѣніе на цѣль нравственной жизни, какъ на стремленіе къ сообразованію съ природою (метріопатія) перешло, какъ сказано, и въ болѣе поздніе школы античной философіи, но каждая изъ нихъ смотрѣла по-своему на содержаніе и границы «естественности» и «естественной жизни». Такъ, по ученію стоиковъ, «высшее благо и высшая цѣль, или счастье можетъ заключаться только въ сообразной съ природою жизни. Но таковою можетъ быть для каждаго человѣка только то, что совпадаетъ съ ходомъ и закономъ мірового цѣлаго или съ міровымъ разумомъ, и всякое сознательное и разумное существо должно стремиться только къ тому, что вытекаетъ изъ познанія этого общаго закона» (Целлеръ, первое изданіе, III, 1, стр. 194). Эпикурейская школа, исходя изъ того же основного принципа жизни, сообразной съ природою, доказывала, что «наслажденіе составляетъ естественное благо, то-есть сообразно

съ природою и есть самоудовлетворенное состояніе каждаго существа» (Целлеръ, l. c. стр. 401). Интересенъ позднѣйшій эклектизмъ Цицерона и его критика стоическихъ воззрѣній. Онъ считаетъ противорѣчіемъ съ ихъ же основнымъ принципомъ—жизни сообразно съ природою—исключеніе изъ понятія о благѣ чувственныхъ наслажденій, «которыя тоже принадлежатъ нашей природѣ, которой свойственно и здоровье и освобожденіе отъ страданія, и хорошее расположеніе духа, и даже чувственное наслажденіе». «Жить сообразно съ природою не значитъ вовсе отречься отъ нея,—говоритъ онъ,—но охранять и развивать ее» (Целлеръ, l. c., стр. 589).

При такомъ преклоненіи передъ природою философія должна была сдѣлаться фаталистической и учить «принимать вещи такъ, какъ онѣ сложились»,—спокойно перенося несчастья, какъ неизбѣжные атрибуты дѣйствительности. Такимъ образомъ, Карнеадъ выражалъ не свое единоличное мнѣніе, когда утверждалъ, что мысль о возможности несчастья должна уже утолять страданіе, и когда онъ доказывалъ, послѣ разрушенія Карфагена, что мудрецъ не долженъ горевать ни въ какомъ случаѣ, даже при гибели родного города. Еще рѣзче высказывается Маркъ Аврелій о смерти, которую мы всегда, наступитъ она раньше или позже, должны встрѣчать съ спокойной радостью, довольствуясь одной мыслью объ ея естественности.

Въ концѣ древнихъ вѣковъ, съ упадкомъ античной цивилизаціи, и прежній взглядъ на человѣческую природу уступилъ мѣсто новому. Противорѣчіе въ стоическомъ взглядѣ на нравственность съ основнымъ воззрѣніемъ на человѣческую природу дошло у одного изъ позднѣйшихъ римскихъ стоиковъ, у Сенеки, знаменитаго современника Іисуса Христа, до полнаго разрыва. Убѣжденіе въ нравственной слабости и несовершенствѣ человѣка, въ вездѣсущіи и всесиліи порока привело Сенеку къ признанію неразумнаго и порочнаго начала въ самой человѣческой природѣ. Начало это, по его мнѣнію, лежитъ въ тѣлѣ, въ нашей плоти, которая до того ничтожна, что о ней не стоитъ и думать; она составляетъ только оболочку нашей души, кратковременное вмѣстилище ея, въ которомъ она никогда не можетъ чувствовать себя спокойно,—бремя, которое ее давитъ, тюрьма, къ освобожденію изъ которой она стремится. Душа, по мнѣію Сенеки, должна бороться съ тѣломъ, черезъ посредство котораго она получаетъ страданія и невзгоды, сама же по себѣ она чиста и неприкосновенна и стоитъ столь же выше тѣла, насколько божество выше матеріи (Целлеръ, l. c., 633).

Подобный же дуализмъ (но только въ сильнѣйшей степени) и связанное съ нимъ пренебреженіе къ тѣлу и возвеличеніе души

характеризуютъ христіанское воззрѣніе на человѣческую природу. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ христіанской эры это воззрѣніе высказалось съ полной силой, и высшимъ идеаломъ человѣческихъ стремленій сдѣлалось «подавленіе всей чувственной стороны нашей природы». Борьба съ плотью выступила на первый планъ, и восточный аскетизмъ распространился по всему христіанскому міру. «Подавленіе голода, жажды, сна, отреченіе отъ всякихъ наслажденій, впечатлѣній зрѣнія, слуха, вкуса, особенно подавленіе потребности къ размноженію, дѣлалось въ глазахъ вѣрующихъ назначеніемъ человѣка. Поэтому была предпринята борьба противъ природы, противъ всѣхъ, даже самыхъ невинныхъ удовольствій, которыя они, въ силу убѣжденія въ природной испорченности человѣческой природы, считали порокомъ». Какой полный контрастъ «съ покойнымъ и веселымъ тономъ, характеризующимъ греческую философію, которая не имѣла понятія о борьбѣ противъ существующей будто бы природной порочности и испорченности человѣка» [1]). Дуалистическое воззрѣніе сдѣлалось столь рѣзкимъ, что прозелиты, ревнуя о спасеніи души, до того загнали тѣло, что въ физическомъ отношеніи спустились почти до степени дикихъ животныхъ. Отшельники поселялись въ звѣриныхъ норахъ, бросали съ себя всю одежду и бродили нагіе подъ покровомъ отрощенныхъ волосъ. «Въ Месопотаміи и части Сиріи образовалась секта подъ названіемъ *пасущихся*, которые не имѣли постоянныхъ жилищъ, не ѣли ни хлѣба, ни овощей, но скитались по горамъ и питались травой. Чистота тѣла считалась загрязненіемъ души, и изъ святыхъ наибольшимъ почтеніемъ пользовались не тѣ, которые заботились о чистотѣ тѣла. Афанасій разсказываетъ съ восторгомъ, что святой Антоній, отецъ монашества, никогда въ старости не мылъ себѣ ногъ» (Лекки, l. c., II, 88).

Подъ вліяніемъ такого крайняго дуализма, всѣ природные человѣческіе инстинкты извратились до послѣдней возможности. Инстинкты семейные, общественные заглушались до того, что по отношенію къ родственникамъ, соотечественникамъ, фанатизированные христіане были хуже, чѣмъ равнодушны. Одного святого прославляли за то, что онъ былъ строгъ и жестокъ только по отношенію къ родственникамъ. Разсказываютъ, что когда одинъ вѣрующій обратился къ аббату Сизесу съ просьбой принять его въ монастырь, аббатъ спросилъ его, есть ли у него кто-либо близкій. «У меня есть сынъ»—отвѣчалъ христіанинъ.—«Возьми своего сына,—

---

[1]) „Исторія нравственности въ Европѣ". Нѣмецкій переводъ Іоловича. Т. II, стр. 97.

сказалъ ему на это аббатъ,—брось его въ рѣку и только тогда ты можешь сдѣлаться монахомъ». Отецъ тотчасъ же приступилъ къ выполненію требованія, которое только въ самую послѣднюю минуту было взято назадъ аббатомъ. По отношенію къ отечеству требовалось столь же полное отреченіе (Лекки, II, 100, 108, 112).

Неудивительно, что при такомъ міровоззрѣніи, подавленіе инстинкта къ размноженію и безбрачная жизнь, которую Спаситель и апостолъ Павелъ не вмѣняли вѣрующимъ, а выставляли только идеаломъ высшей степени подвижничества, сдѣлалась обязательною для монашества и католическаго духовенства. Христосъ сказалъ ученикамъ въ отвѣтъ на замѣчаніе ихъ, что при затрудненіи развода лучше всего не жениться: «не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами, ради царства небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣстить» (Матѳ., XIX, 11, 12). Какъ извѣстно, мѣсто это понято было различно: одни видѣли въ немъ одобреніе простой безбрачной жизни, другіе же, напротивъ, усмотрѣли въ немъ указаніе на физическое оскопленіе. Оба эти толкованія привели къ различнымъ формамъ безбрачія, которое сдѣлалось необходимымъ условіемъ подвижничества. Апостолъ Павелъ не повелѣваетъ его, но рекомендуетъ вѣрующимъ какъ нѣчто очень желательное. «Я желалъ бы,—говоритъ онъ,—чтобы всѣ люди были, какъ я». «Кто выдаетъ замужъ (дѣвицу), хорошо дѣлаетъ, а кто не выдаетъ—дѣлаетъ лучше» (I Коринѳ., VII, 8, 8 39). На основаніи такихъ пожеланій, церковь, начиная съ четвертаго вѣка, стала постепенно вводить безбрачіе, которое вошло въ полную силу въ латинской церкви въ началѣ одиннадцатаго столѣтія (при Григоріи VII).

Дуалистическое воззрѣніе, дошедшее до извращенія столькихъ человѣческихъ инстинктовъ, должно было неминуемо отразиться и въ христіанскомъ искусствѣ. Скульптура, имѣвшая такое первенствующее значеніе въ античномъ мірѣ и столь тѣсно связанная съ основами греческаго міросозерцанія, стала быстро клониться къ упадку. Въ восточной Римской имперіи она продолжалась дольше, но въ Италіи она почти окончательно забросилась въ восьмомъ столѣтіи. Живопись удержалась, но также подверглась сильному упадку. Всѣ произведенія искусства Италіи въ вѣкъ Каролинговъ обнаруживаютъ глубокое равнодушіе къ естественной формѣ, отсутствіе гармоніи и чувства изящнаго. Еще дальше въ глубь среднихъ вѣковъ итальянское искусство упало еще сильнѣе. «Объ изученіи природы и необходимости ближайшаго знакомства съ чело-

вѣческимъ образомъ никто не думалъ. Эпоха, въ которой на каждомъ шагу предполагалось участіе неземныхъ силъ, — говоритъ Шнаазе, — эпоха, міросозерцаніе которой зиждилось на рѣзкомъ контрастѣ небеснаго съ земнымъ, не могла и въ искусствѣ держаться границъ физической законности, обыденнаго хода природы»[1]). Тѣсная связь между христіанскимъ воззрѣніемъ на человѣческую природу и средневѣковымъ искусствомъ не подлежитъ сомнѣнію, несмотря на разногласіе нѣкоторыхъ спеціалистовъ. Вотъ еще отзывы двухъ свѣдующихъ судей. «Враждебное отношеніе (христіанства) къ искусству и его тогдашней обстановкѣ, — говоритъ Куглеръ[2]), — повело даже къ борьбѣ противъ взгляда на искусство вообще. Древнія божества производили впечатлѣніе высокимъ наружнымъ достоинствомъ и обаятельной прелестью, которыя художники внесли въ ихъ изображенія; христіанство, напротивъ, хотѣло дѣйствовать на одинъ только духъ, помимо всякой внѣшности, которая такъ или иначе могла прельщать чувство или затемнять чистоту мысли». Слѣдующее мѣсто заимствовано изъ цитированныхъ уже выше «Чтеній объ искусствѣ» Тэна: «Въ средніе вѣка, — говоритъ онъ, — чрезмѣрное развитіе духовнаго и внутренняго человѣка, стремленіе къ неземнымъ созерцаніямъ, культъ скорби, презрѣніе къ тѣлу доводятъ воображеніе и чувствительность до ясновидѣнія и какихъ-то серафическихъ восторговъ». «Отсюда въ жизни и скульптурѣ лица безобразныя или, по крайней мѣрѣ, некрасивыя, часто вовсе уродливыя и безжизненныя, почти всегда худыя, чахлыя, изможденныя и страдальческія» (стр. 335).

Нельзя не признать, что и въ самыя тяжелыя времена для искусства выдавались отдѣльныя произведенія, свидѣтельствовавшія о присущемъ европейскому духу чувствѣ изящнаго, но не подлежитъ сомнѣнію, что только возстановленіе сокровищъ античной цивилизаціи произвело коренное улучшеніе въ искусствѣ. «Наука рисованія, — говоритъ Легранъ, — терялась съ каждымъ днемъ и увлекала искусство къ неизбѣжному и полному распаденію, когда великіе вожди итальянскаго возрожденія обратились къ античной древности и нашли въ ней искомую тайну ея силы и могущества». Великими мастерами въ искусствѣ становятся люди ученые, владѣющіе математикой и измѣрительными методами, какъ, напр., Альберти, Леонардо да-Винчи, Микель Анджело и др. Греческіе идеалы искусства, близость къ природѣ, вкусъ къ изящнымъ формамъ оживаютъ снова.

---

1) *Шнаазе.* Geschichte der bildenden Künste, т. III, 577, 584, и IV, 717.

2) Руководство къ исторіи живописи, 1872, стр. 4.

Рядомъ съ возрожденіемъ эллинскаго духа въ искусствѣ, реформація стала въ защиту человѣческой природы. Она возстала противъ католическаго насилованія природныхъ инстинктовъ и изгнала безбрачіе и монашество. Въ лютеранскомъ міросозерцаніи мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ античными воззрѣніями, которыя то искусственно вплетаются въ догматы христіанскаго вѣроученія, то сплавляются съ ними въ нѣчто болѣе или менѣе цѣльное. Такимъ образомъ, въ ученыхъ лютеранскихъ трактатахъ говорится о «возможно полномъ развитіи всѣхъ естественныхъ силъ» человѣка, какъ объ одномъ изъ главнѣйшихъ назначеній человѣка. Въ силу этого, нравственныя правила, стремящіяся къ полному освобожденію души отъ тѣла, оказываются въ противорѣчіи съ однимъ изъ основныхъ законовъ нашего существованія и потому теряютъ всякое значеніе. По мнѣнію лютеранскихъ учителей, не только потребность размноженія, но и «стремленіе къ собственности, чести, власти и чувственному удовольствію составляютъ естественныя потребности нашего сердца, потребности, которыя не могутъ быть уничтожены, но которыя, напротивъ, должны быть облагорожены и развиты. А такъ какъ христіанство въ своихъ нравственныхъ предписаніяхъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду полнѣйшее развитіе и образованіе всѣхъ силъ и способностей, то оно никоимъ образомъ не можетъ желать уничтоженія и заглушенія столь важныхъ потребностей» [1]). Нельзя не замѣтить, что тутъ христіанству приписывается совершенно эллинское основное воззрѣніе.

Еще цѣльнѣе перешло послѣднее въ область философіи новой, или эллино-христіанской, цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно прошлое столѣтіе, философское развитіе котораго имѣло, какъ извѣстно, огромное вліяніе на всѣ сферы человѣческой жизни. Въ первой половинѣ его въ Великобританіи выступаетъ Гютчесонъ, основныя воззрѣнія котораго на человѣческую природу почти цѣликомъ сходятся съ греческими. «Гютчесонъ, — говоритъ Бокль [2]), — смѣло утверждалъ, что всѣ наши естественныя склонности законны и что удовлетвореніе ихъ равняется съ самой высокой добродѣтелью. Въ его глазахъ онѣ были законны потому, что были естественны; тогда какъ по теологическому ученію самая естественность ихъ была причиною порочности. Въ этомъ-то и заключается основное различіе между практическими взглядами Гютчесона и тѣми, какіе принимались прежде. Подобно всѣмъ великимъ мыслителямъ XVII и послѣдующихъ вѣковъ, онъ любилъ

[1]) *Рейнгардтъ*. System der christlichen Moral, т. IV, 1814, стр. 431, и т. III, 1813, 14.

[2]) Исторія цивилизаціи, II, 372.

человѣческую природу и уважалъ ее; но не любилъ и не уважалъ людей, которые скрывали ее и тѣмъ ослабляли ея силу и портили ея красоту. Онъ чувствовалъ больше довѣрія къ человѣчеству, нежели къ его правителямъ. Шотландское духовенство до этого времени поносило всю человѣческую природу. По его мнѣнію, въ насъ не заключалось ничего, кромѣ грѣха, а потому всѣ наши желанія должно было парализовать. Честь и слава Гютчесону, — присовокупляетъ Бокль,—который впервые публично возсталъ въ Шотландіи противъ этихъ безнравственныхъ понятій». Эта послѣдняя фраза имѣетъ для насъ важное значеніе, потому что указываетъ на то, какой сильный отголосокъ встрѣтило античное воззрѣніе на человѣческую природу у одного изъ вліятельнѣйшихъ представителей новѣйшей эпохи умственнаго развитія [1]). Если мы вернемся къ восемнадцатому столѣтію и обратимся къ воззрѣніямъ французскихъ мыслителей, то на каждомъ шагу увидимъ болѣе или менѣе близкое возвращеніе къ эллинскому міросозерцанію. Такъ, напр., мы узнаемъ его въ слѣдующемъ знаменитомъ изреченіи Жанъ-Жака Руссо, столь наглядно резомирующимъ его основныя воззрѣнія: «все прекрасно, выходя изъ рукъ Творца вещей; все вырождается въ рукахъ человѣка. Онъ принуждаетъ почву одной страны питать произведеніями другой, одно дерево производить плоды другого. Онъ смѣшиваетъ и спутываетъ климаты, элементы, времена года; онъ уродуетъ свою собаку, лошадь, раба; онъ все сокрушаетъ и извращаетъ; онъ любитъ безобразіе, уродовъ; онъ ничего не хочетъ оставить въ такомъ видѣ, какъ сдѣлала природа, ни даже человѣка; ему нужно выдрессировать его, какъ лошадь, передѣлать его по-своему, какъ плодовое дерево» (Эмиль, I, 1). Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о томъ, какое сильное впечатлѣніе и вліяніе производили въ свое время эти убѣжденія, высказанныя притомъ съ такимъ неподдѣльнымъ жаромъ. Всѣмъ извѣстно, что они проникли въ педагогію, государственную науку и возбудили многочисленныя путешествія съ цѣлью изученія ближайшихъ къ природѣ первобытныхъ народовъ.

Французскіе мыслители изъ лагеря энциклопедистовъ, несмотря на столь враждебный Руссо матеріализмъ, раздѣляли съ нимъ основной взглядъ на человѣческую природу. Въ ней они искали ключъ всей практической философіи. Одинъ изъ весьма видныхъ представителей французскаго матеріализма прошлаго столѣтія, баронъ Гольбахъ, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Всеобщая нравственность, или обязанности человѣка, основанныя на его при-

1) Сходные взгляды встрѣчаемъ мы и у *Дж. Люиса*, напримѣръ, на стр. 296 его „Исторіи философіи“.

родѣ». Какъ видно уже изъ этого, основу теоріи Гольбахъ полагаетъ въ естественныхъ свойствахъ человѣка. «Мотивы предлагаемой нравственности,—говоритъ онъ,—чисто человѣческіе, то-есть основанные единственно на природѣ человѣка, какою она представляется нашимъ глазамъ». «Прежде чѣмъ имѣть религію, человѣкъ уже есть человѣкъ, и какую бы религію онъ ни признавалъ, нравственность должна быть всегда одинакова и именно такова, какую природа предписываетъ всѣмъ людямъ».

Чрезъ посредство философіи прошлаго столѣтія античное воззрѣніе перешло и въ нашу нынѣшнюю эпоху, какъ это мы видѣли уже отчасти изъ вышеприведенной цитаты, въ которой Бокль высказываетъ свои симпатіи убѣжденіямъ Гютчесона. Нѣкоторые ученые новаго времени, быть можетъ, сами того не подозрѣвая, чрезвычайно близко подошли къ воззрѣніямъ древнихъ философовъ. Подобно послѣднимъ, предписывавшимъ «уваженіе ко всѣмъ задаткамъ человѣческой природы и стремленіе къ гармоническому развитію цѣлаго человѣка», Вильгельмъ Гумбольдтъ устанавливаетъ слѣдующій основной принципъ: «конечная цѣль человѣка,—говоритъ онъ (цитировано у Милля, «Свобода», стр. 274),—т.-е. та цѣль, которая ему предписывается вѣчными, неизмѣнными велѣніями разума... состоитъ въ наивозможно-гармоническомъ развитіи всѣхъ его способностей въ одно полное и состоятельное цѣлое». Подобно этому опредѣляетъ Лекки цѣль жизни, которая, по его мнѣнію, состоитъ въ полномъ развитіи всего существующаго въ положенныхъ природою размѣрахъ и отношеніяхъ» (1. с., I. стр. 103). Въ сущности сходно съ этимъ и одно изъ новѣйшихъ опредѣленій нравственности, принадлежащее Георгу Зейдлицу, натуралисту и ревностному послѣдователю дарвинизма. «Въ удовлетвореніи всѣхъ отправленій тѣла въ должной степени и взаимномъ отношеніи другъ къ другу заключается раціональная и нравственная жизнь» [1]). Опредѣленіе самого Дарвина отличается отъ этого только второстепенными пунктами: «Выраженіе «общее благо»,—говоритъ онъ,—можетъ быть опредѣлено какъ обозначеніе развитія возможно большаго числа особей въ полной силѣ и здоровьѣ, со всѣми способностями, въ наиболѣе совершенной степени развитія, возможной при данныхъ условіяхъ» (Происхожденіе человѣка, нѣмецкій пер. третьяго изданія, I, 156). Приведенныя цитаты считаю достаточными для того, чтобы уяснить какъ современныя воззрѣнія на человѣческую природу, такъ и связь ихъ съ принципами античной философіи.

---

[1]) Die Darwin'sche Theorie 2 изданіе, 1875 г., стр. 272, прим. 25.

Изъ представленнаго мною очерка можно видѣть, что воззрѣнія на человѣческую природу вообще распадаются на двѣ большія категоріи: одна изъ нихъ обнимаетъ воззрѣнія, по которымъ природа наша должна служить источникомъ и образцомъ какъ для изящнаго, такъ и для нравственнаго искусства; другая же заключаетъ взгляды, которые не останавливаются на природныхъ свойствахъ человѣка и которые, наоборотъ, побуждаютъ его унижать свою природу и измѣнять ее сообразно съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью.

Если мы нѣсколько подымемся надъ уровнемъ обѣихъ теорій и, вооружившись результатами современнаго естествознанія, спросимъ себя: какая же изъ нихъ болѣе соотвѣтствуетъ истинной природѣ человѣка? то, по разсмотрѣніи дѣла, должны будемъ придти къ заключенію, что воззрѣнія второй категоріи по существу своему естественнѣе. Какъ ни парадоксаленъ съ перваго взгляда этотъ выводъ, но онъ, мнѣ кажется, можетъ быть доказанъ.

Что же говоритъ намъ наука о человѣческой природѣ? Она показываетъ прежде всего, что, подчиненный тѣмъ же законамъ, какъ и остальныя живыя существа, человѣкъ подверженъ процессу измѣнчивости, въ силу котораго человѣкъ произошелъ изъ какой-нибудь болѣе низкой животной формы и въ силу котораго же, сдѣлавшись человѣкомъ, онъ претерпѣлъ рядъ дальнѣйшихъ видоизмѣненій. Принятый Боклемъ принципъ постоянства естественныхъ способностей человѣка не подтверждается современной антропологіей. Какъ ни мало подвинулась еще эта только что зарождающаяся наука, тѣмъ не менѣе она выработала уже твердое убѣжденіе въ существованіи измѣнчивости какъ въ особенностяхъ формы, такъ и въ отправленіяхъ органовъ человѣка. Поль Брока показалъ, что емкость парижскихъ череповъ увеличилась съ двѣнадцатаго столѣтія. Зубная система, напротивъ, представляетъ случай ослабленія развитія; такъ, напр., зубы мудрости очевидно стремятся уничтожиться; нерѣдко они вовсе не прорѣзываются на одной изъ обѣихъ челюстей; въ случаяхъ же своего появленія (по крайней мѣрѣ у кавказской расы) корни ихъ сливаются, и на коронкѣ нерѣдко недостаетъ одного (четвертаго) бугорка. Клыки теряютъ свою заостренную, коническую форму и во многихъ случаяхъ уже вполнѣ уподобляются рѣзцамъ. Сравнительное изученіе человѣческихъ расъ показываетъ у нихъ рядъ анатомическихъ отличій. Какъ бы мы ни смотрѣли на вопросъ о происхожденіи такихъ расовыхъ признаковъ, несомнѣнно, однакоже, что они указываютъ на измѣнчивость въ области человѣческаго организма. Есть основаніе думать, что кавказская раса (и вообще такъ называемыя

высшія расы) явилась въ результатѣ измѣненія какой-нибудь болѣе низшей расы,—процесса, слѣды котораго сохранились въ развитіи отдѣльнаго индивидуума.

Хотя въ настоящее время невозможно опредѣлить въ точности, какими именно путями совершались форменныя измѣненія, но очевидно, что тутъ играли существенную роль моменты усиленнаго или ослабленнаго употребленія даннаго органа. Къ первому прибѣгаютъ для объясненія увеличенія емкости парижскихъ череповъ, а послѣдній объясняетъ уменьшеніе и измѣненіе зубной системы. Тѣ же причины (употребленіе и неупотребленіе органовъ) обусловили слѣпоту пещерныхъ животныхъ, неподвижность многихъ паразитовъ и цѣлый рядъ другихъ явленій живой природы.

Еще болѣе глубокія измѣненія сопровождали переходъ отъ животнообразнаго прародителя къ первобытному человѣку. Современная теорія происхожденія человѣка можетъ быть причислена къ числу наиболѣе прочныхъ научныхъ теорій. Она показываетъ, что человѣкъ получилъ всѣ свои органы отъ какого-нибудь болѣе низкаго въ системѣ животнаго, передавшаго по наслѣдству, между прочимъ, и такія части, которыя, сдѣлавшись безполезными, мало-по-малу заглохли, оставивъ, однакоже, по себѣ болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ видѣ такъ называемыхъ рудиментарныхъ, или остаточныхъ, органовъ. Выражаясь образно, можно сказать, что въ человѣческомъ тѣлѣ заключено цѣлое низшее животное существо. У человѣка есть остаточный хвостъ, остаточный шерстный покровъ, рудиментарный кожный мускулъ. Зубная система съ стремящимися къ уничтоженію зубами мудрости и теряющими первоначальную форму клыками составляетъ столь же явное наслѣдіе отъ животныхъ, какъ и части, а можетъ быть и цѣлая ушная раковина, носовыя раковины и остатокъ третьяго вѣка. Кишечный каналъ человѣка заключаетъ въ своемъ червеобразномъ отросткѣ, всегда безполезномъ, а нерѣдко даже вредномъ, органъ, унаслѣдованный въ концѣ-концовъ отъ какого-нибудь травояднаго животнаго, которому онъ необходимъ для затруднительнаго перевариванія пищи, содержащей клѣтчатку. Мускульная и половая системы человѣка чрезвычайно богаты рудиментарными органами.

Въ то время какъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ рудиментовъ окончательно потеряли способность дѣйствовать, другіе, напротивъ, могутъ еще совершать отправленіе и развиваться по мѣрѣ упражненія. Такъ, напр., замѣчено, что упражненіемъ можно развить зачаточныя ушныя мышцы, совершенно безполезныя человѣку. Нѣкоторыя изъ нашихъ мимическихъ движеній составляютъ также подобный остатокъ животности въ человѣкѣ. При сильномъ гнѣвѣ

у него приподымаются углы рта и обнажаются клыки, т.-е. дѣлается жестъ, столь обыкновенный у животныхъ; но въ то время, какъ у послѣднихъ онъ имѣетъ положительное значеніе и сопровождается затѣмъ кусаніемъ, у человѣка сохранилась только первая половина процесса. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ у дѣтей, чаще же всего у сумасшедшихъ, наблюдали вслѣдъ за подобнымъ жестомъ приведеніе въ дѣйствіе зубовъ. Приподыманіе волосъ дыбомъ, замѣчаемое у человѣка только при самыхъ сильныхъ аффектахъ, обусловливается напряженіемъ мелкихъ подкожныхъ мышцъ, которыя развиты у животныхъ гораздо больше и которыя, обусловливая общее ощетиниваніе, играютъ у нихъ весьма важную роль. Къ категоріи такихъ остаточныхъ явленій у человѣка должно быть отнесено и образованіе гусиной кожи.

Итакъ, мы видимъ, что человѣкъ представляется сложнымъ результатомъ длиннаго процесса, оставившаго по себѣ нерѣдко очень явственные слѣды. Процессъ этотъ вообще имѣетъ характеръ односторонняго усовершенствованія интеллектуальной стороны, подавившей рядъ другихъ сторонъ организма. Такимъ образомъ человѣкъ, сравнительно съ ближайшими къ нему животными, одаренъ болѣе емкимъ черепомъ и обладаетъ несравненно большей степенью умственныхъ способностей, но въ то же время онъ лишенъ готовыхъ средствъ къ защитѣ, какъ, напр., шерстнаго покрова, сильныхъ клыковъ и пр. Этимъ объясняется, между прочимъ, большое число остаточныхъ органовъ у человѣка. Являясь въ результатѣ односторонняго усовершенствованія, человѣкъ не столько примыкаетъ къ взрослымъ человѣкообразнымъ животнымъ съ вполнѣ развившейся многосторонней организаціей, сколько къ ихъ зародышевому или отчасти дѣтскому возрасту, съ сравнительно большимъ черепомъ и малымъ лицомъ и съ слабо развитымъ шерстянымъ покровомъ.

Рядомъ съ измѣнчивостью въ живой природѣ дѣйствуетъ еще другой могучій факторъ—наслѣдственность. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обусловливаетъ не только передачу грубыхъ физическихъ признаковъ, но и такихъ чертъ, какъ, напр., болѣзненное расположеніе, самыя болѣзни, какъ тѣлесныя, такъ и такъ называемыя душевныя и даже свойства характера и наклонность къ преступленіямъ и т. д.

Сильно распространившееся въ прежнія времена мнѣніе, будто человѣческій организмъ представляетъ образецъ совершенства, выше котораго ничего быть не можетъ, не выдерживаетъ болѣе критики. Еще Іоганнъ Мюллеръ (въ первой половинѣ XIX столѣтія) показалъ, что даже въ совершеннѣйшемъ изъ нашихъ органовъ—глазѣ, по-

правка аберраціи свѣта неполная. Въ еще болѣе новое время, Гельмгольцъ указалъ на другія несовершенства въ устройствѣ глаза. «Точное изученіе оптическаго устройства глаза за послѣднія десять лѣтъ,—говоритъ онъ,—привело къ разочарованію относительно нѣкоторыхъ его отличительныхъ свойствъ. Природа,—прибавляетъ онъ,—какъ бы нарочно скопила противорѣчія для того, чтобы устранить всѣ основанія теоріи предшествующей гармоніи между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ». Чѣмъ сложнѣе данная машина, тѣмъ труднѣе правильное сочетаніе и взаимодѣйствіе всѣхъ частей ея, и тѣмъ легче нарушеніе общаго строя. Это правило примѣняется и къ одной изъ самыхъ сложныхъ животныхъ машинъ—къ человѣку. Будучи существомъ общительнымъ и притомъ принадлежа къ числу наиболѣе измѣнчивыхъ (такъ называемыхъ полиморфныхъ) видовъ, человѣкъ въ высшей степени подверженъ вліянію постоянно измѣняющихся внѣшнихъ условій [1]), вслѣдствіе чего онъ всегда находится въ процессѣ примѣненія къ нимъ. Явившись, какъ было сказано, въ результатѣ односторонняго усовершенствованія организаціи своего зоологическаго прародителя, онъ внесъ съ собою зачатки органическихъ противорѣчій, разлада между отправленіями своихъ отдѣльныхъ частей. Не представляетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, явнаго противорѣчія тотъ фактъ, что органъ, развитіе котораго сопряжено съ нарушеніемъ общаго здоровья и такъ часто бываетъ смертельно, оказывается всего менѣе необходимымъ въ человѣческой жизни. Я говорю о зубахъ, которые могутъ быть замѣнены какъ соотвѣтствующимъ размельченіемъ и приготовленіемъ пищи, такъ и непосредственно искусственными зубами. Противорѣчіе становится еще болѣе рѣзкимъ въ виду того, что особенно большую опасность при прорѣзываніи представляютъ клыки, т.-е. именно зубы, наименѣе нужные человѣку.

Подобныя противорѣчія не составляютъ единичнаго факта. Особенно рѣзко кидается въ глаза разладъ въ аппаратѣ, служащемъ для размноженія. Развиваясь у человѣка сравнительно очень долго, этотъ аппаратъ созрѣваетъ не одновременно, а послѣдовательно; при томъ чувство, выражающее эту потребность, проявляется въ такую раннюю пору, когда существенные органы размноженія еще не созрѣли, и когда самый процессъ поэтому еще невозможенъ. При дальнѣйшемъ развитіи созрѣваютъ и эти органы, но опять въ

---

[1]) Подъ внѣшними условіями тутъ разумѣется не столько вліяніе климата и почвы, сколько другіе, болѣе быстро мѣняющіеся факторы, какъ, напр., измѣненія въ составѣ и движеніи населенія, измѣненія культуры въ самомъ широкомъ смыслѣ и т. п.

такое время, когда человѣкъ еще не достигъ полной зрѣлости и умѣнья воспитывать дѣтей. Отсюда возникаетъ рядъ явленій, которыя называютъ ошибочнымъ терминомъ «неестественными» и которыя влекутъ за собою болѣзни и другія несчастья, слѣдовательно, идутъ наперекоръ цѣли человѣческой жизни, которая согласно мнѣнію людей, состоитъ въ достиженіи наивозможно большаго общаго блага или счастія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Я считаю употребительный терминъ неправильнымъ потому, что явленія эти кроются именно въ самой природѣ человѣка. Вотъ почему такъ называемые первобытные народы, наименѣе измѣненные культурой и, какъ принято выражаться, стоящіе наиболѣе близко къ природѣ, не представляютъ той «естественности», о которой говорилъ и мечталъ Ж.-Ж. Руссо, а нѣчто, прямо противоположное. Въ началѣ настоящаго очерка я привелъ рядъ фактовъ, показывающихъ, какъ сильно стараются дикари измѣнить «естественный», природный образъ человѣка. Въ сферѣ половой жизни они предаются онанизму и другимъ такъ называемымъ «неестественнымъ» дѣйствіямъ [1]). Нарушеніе родительскаго инстинкта у нихъ проявляется на каждомъ шагу въ формѣ столь распространеннаго дѣтоубійства. Вытравленіе плода у нихъ также употребительно. Все это вытекаетъ изъ основного разлада въ человѣческомъ организмѣ, изъ разлада между данными природою свойствами и человѣческимъ идеаломъ счастія.

Итакъ, резюмируя сказанное о человѣческой природѣ, мы видимъ, во-первыхъ, что она содержитъ въ себѣ болѣе или менѣе явные, или болѣе или менѣе сохранившіеся, или заглохшіе слѣды животныхъ предковъ; во-вторыхъ, что человѣкъ, подобно прочимъ существамъ, въ сильной степени подчиненъ законамъ наслѣдственности и измѣнчивости, и, въ-третьихъ, что въ его природѣ замѣчается и самимъ человѣкомъ чувствуется болѣе или менѣе рѣзкій разладъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, къ чему онъ стремится. Такимъ образомъ, природа наша оказывается измѣнчивой и дисгармонирующей съ нашими стремленіями.

Мы видѣли, какъ реагировали первобытные народы. Но какъ же справлялись съ затрудненіями античные народы и какъ согласовали они ихъ съ общимъ принципомъ преклоненія передъ природою. Вотъ что говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ объ исторіи нравственности—Лекки. «Въ древности только немногіе

---

[1]) Объ этомъ и вообще о разладѣ въ человѣческой природѣ см. очерки „Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія“ и „Возрастъ вступленія въ бракъ“.

люди порицали искусственное вытравленіе плода и на основаніи принципа общей пользы многими доказывалось, что препятствіе рожденію составляетъ во многихъ случаяхъ благодѣяніе. Аристотель не только разрѣшалъ въ Греціи этотъ обычай, но даже желалъ, чтобы онъ былъ предписанъ закономъ въ случаѣ, какъ только населеніе перейдетъ извѣстный предѣлъ. Не было закона, который бы препятствовалъ этому ни въ Греціи, ни въ римской республикѣ, ни въ теченіе большей половины имперіи» (l. c., II, 16). Кромѣ того, по свидѣтельству спеціалистовъ, въ древней Греціи была сильно развита «неестественная любовь» (педерастія), которой, между прочимъ, былъ преданъ (хотя и въ меньшей степени, чѣмъ большинство) основатель стоицизма Зенонъ. Философы этой школы «только до тѣхъ поръ предпочитали жизнь смерти, пока оставались существенныя условія для жизни, сообразной съ природою» (Целлеръ, l. c., III, I, 287). Но, видимо, условія эти оставались плохи, такъ какъ стоики очень часто кончали жизнь самоубійствомъ. Самъ Зенонъ лишилъ себя жизни: сломавъ себѣ палецъ при выходѣ изъ школы, онъ такъ поразился своей немощью, что, ударивъ землю ногой, воскликнулъ: «къ чему эти мученія! Земля, я повинуюсь твоему призыву!», и вслѣдъ затѣмъ удавился.

Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, что греческій принципъ естественной жизни не прилагается въ весьма важныхъ случаяхъ; но, кромѣ того, онъ, какъ было сказано выше, толковался самымъ различнымъ образомъ и настолько произвольно, что, придерживаясь его, различныя школы совершенно различно понимали правила нравственной жизни.

Христіанство дѣйствовало противъ самоубійства, дѣтоубійства и вытравленія плода, и ему до тѣхъ поръ удавалось нѣсколько справляться съ этими бѣдами, пока оно само сохраняло первоначальную силу и чистоту. Но зато оно ввело безбрачіе и умерщвленіе плоти, т.-е. обязанности, которыя сначала соблюдались строго и отчасти замѣняли запрещавшіяся христіанствомъ мѣры; впослѣдствіи же снова появились послѣднія, а безбрачіе и умерщвленіе плоти сохранились только въ видѣ формальности. Сильное распространеніе въ новомъ мірѣ искусственныхъ мѣръ съ цѣлью препятствія рожденію есть фактъ общеизвѣстный. Въ Америкѣ существуетъ между докторами большое число спеціалистовъ по этой части, а въ Европѣ въ нихъ даже и не оказывается особенной надобности, такъ какъ самому народу извѣстно достаточное количество соотвѣтствующихъ средствъ.

Итакъ, мы видимъ, что при всевозможныхъ воззрѣніяхъ на нашу природу, человѣчество никогда вполнѣ не удовлетворялось

ею. Не такъ легко, слѣдовательно, «жить сообразно съ природою», какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. И это, очевидно, не простая случайность. Разсуждая объ условіяхъ размноженія первобытнаго человѣка, Дарвинъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующую мысль: «въ самую отдаленную эпоху,—говоритъ онъ (l. c., I, 149),—прежде чѣмъ человѣкъ достигъ человѣчности, онъ руководился болѣе инстинктомъ и менѣе разсудкомъ, чѣмъ въ настоящее время дикари. Наши древніе получеловѣческіе прародители не убивали дѣтей, потому что инстинкты низшихъ животныхъ никогда не бываютъ такъ извращены, чтобы привести ихъ къ правильному уничтоженію потомства». Т.-е. получеловѣческія существа, сдѣлавшись людьми, потеряли прежнюю силу инстинкта и стали замѣнять его разсудкомъ, при чемъ инстинктивныя дѣйствія извратились: инстинктъ самосохраненія сталъ нарушаться самоубійствомъ, инстинкты семейные извратились въ виду дѣтоубійства и т. д. Одинъ англійскій критикъ замѣтилъ по поводу этого, что Дарвинъ, самъ того не сознавая, возстановляетъ еврейское преданіе о грѣхопаденіи человѣка. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что такія извращенія природныхъ инстинктовъ, т.-е. именно такъ называемыя «неестественныя дѣйствія», составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ обязанностей человѣка. Не указываетъ ли это на то, что эти дѣйствія сами входятъ въ составъ нашей природы и потому заслуживаютъ очень серьезнаго вниманія.

Можно утверждать, что видъ Homo sapiens принадлежитъ къ числу видовъ, еще не вполнѣ установившихся и не полно приспособленныхъ къ условіямъ существованія. Унаслѣдованные имъ инстинкты потеряли свою первоначальную силу, сдѣлались шатки, тогда какъ долженствующій стать на ихъ мѣсто разумъ еще не достаточно развился и окрѣпъ. Отсюда раздвоеніе и разладъ, съ столь раннихъ поръ обратившіе на себя вниманіе человѣчества. Болѣе чуткіе въ дѣлахъ человѣческихъ поэты, кажется, первые сознали его, какъ это видно, напримѣръ, изъ многихъ мѣстъ «Фауста»: «Zwei Seelen fühl ich, ach, in meiner Brust» и т. д., или изъ слѣдующихъ стиховъ Байрона:

„..... Все въ этомъ мірѣ
Течетъ спокойно, ровно, безконечно:
А мы—его цари и лже-владыки,
Часть божества въ смѣшеньи съ частью праха,
Равно безсильные подняться кверху
Иль внизъ упасть,—мы двойственной натурой
Гармонію природы оскорбляемъ“.

(„Манфредъ“, сцена II).

Наука только теперь приходитъ къ убѣжденію въ существованіи органическаго разлада въ человѣческой природѣ [1]) и возможно, что вскорѣ прикладное знаніе найдетъ возможнымъ воспользоваться ея результатами, съ цѣлью «искусственнымъ» путемъ установить бо́льшую гармонію. Теперь нельзя болѣе раздѣлять взглядовъ, подобныхъ воззрѣнію Гютчесона, что «всѣ наши естественныя желанія и стремленія, даже и низшаго разряда, даны намъ на благо» или что все прекрасно въ первоначальномъ естественномъ своемъ видѣ. Нѣтъ, наша природа заключаетъ стороны, которыя могутъ и должны быть устранены и видоизмѣнены, и прикладное знаніе (искусство въ широкомъ смыслѣ) должно содѣйствовать этому. Если различныя предпринятыя до сихъ поръ попытки (въ родѣ пріемовъ дикарей и средневѣковыхъ), законность которыхъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію, оказались неудачны и подчасъ смѣшны, то это не можетъ служить еще доказательствомъ, чтобы и попытки, предпринятыя съ тою же цѣлью при посредствѣ науки и искусства, постигла та же участь. Не слѣдуетъ забывать, что и теперь есть сферы, въ которыхъ человѣческое искусство стало неизмѣримо выше природы (музыка).

Отстаиваемое здѣсь воззрѣніе существенно противоположно эллинскому фаталистическому натурализму. Оно старается выдвинуть активный факторъ воли на подобающую ей арену и не подавлять многочисленныхъ и столь дорогихъ человѣчеству стремленій и идеаловъ на основаніи лишь того, что они не могутъ быть совмѣщены съ природою человѣка въ данный моментъ. Вотъ почему и при рѣшеніи частныхъ случаевъ, какъ, напр., упомянутыхъ въ началѣ статьи женскаго и невольническаго вопроса, столь желанный выходъ изъ сознаваемаго тягостнымъ положенія не можетъ быть задерживаемъ на основаніи ссылки на особенности женскаго организма или на природу такъ называемыхъ низшихъ расъ. Эти «данныя природою» условія сами подлежатъ измѣнчивости и могутъ улучшаться въ отвѣтъ на соотвѣтственныя стремленія.

---

[1]) Мнѣ кажется, что развиваемая здѣсь теорія дисгармоніи, высказанная раньше въ очеркахъ о воспитаніи и возрастѣ вступленія въ бракъ, достаточно пояснена. Нечего и говорить, что мнѣ никогда и въ голову не приходило доказывать, будто существуетъ дисгармонія съ законами природы, и будто поэтому дисгармоническія проявленія составляютъ нѣчто сверхъестественное. Всякая болѣзнь составляетъ также естественный результатъ законовъ природы, но тѣмъ не менѣе человѣкъ стремится устранить ее. Проф. Бекетовъ (въ журналѣ „Природа“ кн. I, 1876) не понялъ истиннаго смысла теоріи и несправедливо вооружился противъ нея. Если сказанное мною и теперь покажется неяснымъ, то я совѣтую читателю прочесть главу „Логики“ Милля о свободѣ и необходимости.

Чтобы по возможности устранить возникновеніе недоразумѣній, я въ заключеніе остановлюсь на одномъ частномъ примѣрѣ. Какъ извѣстно, Дарвинъ и Уоллесъ положили въ основаніе своего ученія фактъ, что организмы размножаются въ сильнѣйшей степени, чѣмъ сколько ихъ можетъ просуществовать; вообще можно сказать, что потребностей больше, чѣмъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Въ результатѣ этого основного разлада, по независимо выработанному убѣжденію обоихъ ученыхъ, является борьба за существованіе и подборъ наилучше приспособленныхъ особей. Такимъ образомъ устанавливается гармонія, достигаемая въ одномъ случаѣ приспособленіемъ къ новой обстановкѣ, въ другомъ случаѣ уменьшеніемъ плодовитости, и т. д. Все это совершается механически, безъ всякаго участія сознанія. Только у человѣка проявляется сознаніе разлада между размноженіемъ и средствами, и онъ начинаетъ сознательно принимать мѣры для установленія согласія; съ этой цѣлью онъ или старается увеличить свои средства, или же замедляетъ вступленіе въ бракъ, или, наконецъ искусственнымъ путемъ уменьшаетъ число рожденій. Только тѣ люди одерживаютъ побѣду въ борьбѣ за существованіе, которые слѣдуютъ по одному изъ этихъ путей. Безпечные же люди оказываются въ числѣ побѣжденныхъ. Такимъ образомъ, въ человѣческомъ мірѣ сознаніе и воля являются факторами процесса подбора, который въ мірѣ остальныхъ организмовъ справляется безъ нихъ, и основной разладъ устраняется при помощи самого человѣка, активнѣйшаго изъ всѣхъ живыхъ существъ.

Борьба за существованіе въ обширномъ смыслѣ.

I.

Общія начала ученія о борьбѣ за существованіе.—Источники и послѣдствія этой борьбы.—Нѣсколько частныхъ примѣровъ.

Прежніе авторы обозначали общимъ терминомъ «борьба за существованіе» цѣлый рядъ сложныхъ процессовъ, ведущихъ къ сохраненію организмовъ, процессовъ, заключающихся въ противодѣйствіи разрушающему вліянію разнообразныхъ внѣшнихъ условій. Поэтому они говорили о «борьбѣ» растеній со стужею, съ наводненіями и т. п., равно какъ и о борьбѣ за существованіе въ смыслѣ активной борьбы двухъ животныхъ. Въ то же время они распространяли этотъ терминъ и на сложныя явленія соперничества между однородными организмами изъ-за пищи, жилища и проч. Еще въ восемнадцатомъ столѣтіи была замѣчена зависимость явленій борьбы за существованіе отъ черезчуръ усиленной плодовитости организмовъ. Франклинъ уже указалъ на то, что «воспроизводительная способность растеній и животныхъ не имѣетъ границъ и сдерживается только тѣмъ, что, *размножаясь, они отнимаютъ другъ у друга пищу*». Мальтусъ развиваетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: «растенія и животныя повинуются своему инстинкту, не заботясь о томъ, какая судьба потигнетъ ихъ потомство. *Недостатокъ мѣста и пищи уничтожаетъ въ обоихъ царствахъ то, что выступаетъ за предѣлы, указанные природой для каждой породы*». Какъ извѣстно, эти результаты вошли въ составъ новой теоріи общаго происхожденія видовъ, однимъ изъ основныхъ положеній которой является именно понятіе о всемірной борьбѣ за существованіе. Оба основателя современнаго трансформизма, Дарвинъ и Уоллесъ, связали это явленіе съ процессомъ измѣненія видовъ, въ чемъ собственно и заключается ихъ огромная заслуга. Что же касается самаго понятія о борьбѣ

за существованіе, то они восприняли его отъ прежнихъ авторовъ, не внеся въ анализъ явленія чего-нибудь существенно новаго. Дарвинъ включаетъ въ это понятіе все тѣ же явленія, которыя относились къ «борьбѣ» и его предшественниками, какъ, напр., противодѣйствіе засухѣ со стороны растенія, прозябающаго на краю пустыни, попытки растенія прорасти изъ сѣмени, заброшеннаго въ заросшее другими растеніями мѣсто, или, напр., соперничество омелы съ другими ягодными растеніями, соперничество изъ-за перенесенія ягодъ птицами. «Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ значеніяхъ, переходящихъ одно въ другое, я ради удобства употребляю общій терминъ—борьба за существованіе»,—говоритъ Дарвинъ. Относительно главнаго источника борьбы за существованіе Дарвинъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію своихъ предшественниковъ. «Борьба за существованіе,—говоритъ онъ,—наступаетъ неизбѣжно вслѣдствіе сильной степени, въ которой стремятся размножиться всѣ организмы». «Это есть,—продолжаетъ Дарвинъ,—ученіе Мальтуса, перенесенное въ усиленной степени на все животное и растительное царство». Измѣненіе, внесенное послѣдователями Дарвина, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они выдѣлили изъ всей суммы явленій борьбы за существованіе процессъ соперничества между наиболѣе родственными организмами. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Зейдлицъ, находятъ даже вовсе неудобнымъ соединять столь, по ихъ мнѣнію, разнородныя явленія, какъ конкуренція и активная борьба или противодѣйствіе внѣшнимъ вліяніямъ, и потому они предлагаютъ вовсе уничтожить терминъ «борьба за существованіе» и хотятъ замѣнить его болѣе частнымъ и опредѣленнымъ терминомъ: «конкуренція съ себѣ подобными». Хотя такое нововведеніе и оправдывается тѣмъ, что съ точки зрѣнія измѣняемости вида наиболѣе важнымъ моментомъ борьбы является именно такая конкуренція, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ вида, что это явленіе представляется отнюдь не замкнутымъ и легко переходитъ въ другія стороны борьбы. Когда, напримѣръ, двѣ собаки бѣгутъ за брошенной имъ костью, то онѣ находятся въ періодѣ соревнованія, такъ какъ каждая изъ нихъ желаетъ обогнать соперницу, но затѣмъ онѣ вступаютъ въ драку и «пассивная конкуренція съ себѣ подобнымъ» быстро переходитъ въ активную борьбу двухъ представителей одного и того же вида. Само собою разумѣется, что такой видъ борьбы имѣетъ не меньшее значеніе въ дѣлѣ измѣняемости видовыхъ признаковъ, какъ и пассивная конкуренція. Въ то время какъ послѣдняя (въ нашемъ примѣрѣ) изощряетъ органы движенія, активный видъ борьбы даетъ поводъ къ естественному подбору особей, наиболѣе драчливыхъ и

всего чаще побѣждающихъ въ дракѣ. Подъ вліяніемъ такого стимула должны были образоваться такъ называемые «солдаты» между муравьями, т.-е. особи, спеціально приспособленныя къ активной борьбѣ съ себѣ подобными, т.-е. съ муравьями того же вида, но обитателями другихъ муравейниковъ. Если, съ одной стороны, не научно отдѣлять рѣзкой чертой «пассивную конкуренцію съ себѣ подобными» отъ активной борьбы представителей одного и того же вида, то, съ другой стороны, неправильно выдѣлять до такой степени моментъ борьбы между «себѣ подобными» изъ общей сложности явленій борьбы за существованіе. Прилагая такое узкое опредѣленіе, мы, къ тому же встрѣчаемся на каждомъ шагу съ препятствіями. Въ борьбѣ между пчелами-работницами и трутнями будемъ ли мы имѣть дѣло съ борьбою «себѣ подобныхъ»? И тѣ и другіе принадлежатъ къ одному виду, но къ различнымъ поламъ. Если смотрѣть на дѣло съ исключительной точки зрѣнія вопроса объ измѣняемости видовъ, то въ данномъ случаѣ слѣдуетъ исключить изъ разряда явленій борьбы съ себѣ подобными эту распрю двухъ половъ, включивъ въ него только соперничество между изгоняющими трутней работницами, съ одной стороны, и соревнованіе въ пріемахъ самозащиты между трутнями—съ другой. Въ этомъ случаѣ оба пола будутъ являться въ качествѣ разнородныхъ сторонъ во многихъ же другихъ примѣрахъ самцы и самки находятся въ отношеніи простыхъ соперниковъ. Въ случаѣ столь часто встрѣчающейся борьбы между муравьями одного вида, но различныхъ муравейниковъ, мы будемъ имѣть, во-первыхъ, активную борьбу, во-вторыхъ, взаимную конкуренцію между борцами каждаго муравейника. Съ точки зрѣнія измѣняемости вида, въ данномъ примѣрѣ первенствующая роль выпадетъ не на долю конкуренціи между наиболѣе близкими существами, т.-е. между представителями одного и того же муравейника, а, напротивъ, на долю активной борьбы между муравьями различныхъ муравейниковъ. То же и при соперничествѣ двухъ разновидностей одного и того же вида. Положимъ, напр., что происходитъ борьба за существованіе между окрашенной и бѣлой разновидностью какого-нибудь вида, борьба, вызванная преслѣдованіемъ хищниковъ. Бѣлыя особи, какъ наиболѣе кидающіяся въ глаза, будутъ выловлены и погибнутъ, цвѣтные же экземпляры, какого бы цвѣта они ни были, окажутся въ данномъ случаѣ наиболѣе приспособленными и потому выживутъ, давая начало новому многочисленному поколѣнію. Здѣсь, слѣдовательно, на первый планъ выступаетъ соперничество не между наиболѣе близкими родичами, т.-е. недѣлимыми одной и той же расы, а между болѣе отдаленными представителями обѣихъ расъ.

Такъ съ точки зрѣнія вопроса объ измѣняемости и происхожденіи видовъ. Съ точки же зрѣнія вопроса о разновидности, главнѣйшую роль играетъ, понятно, конкуренція между нѣсколько болѣе и нѣсколько менѣе темными или нѣсколько болѣе или менѣе яркими представителями каждой расы. Сказанное нами ведетъ къ тому, чтобы признать, во-первыхъ, что активную борьбу нельзя строго различать отъ пассивной, а во-вторыхъ, къ тому, что разграниченіе явленій «борьбы за существованіе», съ спеціальной точки зрѣнія вопроса объ измѣняемости вида, можетъ имѣть значеніе только для рѣшенія одного этого вопроса и потому не должно быть допускаемо въ случаѣ, когда идетъ рѣчь о явленіяхъ борьбы съ общей точки зрѣнія. Ради удобства мы можемъ и тутъ сосредоточить кругъ изслѣдованія на извѣстной части этихъ явленій, но при этомъ не должны забывать, что всякое подраздѣленіе послѣднихъ будетъ дѣломъ чисто искусственнымъ и потому пригоднымъ лишь въ практическомъ отношеніи. Если мы настаиваемъ на принятіи термина «борьба» въ широкомъ смыслѣ, то то же самое должны мы теперь распространить и на понятіе «существованіе». Нерѣдко къ этой категоріи относятъ только потребность самосохраненія, т.-е. обезпеченіе пищей и избѣжаніе враговъ, но этого, разумѣется, недостаточно. Къ этому понятію нужно отнести и другія, менѣе постоянныя потребности, какъ, напр., половую потребность, инстинктъ перелета, семейныя потребности и многое другое. Съ этой точки зрѣнія, такъ наз. «половая борьба», т.-е. драка или другая менѣе воинственная форма соревнованія между самцами изъ-за обладанія самкой, должна быть точно такъ же отнесена къ суммѣ явленій «борьбы за существованіе». Нерѣдко такая драка дѣйствительно кончается смертью, т.-е. прекращеніемъ «существованія». Въ однихъ случаяхъ кто-нибудь изъ борцовъ загрызается до-смерти; борющіеся олени иногда такъ спутываются своими рогами, что не могутъ разойтись, и въ такихъ случаяхъ оба умираютъ отъ голода. То же самое должно быть распространено и на многія другія явленія, какъ, напр., на соперничество изъ-за удовлетворенія честолюбія, различныхъ прихотей и т. п. Какъ ни ничтожными кажутся эти вещи для существованія однихъ, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ быть очень существенны для тѣхъ, кто лишаетъ себя жизни вслѣдствіе неудовлетвореннаго самолюбія, потери части состоянія, или кто умираетъ на дуэли изъ-за дѣлъ «чести». Въ виду того, что «борьба за существованіе», какъ оказывается, захватываетъ собою огромную сумму явленій, невозможно болѣе ограничиваться признаніемъ за усиленнымъ размноженіемъ организмовъ единственнаго стимула этой борьбы. «Борьба за существованіе,—говоритъ Дарвинъ,—не-

обходимо вытекаетъ изъ быстрой прогрессіи, въ которой стремятся размножиться всѣ органическія существа». И далѣе: «такъ какъ родится болѣе особей, чѣмъ сколько можетъ ихъ выжить, то во всякомъ случаѣ должна происходить борьба за существованіе либо съ особями того же вида, либо съ особями другого вида, либо съ физическими условіями жизни». Противъ этого нѣсколько разъ выставляли на видъ, что Дарвинъ слишкомъ изолируетъ самое явленіе усиленнаго размноженія и ставитъ его въ основу борьбы и подбора, между тѣмъ какъ оно само подлежитъ измѣненію и вліянію того же естественнаго подбора. Самъ Дарвинъ приводитъ случаи, гдѣ организмы одолѣвали въ борьбѣ за существованіе исключительно ради усилившейся ихъ плодовитости, слѣдовательно уже по этому одному на эту способность нельзя смотрѣть какъ на незыблемую и неизмѣнную основу всего процесса борьбы. Можно утверждать, что многочисленные примѣры особенно сильной плодовитости, какъ, напр., милліоны яицъ и личинокъ, производимыхъ солитерами и другими паразитами, или огромное число дѣтенышей, рождаемыхъ травяными вшами, и т. п. представляютъ намъ явленія сравнительно поздняго происхожденія, явленія, вызванныя борьбою за существованіе и удержанныя естественнымъ подборомъ. На этомъ основаніи, для того, чтобы правильнѣе поставить самый вопросъ объ источникахъ борьбы, необходимо нѣсколько шире взглянуть на дѣло. Размноженіе, какъ уже много разъ было замѣчено, есть одна изъ функцій питанія. Можно сказать, что излишекъ питательнаго матеріала, за удовлетвореніемъ нуждъ даннаго существа, идетъ на образованіе новаго поколѣнія. Отсюда тотъ антагонизмъ между индувидуальнымъ развитіемъ и размноженіемъ, на который съ давнихъ поръ обратили вниманіе натуралисты и который послужилъ основной темой для соображеній о размноженіи какъ Прудону, такъ въ особенности и Герберту Спенсеру. Связь эта въ ея наиболѣе чистой и ненарушенной вторичными измѣненіями формѣ замѣчается у низшихъ организмовъ, т.-е. въ томъ мірѣ, гдѣ преобладаетъ размноженіе посредствомъ дѣленія, почкованія и другихъ способовъ такъ наз. безполаго размноженія. Инфузоріи и монады передъ раздѣленіемъ поглощаютъ обильную пищу и нерѣдко начинаютъ приготовляться къ акту размноженія, прежде чѣмъ у нихъ окончится процессъ пищеваренія. Голодныя гидры перестаютъ производить почки, но послѣ новаго принятія пищи онѣ снова начинаютъ размножаться. И при половомъ размноженіи можно нерѣдко наблюдать случаи очень явственной зависимости размноженія отъ питанія организма. Особенно рѣзкіе результаты даетъ въ этомъ отношеніи сравненіе паразитическихъ

животныхъ съ ближайшими къ нимъ по организаціи свободно живущими формами. Такъ, напр., паразитическое поколѣніе одной глисты, водящейся въ легкихъ лягушекъ и жабъ, производитъ тысячи личинокъ, тогда какъ свободно живущее поколѣніе того же червя даетъ всего три-четыре такихъ же личинки. Правда, первое поколѣніе отличается значительно большими размѣрами, но это различіе далеко не соотвѣтствуетъ степенямъ плодовитости обоихъ поколѣній. У такъ наз. водяныхъ блохъ (дафній) скудость условій питанія вызываетъ и перемѣну въ способахъ размноженія. Вмѣсто того, чтобы производить живыхъ дѣтенышей, которыхъ сразу образуется обыкновенно по нѣскольку и образованіе которыхъ потребляетъ огромное количество питательнаго матеріала, при наступленіи неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій дафніи начинаютъ производить по одному или понемногу яицъ, на образованіе которыхъ идетъ гораздо меньшее количество вещества. Сводя такимъ образомъ процессъ размноженія къ обособленію излишка питательнаго матеріала, мы естественно приходимъ къ выводу, что въ основаніи перваго лежитъ фактъ способности организма къ принятію большаго противъ необходимаго для поддержанія жизни количества пищи. Способность эта тоже съ особенной ясностью можетъ быть наблюдаема у простѣйшихъ организмовъ. Какъ ни велика извѣстная всѣмъ прожорливость домашнихъ животныхъ, но сравнительно она представляется далеко не столь большой, такъ какъ у нихъ количество принимаемой пищи находится въ зависимости отъ такого частнаго и сравнительно съ объемомъ тѣла небольшого органа, какъ желудокъ. Несравненно больше съѣдаютъ различныя насѣкомыя, пауки и другіе болѣе мелкіе организмы. Шелководамъ хорошо извѣстно, какія массы тутовыхъ листьевъ нужны для прокормленія жадныхъ червей, большая часть тѣла которыхъ выполнена длиннымъ желудкомъ. Прожорливость пауковъ, изслѣдованная подробно англійскимъ натуралистомъ Поллокомъ, поистинѣ изумительна. Если мы спустимся къ еще болѣе низшимъ организмамъ, то увидимъ значительно болѣе поразительную прожорливость. Все тѣло такихъ существъ, какъ корненожки или сходныя съ ними простѣйшія животныя, состоитъ изъ однороднаго живого вещества, которое цѣликомъ способно играть роль пищепріемнаго и пищеварительнаго органа. Окружая подобные организмы мелкими веществами, мы видимъ, что громадныя количества послѣднихъ попадаютъ внутрь ихъ тѣла. Это особенно удобно на такихъ организмахъ, какъ такъ наз. слизистые грибы, крупное сѣтковидное и подвижное тѣло которыхъ въ самое короткое время наѣдается множествомъ поднесенныхъ ему окрашенныхъ веществъ и само прини-

маетъ цвѣтъ послѣднихъ. Въ высшей степени интересенъ слѣдующій случай, видѣнный впервые проф. Ценковскимъ. Одинъ изъ мельчайшихъ микроскопическихъ организмовъ, описанный имъ подъ названіемъ крахмальной монады (Monas amyli), прилѣпляется къ крахмальному зерну, имѣющему приблизительно отъ 100 до 125 разъ большій объемъ, чѣмъ самая монада; послѣдняя распластывается на поверхности зерна и затѣмъ обвиваетъ его цѣликомъ въ видѣ тончайшей, едва замѣтной оболочки. Этимъ кончается актъ пищепринятія, вслѣдъ за которымъ начинается медленное и постепенное претвореніе крахмальнаго зерна. Обыкновенно процессъ этотъ не успѣваетъ дойти до конца, и часть непереваренаго зерна отбрасывается, какъ лишняя, между тѣмъ какъ значительно увеличившееся тѣло монады распадается на множество зачатковъ новаго поколѣнія. Тутъ мы воочію видимъ источникъ усиленнаго размноженія. Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ, что борьба за существованіе вытекаетъ въ концѣ-концовъ изъ способности организмовъ къ чрезмѣрному принятію пищи, излишекъ которой расходуется на размноженіе. Чѣмъ больше появляется на землѣ организмовъ, тѣмъ сильнѣе и постояннѣе борьба между ними. Разнообразіе же организмовъ само собою вызываетъ и разнообразныя формы борьбы. Такимъ образомъ, усиленное воспроизведеніе, или, какъ выражаются, «стремленіе къ размноженію въ геометрической прогрессіи», является только частнымъ возбудителемъ борьбы, а при нынѣшнихъ сложныхъ условіяхъ органической жизни это явленіе само въ большинствѣ случаевъ служитъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе. Всякія стремленія вообще, какого бы свойства они ни были, естественно ведутъ къ борьбѣ, какъ это справедливо было развито Прейеромъ (Der Kampf um das Dasein, 1869, стр. 19—21). Стремленіе получить кратчайшимъ путемъ значительное количество пищи побуждаетъ пчелъ производить набѣги и ведетъ къ ожесточенной борьбѣ между ними. Кровавыя битвы составляютъ обычное занятіе муравьевъ, добывающихъ рабовъ, и т. д. Отсюда понятно, что для объясненія всеобщности и распространенности борьбы за существованіе вовсе нѣтъ надобности прибѣгать къ принятію перенаселенія всего земного шара и думать, чтобы всегда борьба вызывалась крайностью, нуждою «въ кускѣ насущнаго хлѣба». Можно положительно утверждать, что во многихъ мѣстахъ земли (напр., на океаническихъ островахъ) число живого населенія далеко еще не дошло до избытка, что, однакоже, не мѣшаетъ самымъ многочисленнымъ и разнообразнымъ проявленіямъ борьбы. Вообще говоря, въ природѣ проявляется болѣе потребностей, чѣмъ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Всѣ организмы такъ или иначе дѣйствуютъ съ

цѣлью достиженія этихъ средствъ, слѣдовательно, вступаютъ въ борьбу, а въ силу общаго закона, по которому нѣтъ двухъ существъ, совершенно тождественныхъ или находящихся при абсолютно одинаковыхъ условіяхъ, предметъ борьбы достается одной изъ борющихся сторонъ. Такимъ образомъ являются побѣдители и побѣжденные. Первыми будутъ во всѣхъ случаяхъ существа, «наиболѣе приспособленныя» при данныхъ условіяхъ. Установить какія-нибудь общія правила относительно характера этихъ наиболѣе приспособленныхъ побѣдителей, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, едва ли возможно. Дарвинъ пытался доказать, что большая сложность организаціи, т.-е. большая степень измѣнчивости организма составляютъ капитальныя условія, дающія значительный шансъ побѣды. Отсюда онъ пришелъ къ заключенію, что борьба за существованіе и вытекающій изъ нея естественный подборъ ведутъ, вообще говоря, къ «усовершенствованію организаціи». Въ другомъ мѣстѣ я по возможности разобралъ этотъ вопросъ и выставилъ на видъ, что побѣда въ борьбѣ за существованіе зависитъ не только отъ качествъ даннаго организма, но еще отъ внѣшнихъ условій, при которыхъ совершается борьба. Такимъ образомъ, положеніе Дарвина о прогрессированіи организаціи должно быть ограничено. То же должно быть сдѣлано и относительно правила, по которому наибольшія отклоненія въ признакахъ борющихся сторонъ выгодны въ борьбѣ за существованіе. Безспорно, что въ случаѣ, напримѣръ, сильнаго спроса на извѣстную пищу и возникшаго отсюда соперничества чрезвычайно важно, если какая-нибудь изъ борющихся сторонъ окажется способной къ принятію новаго рода пищи, если, напримѣръ, хищное животное, въ случаѣ недостатка въ животной пищѣ, станетъ принимать растительную. Въ подобнаго рода случаяхъ, относимыхъ Дарвиномъ къ его закону «расхожденія признаковъ», борьба временно утихаетъ и получаетъ иное направленіе. Столь же полезнымъ является пріобрѣтеніе способности къ жизни въ новой средѣ въ случаѣ перенаселенія какой-нибудь мѣстности, напримѣръ, если при тѣснотѣ на сушѣ нѣкоторыя особи получаютъ привычку жить въ водѣ. Въ другихъ же случаяхъ «расхожденіе признаковъ», т.-е. отклоненіе отъ нормы, можетъ быть, напротивъ, губительно въ борьбѣ за существованіе. Такъ, напримѣръ, при соперничествѣ особей даннаго вида въ дѣлѣ избѣжанія враговъ отклоненіе въ цвѣтѣ и привычкахъ часто бываетъ очень вреднымъ; поэтому альбиносы различныхъ животныхъ обыкновенно первыми попадаются въ жертву хищникамъ. Тѣ самыя особи, которыя вслѣдствіе пріобрѣтенія новой привычки, напримѣръ, жизни въ новой средѣ, удачно оканчиваютъ борьбу изъ-за мѣста, могутъ оказаться

побѣжденными въ борьбѣ съ другими водяными обитателями, вслѣдствіе незнакомства съ новыми врагами и новыми условіями существованія. Только что сказанное должно послужить намъ не только для того, чтобы показать относительное значеніе «расхожденія признаковъ», но также и для разъясненія самаго направленія борьбы за существованіе. Въ однихъ случаяхъ послѣдняя ведетъ къ значительному уравненію переживающихъ формъ, въ другихъ же она, напротивъ, служитъ къ установленію все большихъ и большихъ отличій. При борьбѣ изъ-за какой-нибудь потребности, побѣжденныя особи или вымираютъ, или же приспособляются къ новымъ условіямъ существованія. Такъ, напримѣръ, вышеупомянутые альбиносы при большинствѣ условій рѣзко кидаются въ глаза хищникамъ и становятся ихъ добычей; на сѣверѣ же и на высокихъ горахъ, т.-е. въ мѣстности, богатой снѣгомъ, они если и не непремѣнно переживаютъ всѣхъ своихъ соперниковъ, то, по крайней мѣрѣ, сами не подвергаются такому истребленію и образуютъ новую породу. Въ случаяхъ первой категоріи, т.-е. при истребленіи побѣжденныхъ, оставшіеся побѣдители уравниваются, вслѣдствіе присущаго всѣмъ имъ общаго признака, того именно, который обусловилъ ихъ побѣду. Такимъ образомъ, изъ первоначально разношерстной массы соперниковъ переживаютъ только болѣе однообразные. Въ случаяхъ же второй категоріи (расхожденіе признаковъ), напротивъ, первоначальныя различія соперниковъ становятся еще болѣе рѣзкими, напримѣръ, когда одна изъ борющихся сторонъ поселяется въ новой средѣ, и прежняя масса соперниковъ, жившихъ, положимъ, на берегу, распадается на сухопутныхъ и водяныхъ обитателей. Уравнивающему вліянію борьбы за существованіе приписываютъ, напримѣръ, тотъ, всѣмъ извѣстный фактъ, что дикія животныя и растенія несравненно болѣе однообразны, чѣмъ соотвѣтствующія имъ культированныя породы. Одно изъ существенныхъ условій культуры состоитъ въ охраненіи одомашненныхъ породъ отъ многихъ сторонъ борьбы за существованіе, въ устраненіи необходимости для животныхъ самимъ добывать себѣ пищу, защищаться отъ враговъ, зимней стужи и проч. Въ виду этого, многіе признаки, которые при условіяхъ свободной жизни повели бы къ гибели въ борьбѣ, подъ охраняющимъ вліяніемъ человѣка продолжаютъ существовать, обусловливая тѣмъ большее разнообразіе. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя бѣлыя породы, какъ, напримѣръ, бѣлые кролики и крысы, не выдерживающіе конкуренціи на свободѣ, процвѣтаютъ въ человѣческомъ хозяйствѣ. Отсюда понятно, что въ случаяхъ одичанія многихъ культивированныхъ породъ, послѣднія, какъ говорятъ, возвращаются къ дикой первоначальной породѣ, т.-е., что изъ всѣхъ

одичавшихъ особей побѣдителями въ свободной борьбѣ за существованіе окажутся именно такія, которыя всего менѣе отклонились подъ вліяніемъ охранительныхъ условій культуры. Вопросъ объ отношеніи борьбы за существованіе къ процессу образованія видовъ въ органической природѣ, какъ вопросъ частный, можетъ быть обойденъ нами. Я ограничусь здѣсь только указаніемъ на главнѣйшіе результаты. Сущность дарвинизма состоитъ, какъ извѣстно, въ установленіи причинной связи между обоими моментами, т.-е. между борьбою за существованіе и образованіемъ опредѣленныхъ группъ организмовъ, связанныхъ общими форменными признаками, т.-е. группъ, называемыхъ «видами». Положеніе это должно быть признано незыблемымъ вкладомъ въ науку. Отсюда, однакоже, не слѣдуетъ дѣлать вывода, будто оба названные момента всегда находятся въ зависимости. Напротивъ, можно утверждать, что во многихъ случаяхъ они бываютъ разобщены, т.-е., что есть виды, признаки которыхъ фиксировались помимо борьбы за существованіе, и, съ другой стороны, что послѣдняя не необходимо ведетъ къ образованію форменныхъ признаковъ, составляющихъ видовыя отличія. Въ виду этого, на измѣнчивость или постоянство вида вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на указатель степени и силы борьбы за существованіе. Есть виды, отличающіеся замѣчательной живучестью и постоянствомъ, и въ то же время они подвержены сильнѣйшей борьбѣ, въ этихъ случаяхъ боевые признаки не носятъ на себѣ форменнаго характера и кроются въ глубинѣ физико-химической организаціи. Указать на это я здѣсь счелъ нужнымъ для того, чтобы устранить могущее возникнуть недоразумѣніе въ случахъ ослабленія или остановки собственно видообразовательнаго процесса.

Главную причину неполноты нашихъ свѣдѣній о борьбѣ за существованіе слѣдуетъ искать въ недостаточности фактической подготовки, безъ которой немыслимо прочное установленіе общихъ взглядовъ на столь многообразное и сложное явленіе. Какъ ни распространены всевозможныя проявленія этой борьбы, тѣмъ не менѣе изученіе ея хода сопряжено съ величайшими затрудненіями. Она совершается во всѣ возрасты и можетъ касаться всевозможныхъ, какъ открытыхъ, форменныхъ, такъ и скрытыхъ, составныхъ, признаковъ организма. Для сужденія объ ея характерѣ нужно поэтому подробное знакомство со свойствами организма и, кромѣ того, съ особенностями внѣшнихъ условій борьбы. Даже въ случаяхъ особенно интенсивной борьбы это сужденіе есть дѣло нелегкое, а иногда и вовсе недоступное. Приводя примѣры вытѣсненія однѣхъ

формъ другими въ борьбѣ за существованіе, Дарвинъ въ большинствѣ случаевъ не указываетъ на причины побѣды, но нерѣдко ссылается на то, что онѣ должны быть очень глубоки и скрыты. Мнѣ самому привелось быть свидѣтелемъ одного примѣра чрезвычайно энергичной борьбы. Одно сложноцвѣтное растеніе мексиканскаго происхожденія (Eupatorium adenophorum) принадлежитъ къ числу распространеннѣйшихъ представителей флоры острова Мадейры. Посѣянное впервые въ саду бывшаго англійскаго консула въ концѣ тридцатыхъ годовъ, оно скоро перешло оттуда на свободу, заняло скалистые берега рѣкъ и другія свободныя мѣста, но потомъ стало вытѣснять и другія растенія и сдѣлалось полнымъ хозяиномъ во многихъ частяхъ острова. Уже въ 1855 году оно заняло возвышенныя мѣста, до двухъ или трехъ тысячъ футовъ, и перешло на сѣверную часть острова, гдѣ оно сдѣлалось однимъ изъ обыкновеннѣйшихъ растеній. Мѣстные жители обратили вниманіе на это растеніе и дали ему названіе «Abundancia» и «Insa muito» (т.-е. мошка). Несмотря на такую очевидную силу въ борьбѣ за существованіе, ни одному натуралисту, наблюдавшему это растеніе, не удалось опредѣлить, почему именно оно оказывается способнымъ къ побѣдѣ. И я не былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе, хотя и направилъ изслѣдованіе со спеціальною цѣлью разрѣшить этотъ вопросъ. Предположеніе, что клейкіе листья и стебли абундансіи составляютъ надежный оплотъ противъ насѣкомыхъ, которымъ открытъ доступъ къ другимъ мадейрскимъ растеніямъ, не оправдалось, такъ какъ я на очень многихъ листьяхъ находилъ гусеницъ бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ.

Въ растительномъ мірѣ изъ числа сухопутныхъ растеній, кромѣ многихъ низшихъ представителей, особенной живучестью отличаются сорныя травы и другія растенія, водящіяся поблизости къ человѣку. Де-Кандоль (Geogr. Botanique, стр. 582) сосчиталъ, что они составляютъ двадцать пять процентовъ всей суммы распространеннѣйшихъ растеній. Въ теченіе короткаго времени нѣкоторыя сорныя травы, какъ, напримѣръ, синякъ, коровякъ, собачки и др., распространились въ Сѣверной Америкѣ, оттѣснивъ туземныя растенія. Такой фактъ подалъ Агасси поводъ провести слѣдующую параллель. «Эти завезенныя въ Америку европейскія растенія (т.-е. названныя сорныя травы) распространяются и завладѣваютъ почвой, занятой прежде туземными растеніями, которыя клонятся къ исчезновенію приблизительно такъ же, какъ индѣйская раса отступаетъ передъ бѣлымъ человѣкомъ и исчезаетъ въ виду цивилизаціи, утверждающейся на землѣ краснокожихъ». На основаніи подобныхъ фактовъ Де-Кандоль предсказываетъ (l. c., 803 и 807), что

современемъ наиболѣе живучія и между ними сорныя растенія получатъ еще большее распространіе, вслѣдствіе чего общій характеръ флоры сдѣлается болѣе однообразнымъ. Изъ міра насѣкомыхъ къ числу особенно живучихъ относятся присосѣдившіеся къ человѣку тараканы, потомки однихъ изъ древнѣйшихъ сухопутныхъ животныхъ, свидѣтелей образованія каменноугольныхъ залежей. Изъ тараканьяго семейства около человѣка водится довольно значительное число видовъ, иногда вступающихъ другъ съ другомъ въ борьбу за существованіе. На сѣверѣ побѣдителями являются мелкіе виды (прусакъ и лапландскій прусачокъ), по всей вѣроятности, вслѣдствіе своей способности прятаться отъ зимней стужи въ очень маленькіе и скрытые закоулки, а также, быть можетъ, и вслѣдствіе большей плодовитости (мелкія животныя, вообще говоря, плодовитѣе крупныхъ). На югѣ же побѣдителями оказываются болѣе крупные виды, какъ, напримѣръ, черный и американскій тараканы. Примѣръ этотъ особенно ясно иллюстрируетъ упомянутое выше положеніе, что побѣда въ борьбѣ зависитъ какъ отъ особенностей борющихся сторонъ, такъ и отъ свойствъ окружающей обстановки. Одно изъ животныхъ, отличающихся особенной силой въ борьбѣ за существованіе, есть безспорно наша обыкновенная сѣрая крыса, такъ называемый пасюкъ. Явившись въ Европу въ первой, а въ Америку въ послѣдней трети прошлаго столѣтія, онъ вытѣснилъ нѣсколько другихъ видовъ крысъ, ранѣе его пріютившихся поблизости къ человѣку. Въ Европѣ и въ части Сѣверной Америки пасюкъ почти всюду вытѣснилъ черную крысу. Послѣдняя нѣсколько меньше ростомъ, но зато обладаетъ однимъ признакомъ, который долженъ былъ бы дать ей нѣкоторый перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе, именно черный цвѣтъ. Извѣстно, что ночью черныя крысы менѣе кидаются въ глаза, чѣмъ буровато-сѣрый пасюкъ, который поэтому въ большей степени можетъ быть замѣченъ главнымъ врагомъ крысъ—кошкою. Несмотря на то, пасюкъ оказался побѣдителемъ, отчасти вслѣдствіе превосходства физической силы и способности лучше приспособляться въ водѣ, отчасти же вслѣдствіе большей хитрости и нахальства. Въ Новой Зеландіи онъ вытѣснилъ туземную крысу, а въ Китаѣ и на Формозѣ онъ побѣдилъ болѣе крупную, чѣмъ самъ, породу (Mus coninga). Эту послѣднюю побѣду пасюкъ одержалъ, по мнѣнію Суанго (зоолога, путешествовавшаго въ Китай), благодаря своей необыкновенной хитрости. Приведенные здѣсь частные примѣры, такъ же какъ и болѣе общее изслѣдованіе вопроса о естественномъ подборѣ, не даютъ никакого права утверждать, чтобы возведенное въ законъ прогрессированіе организаціи находилось въ тѣснѣйшей и необходимой связи съ побѣдами въ борьбѣ за

существованіе. Не случайно то, что приведенные примѣры явленій вытѣсненія однихъ организмовъ другими, родственными имъ, взяты именно изъ обстановки, окружающей человѣка. Съ одной стороны, это зависитъ отъ того, что такіе организмы особенно выдаются своей силой въ борьбѣ за существованіе, съ другой же стороны,— это является результатомъ того, что они поневолѣ обращаютъ на себя вниманіе человѣка и что потому о нихъ собрано большее число и притомъ отчасти историческихъ данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса. Къ тому же въ этихъ случаяхъ борьба представляется особенно интенсивной и быстрой вслѣдствіе связи ея съ такимъ энергичнымъ дѣятелемъ какъ человѣческая культура, которая вообще очень сильно вліяетъ на ходъ борьбы за существованіе во всей органической природѣ. Но, конечно, нѣтъ существа, у котораго это явленіе могло бы быть изслѣдовано съ такой полнотой, какъ у самого человѣка.

II.

Общія начала борьбы за существованіе въ человѣческомъ мірѣ.—Ученіе объ естественномъ неравенствѣ.—Очеркъ апріористическихъ воззрѣній на ходъ борьбы за существованіе между людьми.

Связавъ свое участіе съ теоріей Мальтуса, Дарвинъ, естественно, не могъ не коснуться вопроса о борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ мірѣ. И здѣсь онъ видитъ существеннѣйшій источникъ борьбы въ значительной плодовитости. При удвоеніи населенія въ двадцатипятилѣтній періодъ, нынѣшнее населеніе земного шара уже черезъ 463 года размножилось бы до такой степени, что люди должны бы были тѣсно стоять другъ возлѣ друга, не имѣя возможности ни сѣсть, ни двинуться съ мѣста (Фикъ). Отсюда слѣдуетъ, что безпрепятственное возрастаніе населенія должно, въ сравнительно короткій періодъ вести къ перенаселенію и усиленной борьбѣ за существованіе и къ установленію различныхъ препятствій съ цѣлью задержать произрожденіе и уменьшать число народившихся людей. Вопросъ о перенаселеніи, какъ въ высшей степени сложный, слѣдовало бы подвергнуть здѣсь обстоятельному изслѣдованію, если бы мы, согласно съ Дарвиномъ, видѣли въ усиленномъ размноженіи главнѣйшій, если не единственный, источникъ борьбы за существованіе. Слѣдуетъ, однакоже, указать на то, что понятіе о перенаселеніи въ высшей степени условно: со-

стояніе, которое для одного народа будетъ наитягчайшимъ, для другого болѣе производительнаго, окажется совершенно сноснымъ. Многіе дикари уничтожаютъ значительную часть своего потомства, чувствуя себя въ состояніи перенаселенія, между тѣмъ какъ европейцы въ тѣхъ же мѣстахъ находятъ возможнымъ не только свободно размножаться, но еще и принимать большую массу всельниковъ. Понятіе о перенаселеніи имѣетъ въ значительной степени субъективный характеръ и въ этомъ слыслѣ можетъ быть приложено къ нѣкоторымъ явленіямъ дѣйствительности. Стимулы, вызывающіе борьбу за существованіе, сложны и разнообразны во всемъ органическомъ мірѣ; но нигдѣ они не доходятъ до той степени усложненія, какъ въ предѣлахъ человѣческаго рода. Всякія человѣческія стремленія ведутъ къ борьбѣ изъ-за удовлетворенія ихъ, и то, что человѣкъ, лишенный такихъ стремленій, обыкновенно считается нисходящимъ на степень животнаго,—показываетъ, до чего присущи эти стимулы борьбы истинно человѣческому существованію. Стремленіе къ щеголянію и роскоши составляетъ одно изъ самыхъ раннихъ и распространенныхъ человѣческихъ стремленій и служитъ постояннымъ источникомъ разнообразныхъ явленій борьбы. Чтобы судить о силѣ его, слѣдуетъ припомнить, до чего распространено татуированіе и другія подобныя операціи, которыя всегда причиняютъ сильную боль, а иногда бываютъ даже смертельны. Южно-американскій индѣецъ, въ теченіе двухъ недѣль исполняетъ тяжелую работу для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти необходимое для размалеванія количество красной краски (Гумбольдтъ). Желаніе нарядиться во множествѣ случаевъ удовлетворяется въ ущербъ питанію и общему здоровью организма. Потребность въ отвѣтной любви ежегодно стоитъ многихъ жертвъ, какъ то показываетъ статистика самоубійствъ. Ясно, что для объясненія различныхъ явленій борьбы вовсе не необходимо прибѣгать къ принятію усиленной густоты населенія и вытекающаго отсюда недостатка въ жильѣ и пищѣ. Человѣкъ есть существо общественное, а это условіе само по себѣ уже въ высшей степени усложняетъ жизнь, какъ это отчасти было уже показано выше на примѣрѣ борьбы въ мірѣ пчелъ и муравьевъ. Въ человѣчествѣ мы видимъ борьбу между обществами и между отдѣльными лицами. Къ первой категоріи относится война, какъ выраженіе активной борьбы; соперничество народовъ на всемірномъ торговомъ и промышленномъ рынкѣ, т.-е. борьба, повидимому, болѣе миролюбиваго свойства. Другой формой той же борьбы является чисто физіологическая сторона національной и расовой жизни, т.-е. способность различныхъ человѣческихъ группъ переносить извѣстныя болѣзни, кли-

матическія и другія стихійныя перемѣны. Общественная борьба имѣетъ длинную скалу степеней и подраздѣленій. Она обнимаетъ борьбу между расами, народами, политическими партіями и вообще между всякими группами, соединенными во имя одного какого-нибудь общаго принципа. То же повторяется и при индивидуальной борьбѣ. Здѣсь мы также встрѣчаемъ активную, мускульную борьбу, затѣмъ—конкуренцію въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и, наконецъ, соматическую борьбу. Борьба возникаетъ между болѣе или менѣе однородными лицами, что, конечно, значительно вліяетъ на самый ходъ ея. Силы, участвующія въ борьбѣ, большею частью, если не всегда, неравны, и потому ведутъ не къ равновѣсію, а къ перевѣсу одной стороны надъ другой. Правило это, приложимое вообще къ органическому міру, въ сильнѣйшей степени примѣнимо и къ человѣчеству. Обыкновенно, чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ болѣе онъ представляетъ индивидуальныхъ особенностей. Уже одного этого вывода достаточно для того, чтобы указать на то, какія отличія между людьми должны быть значительнѣе, чѣмъ между другими животными. Многочисленныя измѣренія людей различныхъ расъ показали, что индивидуальныя отличія вообще сильнѣе у высшихъ расъ, нежели у низшихъ, у мужчинъ сильнѣе, нежели у женщинъ, у взрослыхъ сильнѣе, чѣмъ у дѣтей. Индивидуальныя отклоненія замѣчаются притомъ не только на наружныхъ признакахъ человѣка, но также и на внутреннихъ органахъ его. Проф. Зерновъ изслѣдовалъ съ этою цѣлью сто мозговъ, принадлежавшихъ преимущественно взрослымъ мужчинамъ, уроженцамъ средней Россіи, и пришелъ къ заключенію, что рисунокъ бороздъ и у взрослаго человѣка подверженъ множеству индивидуальныхъ измѣненій. Уклоненія эти настолько значительны, что другой ученый, Вейсбахъ, принялъ ихъ за выраженіе племенныхъ отличій. Признаки, болѣе скрытые въ глубинѣ организма, подвержены еще бо́льшимъ колебаніямъ. Гальтонъ замѣтилъ (и я могу подтвердить справедливость этого наблюденія), что близнецы, сходные по виду до неузнаваемости, легко могутъ быть отличаемы по почерку. Сіамскіе близнецы, несмотря на свое наружное сходство и неразрывную связь, представляли тѣмъ не менѣе весьма рѣзкія отличія характера. Отличія между большими человѣческими группами, народами и расами настолько крупны и очевидны, что я даже считаю лишнимъ распространяться здѣсь объ этомъ. Вліяніе культуры на усиленіе индивидуальныхъ отличій человѣка такъ же несомнѣнно, какъ и въ мірѣ домашнихъ животныхъ. Вліяніе это, по крайней мѣрѣ отчасти, зависитъ отъ той же причины, которая была приведена выше для объясненія сравнительной однородности

дикихъ животныхъ. Цивилизованные народы употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы охранять людей отъ тѣхъ вліяній, которыя бы непремѣнно погубили ихъ при условіяхъ первобытной жизни. Огромная смертность дѣтей первобытныхъ народовъ представляетъ намъ, быть можетъ, самый крупный примѣръ борьбы за существованіе въ человѣческомъ родѣ и является актомъ отбора слабѣйшихъ недѣлимыхъ. «Есть основаніе думать,—говоритъ Дарвинъ,—что оспопрививаніе сохранило тысячи людей, которыя бы преждевременно умерли отъ оспы вслѣдствіе слабости сложенія». То же самое и по отношенію ко многимъ другимъ болѣзнямъ и болѣзненнымъ расположеніямъ. Цивилизованныя государства не только охраняютъ жизнь своихъ слабѣйшихъ членовъ, но даже даютъ имъ возможность нерѣдко вступать въ бракъ и производить потомство; слѣдовательно, допускаютъ передачу по наслѣдству и фиксированіе особенностей своей слабой организаціи. Съ цѣлью иллюстрировать это, я приведу хотя и исключительный, но зато весьма характерный случай. Въ Баваріи существуетъ деревня Биллингсгаузенъ, населеніе которой, состоящее изъ 356 душъ, пользуется значительнымъ матеріальнымъ довольствомъ; но такъ какъ оно исповѣдуетъ исключительно протестантскую вѣру среди большого католическаго населенія, то всѣ жители деревни въ большей или меньшей степени породнились. Половина изъ нихъ страдаетъ каталепсіей, болѣзнью, передающейся по наслѣдству, все же населеніе Биллингсгаузена, т.-е. со включеніемъ и некаталептиковъ «хило, слабо и малорослo» [1]). Извѣстны даже случаи браковъ между глухонѣмыми [2]) и слабоумными. По вюртембергскому уложенію 1687 года, если желающій вступить въ бракъ достаточно развитъ, чтобы понимать, «что такое супружеское состояніе», то ему не можетъ быть отказано въ вѣнчаніи. Въ то время какъ нестѣсненная борьба за существованіе при первобытныхъ условіяхъ даетъ полный просторъ естественному подбору уничтожать слабыхъ конкурентовъ и тѣмъ выравниваетъ остающихся членовъ, цивилизація, поставившая своимъ идеаломъ сохраненіе возможно большаго числа людей, несмотря ни на какіе ихъ недостатки, наоборотъ, вліяетъ въ противоположномъ направленіи и тѣмъ самымъ обусловливаетъ накопленіе все большаго числа индивидуальныхъ отклоненій, т.-е., вообще говоря, усиливаетъ неравенство. Предыдущія замѣчанія могутъ, мнѣ кажется, послужить къ уясненію очень важнаго во-

---

[1]) См. ст. *Фика* въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1872, т. XVIII, стр. 275.

[2]) По Майру, на сто глухонѣмыхъ приходится четыре женатыхъ.

проса «объ естественномъ неравенствѣ», занявшаго столь важную роль въ экономической наукѣ и потому выдвинутаго на самое видное мѣсто въ извѣстномъ спорѣ между Трейчке и Шмоллеромъ. Въ то время какъ первый пытается свести всѣ явленія общественнаго неравенства къ основному естественному различію между людьми, Шмоллеръ старается всячески умалить значеніе послѣдняго и взвалить большую часть вины на культурныя вліянія: «Вы говорите, — обращается онъ къ Трейчке, — исключительно о неравенствѣ, данномъ природою. Вы полагаете, что всякій, кто не хочетъ насиловать исторію, долженъ начать съ признанія, что природа дѣлаетъ всѣ существа неравными». «Это то же самое ученіе, — продолжаетъ онъ, — которое отрицаетъ единство человѣческаго рода». «Но вообще мы можемъ сказать, что религіозное и философское движеніе, продолжающееся пѣлыя тысячелѣтія, сдѣлало это ученіе невозможнымъ, и что новѣйшее направленіе научной этнографіи, опирающейся на теорію Дарвина о медленномъ и постепенномъ преобразованіи отдѣльныхъ племенъ, возвратилось къ ученію о единствѣ человѣческаго рода и во всякомъ случаѣ не сомнѣвается въ единствѣ и равенствѣ человѣческаго вида относительно мыслительной способности» (Grundfragen, стр. 21). Здѣсь Шмоллеромъ смѣшаны двѣ совершенно различныя вещи, что и ведетъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Первое положеніе, которое онъ вкладываетъ въ уста Трейчке, т.-е. фактъ, «что природа дѣлаетъ всѣ существа неравными», не только не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ воззрѣніями Дарвина на единство человѣческаго рода, но, наоборотъ, составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней всего дарвинизма, сущность котораго состоитъ въ «переживаніи наиболѣе приспособленныхъ особей въ борьбѣ за существованіе», гдѣ уже само собою подразумѣвается, что всѣ особи естественно неравны, и что однѣ изъ нихъ болѣе, а другія менѣе приспособлены къ даннымъ условіямъ. Единство же человѣческаго рода есть теорія, по которой всѣ человѣческія расы произошли отъ одного общаго корня, хотя сами эти расы и разошлись, т.-е. сдѣлались различными во многихъ отношеніяхъ. Итакъ, естественное неравенство между отдѣльными особями, племенами и расами есть общій принципъ въ организованномъ мірѣ. Это неравенство можетъ, разумѣется, подвергаться различнымъ вліяніямъ, и потому колебаться въ ту или другую сторону. Мы уже видѣли, какъ можетъ культура усиливать природныя отличія и вообще обусловливать большую разнородность членовъ даннаго общества, но все же въ основѣ этого лежитъ первобытное, хотя и меньшее неравенство. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что увеличеніе природнаго неравенства

можетъ являться въ результатѣ прямо противоположныхъ стремленій. Чѣмъ больше цивилизація заботится о предоставленіи всѣмъ безъ различія индивидуумамъ, включая сюда и умственно-неспособныхъ, калѣкъ, хронически больныхъ и проч., одинаковыхъ правъ къ пользованію жизнью и ея благами, тѣмъ сильнѣе вліяетъ она на фиксированіе природныхъ, передаваемыхъ путемъ наслѣдственности, различій. Съ другой стороны, цивилизація вліяетъ также и на усиленіе чисто культурнаго неравенства, идущаго часто въ разрѣзъ съ природнымъ, вліяетъ путемъ предоставленія различныхъ правъ и привилегій, дающихъ возможность лицамъ, отъ природы слабѣйшимъ, одерживать побѣду надъ недѣлимыми, болѣе одаренными. Эти различные моменты неравенства (во-первыхъ, первобытное естественное неравенство, во-вторыхъ, усиленное культурой природное и, наконецъ, обусловленное культурой въ разрѣзъ съ природнымъ неравенство) спорящими сторонами нерѣдко смѣшиваются другъ съ другомъ и потому ведутъ къ невозможности соглашенія. Мнѣ придется еще вернуться къ этому предмету, теперь же я затронулъ его только съ цѣлью показать, что естественное неравенство между индивидуумами и группами ихъ вообще присуще человѣческому роду и что поэтому при соперничествѣ какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ перевѣсъ долженъ быть на какой-нибудь одной сторонѣ и что въ результатѣ должны (по общему правилу) быть побѣдители и побѣжденные. Теперь, естественно, возникаетъ вопросъ, нельзя ли найти какихъ-нибудь общихъ признаковъ, по которымъ бы можно было отличать побѣдителей отъ побѣжденныхъ и, на основаніи ихъ, предсказывать результатъ борьбы? Натуралисты, писавшіе объ этомъ, высказываются вообще очень ясно и опредѣленно на этотъ счетъ, хотя они большею частью рѣшаютъ вопросъ въ его цѣлости, не расчленяя предварительно на болѣе частныя положенія. Вотъ, напримѣръ, выводъ, къ которому пришелъ извѣстный нѣмецкій физіологъ Прейеръ: «Дурное,—говоритъ онъ,—то-есть менѣе способное къ жизни, погибаетъ, тогда какъ лучшее, болѣе способное, то-есть болѣе совершенное,—побѣждаетъ и переживаетъ» (33). По отношенію къ человѣку это положеніе примѣняется и развивается имъ слѣдующимъ образомъ: «чѣмъ глубже мы станемъ проникать въ послѣдствія соперничества между людьми, тѣмъ болѣе благодатными они намъ представятся». «Въ борьбѣ за существованіе въ концѣ-концовъ добро и все болѣе совершенное одерживаетъ побѣду надъ худшимъ и менѣе совершеннымъ, такъ что она постоянно переходитъ въ борьбу за болѣе прекрасное и благородное существованіе и постепенно все болѣе приближаетъ насъ къ совершенству, хотя при существующемъ по-

рядкѣ природы мы и не можемъ его вполнѣ достигнуть. Но уже и то имѣетъ не малое значеніе, если это совершенствованіе показываетъ намъ, что, поощряя дурное, мы сами вредимъ себѣ, что безнравственное въ то же время и глупо и что, въ сущности, только нравственные поступки доставляютъ удовольствіе. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что оружія, которыми мы ведемъ борьбу за наше существованіе, суть не что иное, какъ поступки хорошей нравственности, человѣколюбія и права» (38). Увлекаясь подобнаго рода картинами, Прейеръ восклицаетъ: «развѣ эта мысль объ естественномъ прогрессѣ, о никогда непрекращающемся улучшеніи, облагороженіи и совершенствованіи не представляетъ намъ нѣчто несравненно болѣе драгоцѣнное, чѣмъ слѣпое удивленіе передъ гармоніей природы, которой въ дѣйствительности вовсе не существуетъ? Развѣ другая гармонія, равновѣсіе враждебныхъ силъ природы, непреложность законовъ природы, побѣда лучшаго надъ худшимъ, не безконечно возвышеннѣе, чѣмъ погоня за цѣлями, тамъ, гдѣ никакихъ цѣлей не существуетъ, гдѣ мы принуждены искусственно придумывать ихъ, тамъ, гдѣ, напротивъ, все совершается въ силу причины и слѣдствія?» (31). Замѣняя, такимъ образомъ, одинъ идеализмъ посредствомъ другого, Прейеръ не остается безъ единомышленниковъ и послѣдователей. Другой нѣмецкій натуралистъ, извѣстный какъ анатомъ и антропологъ, Эккеръ, произнесъ зимою 1871 года, т.-е. во время франко-прусской войны, рѣчь, въ которой онъ проводитъ, въ сущности, тѣ же идеи, какъ и его предшественникъ, но только, если возможно, въ еще болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ. «Подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ въ торговой и промышленной конкуренціи истинное превосходство матеріала и ума всегда одерживаетъ побѣду, такъ точно и на болѣе возвышенномъ поприщѣ, каковы бы ни были отдѣльныя исключенія, добро побѣждаетъ зло, истина пробивается наружу, и право остается правымъ. И если законы природы неизмѣнны, то и въ человѣчествѣ существуетъ естественный подборъ, т.-е. накопленіе благихъ качествъ, пріобрѣтенныхъ въ борьбѣ за существованіе» [1]). Выводъ этотъ Эккеръ примѣняетъ, въ частности, и къ борьбѣ расъ и народовъ. Къ числу подобныхъ же идеалистовъ-естествоиспытателей долженъ быть отнесенъ у насъ проф. А. Бекетовъ, развившій впервые свой взглядъ на публичныхъ лекціяхъ (см. Вѣстн. Европы, 1873, октябрь, особенно главу III), такъ же какъ и его предшественники, Прейеръ и Эккеръ. Но не между одними нату-

[1]) Рѣчь Эккера напечатана во французскомъ переводѣ въ Revue scientifique, 1872, см. стр. 817.

ралистами, т.-е. учеными, стоящими далеко отъ человѣческихъ дѣлъ и судящими о нихъ большею частью a priori, а и среди представителей науки о человѣческой жизни встрѣчаются не менѣе оптимистическія воззрѣнія. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напримѣръ, Шеффле, одинъ изъ видныхъ современныхъ экономистовъ. Пытаясь вывести основы нравственности и права изъ законовъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, онъ выдвигаетъ слѣдующіе афоризмы: «наиболѣе нравственныя общества суть въ то же время и сильнѣйшія». «Игра естественнаго подбора является не только орудіемъ общественнаго совершенствованія, но также и судомъ, единственной эмпирически-познаваемой долею нравственнаго строя природы, который возвышаетъ болѣе совершенное и уничтожаетъ болѣе низкое» [1]) и т. д. Легко понять, какъ, идя апріористическимъ путемъ, можно придти къ подобнымъ выводамъ; но для знакомства съ предметомъ необходима и индуктивная повѣрка. «Многіе писатели,—сказалъ Макіавели,—изображали государства и республики такими, какими имъ никогда не удавалось встрѣчать ихъ въ дѣйствительности. Къ чему же служили такія изображенія? Между тѣмъ, какъ живутъ люди, и тѣмъ, какъ должны они жить—разстояніе необъятное». Попробуемъ, въ самомъ дѣлѣ, обратиться прежде всего къ дѣйствительности и почерпнуть изъ нея свѣдѣнія для рѣшенія вопросовъ о ходѣ борьбы за существованіе между людьми.

III.

Основныя положенія о конкуренціи въ человѣчествѣ.—Слабая роль нравственнаго момента въ конкуренціи, вслѣдствіе недостаточной опредѣленности нравственнаго мѣрила.—Поясненіе этого на примѣрѣ этической школы экономистовъ.

Конкуренція между людьми есть неизбѣжное слѣдствіе несоотвѣтствія между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію. Чѣмъ больше это несоотвѣтствіе, чѣмъ многочисленнѣе потребности и чѣмъ большее число людей чувствуетъ ихъ, тѣмъ конкуренція должна быть сильнѣе. Культура, при помощи своихъ удивительныхъ открытій, доставляетъ постоянно все новыя и новыя средства къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, но въ

---

1) См. статью Шеффле о правѣ и нравственности съ точки зрѣнія соціологическаго расширенія теоріи подбора въ Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1878, тетрадь I, стр. 46 и другую статью того же автора въ томъ же обозрѣніи за 1877 г., тетр. IV, особенно стр. 533.

то же время, значительно поднимая степень развитія, она въ еще сильнѣйшей степени увеличиваетъ число и силу самыхъ потребностей. Отсюда возникаетъ усиленное столкновеніе интересовъ и усиленная борьба за несравненно болѣе требовательное существованіе. Съ этой точки зрѣнія легко понять, что явленіе всеобщей конкуренціи между членами обширнаго культурнаго общества представляется фактомъ, въ высшей степени крупнымъ и существеннымъ и до извѣстной степени сходнымъ съ неизбѣжными естественными явленіями (Naturgemässigkeit der Concurrenz, по мнѣнію многихъ экономистовъ). Мнѣніе, будто конкуренція не заложена такъ глубоко въ человѣчествѣ и составляетъ нѣчто, легко устранимое, чрезвычайно шатко. «Извѣстно,—говоритъ Адольфъ Вагнеръ [1]),—что современная система свободной конкуренціи составляетъ продуктъ новѣйшей исторіи, и вовсе не видно, почему она въ настоящей формѣ должна представлять окончательный результатъ историческаго развитія. Какъ сложившаяся исторически, въ зависимости отъ категорій пространства и времени, она, напротивъ, имѣетъ значеніе только до извѣстной фазы развитія и составляетъ нѣчто необходимо преходящее». Мнѣнію этому никоимъ образомъ не слѣдуетъ придавать значеніе возраженія противъ понятія о неизбѣжности конкуренціи, и оно можетъ быть раздѣляемо развѣ только по отношенію къ частностямъ «современной системы свободной конкуренціи». Но и по мнѣнію самыхъ горячихъ приверженцевъ этой системы, послѣдняя не составляетъ нѣчто уже сложившееся, а только идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться. «Въ вполнѣ организованной системѣ мірового хозяйства,—говоритъ Эмминсгаусъ,—сила конкуренціи была бы непреодолима, постоянна и дѣйствія ея могли бы быть точно опредѣляемы, подобно дѣйствіямъ закона природы». Насколько силенъ принципъ конкуренціи въ человѣчествѣ, можно видѣть отчасти изъ сказаннаго въ началѣ этой главы, отчасти же изъ дальнѣйшаго изложенія. Конкуренція въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ мірѣ всякихъ другихъ общественныхъ животныхъ, есть явленіе чрезвычайно сложное. Всякое общество слагается изъ разнородныхъ элементовъ, которые приходятъ между собою въ столкновеніе, но, кромѣ того, мы видимъ и соперничество однородныхъ членовъ каждой группы. При торговой конкуренціи, напримѣръ, «совершается, во-первыхъ, борьба покупателей съ продавцами: первые хотятъ пріобрѣсти требуемое за возможно низшую плату, вторые же стремятся получить елико возможно большую цѣну. Во-вторыхъ, покупатели борются съ покупателями

[1]) Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre, 1876, т. I, стр. 186.

и, наконецъ, продавцы съ продавцами. Во всякой такой борьбѣ побѣду одерживаетъ сильнѣйшая сторона» (Эмминсгаусъ). Изъ всѣхъ категорій борьбы важнѣйшую, какъ и всегда, представляетъ конкуренція между наиболѣе однородными членами. Ее-то мы, главнымъ образомъ, и будемъ имѣть въ виду. Конкуренція заставляетъ напрягать всѣ силы и потому въ значительной степени содѣйствуетъ увеличенію человѣческой дѣятельности. Это положеніе можетъ быть принято, какъ общеизвѣстное, такъ какъ оно подтверждается ежедневнымъ наблюденіемъ. Ослабленіе конкуренціи ведетъ за собою обыкновенно и ослабленіе энергіи. «Но,—какъ замѣчаетъ Рошеръ,—свободная конкуренція освобождаетъ всѣ силы, какъ добрыя, такъ и злыя». Поэтому она содѣйствуетъ увеличенію не только знанія, предпріимчивости, трудолюбія, общительности и проч., но также и изощряетъ хитрость, обманъ и другія стороны умственной природы человѣка, признаваемыя обыкновенно безнравственными. Въ то время какъ активная борьба вліяетъ на увеличеніе различныхъ сторонъ физической силы, т.-е. силу мускуловъ, гибкость членовъ и ловкость движеній, такъ мирная конкуренція содѣйствуетъ, главнымъ образомъ, развитію всѣхъ сторонъ умственной дѣятельности. Двойственное вліяніе конкуренціи особенно замѣтно въ современномъ европейскомъ мірѣ, въ которомъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ мотивовъ, чрезвычайно сильна борьба за существованіе. Съ одной стороны, значительное повышеніе ума, знанія и трудолюбія, съ другой же—пренебреженіе кодексомъ нравственныхъ правилъ. Сами приверженцы полной свободы конкуренціи признаютъ, что «широкая совѣсть помогаетъ одерживать побѣду въ конкуренціи. Слишкомъ же большая щепетильность оказывается вредной въ торговомъ дѣлѣ» (Эмминсгаусъ). Гербертъ Спенсеръ въ довольно большой статьѣ «Торговая нравственность» (Опыты, т. II) приводитъ достаточно данныхъ, чтобы судить о вліяніи торговой конкуренціи на нравственность и, что еще важнѣе, показываетъ намъ процессъ, которымъ люди, сами по себѣ не лишенные признаваемыхъ за нравственныя побужденій, бываютъ приведены въ необходимость совершать поступки, считающіеся безусловно безнравственными. Гербертъ Спенсеръ сообщаетъ цѣлый рядъ ухищреній, пускаемыхъ въ ходъ торговцами для достиженія своихъ цѣлей, ухищреній, доходящихъ до рафинированнаго симулированія добросовѣстности и честности. «Еще болѣе утонченную продѣлку объяснилъ намъ,—говоритъ Г. Спенсеръ,—человѣкъ, который самъ прибѣгалъ къ ней, когда служилъ въ оптовой торговлѣ, и до того наловчился, что его часто призывали на подмогу, когда покупатели колебались, несмотря на всѣ старанія

другихъ приказчиковъ. Продѣлка состояла въ томъ, чтобы казаться до крайности простоватымъ и честнымъ; при первыхъ покупкахъ онъ доказывалъ свою честность, обращая вниманіе покупателя на недостатки продаваемаго имъ товара, а затѣмъ, заручившись довѣріемъ, спускалъ дурной товаръ за высокія цѣны» (стр. 48). Разнообразныя продѣлки, болѣе или менѣе хитрыя и по общепринятому кодексу безнравственныя, до того распространились въ коммерческомъ мірѣ, что имъ поневолѣ должны подчиняться лица, прикосновенныя къ торговому дѣлу. «Чѣмъ большее число лицъ поддалось соблазну,—говоритъ далѣе Спенсеръ,—чѣмъ шире распространилась продѣлка, тѣмъ труднѣе бываетъ устоять остальнымъ. Натискъ конкуренціи становится все чувствительнѣе и чувствительнѣе. Добросовѣстнымъ людямъ приходится вести войну неравнымъ оружіемъ: они лишены одной изъ отраслей барыша, которой обладаютъ ихъ противники, и невольно должны идти по слѣдамъ остальныхъ» (56). Въ высшей степени важно слѣдующее мѣсто изъ той же статьи: «намъ извѣстна исторія одного торговца суконами, который хотѣлъ во что бы то ни стало дать совѣстливости право голоса въ своей лавкѣ и отказался отъ всѣхъ обмановъ, принятыхъ въ его отрасли»... «То, что конкуренты его сбывали помощью лжи, оставалось у него непроданнымъ, и дѣло стало столь невыгоднымъ, что онъ два раза обанкротился. Человѣкъ, передавшій намъ обстоятельства этого дѣла, увѣрялъ насъ, что торговецъ этотъ нанесъ гораздо больше вреда ближнимъ черезъ свое банкротство, нежели бы могъ нанести обычными торговыми обманами. Вотъ до какой степени усложняется вопросъ, и какъ трудно опредѣлить преступность купца въ подобныхъ случаяхъ. Ему почти всегда приходится бороться съ двумя крайностями. Если онъ ведетъ свое дѣло съ строгой честностью, продаетъ только цѣльный товаръ, отпускаетъ только полныя мѣры, то конкуренты, надувая публику, имѣютъ возможность продавать дешевле: лавка его пустуетъ, а книги весьма скоро показываютъ, что онъ будетъ не въ состояніи выполнить свои обязательства и содержать свою семью. Что же ему дѣлать?» «...слѣдовать примѣру конкурентовъ и пускать въ ходъ надувательства... что кажется болѣе основательнымъ не только ему, но и другимъ людямъ. Зачѣмъ же онъ станетъ разорять и себя и семейство свое въ попыткахъ вести дѣло иначе, нежели ведутъ его другіе? И онъ рѣшается дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ другіе». Нечего и говорить, что экономисты современной этической школы раздѣляютъ вполнѣ эти взгляды о вліяніи конкуренціи на нравственность. «При свободной конкуренціи,—говоритъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей этой школы,

Адольфъ Вагнеръ,—побѣждаютъ не только болѣе способные, но слишкомъ часто и болѣе безсовѣстные элементы, неограниченно эксплоатирующіе выгодныя для нихъ экономическія условія». «Но и лучшіе элементы частью соблазняются успѣхомъ другихъ, частью же непосредственно вынуждаются конкуренціей поступать столь же безсовѣстно. Такимъ образомъ, почти неизбѣжно ухудшается общее мѣрило промышленной и торговой нравственности» (l. c., 202). Шмоллеръ, другой представитель той же школы, говоритъ: «никто изъ имѣвшихъ случай ближе ознакомиться съ болѣе благородными изъ круга предпринимателей, не станетъ отрицать того, что они сами внѣ себя отъ всего, что имъ приходится видѣть и что они сами должны продѣлывать въ силу конкуренціи» (Grundfragen, 135). Таково общее мнѣніе знающихъ дѣло и въ то же время научно-развитыхъ людей. Нельзя и ожидать, разумѣется, чтобы эта сторона конкуренціи могла быть подвергнута точной, статистической разработкѣ, но во всѣхъ случаяхъ, когда такъ или иначе приподнимается завѣса коммерческой дѣятельности, приходится наблюдать поступки, несоотвѣтствующіе принятому въ Европѣ кодексу нравственности. Нѣсколько уголовныхъ процессовъ за послѣдніе годы значительно послужили къ разъясненію этого явленія. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи процессъ крупнаго желѣзнодорожнаго дѣятеля въ Австріи барона Офенгейма,—человѣка, о которомъ бывшій министръ-президентъ высказывалъ на судѣ «величайшую похвалу» и за которымъ другой бывшій министръ не подмѣтилъ «и слѣда какого-либо грязнаго поступка». На судѣ обнаружилось, что разныя безчестныя продѣлки въ высшей степени распространились въ мірѣ предпринимателей, какъ это видно, между прочимъ, и изъ слѣдующаго отрывка изъ письма самого Офенгейма. «Мы желаемъ честно, обходительно и прямодушно провести наше предпріятіе. Если же мы съ ихъ стороны (т.-е. со стороны вліятельныхъ и сильныхъ лицъ) не встрѣтимъ подобнаго же взгляда, то они вынудятъ насъ и съ нашей стороны перейти въ область мошенничества и обмана, и, быть можетъ, ученики превзойдутъ тамошнихъ великихъ учителей». Шмоллеръ довольно мѣтко, хотя и нѣсколько утрированно, охарактеризовалъ побѣдителей въ современной промышленной борьбѣ. «Эти люди—говоритъ онъ,—вѣрятъ только въ деньги и биржу; ихъ единственная добродѣтель есть респектабельность, т.-е. случайные обычаи внѣшней жизни хорошаго общества; успѣхъ предпріятій есть единственное, что они уважаютъ, а матеріальныя наслажденія — единственное, къ чему они стремятся» (157). Этотъ послѣдній признакъ выбранъ не совсѣмъ полно и вѣрно, все же остальное очень близко къ дѣйстви-

тельности. Особенно важны для насъ слѣдующія замѣчанія Герберта Спенсера: «Люди самыхъ разнообразныхъ занятій и положеній, люди по природѣ крайне добросовѣстные, негодующіе на униженіе, которому они вынуждены подчиняться,—всѣ въ одинъ голосъ выражали намъ грустное убѣжденіе, что на промышленномъ поприщѣ нѣтъ возможности сохранить строгую честность. Общее мнѣніе всѣхъ и каждаго изъ нихъ, что высоко честный человѣкъ долженъ тутъ погибнуть». Для жизни въ коммерческомъ мірѣ,—говоритъ онъ далѣе,—необходимо принять его нравственный кодексъ, стоять не выше и не ниже его— быть не болѣе и не менѣе честнымъ, нежели всѣ. Тотъ, кто падаетъ ниже установившагося градуса, изгоняется; тотъ, кто поднимается выше, сбивается на надлежащую высоту или приводится къ разоренію». Другія слова, сказанныя болѣе трехсотъ лѣтъ назадъ, очевидно приложимы и къ нашему времени. «Человѣкъ,—говоритъ Макіавели,—желающій въ наши дни быть во всѣхъ отношеніяхъ чистымъ и честнымъ, долженъ погибнуть въ средѣ громаднаго безчестнаго большинства. Изъ этого слѣдуетъ, что всякій желающій удержаться, можетъ и не быть добродѣтельнымъ, но непремѣнно долженъ пріобрѣсти умѣнье казаться или не казаться такимъ, смотря по обстоятельствамъ».

Если бы наша задача исчерпывалась указаніемъ на противорѣчіе, въ какомъ находятся апріористическіе выводы теоретиковъ ученія о борьбѣ за существованіе съ фактической дѣйствительностью, то можно было бы ограничиться вышеприведенными замѣчаніями. Но такъ какъ для рѣшенія главныхъ, занимающихъ насъ вопросовъ этого недостаточно, то слѣдуетъ постараться проникнуть по возможности глубже въ причины указаннаго результата борьбы между людьми. Почему такъ часто и нерѣдко совершенно неизбѣжно люди въ борьбѣ съ другими людьми прибѣгаютъ къ средствамъ, которыя ими же самими признаются не вполнѣ нравственными? Въ неоднократно цитированной статьѣ Г. Спенсера мы встрѣчаемъ соображеніе, которое значительно поможетъ намъ разрѣшить этотъ вопросъ. «Сочувствіе—говоритъ онъ,—достаточно сильное, чтобы предупредить поступки, немедленно наносящіе вредъ извѣстному лицу, можетъ быть недостаточно сильно, чтобы предупредить поступки, наносящіе отдаленный вредъ лицу неизвѣстному. Оказывается, факты подтверждаютъ въ этомъ случаѣ выводъ, *что нравственныя преграды къ такимъ поступкамъ измѣняются сообразно ясности, какой достигаетъ понятіе о послѣдствіяхъ извѣстнаго зла.* Человѣкъ, который ни за что не согласился бы украсть что-

нибудь изъ кармана другого лица, не задумываясь, поддѣлываетъ различные товары; человѣкъ, которому и во снѣ не приходилось промышлять фальшивой монетой, принимаетъ смѣло участіе въ продѣлкахъ акціонерныхъ банковъ» (69). Чѣмъ сложнѣе данное общество, чѣмъ болѣе перепутаны человѣческія отношенія, тѣмъ и послѣдствія даннаго поступка становятся все болѣе сложными и теряютъ свою первоначальную ясность. Вредъ, причиненный въ одномъ мѣстѣ, можетъ превратиться въ пользу въ другомъ,—и наоборотъ. Убійство одного лица можетъ спасти жизнь десятка другихъ, которыя могли бы пострадать или погибнуть отъ зловредныхъ дѣйствій перваго. Подавленіе одной націи совершается нерѣдко во имя предполагаемой пользы для всего человѣчества, и, наоборотъ, интересы человѣчества, какъ наиболѣе отдаленные и неясные, приносятся нерѣдко въ жертву интересамъ болѣе мелкихъ человѣческихъ группъ. «Сложность условій человѣческой жизни,—говоритъ Дж. С. Милль,—виновата въ томъ, что нельзя постановить такихъ правилъ поведенія, которыя бы не требовали исключеній» (Утилитаріанизмъ, стр. 58). Отсюда, съ одной стороны, вытекаетъ вообще шаткость всякихъ сужденій и, слѣдовательно, неясность представленія о всѣхъ послѣдствіяхъ даннаго поступка, съ другой же стороны, обширное поле для сдѣлокъ съ совѣстью и оправданія своего поведенія. «Нѣтъ ничего обыкновеннѣе,—говоритъ Лекки,—какъ то, что люди, представляющіе образецъ честности въ частной жизни, извиняютъ или даже оправдываютъ самыя возмутительныя проявленія политической нечестности и насилія». «Вслѣдствіе удивительнаго нравственнаго парадокса,—прибавляетъ онъ далѣе,—нерѣдко политическія преступленія связаны съ національными доблестями» (I, 135). Чѣмъ болѣе распространяется общительность и чѣмъ болѣе захватываетъ она все большія и большія группы людей, тѣмъ труднѣе опредѣлить полезность или вредъ поступковъ. Какъ ни трудно (если только возможно) составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе объ «общемъ благѣ» цѣлаго народа или обширнаго разноплеменнаго государства, но еще неизмѣримо труднѣе опредѣлить общее благо цѣлаго человѣчества, настоящаго и будущаго, и на основаніи этого регулировать человѣческіе поступки. Наоборотъ несравненно легче соображаться съ интересами небольшихъ группъ, каковы: семья, или какое-нибудь замкнутое и опредѣленное общество, съ ясными, ограниченными цѣлями, какъ, напримѣръ, монастырское братство. Въ случаяхъ столкновенія между сложными и неопредѣленными интересами большого общества или цѣлаго человѣчества и интересами небольшой, но опредѣленной группы, побѣда должна быть на сторонѣ

послѣдней. Мы уже видѣли это на приведенномъ Г. Спенсеромъ примѣрѣ человѣка, который желаетъ торговать согласно съ правилами строгой честности, но уступаетъ, не желая разорять «и себя и семейство свое». Семейство и всякая другая ограниченная группа, давая обширный просторъ для дѣятельности, исполненной самопожертвованія и другихъ высокихъ нравственныхъ побужденій, тѣмъ болѣе отнимаетъ силы отъ дѣйствія въ пользу общаго блага большихъ группъ. Этимъ и объясняется указанная Лекки непослѣдовательность многихъ людей и различіе ихъ масштаба нравственности при сужденіи о поступкахъ «частной жизни», вращающейся главнымъ образомъ, въ сферѣ семьи, и поступкахъ болѣе широкой, общественной, дѣятельности. Для того, чтобы составить себѣ правильное сужденіе о силѣ семейнаго чувства, по крайней мѣрѣ въ европейскихъ обществахъ, слѣдуетъ припомнить борьбу, которую противъ него долженъ былъ выдержать католицизмъ,—религія съ самыми опредѣленными цѣлями и организаціей, и вообще учрежденіе, отличающееся чрезвычайной силой и живучестью. «Едва ли какая-либо мѣра,—говоритъ Гольцендорфъ,—вызвала въ средѣ самой церкви и со стороны духовенства столь упорное противодѣйствіе, какъ запрещеніе вступленія въ бракъ священникамъ. Во всѣ времена,—прибавляетъ онъ,—насильственное вторженіе закона въ семейную жизнь представлялось одною изъ труднѣйшихъ задачъ». Экономисты прежней школы, очевидно, имѣли въ виду это неравенство условій борьбы между стремленіемъ къ благу семьи и къ общему благу обширной соціальной группы. Отсюда ихъ основное воззрѣніе на личный интересъ (къ которому относится не только эгоистическій интересъ данной личности, но и интересы цѣлой семьи), какъ на главную пружину экономической дѣятельности. Вотъ, напримѣръ, какъ это выражено у Мальтуса: «настоящее наше положеніе требуетъ, чтобы каждый имѣлъ въ виду главнымъ образомъ свои собственныя потребности». По отношенію къ дѣтямъ, которыя имѣютъ несомнѣнное право на заботы и попеченія родителей, очевидно, что привязанность, побуждающая послѣднихъ къ исполненію этой священной обязанности, почти равносильна любви ихъ къ самимъ себѣ. И мы имѣемъ полное право утверждать, что, за исключеніемъ немногихъ рѣдкихъ случаевъ, послѣдній кусокъ будетъ раздѣленъ между ними поровну. Вслѣдствіе этого благодѣтельнаго инстинкта, самые невѣжественные люди трудятся для общей пользы, чего не было бы, если бы главнымъ побужденіемъ ихъ было благотвореніе. «Чтобы благотвореніе было великимъ и непрерывнымъ побужденіемъ для нашихъ поступковъ и чтобы принципъ этотъ былъ неизмѣнной основой

нашего поведенія, для этого *необходимо, чтобы мы были вполнѣ знакомы съ причинами и ихъ слѣдствіями*». «Такое ограниченное существо, какъ человѣкъ, заблудилось бы, если бы руководствовалось исключительно имъ однимъ, и вскорѣ возмутило бы господствующій вокругъ него порядокъ; изобиліе уступило бы мѣсто нуждѣ, а воздѣланныя плодородныя нивы пришли бы въ запустѣніе (Опытъ о законѣ народонаселенія, II, 359). Это положеніе оправдывается многочисленными примѣрами вредныхъ послѣдствій поступковъ, въ основаніи которыхъ лежало самое искреннее желаніе добра. Извѣстно, какъ часто благотворительность, вмѣсто облегченія человѣческихъ страданій, ведетъ къ укорененію пороковъ и зла. Въ виду такого обстоятельства, Бокль пришелъ къ столь парадоксальному, съ перваго взгляда, выводу, что, «ослабляя добродѣтель, вы сдерживаете зло», и построилъ свое извѣстное ученіе о незначительности вліянія нравственности въ дѣлѣ историческаго прогресса. Другіе представители манчестерской школы держатся того же принципа. «Для споспѣшествованія экономическому благу народа вообще,—говоритъ Принсъ Смитъ,—фритрэдеръ видитъ только одинъ возможный путь, именно свободу каждаго отдѣльнаго лица по мѣрѣ силъ способствовать своему благу. Каждый понимаетъ споспѣшествованіе своему благу лучше, чѣмъ другіе, лучше, чѣмъ все другое». Въ этомъ-то и заключается этическая основа прежней школы. Она зиждется именно на положеніи, что «общее благо» само по себѣ есть вещь слишкомъ туманная и неопредѣленная, тогда какъ «частное благо», наоборотъ,—понятно и опредѣленно. Новая нѣмецкая школа экономистовъ, называющая себя «этической» и утверждающая, что «экономическая дѣятельность подчиняется нравственной», возстала противъ этого ученія. Но для того, чтобы вести борьбу по возможности равнымъ оружіемъ, ей было бы необходимо войти въ прямое и обстоятельное изслѣдованіе положеній какъ теоретической, такъ и практической этики, и установить какой-нибудь общій руководящій принципъ. Еще Ланге, котораго можно считать однимъ изъ провозвѣстниковъ этической школы экономистовъ, выставилъ слѣдующее требованіе: «такъ какъ мы достаточно знаемъ дѣйствія эгоизма, а послѣдствій морали, напротивъ, не знаемъ, то мы не получимъ улучшеннаго народнаго хозяйства, прежде чѣмъ не будемъ имѣть началъ научной теоріи нравственности, но этихъ началъ мы имѣть не будемъ безъ большого прогресса въ экономической наукѣ». Успѣхъ послѣдней во всякомъ случаѣ немыслимъ при такой неопредѣленности и шаткости этическихъ основъ, какая встрѣчается у лучшихъ представителей этическихъ экономистовъ. Шмоллеръ, кото-

раго неоднократно цитированное сочиненіе признается «лучшимъ общефилософскимъ основаніемъ молодой этической школы національной экономіи» (А. Вагнеръ, l. c., 3) и котораго воззрѣнія почти цѣликомъ раздѣляются приверженцами этой школы, нигдѣ не ставитъ прямо вопроса о свойствѣ нравственнаго принципа, который бы могъ быть положенъ въ основаніе новой политической экономіи. Только мимоходомъ, полемизируя противъ пяти основныхъ правъ, признаваемыхъ Трейчке, онъ высказываетъ, что «краеугольнымъ камнемъ современной этики вообще можетъ быть признано слѣдующее положеніе Шлейермахера: ни одинъ человѣкъ не долженъ быть только средствомъ для другого; каждый человѣкъ, напротивъ, хотя онъ между прочимъ и исполняетъ роль для другихъ цѣлей, долженъ быть въ то же время признанъ имѣющимъ свою собственную цѣль, признанъ монадой» (l. c., 121). Принципъ этотъ настолько неопредѣленъ, что не годится даже для той цѣли, ради которой его приводитъ Шмоллеръ. Ни Трейчке, ни кто другой и не утверждаетъ, чтобы личность всецѣло поглощалась для какихъ бы то ни было внѣ ея лежащихъ цѣлей. Степень же поглощенія ея вовсе не опредѣляется вышеозначеннымъ изреченіемъ. Поэтому понятно, что Шмоллеръ и не пользовался имъ для установленія своихъ теоретическихъ воззрѣній. При этомъ онъ и вообще не затрогиваетъ глубокихъ слоевъ вопроса. Высшій нравственный принципъ, на который онъ ссылается во время своей аргументаціи, резюмированъ имъ слѣдующимъ образомъ: «суть заключается и всегда будетъ заключаться въ томъ, чтобы мы вообще шли впередъ въ дѣлѣ экономическаго развитія, чтобы мы больше производили, правильнѣе распредѣляли бы производимое, чтобы наше потребленіе увеличивалось какъ въ дѣлѣ удовлетворенія благороднѣйшихъ и высшихъ, такъ равно и низшихъ потребностей, чтобы мы становились болѣе образованными, прилежными, умными и справедливыми людьми» (стр. 51). Здѣсь, что ни слово, то ссылка на ходячія въ обыденной жизни понятія, подлежащія, однакоже, самымъ разнообразнымъ, нерѣдко противорѣчивымъ опредѣленіямъ. Какъ философскій принципъ, это, во всякомъ случаѣ, не годится, именно вслѣдствіе этой неопредѣленности и доступности разнородному толкованію. Верховный этическій принципъ, выставляемый Ланге, отличается во всякомъ случаѣ несравненно большей цѣльностью и опредѣленностью. «Жизнь, разъ произведенная, — говоритъ онъ, — должна быть сохраняема. Это положеніе Ланге считаетъ принципомъ всякаго цивилизованнаго человѣка и потому на немъ онъ думаетъ основать прекращеніе, или, по крайней мѣрѣ, ослабленіе борьбы за существованіе

въ человѣческомъ родѣ. Одно изъ основныхъ положеній этической школы состоитъ въ ограниченіи свободнаго соперничества, и съ этой точки зрѣнія она представляетъ для насъ еще и спеціальный интересъ. Но по отношенію къ этому вопросу, равно какъ и по отношенію къ основнымъ нравственнымъ принципамъ, эта школа не даетъ намъ цѣльнаго и ясно опредѣленнаго взгляда. Главный представитель ея, Шмоллеръ, очевидно признаетъ благотворное дѣйствіе конкуренціи, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при томъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такъ, онъ говоритъ о хорошихъ послѣдствіяхъ ея при соперничествѣ развитыхъ представителей крупной торговли (стр. 81). То же вытекаетъ и изъ слѣдующихъ его словъ: «увеличивающееся неравенство имущества справедливо, поскольку оно обусловлено различіемъ талантовъ; но это различіе объясняетъ скорѣе, почему банкиръ X заработалъ въ послѣдніе годы только одинъ, а банкиръ V двадцать милліоновъ, или почему рабочій A сдѣлался подмастерьемъ съ шестьюстами ежегоднаго содержанія, а рабочій B остался носильщикомъ съ двумя-тремястами таллеровъ» (109). Тутъ, слѣдовательно, признается справедливость побѣды одного соперника надъ другимъ. То же заключается и въ слѣдующихъ его словахъ: «я всегда готовъ стоять за преимущества образованія, но не за привилегію кошелька или рожденія». Да и самая теорія «справедливаго распредѣленія» (vertheilende Gerechtigkeit), т.-е. вознагражденія по заслугамъ, обязываетъ давать сильнѣйшему конкуренту болѣе, чѣмъ слабѣйшему. «Чѣмъ болѣе увѣренъ человѣкъ, — говоритъ Шмоллеръ,—что добродѣтель вознаграждается на этомъ свѣтѣ, что прилежаніе, бо́льшая дѣятельность и бо́льшее напряженіе пропадутъ не даромъ, тѣмъ болѣе напрягаются всѣ струны энергіи». Сводя все это, слѣдуетъ придти къ заключенію, что Шмоллеръ признаетъ пользу конкуренціи, поскольку она состоитъ въ соперничествѣ личныхъ и притомъ признаваемыхъ нравственными качествъ, но возстаетъ противъ нея, когда пускаются въ ходъ безнравственныя силы, т.-е. хитрость, обманъ и пр., или же преимущества, даваемыя рожденіемъ и состояніемъ. Правда, онъ нигдѣ не высказываетъ категорически этого воззрѣнія и нерѣдко впадаетъ съ нимъ въ противорѣчія. Такъ, напримѣръ, онъ возстаетъ противъ свободы конкуренціи «во всѣхъ областяхъ, гдѣ богатый конкурируетъ съ бѣднымъ, лицо могущее ждать, съ другимъ, которому необходимо торопиться, умный съ глупымъ, сильный съ слабымъ» (81). Первые два случая еще могутъ находиться въ согласіи съ резюмированной выше теоріей, но какъ согласить признаніе преимуществъ таланта и вознагражденіе по личнымъ заслугамъ съ этимъ возставаніемъ противъ побѣды умнаго надъ глупымъ и сильнаго надъ

слабымъ? Какъ согласить, далѣе, теорію справедливаго распредѣленія и конкуренціи, основанной на признаніи преимущества таланта и образованія съ признаваемымъ Шмоллеромъ правомъ наслѣдственной собственности? «Я защищаю наслѣдственное право,—говоритъ онъ,—поскольку оно полезно какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи» (65). Отсутствіе ясно формулированнаго взгляда и противорѣчивость основныхъ положеній Шмоллера дѣлаютъ невозможнымъ признать его замѣчанія о конкуренціи вкладомъ въ положительное знаніе. Постоянныя же ссылки его на нравственныя начала («добродѣтель должна рѣшать») вопросы о распредѣленіи, участіе вознагражденной добродѣтели въ напряженіи экономической дѣятельности, признаніе наслѣдственнаго права, поскольку оно полезно въ нравственномъ отношеніи, и т. д. и подведеніе къ нимъ основныхъ положеній экономической науки оставляютъ читателя тѣмъ менѣе удовлетвореннымъ, что онъ тщетно сталъ бы искать у Шмоллера точной постановки и развитія этическихъ принциповъ. Взглядъ, отчасти сходный съ тѣмъ, который былъ извлеченъ нами изъ различныхъ цитатъ Шмоллера, но только отличающійся несравненно большей цѣльностью, опредѣленностью и послѣдовательностью, былъ высказанъ еще за десять лѣтъ до появленія его «Grundfragen» извѣстнымъ популяризаторомъ и общественнымъ дѣятелемъ — Бюхнеромъ. Онъ считаетъ немыслимымъ уничтоженіе борьбы за существованіе и потому задается только вопросомъ объ уравненіи средствъ этой борьбы. «Пусть отыщутъ формулу, — говоритъ онъ,—которая бы уничтожила, или, по крайней мѣрѣ, уменьшила до извѣстной степени неравенство соціальной борьбы за существованіе, и общественный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочій вопросы будутъ вполнѣ или, по крайней мѣрѣ, приблизительно рѣшены». «Такая формула найдена,—продолжаетъ онъ,—мы не имѣемъ никакого основанія ее скрывать, такъ какъ она заключаетъ средство удобопримѣнимое, не нарушающее непосредственно ничьихъ личныхъ интересовъ, не противорѣчащее прямо нынѣ существующимъ условіямъ, къ тому же средство, которое при постепенномъ усиленіи становится все болѣе дѣйствительнымъ, которое значительно облегчаетъ неимущихъ, не вредя непосредственно имущимъ, поэтому, средство, по возможности сглаживающее общественныя неравенства и притомъ не только не притупляющее, но, напротивъ, усиливающее стимулъ къ конкуренціи, ведущій ко всему великому. Средство это состоитъ въ реформѣ или медленномъ, постепенно увеличивающемся, преобразованіи наслѣдственнаго права въ пользу общую» [1]). Сущность этого воззрѣнія, по-

[1]) См. цитаты у Ланге „Mills Ansichten“ стр. 105, 106. Статья Бюхнера напечатана въ „Deutsches Wochenblatt“ и въ подлинникѣ мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстна.

скольку оно касается нашего вопроса, совершенно ясна: Бюхнеръ стоитъ за соперничество, основанное на природномъ неравенствѣ, и, наоборотъ, возстаетъ противъ участія въ борьбѣ за существованіе момента чисто культурнаго неравенства. Несравненно менѣе радикально мнѣніе Мауруса. Подобно Бюхнеру, онъ тоже не считаетъ возможнымъ уничтоженіе борьбы за существованіе. «Въ разрѣзъ съ соціалистическимъ мнѣніемъ о необходимости уничтоженія всякой конкуренціи и устраненія капиталистическаго производства, вообще,—говоритъ онъ,—мы вмѣстѣ съ буржуазною экономіею считаемъ конкуренцію экономическою необходимостью и думаемъ, что было бы ошибочно лишить общество выгодъ этой экономической силы, прямого продукта раздѣленія труда и человѣческаго эгоизма, и замѣнить ее другою, еще менѣе экономическою организаціею производства». Неравенство условій борьбы Маурусъ, подобно многимъ другимъ экономистамъ, сводитъ въ концѣ-концовъ къ естественному неравенству. «Стремленіе къ установленію матеріальнаго равенства между людьми,—говоритъ онъ,—всегда останется тщетнымъ, потому что оно потерпитъ крушеніе вслѣдствіе различія индивидуальной человѣческой природы. Объ эту скалу разбивались и будутъ разбиваться всѣ попытки даже самыхъ геніальныхъ системъ, основанныхъ на матеріальномъ равенствѣ и общей собственности» (стр. 11). Въ виду неизбѣжности конкуренціи, Маурусъ предлагаетъ только мѣры для устраненія нѣкоторыхъ ея вредныхъ послѣдствій, и съ этою цѣлью проповѣдуетъ вмѣшательство закона, который долженъ опредѣлить заработную плату, подвергнуть устройство фабрикъ государственнымъ ограниченіямъ, руководствуясь при этомъ правомъ и благомъ рабочихъ, и такимъ образомъ оградить ихъ отъ эгоизма капитала» (284) и т. д. Совершенно иначе смотритъ на дѣло Адольфъ Вагнеръ. «Правда,—говоритъ онъ,—что люди уже отъ природы неравны; личное или индивидуальное неравенство, какъ у всѣхъ представителей одного рода или вида, такъ равно и у человѣка, составляетъ законъ природы. Отсюда можно бы было вывести относительно всѣхъ другихъ случаевъ, но именно не относительно человѣка, необходимость и желаніе побѣды недѣлимыхъ, болѣе одаренныхъ отъ природы. Я это утверждаю на томъ основаніи, что у людей, по крайней мѣрѣ отчасти, возможно уравненіе этого природнаго неравенства путемъ воспитанія и культуры и посредствомъ охраненія, которое общество можетъ и должно оказать своимъ слабѣйшимъ членамъ. Естественное неравенство недѣлимыхъ ведетъ къ требованію, чтобы не всѣ элементы безъ разбора были предоставлены конкуренціи и чтобы слабые не были отданы ей въ

жертву. Именно отсюда и должно быть выведено дальнѣйшее ограниченіе свободной конкуренціи, что въ новѣйшее время и проводится все болѣе и болѣе на практикѣ учрежденіями для охраны дѣтей, стариковъ и т. п.» (l. c., 200). Приведенныя воззрѣнія могутъ быть сгруппированы въ двѣ категоріи. Къ первой относятся мнѣнія ученыхъ, признающихъ борьбу за существованіе явленіемъ, чрезвычайно глубоко заложеннымъ въ природѣ человѣка и потому неустранимымъ, и, въ виду этого, стремящихся уничтожить чисто культурное неравенство и заставить конкуренцію войти въ ея естественное русло. Эта точка зрѣнія порицаетъ борьбу, успѣхъ которой зависитъ отъ какой-нибудь культурной привилегіи, напримѣръ, побѣду богатаго дурака надъ бѣднымъ, но умнымъ соперникомъ, и, напротивъ, она признаетъ правильнымъ соперничество между людьми, одинаковыми въ смыслѣ общественнаго положенія и матеріальной обстановки, но различными по степени природныхъ способностей. Въ такомъ видѣ воззрѣніе это можетъ быть соглашено со взглядами нѣкоторыхъ представителей манчестерской школы. Одинъ изъ горячихъ приверженцевъ ея и въ то же время ожесточенный противникъ этической школы, которой онъ предсказываетъ ближайшее крушеніе, Даметъ заявляетъ, «что естественные законы общественной экономіи не оправдываютъ иного неравенства», какъ неравенство личнаго участія. «Развѣ неравенство, какъ принципъ,—говоритъ онъ,—не проявляется всюду въ человѣчествѣ, равно какъ и вообще во всемъ мірѣ? Развѣ естественные законы общественной экономіи могутъ уничтожить это неравенство? Скажете ли вы, что существуетъ антагонизмъ между Рафаэлемъ и обыкновеннымъ живописцемъ, потому что первый создаетъ великія творенія, а второй—только посредственныя картины, и потому что покупатели предпочитаютъ первыя послѣднимъ? Если хотите, это борьба производства, а слѣдовательно, и распредѣленія, борьба между искусными и неискусными, но, по совѣсти, развѣ вы можете вмѣнять ее естественнымъ законамъ общественной экономіи? Дарвинъ также можетъ быть причисленъ къ этой категоріи. Разбирая вопросъ о вліяніи культуры на борьбу за существованіе, онъ указываетъ на усиленное накопленіе богатства и майоратъ, какъ на обстоятельства, отклоняющія во вредную сторону естественный ходъ этого процесса; но онъ не придаетъ особеннаго значенія первому препятствію, такъ какъ число очень богатыхъ людей никогда не бываетъ особенно большимъ и къ тому же нерѣдко они по неумѣнію растрачиваютъ все свое состояніе. Соглашеніе между партіями возможно, слѣдовательно, на признаніи не теперешней формы «свободы конкуренціи», совершающейся на почвѣ приви-

легій и другихъ моментовъ чисто культурнаго неравенства, но такой формы борьбы за существованіе, которая бы наиболѣе приближалась къ условіямъ безпрепятственнаго естественнаго подбора. При этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Бюхнеръ, стимулъ къ борьбѣ не уменьшится, а скорѣе увеличится, и въ сильнѣйшей степени освободятся всѣ личныя силы, какъ добрыя, такъ и злыя». При этомъ также возможно достиженіе той же степени природнаго равенства, которое вообще получается при безпрепятственномъ ходѣ подбора въ живой природѣ, такъ какъ въ борьбѣ, основанной на природномъ неравенствѣ, побѣдителями останутся лица, «наиболѣе приспособленныя къ борьбѣ», а соперники, не представляющіе этого свойства, будутъ побѣждены. Въ результатѣ такого процесса борьбы всѣ воспринимающія участіе въ ней силы, а между ними и «злыя», должны постепенно все болѣе и болѣе развиваться. На совершенно иной почвѣ стоитъ воззрѣніе А. Вагнера. Онъ не хочетъ безпрепятственной борьбы между людьми, различно одаренными отъ природы, онъ возстаетъ противъ закрѣпленія естественнаго неравенства и, слѣдовательно, стоитъ за культурное неравенство, какъ средство для сглаживанія природныхъ различій. Онъ требуетъ, чтобы культура давала слабому отъ природы средство для выдержанія борьбы съ болѣе сильнымъ соперникомъ и потому хочетъ расширенія и теперь уже существующихъ учрежденій съ цѣлью охраненія слабыхъ. Воззрѣніе это непосредственно вытекаетъ изъ формулированнаго Ланге нравственнаго принципа, который Дарвинъ признаетъ «благороднѣйшей частью нашей природы». Ставъ на такую точку зрѣнія, Вагнеръ приводится ею, естественно, къ системѣ благотворительности (caritatives System), которая должна ослаблять зло, происходящее вслѣдствіе природнаго неравенства. Но говоря о примѣненіи этой системы, онъ не можетъ не видѣть многочисленныхъ источниковъ злоупотребленія. Пробѣжавъ нѣкоторые изъ нихъ, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. «Правда,—говоритъ онъ,—что всѣ эти бѣды могутъ быть устранены при правильномъ примѣненіи «каритативной» системы, особенно если строго держаться принципа осторожнаго индивидуализированія при допущеніи къ удовлетворенію потребностей, допускаемыхъ системой. Но съ перваго взгляда понятно, и весь опытъ подтверждаетъ это, что ошибки и въ этомъ отношеніи не всегда могутъ быть устранены и съ теченіемъ времени скорѣе увеличиваются, чѣмъ уменьшаются» и т. д. (l. c., 222). Какъ, собственно, установить «правильное» примѣненіе каритативной системы,—мы у Вагнера не находимъ, равно какъ не находимъ у него и устраненія возраженій, сдѣланныхъ впервые англійскими учеными. Эти возраженія Дарвинъ резюми-

руетъ слѣдующимъ образомъ: «У дикарей слабые тѣломъ и духомъ скоро устраняются, и переживающіе обыкновенно бываютъ одарены крѣпкимъ здоровьемъ. Мы, цивилизованные народы, дѣлаемъ все возможное, чтобы задержать этотъ процессъ уничтоженія: мы строимъ пріюты для слабоумныхъ, калѣкъ и больныхъ, мы издаемъ законы въ пользу бѣдныхъ, и наши врачи употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы продлить жизнь каждаго до послѣдней возможности. Есть основаніе думать, что оспопрививаніе сохранило тысячи людей, которые, при своемъ слабомъ сложеніи, прежде погибли бы отъ оспы. Такимъ образомъ и слабые члены цивилизованнаго общества распространяютъ свой родъ. Ни одинъ человѣкъ, знакомый съ законами разведенія домашнихъ животныхъ, не будетъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это обстоятельство крайне неблагопріятно для человѣческой расы. Насъ поражаетъ, до какой степени быстро недостатокъ ухода или неправильный уходъ ведетъ къ вырожденію домашней породы; и за исключеніемъ случая, касающагося самого человѣка, едва ли найдется столь невѣжественный заводчикъ, чтобы допустить къ размноженію худшихъ животныхъ». «Мы бы не могли,—замѣчаетъ онъ дальше,—сдерживать нашего сочувствія, слѣдуя голосу разсудка, безъ уничтоженія благороднѣйшихъ свойствъ нашей природы... и мы должны безропотно переносить несомнѣнно вредныя послѣдствія переживанія и размноженія слабыхъ». Геккель называетъ это самое охраненіе физически слабѣйшихъ «медицинскимъ подборомъ» и, ударяя на его вредныя послѣдствія, намекаетъ даже на средства къ его устраненію. Самымъ умѣреннымъ изъ возможныхъ средствъ слѣдуетъ считать запрещеніе лицамъ, страдающимъ хроническими болѣзнями, вступать въ бракъ. Такая мѣра во всякомъ случаѣ наименѣе расходится съ современнымъ нравственнымъ строемъ, т.-е. съ желаніемъ во что бы то ни стало сохранить жизнь, хотя бы и сопряженную съ величайшими страданіями. «Но не будетъ ли самымъ ужаснымъ ядомъ, который только можно влить въ больного, вмѣненіе ему безнадежной любви?»—спрашиваетъ докторъ Гартзенъ, горячій защитникъ медицинскаго подбора [1]). Во всякомъ случаѣ очевидно, что, давая полный просторъ нашему сочувствію, т.-е. дѣйствуя наперекоръ естественному подбору, мы тѣмъ самымъ ослабляемъ нашу силу въ борьбѣ за существованіе, подобно тому,

---

[1]) См. его статью объ отношеніи теоріи происхожденія видовъ къ нравственности и политикѣ въ Athenaeum, 1875, стр. 32. О вредномъ вліяніи цивилизаціи на укорененіе предусмотрительности и безпечности см. *I. Спенсера* „Изученіе соціологіи“, II, 556 и слѣд.

какъ мы ослабляемъ ее у животныхъ, охраняемыхъ въ нашемъ домашнемъ хозяйствѣ. Если бы даже и удалось включить проявленіе нашего сочувствія въ извѣстные предѣлы и поставить его въ равновѣсіе съ условіями борьбы въ данную минуту, то при усиленіи борьбы вслѣдствіе ли перенаселенія или какихъ-либо другихъ причинъ, это равновѣсіе легко могло бы быть нарушено. На выборъ представляется два пути. Слѣдуя по одному изъ нихъ, указываемому «благороднѣйшими свойствами нашей природы», мы можемъ не «сдерживать нашего сочувствія» и всѣми силами перечить естественному подбору, но въ такомъ случаѣ «мы должны безропотно переносить несомнѣнно вредныя послѣдствія» такой системы и безъ боязни идти къ пораженію въ борьбѣ за существованіе. «Слѣдуя голосу разсудка», т.-е. избирая другой путь и заставляя подавлять и ограничивать наше сочувствіе, можно быть гораздо болѣе увѣреннымъ въ побѣдѣ, но зато слѣдуетъ мириться съ настоящимъ зломъ, вытекающимъ изъ приниженія благороднѣйшей стороны нашей природы. При этомъ въ большихъ размѣрахъ передъ нами возникаетъ тотъ же вопросъ, который, какъ мы видѣли, неизбѣжно рождается и у каждаго выступающаго на поле промышленной и торговой борьбы: или ограничить требованія высокой нравственности и побѣдить, или же дѣйствовать сообразно съ этими требованіями и остаться побѣжденнымъ. Выходъ изъ этой альтернативы зависитъ уже отъ чисто субъективнаго момента, отъ той сложной смѣси, которая составляетъ сущность характера. Все, сказанное нами до сихъ поръ, служитъ доказательствомъ разлада, существующаго между стремленіемъ къ побѣдѣ въ борьбѣ за существованіе и удовлетвореніемъ широкихъ нравственныхъ стремленій. Осязательность и отчетливость интересовъ отдѣльнаго лица или небольшой тѣсно связанной съ нимъ группы составляютъ главную причину того, что въ практической жизни эти интересы одолѣваютъ всѣ другіе, т.-е. интересы большихъ группъ, благосостояніе которыхъ (т.-е. цѣль высшихъ нравственныхъ стремленій) представляется задачей, въ высшей степени сложной и не поддающейся ни точному научному изслѣдованію, ни рѣшенію непосредственнаго чувства. Вотъ почему всякая теорія, основывающаяся на узкихъ интересахъ лица и семьи, имѣетъ больше шансовъ получить практическое примѣненіе, чѣмъ теорія, создающаяся на этическихъ началахъ, такъ какъ они сами по себѣ еще чрезвычайно непрочно установлены.

IV.

Сложность борьбы за существованіе между человѣческими группами.—Вліяніе соматическихъ причинъ.—Роль интеллектуальнаго и нравственнаго момента.—Отступленіе съ цѣлью показать на примѣрѣ невозможность объективнаго рѣшенія нѣкоторыхъ крупныхъ вопросовъ общественной этики.—Провѣрка полученныхъ выводовъ на отдѣльныхъ примѣрахъ борьбы за существованіе малайскихъ народовъ и въ Америкѣ.—Китайцы, какъ сильнѣйшій народъ въ борьбѣ за существованіе.—Заключеніе.

У человѣка, подобно другимъ общественнымъ животнымъ, соединеніе въ общества оказываетъ значительное вліяніе на процессъ борьбы за существованіе. При извѣстныхъ условіяхъ общественности, конкуренція между отдѣльными недѣлимыми можетъ значительно охладѣвать или вовсе прекращаться, но тогда она вся направляется на соревнованіе между общественными группами. Фактъ, что человѣкъ есть во всякомъ случаѣ общественное существо, что онъ во что бы то ни стало долженъ соединяться въ бо́льшія или меньшія общества, выработалъ въ немъ нѣкоторую уступчивость, способность до извѣстной степени жертвовать своими личными интересами для общей пользы. Въ этомъ нѣтъ ничего, исключительно свойственнаго человѣку, какъ думаетъ Шеффле. У многихъ животныхъ общественность развита въ несравненно большей степени. Не говоря уже о насѣкомыхъ, у которыхъ образовались особые органы для общественныхъ цѣлей и у которыхъ особь нерѣдко приносится въ жертву обществу, существуетъ много низшихъ животныхъ, гдѣ особь цѣликомъ поглощается обществомъ и низводится на степень простого органа. Въ человѣчествѣ же нынѣшняго времени и въ идеалахъ его на будущее особь всегда сохраняетъ свою индивидуальность и только до извѣстной степени подчиняется обществу. Цѣлый рядъ нравственныхъ принциповъ (между прочимъ и выше цитированныя положенія Шлейермахера и Ланге) стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія. Но въ то время, какъ у всѣхъ животныхъ «общественные инстинкты никогда не распространяются на всѣхъ особей даннаго вида» (Дарвинъ), у людей существуетъ по крайней мѣрѣ стремленіе соединить все человѣчество въ одно большое общество. Какое бы направленіе приняла борьба за существованіе въ случаѣ достиженія этой цѣли, мы пока не знаемъ. Я думаю, что мы въ правѣ обойти теперь этотъ вопросъ и воздержаться отъ изложенія соображеній по поводу его, такъ какъ наша главная цѣль заключается въ томъ, чтобы по возможности изучить нѣкоторыя общія стороны совершающейся нынѣ конкуренціи между общественными группами. Что эта конкуренція есть явленіе, чрезвычайно глубоко заложенное, явствуетъ само со-

бою. По отношенію къ производительнымъ обществамъ это высказано Маурусомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Если бы трудъ, по предложенію Лассаля, ассоціаціонно организовался въ опредѣленные круги и при томъ по отдѣльнымъ отраслямъ, то мѣсто конкуренціи отдѣльныхъ фабрикъ заступила бы конкуренція отдѣльныхъ ассоціацій. Развѣ не можетъ случиться, что какая-нибудь ассоціація, вслѣдствіе лучшихъ качествъ или лучшей группировки рабочей силы, или вслѣдствіе другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, будетъ производить дешевле, чѣмъ другія, и, слѣдовательно, будетъ имѣть возможность доставить на рынокъ свои продукты по болѣе низкимъ цѣнамъ? И развѣ та ассоціація, которая ведетъ производство при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, не можетъ въ этомъ случаѣ пострадать, даже погибнуть, оставивъ своимъ членамъ только полнѣйшее разореніе» (О свободѣ, 274). Та же мысль была высказана и на послѣднемъ конгрессѣ въ Гентѣ членами, доказывавшими, что «извѣстныя группы производителей, болѣе благопріятно обставленныя, могутъ вытѣснить остальныя и создать своего рода монополію». При изученіи борьбы за существованіе между человѣческими обществами, намъ, естественно, приходится сосредоточить наше вниманіе на антропологическихъ и этническихъ группахъ, какъ такихъ, о которыхъ наука обладаетъ всего бо́льшими данными. Такимъ образомъ мы переходимъ къ вопросу о соперничествѣ между народами и вытѣсненіи однихъ изъ нихъ другими. Въ своей рѣчи о борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ родѣ Эккеръ распространяетъ свое воззрѣніе и на борьбу между народами. «Какъ бы ни было велико наше сожалѣніе (относительно слабѣйшихъ расъ), — говоритъ онъ, — мы должны тѣмъ не менѣе констатировать законъ природы, примѣняемый съ роковой необходимостью, законъ, по которому раса высшая съ интеллектуальной точки зрѣнія въ борьбѣ за существованіе побѣждаетъ и вытѣсняетъ низшую расу» (l. c., 819). Еще рѣзче высказывается онъ въ заключительныхъ словахъ: «послѣдняя (франко-прусская) война указываетъ намъ, что исторія народовъ также опирается на естественные законы и состоитъ изъ ряда безусловныхъ необходимостей, изъ ряда, *въ которомъ всегда перевѣшиваетъ нравственный и умственный вопросъ*. Такимъ образомъ, нельзя не признать существованія нравственной системы въ судьбѣ народовъ» (822). Я привелъ здѣсь эти двѣ цитаты, такъ какъ они отчетливо и сжато выражаютъ взглядъ, раздѣляемый многими, высказывавшимися о занимающемъ насъ вопросѣ. То же самое заключено и въ слѣдующимъ словахъ Шеффле, новѣйшаго автора по этому вопросу. «Прогрессирующая цивилизація, — говоритъ онъ, — даетъ высшую степень силы какъ для

самосохраненія, такъ и для побѣды въ борьбѣ съ природою и врагами изъ среды самого человѣческаго рода». Дарвинъ, обстоятельно занявшійся вопросомъ о борьбѣ за существованіе расъ и народовъ, пришелъ къ заключенію, что «степень цивилизаціи есть, повидимому, въ высшей степени важный элементъ въ дѣлѣ успѣха конкурирующихъ народовъ». Относительно же самаго содержанія этого элемента онъ высказываетъ слѣдующее: «Какъ ни темна задача прогресса цивилизаціи, тѣмъ не менѣе мы можемъ замѣтить, что нація, произведшая въ теченіе долгаго времени наибольшее число высоко развитыхъ въ умственномъ отношеніи, энергичныхъ, храбрыхъ, патріотическихъ добродѣтельныхъ людей, вообще должна получить преобладаніе надъ менѣе одаренными націями». Еще общѣе онъ формулируетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «Увеличеніе числа хорошо одаренныхъ людей и прогрессъ въ общемъ мѣрилѣ нравственности даютъ, несомнѣнно, безконечное преимущество одному племени передъ другимъ». Отсюда у него вытекаетъ, что «такъ какъ во всѣ времена и на всей землѣ одни племена вытѣсняли другія, и такъ какъ въ дѣлѣ успѣха нравственность играла существенную роль, то мѣрило нравственности всюду имѣетъ стремленіе къ повышенію, и число хорошо одаренныхъ людей должно постепенно увеличиваться». Рядомъ съ такими психическими мотивами Дарвинъ признаетъ и усиленное вліяніе чисто соматическаго момента и потому объясняетъ вымираніе многихъ первобытныхъ народовъ главнымъ образомъ уменьшеніемъ плодовитости и усиленіемъ дѣтскихъ болѣзней, вслѣдствіе измѣненія окружающихъ жизненныхъ условій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія сами по себѣ нисколько не вредны. Гельвальдъ, соглашающійся съ Дарвиномъ относительно роли соматическаго момента, не раздѣляетъ вполнѣ ни его воззрѣній, ни взгляда Эккера (противъ котораго онъ особенно выступаетъ) на участіе умственнаго и нравственнаго элементовъ въ дѣлѣ борьбы. «Вообще,—говоритъ онъ,—высшая раса есть дѣйствительно та, которая выше и въ духовномъ отношеніи, но это не составляетъ неизбѣжнаго правила, какъ думаетъ профессоръ Эккеръ». Въ подтвержденіе этого ограниченія онъ ссылается на фактъ, что индѣйцы Центральной и Южной Америки побѣждаютъ испанскихъ креоловъ; на то, что въ Венгріи нѣмцы легко поглощаются «несомнѣнно низшими мадьярами» и т. д. «Такимъ образомъ,—выводитъ онъ,—въ борьбѣ за существованіе побѣждаетъ не всегда высшая въ духовномъ отношеніи раса, но такая, которая всего лучше приспособлена къ этой борьбѣ, при чемъ дѣло рѣшается иногда чисто физіологическими свойствами». Для того, чтобы, по возможности, рѣшить главные вопросы о борьбѣ за существо-

ваніе человѣческихъ расъ, необходимо строго раздѣлять различные моменты этой борьбы, въ большинствѣ случаевъ представляющейся чрезвычайно сложною. Можно положительно утверждать, что въ побѣдѣ европейцевъ надъ многими первобытными народами весьма важную роль играли и играютъ чисто соматическія явленія. Во многихъ мѣстахъ замѣчено, что европейцы чрезвычайно легко заражаютъ дикарей эпидемическими болѣзнями даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами они не заболѣваютъ. Тутъ, слѣдовательно, европейцы являются невольными переносителями заразы, подобно тому, какъ это въ меньшихъ размѣрахъ замѣчено относительно докторовъ. Въ самыхъ различныхъ странахъ сложилось твердое убѣжденіе, что посѣщеніе иностранныхъ кораблей служитъ источникомъ распространенія болѣзней. Изъ числа эпидемій особенно важную роль играетъ оспа, отнимающая у многихъ нецивилизованныхъ народовъ огромное число людей. Въ Америкѣ отъ нея погибла, по крайней мѣрѣ, половина всего туземнаго населенія. Столь же гибельна она и для народовъ полинезійской и австралійской расъ. На Сандвичевыхъ островахъ въ теченіе одного 1853 года отъ нея умерло отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. На полинезійскій островъ Понапе оспа была завезена однимъ англійскимъ матросомъ и въ короткое время унесла три пятыхъ всего населенія. Извѣстно, какъ ужасно она свирѣпствовала на островахъ Фиджи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вымираніе камчадаловъ въ значительной степени объясняется также ихъ смертностью отъ той же болѣзни.

Появленіе оспенной эпидеміи нерѣдко возбуждаетъ паническій страхъ среди нецивилизованнаго населенія. Такъ, напримѣръ, патагонцы разбѣгаются, бросая больныхъ, передъ которыми они ставятъ воду и пищу, но, несмотря на это, болѣзнь преслѣдуетъ ихъ по пятамъ. То же много разъ было замѣчено и у калмыковъ, оставляющихъ въ большинствѣ случаевъ больныхъ безъ всякаго присмотра. Нѣкоторые приписываютъ именно этой мѣрѣ сильную смертность калмыковъ отъ оспы. Но помимо этой причины есть и другія, быть можетъ, еще сильнѣе вліяющія въ томъ же направленіи. Во время моего пребыванія среди калмыковъ я много разъ слышалъ увѣреніе, что они несравненно сильнѣе подвержены заболѣванію и смертности отъ оспы, чѣмъ русскіе при тѣхъ же условіяхъ. Ни оспопрививаніе, къ которому они нерѣдко прибѣгаютъ, ни уходъ за больными, который обкновенно выполняется лицами, уже перенесшими болѣзнь, не представляютъ серьезной гарантіи. Чтобы составить себѣ понятіе объ интенсивности эпидеміи, скажу фактъ, что въ одномъ мѣстѣ на приволжской окраинѣ степи (Въ Хошоутовомъ улусѣ), въ теченіе одной зимы 1874 года

изъ пятидесяти семействъ въ живыхъ осталось только одно. Нѣкоторыя лица увѣряли меня, что въ одинъ этотъ (1874) годъ вымерло около трети всего калмыцкаго населенія. Цифру эту слѣдуетъ считать преувеличенной относительно цѣлаго населенія калмыцкой степи, но она можетъ быть справедлива относительно окраинъ, гдѣ болѣзнь вслѣдствіе сосѣдства съ русскими, свирѣпствуетъ обыкновенно въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ глубинѣ степи. Есть основаніе думать, что самый организмъ калмыковъ (и другихъ народовъ, въ такой же степени подверженныхъ оспенной заразѣ) болѣе чувствителенъ къ воспринятію оспеннаго яда, такъ какъ у сосѣдей ихъ, киргизовъ, ведущихъ вообще довольно сходный съ ними образъ жизни, но несравненно болѣе приближающихся къ кавказской расѣ, оспа никогда не производитъ такихъ значительныхъ опустошеній. При перемѣнѣ образа жизни, первобытные народы въ высшей степени подвержены бугорчаткѣ. Отъ нея преждевременно умираетъ большинство людей, переходящихъ отъ первобытнаго образа жизни и легко перенимающихъ европейскіе нравы, наприм., у калмыцкихъ князей (нойоновъ), учащихся и проч. Смертность послѣднихъ при этихъ условіяхъ такъ велика, что изъ 164 учениковъ-австралійцевъ, содержащихся въ заведеніи Трелькельда, «одного изъ первыхъ благодѣтелей австралійской расы», черезъ четыре года въ живыхъ осталось только три. Негры, отличающіеся удивительной нечувствительностью къ лихорадочнымъ заразамъ, чрезвычайно легко заболѣваютъ чахоткой. Одинъ негритянскій полкъ изъ 1800 человѣкъ, переведенный съ Антильскихъ острововъ на Гибралтаръ, почти вымеръ отъ этой болѣзни въ теченіе всего пятнадцати мѣсяцевъ. Кромѣ вліянія на смертность, соприкосновеніе первобытныхъ людей съ цивилизованными отражается также, и нерѣдко въ значительной степени, и на плодовитости первыхъ. Съ давнихъ поръ и у самыхъ различныхъ первобытныхъ народовъ была замѣчена сравнительно незначительная плодовитость. Нѣкоторые авторы объясняютъ вымираніе сандвичанъ, маорисовъ, индѣйцевъ и многихъ другихъ «дикарей» именно безплодіемъ ихъ женщинъ. Въ существованіи самаго факта не можетъ быть сомнѣнія; достаточнаго же объясненія для него и до сихъ поръ не найдено. Они видятъ въ немъ просто доказательство предположенія, что «низшія» человѣческія расы вообще наименѣе плодовиты, другіе же объясняютъ его слишкомъ подавленнымъ положеніемъ женщинъ, легкостью ихъ поведенія и т. п. Грасіоле провелъ параллель между безплодіемъ первобытныхъ женщинъ и многихъ животныхъ, содержимыхъ въ неволѣ. Онъ это объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Дикарь, страна котораго за-

нята европейцами, уже болѣе не чувствуетъ себя дома, и хотя и остается на родной ему землѣ, но ощущаетъ тоску по родинѣ, онъ заглушаетъ ее виномъ, но затѣмъ снова впадаетъ въ нее; онъ грустенъ и обезкураженъ, и тоскуетъ, какъ заключенное въ неволю животное. Тоски же неволи достаточно для того, чтобы произвести безплодіе у большого числа животныхъ; собаки, постоянно выдерживаемыя въ клѣткѣ, теряютъ всякое половое влеченіе. Такая же причина легко можетъ объяснить и безплодіе дикарей Полинезіи и Австраліи». Въ новѣйшее время сходную мысль сталъ развивать Дарвинъ, который, какъ мы видѣли выше, считаетъ безплодіе одной изъ главнѣйшихъ причинъ вымиранія первобытныхъ народовъ. Онъ, правда, не объясняетъ его тѣми психическими мотивами, къ которымъ прибѣгаетъ Грасіоле, но ограничивается только подробными указаніями на сходное безплодіе многихъ животныхъ, которыхъ пытались обратить въ домашнее состояніе. Причины, вліяющія на слабую степень плодовитости при измѣненныхъ условіяхъ существованія, Дарвинъ считаетъ достаточными и для объясненія слабой комплекціи дѣтей, рожденныхъ при такихъ условіяхъ, а слѣдовательно, ихъ усиленной смертности. Чтобы достаточно оцѣнить значеніе указываемыхъ здѣсь соматическихъ явленій на ходъ борьбы за существованіе, необходимо обратить вниманіе на ихъ участіе въ дѣлѣ распространенія европейскихъ народовъ, отличающихся вообще особенной выносливостью и къ тому же имѣющихъ подъ руками обширныя, доставляемыя культурой средства для охраненія отъ вредныхъ внѣшнихъ условій. На Мадагаскарѣ и въ Сенегамбіи, напримѣръ, ни одинъ европейскій народъ не обнаружилъ способности къ акклиматизированію. На Явѣ и вообще на островахъ Малайскаго архипелага, несмотря на всѣ старанія голландцевъ, имъ не удалось приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ. Даже въ Алжиріи, несмотря на ея значительное сходство съ южной Европой, большинство европейцевъ вымираетъ, и только нѣкоторымъ, какъ, напримѣръ, мальтійцамъ и испанцамъ, удается полное акклиматизированіе. При разсужденіяхъ о вытѣсненіи и вымираніи народовъ необходимо, слѣдовательно, имѣть въ виду на первомъ планѣ физіологическій моментъ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ. При его помощи объясняются, во-первыхъ, явленія вымиранія такихъ народовъ, которые съ другихъ точекъ зрѣнія обнаруживаютъ признаки значительной живучести, какъ, напримѣръ, маорисовъ,—народа, отличающагося замѣчательной способностью къ воспріятію культуры и сообразованію съ обстоятельствами. Съ другой стороны, тотъ же моментъ можетъ помочь объяснить намъ и нерѣдко парадоксаль-

ныя явленія переживанія народовъ. Беджотъ обратилъ вниманіе на то, что въ древнія времена дикари не вымирали, несмотря на свои многочисленныя сношенія съ классическими народами. И онъ, и Дарвинъ видятъ въ этомъ доказательство усиленнаго вліянія нынѣшней степени цивилизаціи. Между тѣмъ какъ этотъ фактъ объясняется проще тѣмъ, что дикари, приходившіе въ столкновеніе съ древними цивилизованными народами, принадлежали большею частью къ одной съ ними антропологической группѣ и потому въ меньшей степени подвергались болѣзненнымъ зараженіямъ. Тѣмъ же (по крайней мѣрѣ, отчасти) можетъ быть объяснено и отсутствіе явленій вымиранія среди народовъ Кавказа, несмотря на зависимое ихъ положеніе и мѣстами значительную бѣдность и вообще дурныя, нерѣдко примитивныя жизненныя условія; между тѣмъ какъ нѣкоторые народы чистокровнаго монгольскаго племени, какъ, напримѣръ, калмыки, отъ соприкосновенія съ тѣми же русскими несомнѣнно вымираютъ [1]). Теперь всѣ пришли къ убѣжденію, что такое сложное и крупное явленіе, какъ вымираніе народовъ, зависитъ не отъ одной какой-нибудь причины и даже не отъ одной сложной категоріи причинъ (какъ, напримѣръ, вышеупомянутый физіологическій моментъ), но отъ суммы нѣсколькихъ, нерѣдко весьма разнородныхъ обстоятельствъ. Какъ ни велико болѣзненное расположеніе многихъ народовъ и ихъ способность къ безплодію при измѣненіи внѣшнихъ условій, но эти явленія сами по себѣ не неизмѣнны. Поэтому народъ, не находящійся подъ вліяніемъ другихъ поводовъ къ вымиранію, можетъ еще оправиться и впослѣдствіи окрѣпнуть. Такимъ образомъ, нѣкоторые первобытные народы, какъ, напримѣръ, тонганцы, не вымираютъ, другіе же хотя и продолжаютъ вымирать, но въ слабѣйшей противъ прежняго степени,

---

[1]) Отсутствіе вымиранія народовъ Кавказа я принимаю на основаніи справокъ, которыя дѣлалъ во время пребыванія моего въ кавказскомъ краѣ. Нѣкоторые народы Кавказа, какъ мнѣ обязательно сообщилъ г. Вороновъ, по имѣющимся у него числовымъ даннымъ, напротивъ, обнаруживаютъ увеличеніе населенія за послѣдніе годы. О вымираніи калмыковъ см. въ „Извѣстіяхъ Русск. Геогр. Общества“ 1873 г., октябрь. Съ тѣхъ поръ мнѣ удалось получить несомнѣнное подтвержденіе нѣкоторыхъ высказанныхъ тамъ положеній. Такъ, подати въ Яндыковскомъ улусѣ въ 1873 г. пришлось съ 7 р. 58 к. увеличить до 8 р. 80 к. на кибитку, вслѣдствіе того, что изъ общаго числа „окладныхъ кибитокъ выбыло 433 кибитки за умершихъ, старыхъ, больныхъ, бездомныхъ и малолѣтнихъ“. Совершенно вымершихъ кибитокъ въ улусѣ было 148. Въ 1874 г. это количество вслѣдствіе сильной оспенной эпидеміи должно было еще значительно сократиться. Такіе рѣзкіе признаки вымиранія мнѣ случилось примѣтить только въ пограничныхъ улусахъ, гдѣ сосредоточены главнѣйшія причины, какъ-то: жизнь при наиболѣе измѣненныхъ условіяхъ, большее число шансовъ заразы вслѣдствіе ближайшаго сосѣдства съ русскими, большее распространеніе пьянства и пр.

что подаетъ поводъ Герлянду высказывать самыя розовыя надежды относительно будущности полинезійцевъ. Европейскіе народы быстро отправлялись послѣ сильнѣйшихъ и многочисленныхъ эпидемій. Возможно, что и выносливость негровъ, малайцевъ и другихъ народовъ, съ давнихъ поръ находившихся въ общеніи съ многочисленными другими народами, была пріобрѣтена ими не сразу, а постепенно и притомъ цѣною большихъ жертвъ. Итакъ, помимо физіологической борьбы за существованіе, между народами ведется и другая, совершающаяся на болѣе сознательной почвѣ. При этомъ одинъ народъ стремится или совершенно вытѣснить другой, или же поставить его въ большую или меньшую зависимость отъ себя. Чѣмъ болѣе сходны два конкурирующіе народа, тѣмъ чаще бываетъ первое; чѣмъ менѣе между ними общаго, тѣмъ скорѣе можетъ быть второе. Результатъ, долженствующій произойти отъ соперничества между первобытнымъ и культурнымъ народомъ, удачно выраженъ въ общей формѣ Мишле въ его диссертаціи «О Гвіанѣ и ея пенитенціарныхъ учрежденіяхъ». «Жизнь цивилизованная и жизнь дикая,—говоритъ онъ,—настолько несовмѣстимы другъ съ другомъ, что одновременно онѣ не могутъ существовать на одной почвѣ, и въ ихъ борьбѣ побѣда не подлежитъ сомнѣнію. Это—борьба между зрѣлымъ человѣкомъ и ребенкомъ. Недальновидность и непрактичность первобытныхъ людей въ самомъ дѣлѣ носятъ на себѣ такой дѣтскій характеръ и составляютъ явленіе, настолько распространенное, что на него не могли не обратить вниманія въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ. Понятно, что это свойство ихъ сдѣлалось обильнымъ поводомъ для эксплоатаціи болѣе практическими и ловкими народами. Вотъ какимъ образомъ это дѣлается, судя по словамъ одного китайскаго купца, обращеннымъ къ миссіонеру и путешественнику Гюку: «развѣ вы не замѣтили, что всѣ монголы точно дѣти? Когда имъ случится попасть въ городъ, то у нихъ тотчасъ является желаніе получить все, что имъ попадется на глаза. Но обыкновенно у нихъ не бываетъ денегъ, и мы являемся имъ на помощь. Мы имъ отпускаемъ товаръ въ долгъ, и поэтому по-справедливости беремъ съ нихъ дороже. Давая товаръ безъ денегъ, нельзя не наложить небольшой процентъ—отъ тридцати до сорока на сто. Не правда ли, что это совершенно справедливо? Мало-по-малу проценты накопляются, и тогда уже идутъ проценты на проценты. Это, впрочемъ, дѣлается только съ монголами, такъ какъ въ Китаѣ это запрещено императорскимъ закономъ. Но мы принуждены безпрестанно рыскать по «странѣ травъ» и, конечно, можемъ требовать процентовъ на проценты. Не правда ли, вѣдь это совершенно справедливо? Мон-

гольскій долгъ никогда не погашается; онъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ежегодно мы отправляемся за процентами, которые выплачиваются баранами, быками, верблюдами, лошадьми и пр. Это несравненно выгоднѣе, чѣмъ деньги. Монгольскій скотъ намъ обходится дешевле, а на рынкѣ мы его сбываемъ очень дорого. О, монгольскій долгъ, это отличная вещь. Это истинный золотой источникъ». Я выбралъ этотъ случай, какъ одинъ характерный изъ множества примѣровъ совершенно подобной же непрактичности некультурныхъ народовъ. Тѣмъ же способомъ, какимъ монголы обираются китайцами, совершается и эксплоатація калмыковъ, башкиръ и многихъ другихъ народовъ русскими, малороссовъ и поляковъ — евреями, и т. п. Даже такой способный народъ, какъ маорисы, въ первое время сношеній съ англичанами далъ себя въ обманъ, подписывая контракты и векселя, смыслъ которыхъ былъ совершенно непонятенъ этимъ «дикарямъ». Такимъ образомъ, незнаніе и непрактичность находятся въ числѣ главнѣйшихъ причинъ слабости въ борьбѣ за существованіе. Вообще, можно сказать, что интеллектуальныя свойства народа играютъ въ этомъ дѣлѣ первостепенную роль. То, что Поль Брока высказалъ (во время извѣстныхъ преній въ Парижскомъ антропологическомъ обществѣ по вопросу о вымираніи и совершенствованіи расъ) по поводу австралійцевъ, можетъ быть съ нѣкоторыми ограниченіями признано общимъ правиломъ. «Нѣтъ никакого отношенія, — говоритъ онъ,—между добротой, мягкостью, благодарностью, любовью къ семейству и другими нравственными качествами, съ одной стороны, и предусмотрительностью, порядкомъ, духомъ изобрѣтательности, настойчивостью, расчетливостью, зависящими отъ интеллектуальныхъ способностей въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. способностей, дѣлающихъ одну расу способной къ цивилизаціи, къ пониманію выгоды въ пожертвованіи частью личной свободы для того, чтобы жить въ правильно устроенномъ обществѣ, въ работѣ съ цѣлью пожать плоды ея не тотчасъ, а черезъ полгода и, наконецъ, въ подчиненіи законамъ для того, чтобы самому пользоваться ихъ покровительствомъ. Расы, понимающія эти общественныя основы, могутъ цивилизоваться въ большей или меньшей степени; однѣ могутъ это дѣлать самостоятельно, другія же путемъ подражанія, убѣжденія или насилія, смотря по свойствамъ и степени ихъ ума; расы же, не понимающія этихъ выгодъ, остаются въ дикомъ состояніи. Это, однакоже, вовсе не означаетъ, чтобы онѣ были лишены нравственныхъ качествъ и даже умственныхъ способностей; это значитъ только, что у нихъ вовсе нѣтъ или недостаточно нѣкоторыхъ интеллектуальныхъ качествъ». Выводъ этотъ, однакоже, не

долженъ вести къ отрицанію всякаго значенія въ борьбѣ за существованіе вообще всякихъ нравственныхъ качествъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, независимая отъ расчета, извѣстная степень солидарности между членами борющейся стороны, играетъ нерѣдко важную роль въ дѣлѣ побѣды. Что же касается храбрости, на которую ссылается Дарвинъ (см. выше), какъ на одинъ изъ существенныхъ моментовъ побѣды, то ея значеніе должно быть отодвинуто вообще на очень задній планъ. Безспорно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она оказала немалую услугу, но въ цѣломъ, развивая въ народѣ особенно воинственный духъ, она чаще вела къ гибели. Мирная форма борьбы за существованіе даетъ вообще несравненно болѣе прочные результаты, чѣмъ военный успѣхъ. Всѣмъ извѣстная храбрость, неразрывно соединенная, какъ это обыкновенно бываетъ, съ духомъ независимости, очень сильно повліяла на исчезновеніе антильскихъ индѣйцевъ и на процессъ вымиранія многихъ народовъ. Маорисы, самый воинственный и свободолюбивый изъ полинезійскихъ народовъ, возстали противъ англійскаго господства, выставивъ девизомъ, что «лучше умереть всѣмъ за отечество, чѣмъ жить подъ чужимъ владычествомъ». Конечно, такое рѣшеніе, нѣсколько разъ побуждавшее маорисовъ къ открытію военныхъ дѣйствій, повліяло на уменьшеніе ихъ численности, а слѣдовательно, оказало вліяніе и на ихъ вымираніе. «Народъ воинственный и энергичный, не желающій подчиниться національному рабству на своей родинѣ, — говоритъ Уоллесъ по поводу папуасовъ Ново-Гвинеи, — долженъ исчезнуть передъ бѣлымъ человѣкомъ такъ же неизбѣжно, какъ волкъ и тигръ» (Мал. арх., 619). Нужно думать, что знаменитая храбрость и духъ независимости многихъ народовъ Кавказа принесли имъ больше вреда, чѣмъ пользы; можно предсказать (если только въ подобнаго рода вопросахъ можно рѣшаться предсказывать), что эти качества приведутъ ихъ къ окончательной гибели, между тѣмъ какъ болѣе миролюбивые, хотя, вообще говоря, вовсе не болѣе нравственные народы Закавказья (главнымъ образомъ, армяне), окажутся несравненно долговѣчнѣе. Даже народы, достигшіе высокой степени цивилизаціи, какъ, напримѣръ, римляне и французы, жестоко поплатились за свою воинственность, — качество, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ значительной храбростью. Изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ одни французы обнаруживаютъ нѣкоторые признаки приближающагося упадка и, пожалуй, даже вымиранія расы, признаки, безспорно связанные причинно съ ихъ чрезмѣрной воинственностью. Дарвинъ ссылается еще на «энергію» и «добродѣтель», какъ на качества, развитіе которыхъ должно

споспѣшествовать въ борьбѣ за существованіе народовъ. Что касается перваго изъ этихъ свойствъ, то оно получаетъ нравственный характеръ только тогда, если энергія направляется не на личное благо, а на общественное. Во всѣхъ случаяхъ она оказывается важнымъ элементомъ для побѣды и живучести, но лишь подъ условіемъ подчиненія ея знанію и расчету. Что же касается добродѣтели, то роль ея, какъ условія побѣды въ борьбѣ за существованіе народовъ, крайне сомнительна. Какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, самъ Дарвинъ указываетъ на «несомнѣнный вредъ», происходящій для физическаго состоянія расы отъ упражненія добродѣтельныхъ чувствъ. Если же мы мысленно представимъ себѣ еще сильнѣйшую степень охраненія слабыхъ, то легко увидимъ, какіе результаты могутъ послѣдовать отъ этого. Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что упражненіе симпатіи, развивая чувствительность, дѣлаетъ людей мало пригодными къ участію въ борьбѣ за существованіе, которая даже въ самой высшей своей формѣ соединена съ причиненіемъ страданія. Извѣстно, что сочувствіе вообще болѣе свойственно женщинамъ, т.-е. лицамъ, стоящимъ въ сторонѣ и не принимающимъ непосредственнаго участія въ народной борьбѣ за существованіе. На этотъ психологическій моментъ обратилъ вниманіе Гербертъ Спенсеръ, который приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Близкое знакомство съ внѣшними выраженіями бѣдности и несчастія, — говоритъ онъ, — необходимо производитъ (или скорѣе поддерживаетъ) пропорціональное ему равнодушіе; и это равнодушіе есть неизбѣжный спутникъ безкровной борьбы между членами каждаго отдѣльнаго общества, точно какъ же, какъ оно есть неизбѣжный спутникъ кровавой борьбы между различными обществами [1])». Что въ дѣлѣ столь неравной борьбы между европейцами и первобытными народами со стороны первыхъ были въ большинствѣ случаевъ проявляемы не только не нравственныя, но нерѣдко безчеловѣчныя чувства, это слишкомъ извѣстно, чтобы нужно было долго останавливаться на этомъ. Герляндъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: «Пусть не говорятъ, что обнаруженныя европейцами низости исходили только отъ отдѣльныхъ лицъ и что поэтому только они и должны нести за то отвѣтственность: такіе поступки совершались, приблизительно въ одинаковой степени, всѣми колонистами и во всякомъ случаѣ получили отъ нихъ высшую степень одобренія». «Изъ

---

[1]) Основанія психологіи, IV, 314. Само собою разумѣется, что равнодушіе настолько же должно сопуствовать и безкровной борьбѣ между народами, о которой у насъ, главнымъ образомъ, и идетъ рѣчь.

этихъ соображеній вытекаетъ,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—какъ необычайно медленно совершается нравственное совершенствованіе человѣчества и какъ мало обусловливается оно умственнымъ развитіемъ». Всюду, куда только ни проникнетъ Орангъ-Путти (т.-е. бѣлый человѣкъ, или христіанинъ),—говорилъ одинъ яванецъ въ бесѣдѣ съ голландскимъ офицеромъ,—пропадаетъ вѣрность и довѣріе, а пьянство, наглость, безнравственность, жадность, лицемѣріе и насиліе идутъ за нимъ по пятамъ, чтобы утвердиться всюду, гдѣ онъ ни остановится» (Бастіанъ). Какъ ни рѣзко такое сужденіе, но въ немъ заключена значительная доля правды. «Честность, вѣрность, порядочность, гостепріимство, человѣчность, чистая религіозность, лучшія нравственныя качества встрѣчаются большей частью не на сторонѣ европейцевъ (т.-е европейскихъ колонистовъ), но на сторонѣ столь презираемыхъ первобытныхъ народовъ»,—говоритъ Герляндъ, одинъ изъ ученѣйшихъ современныхъ этнографовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство и нѣкоторыя миссіи дѣлали все возможное для улучшенія участи подчиненныхъ народовъ, это имъ большей частью не удавалось вслѣдствіе діаметрально противоположныхъ стремленій колонистовъ и чиновниковъ, т.-е. лицъ, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ «дикарями». Въ самыхъ различныхъ частяхъ земного шара, напримѣръ, существуетъ запрещеніе ввоза спиртныхъ напитковъ въ мѣста, заселенныя различными первобытными народами, очень падкими до нихъ; но нигдѣ это постановленіе не соблюдается мѣстными купцами-европейцами. Занявъ Новую Зеландію, англійское правительство, въ своихъ попыткахъ поддержать и развить туземное населеніе, встрѣтило главное препятствіе со стороны «новозеландской компаніи», т.-е. общества, составившагося подъ руководствомъ богатыхъ и вліятельныхъ англичанъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ эксплоатировавшаго тогда еще совершенно неопытныхъ маорисовъ. Можно было бы привести большое количество аналогичныхъ фактовъ. Наше правительство, въ видахъ блага калмыцкаго народа, задумало цѣлый рядъ мѣръ съ цѣлью пріучить ихъ къ земледѣлію и къ болѣе правильному экономическому устройству. Для этого было предположено пересѣчь всю приволжскую калмыцкую степь проѣзжими дорогами и устроить по нимъ поселки. Въ результатѣ многихъ дорогъ не оказалось, всѣ поселки попали цѣликомъ въ русскія руки, и такимъ образомъ на окраинахъ появилось довольно многочисленное русское населеніе, враждебное во всѣхъ отношеніяхъ калмыкамъ, которые, въ концѣ-концовъ, потеряли только значительную часть своей лучшей земли и вообще приблизились къ полному разоренію. Коснув-

шись здѣсь этой стороны вопроса объ отношеніяхъ между народами, слабыми и сильными въ борьбѣ за существованіе, я не могу не сдѣлать нѣкотораго отступленія, не имѣющаго прямого отношенія къ обсуждаемому теперь вопросу о роли различныхъ моментовъ въ этой борьбѣ, но зато могущаго иллюстрировать болѣе общее положеніе, развитое въ предыдущей главѣ. Мнѣнія о дѣятельности правительствъ по отношенію къ опекаемымъ первобытнымъ народамъ весьма различны. Ихъ можно вообще раздѣлить на двѣ категоріи. Одни считаютъ необходимымъ во что бы то ни стало, поддерживать эти народы, дѣлать всевозможныя затраты для того, чтобы хотя сколько-нибудь поднять и цивилизовать ихъ. Этнографы, наиболѣе близко знакомые съ первобытными народами, вполнѣ поддерживаются подобнаго мнѣнія. Вотъ, напримѣръ, какъ высказывается по этому поводу Герляндъ въ заключительныхъ строкахъ своего сочиненія «О вымираніи первобытныхъ народовъ». «Пусть сохранится отъ этихъ народовъ то, что еще можетъ быть сохранено. До сихъ же поръ развитіе человѣчества и въ этомъ отношеніи вполнѣ зависитъ отъ натуралистическаго закона. Борьба за существованіе, въ которой сильнѣйшій тотъ, кто побѣждаетъ, обнаруживается въ полнѣйшей степени. Окрѣпнувшія расы распространяются съ силою и (въ отличіе отъ неразумной природы) съ удовольствіемъ, безъ всякой надобности, разрушая побѣждаемыя ими слабѣйшія расы. Но человѣкъ способенъ разсуждать и любить; а именно въ томъ и долженъ сильнѣйшій членъ разумной породы высказывать свою силу, чтобы стараться съ любовью возвысить до себя побѣжденныхъ имъ членовъ. Въ такомъ случаѣ наступило бы владычество духа и нравственнаго подбора, и цѣлое человѣчество сдѣлало бы большой шагъ впередъ по тому пути, по которому оно должно слѣдовать, т.-е. по пути освобожденія духа отъ грубыхъ оковъ внѣшней природы». Герляндъ и вообще та категорія мнѣній, которой онъ служитъ выразителемъ, ссылается въ концѣ-концовъ на благо цѣлаго, ради котораго необходимо охранять и поддерживать весь человѣческій родъ. Уничтоженіе же такой большой его части, какъ первобытные народы, гибельно еще и потому, что оно легко ведетъ къ огрубенію сильнѣйшихъ, вопреки человѣколюбивой цѣли цивилизаціи. Мнѣнія другой категоріи, совершенно противоположнаго характера, также имѣютъ въ виду общее благо. Но съ ихъ точки зрѣнія споспѣшествованіе ему невозможно при помощи стоющихъ огромной затраты искусственныхъ мѣръ для охраненія первобытныхъ народовъ. Могутъ ли многіе представители послѣднихъ возвыситься до уровня современной культуры, это еще не доказано и въ нѣко-

торыхъ случаяхъ весьма сомнительно; между тѣмъ, оставляя большею частью очень богато одаренныя земли въ рукахъ первобытныхъ туземцевъ и сдерживая наплывъ туда европейскихъ колонистовъ, мы содѣйствуемъ благу первыхъ въ ущербъ послѣднимъ. Простой же расчетъ показываетъ, что эти земли въ состояніи прокормить несравненно большее число цивилизованныхъ европейцевъ, чѣмъ нерѣдко даже не дошедшихъ до земледѣльческой ступени первобытныхъ народовъ. Отсюда вытекаетъ, что искусственное охраненіе нынѣшнихъ дикарей можетъ совершиться не иначе, какъ на счетъ живущихъ или будущихъ европейцевъ и притомъ, что это будетъ охраненіе меньшинства на счетъ большинства, а поэтому слѣдуетъ предоставить борьбу за существованіе ея естественному теченію и не тормозить вытѣсненія первобытныхъ туземцевъ цивилизованными европейцами. Изъ числа современныхъ научныхъ писателей такого рода воззрѣнія придерживается, напримѣръ, Гельвальдъ, какъ это видно изъ слѣдующаго его замѣчанія по поводу вымиранія негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ: «констатированіе этого фіаско, якобы, человѣколюбивой идеи,—говоритъ онъ,—ничуть не заключаетъ въ себѣ порицанія совершившагося факта и не заставляетъ желать его отмѣны, но, напротивъ, показываетъ только, что вымираніе свободныхъ негровъ составляетъ отнынѣ только вопросъ времени и даетъ самый основательный и наиболѣе благопріятный изъ всѣхъ возможныхъ исходовъ. Между тѣмъ какъ союзъ разъ навсегда освободится такимъ образомъ отъ заботы «о черныхъ братьяхъ», культура будетъ праздновать побѣду, всегда соединенную съ исчезновеніемъ иноплеменнаго элемента». Научнаго рѣшенія разсматриваемаго вопроса не можетъ быть дано, въ виду слишкомъ большой сложности и неопредѣленности входящихъ въ него факторовъ и неясности опредѣленія «общаго блага». Имѣть ли въ виду общее благо нынѣ живущихъ поколѣній, или слѣдуетъ принимать въ расчетъ и благо будущихъ? Какъ взвѣсить сумму благъ матеріальныхъ и нравственныхъ, сопровождающихъ вытѣсненіе дикарей европейцами при противовѣсѣ нравственнаго огрубѣнія, неизбѣжнаго при этомъ? Имѣть ли опять въ виду только огрубеніе и жестокость поколѣнія, непосредственно участвующаго въ процессѣ вытѣсненія, или же принимать въ расчетъ и возможное смягченіе нравовъ у послѣдующихъ поколѣній, которыя уже не будутъ личными свидѣтелями процесса расовой борьбы? Можно ли принимать въ соображеніе охраненіе первобытныхъ народовъ ради интересовъ науки, которая только теперь начала изучать ихъ серьезно, или же эти интересы слѣдуетъ счесть роскошью и потому пренебречь ими ради

непосредственныхъ экономическихъ интересовъ цивилизованнаго населенія? Подобныхъ вопросовъ, тормозящихъ объективный отвѣтъ, можно поставить цѣлый длинный рядъ. Поэтому при постановленіи рѣшенія, требуемаго искусствомъ государственной политики, остается обширное поле для чисто субъективнаго выбора, направленіе котораго можетъ быть, по крайней мѣрѣ отчасти, предсказано. Оно будетъ во всѣхъ случаяхъ окрашено характеромъ большого знакомства съ той или другой стороною дѣла. Этнографъ, ближе всего знающій природу и нравы первобытныхъ народовъ, будетъ настаивать на ихъ охраненіи и вообще будетъ склоненъ къ пристрастію въ ихъ пользу. Экономистъ же, наиболѣе освоенный съ интересами и нуждами колонистовъ, придавленныхъ въ своемъ густо населенномъ отечествѣ тяжкими условіями конкуренціи, будетъ скорѣе стоять за предоставленіе свободы населенія и ратовать за вытѣсненіе коснѣющихъ въ невѣжествѣ дикарей. Миссіонеръ присоединится скорѣе къ мнѣнію этнографа, а практическій человѣкъ станетъ на сторону экономиста. Натуралистъ же, я думаю, вовсе устранится отъ рѣшенія затруднительнаго вопроса, подобно тому какъ патолого-анатомъ или физіологъ большею частью отказывается лѣчить больныхъ. Преобладаніе того или другого элемента въ правительствѣ можетъ сильно вліять на принимаемыя имъ мѣропріятія; дѣйствительность же подчинится имъ или обойдетъ ихъ, смотря по надобности, и борьба за существованіе прямымъ или окольнымъ путемъ доведетъ дѣло до преобладанія сильнѣйшихъ надъ слабыми, и народы, неспособные выдержать натискъ конкуренціи, погибнутъ. Возвращаясь снова къ вопросу о роли различныхъ моментовъ въ борьбѣ за существованіе, я считаю нужнымъ напомнить общее для всей живой природы правило, по которому успѣхъ измѣряется приспособляемостью къ даннымъ условіямъ борьбы. «Если мы сумѣемъ,—сказалъ Макіавели, — измѣнять нашъ образъ дѣйствій сообразно съ временемъ и обстоятельствами, то счастіе намъ не измѣнитъ» (107). При этомъ на первомъ планѣ является значеніе этихъ обстоятельствъ и умѣніе примѣняться къ нимъ и пользоваться ими. Это вѣрно какъ для случаевъ борьбы между отдѣльными особями, такъ и въ дѣлѣ соперничества между народами и расами. Поэтому можно предположить, что группы, наиболѣе закаленныя внутренней борьбой, окажутся наиболѣе сильными и при столкновеніи съ другими группами. Если это справедливо, то положенія, высказанныя въ предыдущей главѣ относительно индивидуальнаго соперничества, должны быть распространены и на явленія борьбы между народами и расами.

Возьмемъ, съ цѣлью провѣрки высказанныхъ положеній, нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ такой борьбы. Фридрихъ Мюллеръ, въ своей «Этнографіи», предсказываетъ, что изъ борьбы за существованіе расъ побѣдительницами выйдутъ кавказская, монгольская и негритянская. Онъ упустилъ изъ виду, что существуетъ еще одна раса, отличающаяся вообще большими способностями къ переживанію; я имѣю въ виду такъ называемую малайскую расу (т.-е. малайскую въ болѣе органическомъ смыслѣ, слѣдовательно, безъ полинезійскихъ и микронезійскихъ народовъ). Уже одинъ предѣлъ ея распространенія отъ Малакки и Зондскихъ острововъ до Формозы и Мадагаскара указываетъ на эту способность ея. Встрѣтившись съ другими племенами, эта раса частью вытѣснила ихъ, частью слилась съ ними, частью же сама подчинилась, но во всякомъ случаѣ сохранилась болѣе или менѣе цѣльно, что само по себѣ уже очень важно, если принять въ соображеніе, что ей приходилось имѣть дѣло съ самыми сильными народами Стараго Свѣта. На обширномъ Малайскомъ архипелагѣ разлилась эта раса, двигаясь съ сѣвера на югъ и востокъ, все болѣе и болѣе оттѣсняя чернокожую расу, которую Уоллесъ означаетъ собирательнымъ названіемъ папуанской. Общую характеристику малайской расы, дающую возможность судить о ея силѣ въ борьбѣ за существованіе, даетъ намъ Пешель. «Азіатскій малаецъ (подъ этимъ названіемъ Пешель разумѣетъ именно то, что у насъ обозначено названіемъ малайской расы),—говоритъ онъ,—своей замкнутостью и скрытостью, своимъ рабскимъ чувствомъ по отношенію къ высшимъ и строгостью къ низшимъ, своей жестокостью, мстительностью и обидчивостью не производитъ пріятнаго впечатлѣнія, но зато выигрываетъ своей мягкостью къ дѣтямъ и умѣньемъ держать себя съ достоинствомъ и вѣжливостью». Характеристика эта тотчасъ же вызываетъ въ насъ представленіе о выносливости и примѣняемости малайской расы, что подтверждается какъ свидѣтельствомъ путешественниковъ, такъ и историческими данными. Малайцы легко подчинились индійской культурѣ и браманизму, но потомъ обмѣняли его на мусульманство. На Явѣ голландское правительство запретило миссіонерамъ проповѣдывать христіанство, боясь, вѣроятно, что и оно легко можетъ быть ими принято. Примѣняющійся и легко подчиняющійся характеръ особенно рѣзокъ именно у яванцевъ, самаго многочисленнаго изъ малайскихъ народовъ: это-то свойство и составляетъ золотой источникъ, изъ котораго черпаютъ голландцы. Одинъ французскій путешественникъ былъ очень пораженъ при видѣ рабскихъ отношеній, въ которыхъ находятся яванцы къ европейцамъ. «Чуть только покажется бѣлый,—говоритъ графъ

Бовоаръ,—какъ всѣ туземцы присаживаются на корточки въ знакъ уваженія и благоговѣнія. На многолюдной дорогѣ, по которой мы ѣхали съ величайшей скоростью, ни одинъ туземецъ не остался стоять. По мѣрѣ того, какъ наши лошади поднимали пыль, яванцы по обѣимъ сторонамъ дороги падали ницъ, какъ карточные солдатики». Знаменитая колоніальная система голландцевъ зиждется именно на способности яванцевъ къ рабскому подчиненію. Правительство до мелочей опекаетъ ихъ, налагаетъ на нихъ обязательный трудъ, само опредѣляя за него вознагражденіе, и монополизируя торговлю добытыми продуктами. Туземное населеніе при этихъ условіяхъ обнаруживаетъ замѣчательное возрастаніе. Съ трехъ съ половиною милліоновъ въ началѣ столѣтія оно въ 1865 году дошло до 14.168.416, а въ 1874—до 17.882.396 (Бемъ и Вагнеръ); въ продолженіе двадцати шести лѣтъ населеніе почти удвоилось (Уоллесъ). Малайскіе народы, столь легко дающіе себя эксплоатировать, и сами дѣлаютъ то же, гдѣ это имъ доступно. Въ сношеніяхъ съ первобытными даяками острова Борнео малайскіе купцы выказали себя обманщиками, а малайскіе начальники—грабителями. Во многихъ мѣстахъ они подавили и вытѣснили слабѣйшую въ борьбѣ за существованіе папуасскую расу. Интересна сравнительная характеристика обѣихъ расъ Малайскаго архипелага, представленная Уоллесомъ. Я выписываю изъ нея слѣдующее: «Нравственныя черты папуаса настолько же отличаютъ его отъ малайца, какъ и физическія. Онъ живъ и выразителенъ въ разговорѣ и въ дѣйствіяхъ. Ощущенія и страсти свои онъ высказываетъ восклицаніями, смѣхомъ, крикомъ и неистовыми прыжками. Женщины и дѣти принимаютъ участіе во всякомъ разговорѣ и, повидимому, мало смущаются при видѣ иностранца или европейца. Объ умственныхъ способностяхъ этого племени судить очень трудно, но я склоненъ думать, что оно въ этомъ отношеніи стоитъ выше малайскаго, несмотря на то, что до настоящаго времени папуасы не сдѣлали еще ни одного шага къ цивилизаціи. Но тутъ не должно забывать, что малайцы въ теченіе вѣковъ подвергались вліянію иммигрирующихъ индусовъ, китайцевъ и арабовъ, между тѣмъ какъ папуасы подвергались лишь весьма незначительному и частному вліянію малайскихъ торговцевъ. У папуаса гораздо болѣе жизненной энергіи, которая несомнѣнно значительно помогла бы ему на пути къ умственному развитію». «Папуасы болѣе любятъ искусство, нежели малайцы. Они украшаютъ свои лодки, дома и почти каждую домашнюю утварь тщательно сдѣланными изваяніями,—обычай весьма рѣдко встрѣчающійся между племенами малайской расы. Страсти и нравственныя чувства, напротивъ

того, кажется, мало развиты у папуасовъ. Въ обращеніи съ дѣтьми они часто бываютъ жестоки, между тѣмъ какъ малайцы почти всегда мягки и ласковы, едва ли когда вмѣшиваются въ ихъ занятія и забавы, даютъ имъ полную свободу, до какихъ бы лѣтъ это ни продолжалось. Но эти крайне мирныя отношенія между дѣтьми и родителями въ значительной степени происходятъ отъ нерадивости и апатичности характера расы, отчего младшіе члены никогда не противятся серьезно старшимъ; между тѣмъ какъ болѣе суровая дисциплина папуасовъ главнымъ образомъ есть слѣдствіе болѣе значительной силы и энергіи ума, рано или поздно ведущей къ тому, что слабый возстаетъ, наконецъ, противъ сильнаго, народъ противъ своихъ управителей, рабъ противъ своего господина, дитя противъ своихъ родителей». (Мал. арх. 612).

Изо всего этого видно, что папуасы гораздо болѣе нравятся Уоллесу, чѣмъ малайцы, что они болѣе склонны къ высшимъ духовнымъ проявленіямъ (искусство, любовь къ независимости); но не смотря на то, они менѣе сильны въ борьбѣ за существованіе и должны уступить малайцамъ. То же, только въ сильнѣйшей степени, вытекаетъ и изъ сравненія малайцевъ съ даяками, т.-е. одного изъ самыхъ сильныхъ въ борьбѣ за существованіе съ чуть ли не слабѣйшимъ въ этомъ отношеніи народомъ малайской расы. «Я склоненъ,—говоритъ Уоллесъ,—поставить даяковъ выше малайцевъ въ умственномъ отношеніи, тогда какъ въ нравственномъ они, безъ всякаго сомнѣнія, далеко превосходятъ ихъ». На основаніи двадцатилѣтняго знакомства, Штольцъ утверждаетъ, что даяки въ сношеніяхъ между собою отличаются вѣрностью и честностью, и говоритъ, что въ этомъ отношеніи они могутъ быть поставлены въ примѣръ всѣмъ націямъ (Бастіанъ). Изъ того, что малайцы кажутся Уоллесу не особенно отличающимися въ умственномъ отношеніи, еще никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы умственныя способности не играли первостепенной роли въ ихъ борьбѣ за существованіе съ даяками и папуасами, такъ какъ, перенявъ готовыя культурныя формы отъ болѣе зрѣлыхъ народовъ, малайцы тѣмъ самымъ уже получили въ свои руки могущественное орудіе борьбы. Притомъ же, очевидно, что, говоря объ умственныхъ способностяхъ, Уоллесъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду тѣ высшія ихъ проявленія, которыя не имѣютъ непосредственнаго значенія въ борьбѣ. Что же касаетси практичности, т.-е. свойства, особенно важнаго въ этомъ отношеніи, то несомнѣнно, что малайцы съ своими коммерческими наклонностями стоятъ выше какъ даяковъ, такъ и папуасовъ. Что же касается собственно нравственной стороны, то она въ представленномъ при-

мѣрѣ не играетъ выдающейся роли, какъ орудіе побѣды. Я говорю это въ увѣренности, что приспособляемость и способность къ рабскому подчиненію яванцевъ никѣмъ не будутъ причислены къ разряду настоящихъ нравственныхъ качествъ. Сильные въ сравненіи съ первобытными народами, малайцы, однакоже, и сами должны во многихъ мѣстностяхъ (какъ, напримѣръ, на Филиппинскихъ островахъ) уступить свою роль во всѣхъ отношеніяхъ сильнѣйшимъ китайцамъ, которые въ послѣднее время стали твердой ногой почти на всей территоріи, занятой малайской расой. Какъ примѣръ интенсивной и сложной борьбы за существованіе, можетъ быть приведена, обратившая на себя всеобщее вниманіе, борьба расъ въ Америкѣ. Населенная первоначально сравнительно однороднымъ племенемъ, Америка сдѣлалась въ короткое время театромъ великаго народнаго переселенія, результаты котораго еще далеко не вполнѣ опредѣлились. Туземная раса оказалась при этомъ вообще недостаточно сильной, и хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она и удержалась, но зато въ другихъ исчезла съ удивительной быстротой. Почти съ самаго начала европейскаго переселенія въ Америку, между пришельцами и туземцами возгорѣлась борьба, мѣстами вслѣдствіе того, что послѣднимъ сдѣлалось тѣсно отъ наплыва новаго населенія, большею же частью вслѣдствіе стремленія европейцевъ къ преобладанію. Извѣстно, что въ общій ходъ этой борьбы замѣшались и чисто соматическія вліянія, какъ, напримѣръ, сильныя эпидеміи, завезенныя и распространенныя европейцами; но не подлежитъ сомнѣнію, что роль ихъ была второстепенная (Вайцъ). На первый планъ выступило превосходство европейцевъ въ дѣлѣ подготовки и веденія войны, превосходство, зависѣвшее, быть можетъ, не столько отъ силы ума, сколько отъ характера внѣшнихъ условій (домашнія животныя). Нравственный моментъ, какъ извѣстно, ни въ одномъ случаѣ не обусловилъ побѣды. Говоря вообще, уровень нравственности какъ побѣдителей-испанцевъ, такъ и побѣжденныхъ туземцевъ не отличался особенной высотою, но скорѣе пальму первенства въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать послѣднимъ. Весь характеръ туземцевъ, съ его храбростью и военной честью, со всѣми его доблестями и пороками (характеръ, діаметрально противоположный тому, который мы видѣли у яванцевъ), дѣлалъ ихъ неспособными къ легкому и скорому приспособленію и мѣшалъ имъ переносить чуждое владычество. Многіе индѣйцы предпочитали смерть рабству. Туземцы Антильскихъ острововъ, съ цѣлью недопущенія своего потомства до рабскаго и приниженнаго состоянія, въ усиленной степени прибѣгали къ искусственному плодоизгнанію, а затѣмъ и сами лишали себя жизни. На Кубѣ распро-

странилась эпидемія самоубійства, и нерѣдко цѣлыя семейства и даже населенія цѣлыхъ деревень собирались вмѣстѣ съ цѣлью лишить себя жизни (Пешель). Нечего и говорить, что не отличавшіеся высокой нравственностью въ сношеніяхъ между собою, побѣдители вели себя относительно враждебныхъ имъ туземцевъ по правиламъ, которыя не могли бы быть одобрены и съ точки зрѣнія нравственныхъ понятій того времени. Это видно по мѣропріятіямъ испанскаго правительства и католическихъ миссіонеровъ, которые стремились, хотя и безуспѣшно, ввести человѣческое обращеніе съ побѣжденными туземцами. До чего доходила изобрѣтательность европейцевъ въ ихъ стремленіи къ искорененію индѣйцевъ, можно судить, напримѣръ, по тому, что еще въ очень недавнее время португальцы раздавали имъ одежду, снятую съ умершихъ отъ оспы, для того, чтобы усилить распространеніе столь гибельной для индѣйцевъ эпидеміи (Вайцъ). Неудивительно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ вымираніе туземцевъ Америки совершалось съ быстротою, не имѣющей ничего подобнаго себѣ. На Гаити окончательно вымерло уже второе поколѣніе по приходѣ европейцевъ, вскорѣ та же судьба постигла и другихъ антильеносовъ. Наиболѣе цивилизованные и, слѣдовательно, наиболѣе испытанные во внутренней борьбѣ индѣйцы средней и отчасти южной Америки оказались въ этомъ случаѣ болѣе живучими. Они не только не вымерли, но мѣстами даже вытѣснили бѣлокожее населеніе, при чемъ имъ главнымъ образомъ помогла недостаточная способность послѣдняго къ акклиматизированію въ тропическомъ поясѣ. Что нравственный моментъ не оказалъ имъ сколько-нибудь значительной помощи, видно уже изъ общераспространеннаго убѣжденія, что со времени европейскаго нашествія нравственность туземцевъ вообще ухудшилась. «Повсюду,— говоритъ Вайцъ объ индѣйцахъ,— вообще, мы наталкиваемся на признаки быстро увеличившейся деморализаціи со времени появленія бѣлыхъ, подъ ихъ вліяніемъ; и мы встрѣчаемъ даже показанія, что позднѣйшій характеръ индѣйцевъ не имѣетъ болѣе никакого сходства съ прежнимъ» [1]). Не только въ нравственномъ, но и въ культурномъ отношеніи уровень цивилизованныхъ индѣйцевъ въ настоящее время очень невысокъ, такъ что, несмотря на то, что они удачно перенесли столь тяжелый кризисъ борьбы за существованіе, ничто не предвѣщаетъ ихъ дальнѣйшей живучести. Хотя мѣстами (какъ, напримѣръ, въ Лосъ-Альтосъ) они и обнаруживаютъ значительную энергію въ промыш-

[1]) О характерѣ нынѣшнихъ перуанцевъ, ихъ лживости и низости см. у *Вайца* „Anthropologie d. Naturvölker, IV, стр. 500.

ленной дѣятельности, но вообще они склонны къ лѣни, невѣжественны, легко опускаются и даются въ руки болѣе предпріимчивымъ людямъ. Даже сравнительно столь высоко стоящіе индѣйцы, какъ туземцы Гватемалы, склонные къ занятіямъ ремеслами и промышленностью, находятся въ полной зависимости отъ ладиновъ, (смѣшаннаго племени, въ рукахъ котораго сосредоточены всѣ предпріятія и торговля).

Хотя ладины, говоритъ Морле, и выше индѣйцевъ въ умственномъ отношеніи, но ихъ трудолюбіе и даже нравственность ниже, чѣмъ у индѣйцевъ, съ которыми ладины не имѣютъ никакихъ сношеній и къ которымъ они относятся съ величайшимъ пренебреженіемъ. Удерживаясь въ тропической Америкѣ только вслѣдствіе своей большей приспособленности къ перенесенію мѣстныхъ климатическихъ условій, индѣйцы естественно должны будутъ уступить натиску другой расы, которая окажется въ состояніи соединить физическую выносливость съ достаточнымъ уровнемъ умственнаго культурнаго развитія. Негры выполнить этой роли, очевидно, не въ состояніи. Перевезенные въ Америку съ начала шестнадцатаго столѣтія, они достаточно обнаружили свою способность уживаться съ тяжелыми физическими и нравственными условіями, но въ то же время они показали себя неспособными къ сколько-нибудь самостоятельной политической жизни и къ поддержанію необходимаго въ борьбѣ за существованіе уровня культуры. Замѣчательно, что доставленіе ихъ въ Америку, сдѣлавшееся вскорѣ источникомъ большихъ бѣдствій, было результатомъ одной изъ немногихъ мѣръ, вызванныхъ чисто нравственными мотивами. Ласъ-Казасъ, соболѣзнуя о жалкой судьбѣ индѣйцевъ, предложилъ для облегченія ихъ участи перевезти взамѣнъ ихъ негровъ,—народъ, особенно способный къ самой тяжелой работѣ. Но вскорѣ, когда уже было поздно, онъ увидѣлъ, что отъ этого положеніе индѣйцевъ ни мало не облегчилось, тогда какъ негры подпали подъ иго гнетущаго рабства, и подъ конецъ своей жизни онъ горько разочаровался, извиняя свое заблужденіе невозможностью предугадать насилій и презрѣнія къ человѣческой жизни, обнаруженныхъ торговцами невольниковъ. Какъ ни тяжело рабское положеніе негровъ, но оно въ концѣ-концовъ оказалось для нихъ менѣе пагубнымъ, чѣмъ значительная степень самостоятельности и свободы. Это всего лучше доказывается примѣрами независимыхъ негритянскихъ государствъ, какъ, напримѣръ, республики Гаити. Ограничивъ елико возможно европейцевъ, отнявъ у нихъ право гражданства и владѣнія землею, гаитянскіе негры пріобрѣли возможно полную степень независимости, но въ то же время опустились настолько, что всѣ дѣла

пришли въ самое печальное положеніе. По словамъ одного члена комиссіи, назначенной правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для изслѣдованія вопроса о присоединеніи Санъ-Доминго, въ республикѣ Гаити «не существуетъ мануфактуръ и правительство обанкротилось; дороги и мосты разрушены, города переполнены развалинами, мужчины живутъ трудомъ своихъ женъ, какъ въ ихъ первоначальномъ отечествѣ—Африкѣ». Извѣстно также, въ какое печальное положеніе пришли освобожденные негры южныхъ Штатовъ. Извѣстіе объ ихъ вымираніи подтверждается многими авторами и самый фактъ не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Все сказанное свидѣтельствуетъ, что будущность чернокожаго племени въ Новомъ Свѣтѣ далеко не обезпечена, тѣмъ болѣе, что оно и не можетъ достаточно приспособиться къ климатическимъ условіямъ многихъ частей тропической Америки. Такъ, напримѣръ, извѣстны данныя о вымираніи негровъ на Антильскихъ островахъ (Буденъ). Вѣроятнѣе всего предположеніе, высказанное не разъ уже людьми, хорошо знакомыми съ дѣломъ, что въ будущей исторіи тропической Америки самое выдающееся мѣсто будетъ занято китайцами. Способность этого народа къ приспособленію въ этой части Новаго Свѣта доказывается многочисленными рабочими, ежегодно переселяющимися туда въ значительномъ числѣ. Число ихъ на Кубѣ доходило въ 1861 году до 35.000. «Китаецъ какъ бы созданъ для того, чтобы тутъ процвѣтать», — говоритъ Рацель, авторъ самаго лучшаго сочиненія о китайскомъ переселеніи [1]). Общее положеніе расовой борьбы въ Сѣверной Америкѣ слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ слѣдовало подробно говорить въ этомъ бѣгломъ очеркѣ. Европейцы, поселившіеся тамъ, безусловно сильнѣе испанцевъ, тогда какъ туземное населеніе, наоборотъ, несравненно слабѣе индѣйцевъ испанской Америки. Цѣлая треть его до сихъ поръ не обнаружила никакой способности къ осѣдлой жизни, а такъ какъ оно занимаетъ хорошія плодородныя земли, привлекающія бѣлокожихъ поселенцевъ, то судьба его уже теперь можетъ считаться рѣшенною; дикія племена индѣйцевъ (ихъ считается болѣе 80.000 человѣкъ) должны вскорѣ совершенно исчезнуть. Какія бы мѣры ни были принимаемы свыше, но, какъ уже это бывало сотни разъ, слабое въ борьбѣ за существованіе населеніе не можетъ быть поддержано искусственно противъ самыхъ неразборчивыхъ, часто жестокихъ средствъ, приводимыхъ въ дѣйствіе поселенцами. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ вашингтонское правительство, пропитанное самыми гуманными намѣреніями, дало нѣсколькимъ квакерамъ пол-

[1]) *Ratzel.* Die chinesische Auswanderung. Breslau, 1876, стр. 239.

номочія вступить въ сношенія съ индѣйскими племенами и предпринять все, что только могло принести имъ пользу. Но эти миролюбивые люди тотчасъ же встрѣтили непреодолимое препятствіе со стороны поселенцевъ, которымъ было выгодно, чтобы поддерживались распри съ туземцами, такъ какъ это давало имъ возможность дѣлать поставки для войскъ и обманывать правительство (Globus, XVIII, 315). Тѣми или иными способами, во всякомъ случаѣ не сообразующимися съ правилами даже самой снисходительной нравственности, бѣлое населеніе Соединенныхъ Штатовъ быстро подвигается на западъ, оттѣсняя и уничтожая неподдающіяся культурѣ краснокожія племена, и все болѣе и болѣе упрочиваетъ свое положеніе на материкѣ Новаго Свѣта. Изумительно быстрое развитіе Соединенныхъ Штатовъ можетъ служить нагляднѣйшимъ примѣромъ несовпаденія успѣховъ практической матеріальной культуры съ преуспѣяніемъ высшихъ проявленій человѣческаго духа. Рядомъ съ неимѣющимъ ничего равнаго прогрессомъ прикладного знанія, промышленности и торговли, Соединенные Штаты представляютъ сравнительно ничтожное движеніе въ области искусства и теоретической науки. По мнѣнію многихъ лицъ, хорошо знакомыхъ со страною, нравственность американцевъ стоитъ также на очень невысокомъ уровнѣ. Я не стану приводить здѣсь, конечно, всѣмъ извѣстные сенсаціонные разсказы о частью дѣйствительныхъ, частью преувеличенныхъ злоупотребленіяхъ чиновниковъ, печати и пр. [1]), но нахожу не лишнимъ указать на слѣдующіе, точно констатированные факты, могущіе пролить нѣкоторый свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Съ 1860 по 1870 гг. общее населеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличилось на $22^1/_2\%$. Разсматривая увеличеніе по роду занятія, мы видимъ крайне неравномѣрное распредѣленіе. Успѣхъ земледѣлія выражается при этомъ 18%, промышленности — 28%, торговли и доставки товаровъ — 44%, такъ называемыхъ свободныхъ профессій, прислуги и поденщиковъ — $5^1/_2\%$. Здѣсь особенно кидается въ глаза черезчуръ большое увеличеніе людей, занимающихся торговлей и перевозкой товаровъ, т.-е. именно дѣломъ, нравственная сторона котораго (какъ было показано въ предыдущей главѣ) не отличается особенной высотою. Констатируя усиленный переходъ молодыхъ американцевъ въ города, офиціальный отчетъ статистическаго бюро въ Массачузетсѣ (за 1871 г.) приписываетъ его между прочимъ стремленію разбогатѣть во что бы то ни стало (tas put money in their pockets by fair means if the can, but at

[1]) Указаніями этого рода переполнены статьи объ Америкѣ въ журналахъ Ausland и Globus.

all events to put it there). При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что на торговыя предпріятія бросаются главнѣйшимъ образомъ природные янки, считающіе себя привилегированными сравнительно съ пришельцами изъ Европы. «Безъ являющихся извнѣ рабочихъ американская почва не могла бы давать тѣ богатыя жатвы, которыя необходимы для насъ», говоритъ одинъ изъ компетентныхъ судей по части американской жизни [1]). Что касается увеличенія свободныхъ профессій, то въ этомъ отношеніи на первый планъ выступаютъ (составляющіе 23%) юристы и главнымъ образомъ адвокаты, число которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ доходитъ до 33.000, т.-е. слишкомъ въ шесть разъ больше, чѣмъ въ Германіи (въ послѣдней одинъ адвокатъ приходится на 8000 душъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ—на 1180). Какъ ни высока и прочна культура Соединенныхъ штатовъ и какъ ни сильны поэтому ея представители—янки, тѣмъ не менѣе и имъ приходится сталкиваться на западѣ съ элементомъ, въ высшей степени приспособленнымъ къ борьбѣ за существованіе, и иногда даже уступать ему. Я имѣю здѣсь въ виду тотъ же народъ, который обнаружилъ, какъ было сказано выше, свою силу въ борьбѣ съ малайской расой и которому предсказываютъ блестящую будущность въ тропической Америкѣ. Китайскій вопросъ занимаетъ въ настоящее время не только непосредственно заинтересованные штаты Америки, но о немъ серьезно говорятъ и въ Вашингтонѣ и даже въ Европѣ. Начавшееся съ пятидесятыхъ годовъ переселеніе китайскихъ рабочихъ, постепенно увеличивается (за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ колебаній) до настоящаго времени, такъ что ихъ прибываетъ ежегодно около двадцати тысячъ. Обратное теченіе значительно слабѣе и потому въ результѣ получается остатокъ болѣе чѣмъ въ сто тысячъ, поселившійся главнымъ образомъ въ Калифорніи и преимущественно въ Санъ-Франциско. Сначала китайцы были приняты очень дружелюбно, какъ рабочіе, незамѣнимые при постройкѣ тихо-океанской желѣзной дороги и при другихъ большихъ предпріятіяхъ. Но мало-по-малу они стали обнаруживать способность и не къ одной черной работѣ и обратились къ занятію ремеслами и торговлей, и вообще выказали такую силу въ борьбѣ за существованіе, что переполошили все населеніе западной Америки. Вскорѣ въ Калифорніи образовалась антикитайская партія, настаивающая и продолжающая настаивать на вмѣшательствѣ правительства, съ цѣлью ограниченія китайской

[1]) Цитировано у Блока въ Virteljahresschrift für Volkswirthschaft 1874, III, 176. У этого же автора заимствованы и предыдущія данныя.

эмиграціи и принятія самыхъ строгихъ мѣръ противъ китайцевъ. Послушаемъ какъ формулируетъ свое оппозиціонное мнѣніе эта партія словами одной калифорнійской газеты («San-Fracisco Chronicle» отъ 17 и 21 марта 1876 г.) [1]). «Мы столько разъ уже приводили доказательста того, что американская работа не можетъ существовать рядомъ съ китайской, такъ какъ китаецъ живетъ какъ свинья, а американецъ хочетъ жить по-человѣчески. Китайскій рабочій удовлетворяется ежедневно чашкой риса и двумя чашками чаю, тогда какъ американцу время отъ времени нужна говядина и баранина и ему тяжело оставаться безъ хлѣба и масла. Китаецъ можетъ спать во всякой дырѣ, американцу же необходима постель. Китайцу не мѣшаетъ, если вмѣстѣ съ нимъ спитъ еще двадцать человѣкъ, американецъ же долженъ имѣть такое же помѣщеніе для себя одного, или, въ крайнемъ случаѣ, еще для одного только товарища. Китайскій рабочій не думаетъ о женитьбѣ и основаніи семейства, тогда какъ американцу черезчуръ тяжело лишиться этого. По этому поводу и возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли желать дешевой работы, если она можетъ быть получена не иначе, какъ цѣною приниженія нашего рабочаго до уровня этихъ животныхъ-язычниковъ?» По поводу извѣстія о прибытіи парохода съ новой тысячью китайскихъ переселенцевъ та же газета говоритъ: «Что означаетъ прибытіе этихъ 1017 монголовъ? Это означаетъ оттѣсненіе 1017 бѣлыхъ мужчинъ и женщинъ отъ занятія, которымъ они теперь живутъ, такъ какъ доказано, что бѣлая работа не можетъ конкурировать съ китайской» и т. д. Притѣсненія, вызванныя подобнаго рада мнѣніями, должны были естественно вступить въ коллизію съ свободолюбивыми принципами законодательства Соединенныхъ Штатовъ, и потому принятыя калифорнійскимъ правительствомъ мѣры большей частью были отвергнуты въ Вашингтонѣ. Къ тому же, выгоды, доставляемыя китайцами въ качествѣ дешевыхъ и хорошихъ рабочихъ, ремесленниковъ и прислуги, должны были заставить стать на ихъ сторону большинство капиталистовъ и вообще многихъ вліятельныхъ людей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предприниматели замѣнившіе китайскихъ рабочихъ американскими, должны были снова обратиться къ нимъ, такъ какъ они лучше выполняли принятыя на себя обязательства. Въ результатѣ, не смотря на всѣ стѣсненія и антикитайскія агитаціи, китайцамъ удалось утвердиться на

[1]) Цитаты эти взяты изъ книги Рацеля, стр. 236. Главнымъ же образомъ при изложеніи китайскаго вопроса въ Америкѣ я пользовался сочиненіемъ *Гибсона* „The Chinese in America“. Cincinnati, 1877.

американской почвѣ и забрать въ свои руки нѣкоторыя ремесла, какъ, напримѣръ, башмачное, прачечное и др. Изъ западныхъ штатовъ они частью потянулись и въ восточные, гдѣ при усиленной фабричной дѣятельности имъ, быть можетъ, предстоитъ сыграть немаловажную роль. До сихъ поръ переселенцами изъ Китая являются почти исключительно мужчины. Въ Америкѣ насчитывается всего отъ пяти до шести тысячъ китаянокъ, изъ которыхъ значительное большинство проститутокъ; въ новѣйшее время, однакоже, у нихъ замѣчается стремленіе къ правильной семейной жизни; такъ, одинъ только миссіонеръ Гибсонъ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ перевѣнчалъ около сорока паръ по христіанскому обычаю. Это явленіе безспорно указываетъ на процессъ усиленнаго приспособленія и укорененія китайцевъ въ Сѣверной Америкѣ, процессъ, окончательный результатъ котораго едва ли можетъ быть съ точностью предсказанъ въ настоящую минуту. Опасенія массоваго переселенія китайцевъ въ Америку высказывались большей частью съ практической цѣлью,—побудить правительство къ принятію стѣснительныхъ мѣръ, и вообще безъ дѣйствительной опасности такого наплыва американцами не были бы во-время приняты надлежащія охранительныя мѣры, къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что американцы и теперь обнаруживаютъ значительную силу въ борьбѣ за существованіе; при усиленіи же ея, хотя бы подъ вліяніемъ китайской конкуренціи, они могутъ еще болѣе приспособиться. На это указываетъ, напримѣръ, ихъ изобрѣтательность въ дѣлѣ придумыванія средствъ, которыя, не нарушая основъ американской конституціи, могли бы сколь возможно стѣснять китайцевъ и дѣлать имъ горькою жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ. Такъ, напримѣръ, городское управленіе Санъ-Франциско, въ виду привычки китайцевъ къ скученной жизни, издало постановленіе, обязывающее, чтобы на каждаго жителя приходилось въ квартирѣ не менѣе пятисотъ кубическихъ футовъ пространства. Для надзора за этимъ оно нарядило ночные обходы, и китайцевъ, не исполнившихъ предписанія, велѣло препроводить въ тюрьму, гдѣ помѣщеніе оказалось вдвое тѣснѣе. Съ тою же цѣлью и то же управленіе издало постановленіе, извѣстное подъ названіемъ «предписанія о свиныхъ хвостахъ», по которому всѣ арестанты мужского пола должны быть острижены почти подъ гребенку. Сдѣлано это было въ виду важнаго религіознаго значенія, которое китайцы придаютъ своимъ косамъ. Если, съ одной стороны, въ настоящее время не можетъ быть рѣчи о нашествіи китайскихъ массъ въ Америку, то, съ другой стороны, не правы тѣ, которые не придаютъ китайскому переселенію въ Соединенные Штаты никакого

общественнаго значенія. Во-первыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что всякое приращеніе китайскихъ рабочихъ препятствуетъ соотвѣтствующему наплыву европейцевъ и, слѣдовательно, удерживаетъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ, увеличивая тѣмъ предложеніе труда на европейскихъ рынкахъ. Во-вторыхъ, усиленная конкуренція съ китайцами должна вліять на измѣненіе оклада бѣлыхъ рабочихъ. Даже умѣренныя партіи стоятъ въ этомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія свободы конкуренціи. Вотъ какъ, напримѣръ, высказывается по этому поводу «New-York Times», стоящая вообще въ сторонѣ отъ непосредственныхъ столкновеній съ китайскимъ вопросомъ. «Хорошо извѣстно, говоритъ эта газета, что главнѣйшія возраженія противъ китайскаго переселенія исходятъ отъ ирландскаго населенія. Непонятно, однакоже, почему бы слѣдовало запретить Китаю, ближайшему сосѣду нашихъ западныхъ штатовъ, облегчать тамошнее отсутствіе рабочихъ рукъ. Чуть только это переселеніе перестанетъ приносить пользу государству, то оно само собою прекратится вслѣдствіе недостаточной поддержки». Еще рѣзче высказывается въ томъ же смыслѣ Рацель. «Оппозиція бѣлаго чернорабочаго люда противъ желтаго переселенія,—говоритъ онъ,—до сихъ поръ есть не что иное, какъ зависть. Она только тогда могла бы имѣть нѣкоторое оправданіе, если бы оппоненты обязались работать такъ же дешево и прилежно, какъ тѣ конкуренты, вытѣсненіе которыхъ они проповѣдуютъ столь громкими фразами. Но въ такомъ случаѣ китайское переселеніе должно было бы прекратиться само собою. Ихъ привлекаетъ именно требованіе болѣе дешевой работы, чѣмъ та, къ которой привыкли американцы и европейцы» (стр. 234). Выходъ изъ этого положенія можетъ состоять или въ искусственномъ задержаніи китайской эмиграціи, что въ виду напора ея, съ одной стороны, и настоящаго экономическаго положенія страны, съ другой—крайне затруднительно, или же въ оказаніи большаго противодѣйствія со стороны самихъ рабочихъ, которымъ такъ или иначе пришлось бы развить въ себѣ тѣ свойства, благодаря которымъ китайцы оказались столь сильными въ промышленной борьбѣ. Во всякомъ случаѣ, сближеніе западныхъ народовъ съ китайцами, обусловленное отчасти усиленіемъ міровой торговли и сношеній, отчасти же прекращеніемъ китайской замкнутости, должно усилить конкуренцію и, въ виду очевидной силы китайцевъ, вліять на большее или меньшее окитаизированіе бѣлыхъ соперниковъ, т.-е. на развитіе въ нихъ тѣхъ именно сторонъ, которыя и у китайцевъ образовались подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій борьбы за существованіе въ ихъ собственномъ отечествѣ.

Встрѣтившись съ народомъ, обнаружившимъ особенную силу въ борьбѣ за существованіе, мы, въ интересахъ изученія этого явленія, должны нѣсколько далѣе остановиться и попытаться отвѣтить на вопросъ: чѣмъ именно обязаны китайцы тому, что они такъ успѣшно ведутъ конкуренцію съ самыми различными народами и при самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ? Прежде чѣмъ приступить къ этому, нужно еще нѣсколько обстоятельнѣе изобразить картину китайской борьбы, такъ какъ только тогда мы составимъ себѣ надлежащее понятіе о степени силы этого замѣчательнаго народа. Болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ въ сѣверо-западной части нынѣшней Китайской имперіи возникъ небольшой, быть можетъ, всего изъ ста семействъ состоявшій, черноволосый народъ «пе-зингъ», начавшій съ того времени постепенно разрастаться и расширять свои владѣнія, которыя черезъ тысячу лѣтъ дошли до береговъ Южно-Китайскаго моря. Въ концѣ двѣнадцатаго вѣка до Р. Х. Срединное царство занимало еще только четвертую долю своего нынѣшняго пространства. Внутри имперіи рядомъ съ китайцами жило еще множество варварскихъ народовъ, номинально признававшихъ китайскую власть и только мало-помалу терявшихъ свою самобытность. Китайцы дѣйствовали противъ нихъ не вооруженною силою. Они никогда не были воинственнымъ народомъ, не отвоевывали земель и не порабощали своихъ противниковъ, а постепенно, такъ сказать, всасывали ихъ въ себя, побуждали ихъ мирными средствами безвозвратно сливаться съ собою. Увеличеніе китайскихъ владѣній продолжалось и въ болѣе новыя времена: такъ, они въ половинѣ тринадцатаго вѣка послѣ Р. Х. пріобрѣли самую южную провинцію Юнъ-нань, а Формозой завладѣли только въ концѣ семнадцатаго столѣтія. Способъ, посредствомъ котораго китайцы упрочиваются на этомъ островѣ, можетъ дать нѣкоторое понятіе и о ходѣ ихъ мирнаго завоевательнаго процесса вообще. Они начали съ того, что построились на обращенной къ материку части западнаго берега и отсюда стали понемногу распространяться въ другія стороны. Во внутреннюю часть острова они стараются проникать съ величайшей осторожностью; вполнѣ же владѣютъ они и теперь только западной половиной острова, гдѣ они упрочиваются, главнѣйшимъ образомъ, при помощи терпѣнія и хитрости; только въ случаяхъ, когда условія представляются особенно благопріятными, они по временамъ оттягиваютъ новый кусокъ земли у дикихъ туземцевъ. Такъ какъ равнины уже заняты прежними переселенцами, то новые китайскіе піонеры стараются прежде всего купить себѣ клочекъ земли, при чемъ «дѣйствіе убѣжденіемъ есть ихъ любимый пріемъ». Только

въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ китайцы сами прибѣгаютъ къ насиліямъ,—они предпочитаютъ нанимать дружественныя имъ племена для защиты отъ враждебныхъ и нерѣдко женятся на туземныхъ женщинахъ, для того, чтобы они могли выполнять роль мирныхъ посредницъ. Такимъ образомъ китайцы достигли того, что населеніе ихъ на Формозѣ дошло до четырехъ милліоновъ и что туземцы стали отодвигаться все глубже и глубже.

Китайцы подпали подъ власть монголовъ, и теперь ими управляетъ манчжурская династія, но и Монголія и Манчжурія постепенно все болѣе и болѣе китаизируются. Завоеваніе Китая манджурами тотчасъ же послужило поводомъ къ переселенію китайцевъ въ Манджурію, и въ результатѣ получилось быстрое вымираніе манджуровъ и переполненіе страны китайцами. Въ Монголіи китайцы значительно подвигаются впередъ, постепенно завладѣвая плодородными землями, и уже теперь легко предвидѣть, «что не въ очень отдаленномъ будущемъ вся способная къ воздѣлыванію земля Монголіи перейдетъ въ китайскія руки» (Рацель). Далеко перейдя за предѣлы пресловутой китайской стѣны и сплачивая все болѣе и болѣе всю Небесную имперію въ одно цѣлое, китайцы, какъ мы отчасти уже видѣли выше, легко уходятъ изъ своего отечества и вступаютъ въ борьбу за существованіе нерѣдко съ совершенно для нихъ новыми народами. Значительная часть Азіи съ давнихъ поръ сдѣлалась такимъ поприщемъ китайской дѣятельности. Западная часть Индо-китайскаго полуострова въ короткое время наводнилась китайцами, такъ что древнія буддійскія колоніи Сіамъ и Камбоджа вскорѣ превратились въ полукитайскія государства. Японія и Малайскій архипелагъ привлекли къ себѣ также значительное число китайскихъ торгашей, прочно утвердившихся даже въ такихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Явѣ. Они успѣли проникнуть и въ столь густо населенныя мѣста, какъ, напримѣръ, Остъ-Индія, гдѣ они завладѣли уже нѣкоторыми ремеслами; такъ, напримѣръ, въ Калькуттѣ около девяносто процентовъ сапожниковъ—китайцы. На Филиппинскихъ островахъ они утвердились, несмотря на всевозможныя притѣсненія и преслѣдованія со стороны испанцевъ, и все предсказываетъ имъ тамъ блестящую будущность. Извѣстный путешественникъ Ягоръ, думаетъ, «что они со временемъ какъ на Филиппинскихъ островахъ, такъ и въ другихъ странахъ Великаго океана, вытѣснятъ всѣ посторонніе элементы или же образуютъ плодовитыя расы метисовъ, которымъ они все-таки передадутъ свои особенности» (цит. у Рацеля, 134). Особенно важная роль выпала на долю китайцевъ въ Сингапурѣ, гдѣ девять десятыхъ всѣхъ торговыхъ операцій находятся въ ихъ рукахъ и

гдѣ они завладѣли не только мелкой, но и крупной торговлей и, кромѣ того, самыми разнообразными ремеслами. Какъ банкиры и мѣнялы, они не имѣютъ себѣ равныхъ. Китайская колонія въ Сингапурѣ замѣчательна еще потому, что въ ней китайцы обнаруживаютъ всего меньшую охоту къ возвращенію на родину. Многіе изъ нихъ женятся или на пріѣзжающихъ китаянкахъ или же на малайскихъ женщинахъ. Въ 1859 году изъ пятидесяти тысячъ китайскихъ колонистовъ было уже 3248 китаянокъ (Рацель, 202). Хотя главное китайское движеніе въ Азіи за предѣлами своей имперіи и направлено по преимуществу на югъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторая часть китайцевъ переселяется и на сѣверъ, въ наши азіатскія владѣнія. Такъ, напримѣръ, они частью поселились въ Амурскомъ краѣ, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ (между прочимъ, разведеніемъ жень-шеня) и, разумѣется, торговлей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они утвердились столь прочно, что, по словамъ полковника Венюкова, «присутствіе манджуровъ и китайцевъ на лѣвомъ берегу Амура, близъ Благовѣщенска, вѣроятно на долгое время будетъ задерживать руссификацію въ этой мѣстности». Съ нѣкоторыхъ поръ въ Амурскомъ краѣ появились и китайскіе рабочіе, нанятые въ самомъ Китаѣ; въ Забайкальскую же область стали приходить китайскіе торгаши, расплодившіеся, между прочимъ, и въ Иркутскѣ. Изъ внѣазіатскихъ странъ китайское переселеніе, кромѣ Америки, совершается въ значительной степени еще въ Австралію и въ меньшихъ размѣрахъ въ Полинезію. Въ Австраліи они расходятся изъ трехъ пунктовъ: южнаго (Викторія), восточнаго (Квинслендъ) и сѣвернаго (Портъ-Дарвинъ). За послѣдніе годы особенно усилился наплывъ ихъ въ золотыя розсыпи Квинсленда, гдѣ изъ 15.000 рабочихъ—14.000 китайцевъ. Европейскіе колонисты пришли въ ужасъ отъ такого быстраго увеличенія китайской эмиграціи и настояли на принятіи стѣснительныхъ мѣръ. Мѣстный парламентъ съ этой цѣлью значительно увеличилъ пошлину на рисъ, главную пищу китайцевъ, и, кромѣ того, увеличилъ плату за право высаживаться на берегъ для китайскихъ пріисковыхъ рабочихъ и купцовъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, была отвергнута англійскимъ правительствомъ, что вызвало въ колоніяхъ большое неудовольствіе и формальный протестъ [1]). Изъ полинезійскихъ острововъ, Таити и Сандвичевы острова, главнымъ образомъ, привлекаютъ къ себѣ китайцевъ [2]). На Таити они появи-

[1]) Ausland, 1877, № 42, p. 839.

[2]) Кромѣ того, они появились въ Ново-Каледоніи на Салиганскихъ островахъ и въ Ново-Зеландіи, гдѣ число ихъ въ 1874 г. составляло 4828 (Behm und Wagner, Bevölkerung der Erde, 1876, № 14, p. 53).

лись впервые въ 1856 году. Это были пріисковые рабочіе и различные ремесленники, бѣжавшіе изъ Австраліи вслѣдствіе дурного обращенія съ ними. Получивъ право высадиться на островѣ, они скоро уже образовали маленькую китайскую колонію, занявшись, главнымъ образомъ, мелочной торговлей. Кромѣ того, были выписаны китайскіе кули для работъ на плантаціяхъ, которыя у нихъ, по обыкновенію, пошли вполнѣ удовлетворительно. О привлеченіи китайскихъ рабочихъ въ Англію и Германію, какъ о средствѣ къ прекращенію стачекъ, уже не разъ поговаривали предприниматели въ Лондонѣ и Берлинѣ, но, разумѣется, врядъ ли когда-либо имъ удастся исполнить это предположеніе. Теперь и наука (по крайней мѣрѣ, въ Германіи катедеръ-соціалисты) начала возставать противъ расовой равноправности и противъ неограниченной свободы эмиграціи чуждыхъ европейцамъ племенъ. Несравненно вѣроятнѣе наплывъ, въ ближайшемъ будущемъ, китайцевъ въ Африку. Въ 1875 году была сдѣлана первая попытка добыть китайскихъ рабочихъ на Мысъ Доброй Надежды, и Франсисъ Гальтонъ высказываетъ убѣжденіе въ необходимости заселенія Африки китайцами въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, только этимъ путемъ можно сдѣлать эту большую страну вполнѣ доступной разумной культурѣ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ новѣйшихъ путешественниковъ по Китаю, аббатъ Давидъ, смотритъ чрезвычайно серьезно на силу китайцевъ въ конкуренціи. Онъ считаетъ невыгоднымъ для европейцевъ усиленное распространеніе знаній между китайцами, такъ какъ, вооруженные ими, китайцы сдѣлаются еще болѣе опасными; онъ думаетъ, что «этому неисчерпаемому муравейнику» слѣдуетъ предоставить Азію, Малайскій архипелагъ и Африку, но что, по крайней мѣрѣ теперь, съ тѣмъ большей энергіей необходимо воспрепятствовать его наплыву въ Европу и Америку. Необходимо имѣть въ виду удивительную способность китайскихъ переселенцевъ, несмотря на изумительную приспособляемость къ новымъ условіямъ, сохранять тѣмъ не менѣе свои характерныя особенности. Всѣ путешественники въ одинъ голосъ утверждаютъ это и говорятъ, что китайскіе кварталы въ Санъ-Франциско, Мельбурнѣ, Батавіи и др. городахъ представляютъ совершенно типъ городовъ Небесной имперіи. Нѣкоторые китайцы начинаютъ въ Калифорніи перенимать европейскіе обычаи, т.-е. мѣняютъ одежду и нѣкоторыя формы, но въ сущности остаются тѣми же китайцами. Хотя они вообще весьма несклонны допускать никакого поползновенія къ пріобрѣтенію чисто научныхъ познаній, тѣмъ не менѣе они съ большой охотой и легкостью перенимаютъ многіе практическіе свѣдѣнія и пріемы и только благодаря этой способ-

ности становятся въ короткое время опасными конкурентами для европейскихъ ремесленниковъ. (Нѣсколько характерныхъ примѣровъ этого было описано Диксономъ въ его книгѣ о борьбѣ расъ въ Америкѣ.) Императоръ Юнъ-Чангъ, допуская европейскихъ миссіонеровъ въ Китай, объявилъ, что онъ это дѣлаетъ не потому, чтобы считалъ ихъ религію хорошей, а только потому, что они знаютъ астрономію и математику и полезны правительству для исправленія календаря. За послѣдніе годы китайцы сдѣлали большіе успѣхи въ военномъ отношеніи, пригласивъ европейскихъ офицеровъ для устройства арміи и укрѣпленій, которыя у нихъ буквально переполнены крупповскими пушками (Globus, 1873, 105).

Переходя теперь къ причинамъ, вслѣдствіе которыхъ китайцы такъ сильны въ борьбѣ за существованіе, необходимо сказать нѣсколько словъ объ участіи въ этомъ соматическаго элемента. Хотя въ наукѣ еще не существуетъ удовлетворительнаго матеріала для сужденія о физической приспособляемости китайцевъ, но, судя по всему, что извѣстно въ этомъ отношеніи, способность эта у нихъ чрезвычайно высока. Какъ мы видѣли выше, они распространились на огромномъ пространствѣ, включающемъ и суровое въ климатическомъ отношеніи Забайкалье, и тропическія, и экваторіальныя страны. Относительно физической, т.-е. мускульной, силы они оказались не особенно одаренными [1]), но зато они выигрываютъ вслѣдствіе способности къ очень продолжительной работѣ. Во многихъ мѣстностяхъ, куда переселяются китайцы, была замѣчена ихъ чрезвычайная «сила крови», т.-е. усиленная наслѣдственная передача ихъ физическихъ и душевныхъ способностей при скрещиваніи съ другими расами. Дѣти отъ китайскихъ отцовъ съ малайскими, манджурскими, испанскими и др. женщинами гораздо болѣе похожи на китайцевъ, чѣмъ на своихъ матерей (Рацель, стр. 71, 135 и 262). Рядомъ съ такой физической одаренностью, китайцы представляютъ цѣлый рядъ душевныхъ свойствъ, вліяющихъ на ихъ силу въ борьбѣ. Во-первыхъ, они отличаются, какъ уже было упомянуто нѣсколько разъ, чрезвычайной умѣренностью въ пищѣ и другихъ потребностяхъ и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Они работаютъ долго и усидчиво и не брезгаютъ никакой работой, лишь бы она была оплачиваема. Въ Калифорніи они монополизировали нѣкоторыя женскія спеціальности, какъ, напримѣръ, мытье бѣлья и уходъ въ домѣ и за дѣтьми. Во-вторыхъ, китайцы въ

[1]) Измѣренія ручной силы, произведенныя антропологами фрегата „Новары“, показали, что китайцы въ этомъ отношеніи занимаютъ предпослѣднее мѣсто. См. Reise der öst. Fregatte „Navara“ Anthrop. Theil, 1867, 219.

высшей степени уживчивы и потому легче многихъ другихъ народовъ переносятъ притѣсненія и нарушенія правъ. Эти качества слѣдуетъ безспорно отнести къ числу нравственныхъ, хотя въ ихъ ряду трудолюбіе, умѣренность и выносливость занимаютъ одно изъ низшихъ мѣстъ, такъ какъ они (особенно въ данномъ случаѣ) направляются для цѣлей личной жизни. Къ числу болѣе высокихъ нравственныхъ качествъ должна быть отнесена солидарность китайскихъ переселенцевъ, вслѣдствіе которой они, въ случаѣ нужды или несчастія, оказываютъ другъ другу помощь [1]). Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что въ борьбѣ за существованіе они очень неразборчивы на средства и постоянно прибѣгаютъ къ такимъ, которыя, какъ въ глазахъ европейской, такъ и китайской морали, признаются безнравственными. Выше я имѣлъ уже случай сослаться на примѣръ опутыванія монголовъ долгами со стороны китайскихъ купцовъ; подобныхъ примѣровъ можно бы привести цѣлый рядъ. Говоря о противозаконной эмиграціи китайцевъ въ Монголію, Рацель, ссылаясь на Вильямсона, говоритъ: «эти простодушные люди (монголы) не доросли до китайской хитрости» (стр. 88). И далѣе: «эта борьба хитрости съ наивной, не сознающей самоё себя первобытной силой дикаря, можетъ показаться не особенно утѣшительнымъ зрѣлищемъ, но на результаты ея нельзя не смотрѣть, какъ на прогрессъ» (89). Съ помощью такихъ же пріемовъ борются китайцы и въ Манджуріи съ ея «простодушными и добродушными» туземцами. «Какъ всюду, гдѣ господствуетъ миръ,—говоритъ Рацель,—такъ и въ Манджуріи китайцы находятся въ сильной степени процвѣтанія, вытѣсняя прежнихъ обладателей съ помощью хитрости и трудолюбія» (стр. 80). Вотъ какъ описываетъ испанскій историкъ Суньига китайскихъ переселенцевъ на Филиппинскихъ островахъ: «На одного, посвящающаго себя земледѣлію, появлялась тысяча всевозможныхъ купцовъ, торговавшихъ чрезвычайно ловко. Они употребляли фальшивые мѣры и вѣсы и до неузнаваемости фальсифицировали всевозможные товары, какъ, напримѣръ, воскъ, сахаръ и др. Они вели себя настоящими ростовщиками, слѣдя внимательно за потребностями народа и спросомъ на различные товары, которые они удерживали до тѣхъ поръ, пока имъ не давали требуемую ими высокую цѣну» (цит. у Рацеля, 134). Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по островамъ Тихаго океана, графъ Пемброкъ, указываетъ на эксплоатацію таитянъ китайцами и замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «обѣ расы представляютъ рѣзкій контрастъ, азіатецъ

[1]) Reise der Freg. „Novara“, Volksausgabe, II, 545.

всегда перехитритъ простодушнаго полинезійца. Само собой разумѣется, что качества, оказывающіяся столь пригодными для борьбы китайцевъ съ другими народами, были выработаны и развиты первыми во время ихъ многовѣковой борьбы у себя дома». «Невѣроятная бережливость времени, мѣста и матеріала,—говоритъ Ягоръ,—которая могла развиться только у такого перенаселеннаго народа, какъ китайцы, постоянно съ новой силой кидается въ глаза путешественнику». И въ самомъ дѣлѣ, характеръ китайца, всю жизнь остающагося въ Небесной имперіи, совершенно такой же, какъ и у эмигранта. Вотъ какъ описываетъ перваго Пешель. «Китаецъ соединяетъ въ себѣ все, что нужно, чтобы при условіяхъ безпрепятственнаго развитія привести къ быстрому перенаселенію; онъ нѣжный отецъ, считающій благословеніе дѣтьми за величайшую радость [1]), умѣренъ до излишества, образцово бережливъ, неутомимъ какъ работникъ, не знаетъ праздника, но въ торговомъ дѣлѣ хитрѣе грека. Уже дѣти занимаются коммерческими дѣлами; торгашество и отдача денегъ подъ залогъ—ихъ любимыя игры». По словамъ знаменитаго путешественника Гюка, отзывъ котораго былъ много разъ подтверждаемъ различными наблюдателями, китаецъ совершенно поглащенъ временными интересами и матеріалистиченъ въ обычномъ смыслѣ слова. «Нажива составляетъ единственную цѣль, къ которой постоянно устремленъ его взоръ. Жгучая жажда къ полученію прибыли, какой бы то ни было, поглощаетъ всѣ его способности и всю энергію». Коммерческій духъ развитъ у него въ сильнѣйшей степени. Капитала въ нѣсколько копеекъ уже бываетъ достаточно для него, чтобы начать какое-нибудь маленькое дѣло, при чемъ обыкновенно пускается въ ходъ ловкое плутовство, столь свойственное китайцу. Все это указываетъ на то, что китайскій характеръ есть прототипъ практическаго характера, а это уже достаточно объясняетъ, почему китайцы оказались столь сильными въ борьбѣ за существованіе. Перевѣсъ какъ въ индивидуальности, такъ и въ общественной борьбѣ долженъ выпадать именно въ пользу болѣе практической стороны, такъ какъ практичность и есть не что иное, какъ способность, во что бы то ни стало, достигнуть желаемаго результата. Отсюда понятно, что у китайца умственная сторона должна представляться наиболѣе выдающейся чертой характера. Дрэперъ приписываетъ прочность Китая тому, что «политическая система его стремится достичь соотвѣтствія съ тѣмъ физіологическимъ условіемъ,

[1]) Съ перваго взгляда это можетъ казаться ошибочнымъ въ виду нерѣдкаго дѣтоубійства въ Китаѣ.

которое руководитъ всѣми соціальными усовершенствованіями, — она стремится дать господствующій контроль уму». Нѣкоторая степень умственнаго образованія, какъ извѣстно, составляетъ достояніе каждаго китайца при столь распространенномъ элементарномъ обученіи. Нравственный уровень стоитъ у нихъ безспорно на болѣе низкой степени. По мѣткому выраженію извѣстнаго государственнаго человѣка Америки, Сьюарда, «китайская нравственность обращается не къ суду совѣсти, а къ правиламъ приличія». Рацель, не имѣвшій, правда, случая наблюдать китайцевъ въ ихъ отечествѣ, но добросовѣстно изучившій литературу о нихъ, жалуется на отсутствіе у нихъ идеаловъ и говоритъ, что «они лишены того высокаго нравственнаго стремленія, которое переходитъ за предѣлы соображеній минутной пользы и ищетъ правды ради нея самой». Китайцы самостоятельно выработали очень развитое нравственное ученіе, которое во многихъ отношеніяхъ не ниже нашихъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ взглядовъ, но которое въ то же время заключаетъ и корни практичности, столь свойственной китайскому міросозерцанію. Такъ, напримѣръ, во второй изъ четырехъ основныхъ книгъ китайской философіи и морали (Тчунъ-Юнгъ, или неизмѣнность въ срединѣ,—книгѣ, приписываемой внуку и ученику Конфуція — Тесу-ссé) проводится принципъ, что человѣкъ высшаго достоинства «сообразуется съ обстоятельствами, чтобы оставаться на срединѣ» [1]), и проповѣдуется, что «будутъ ли всемірныя заповѣди исполняться по естественному побужденію и безъ усилій, или же въ виду извлечь изъ того личную пользу и выгоду, или же онѣ будутъ исполняться съ трудомъ и усиліями, но если разъ человѣкъ выполняетъ похвальныя дѣла, то результатъ во всѣхъ случаяхъ одинаковъ». Не слѣдуетъ забывать, разумѣется, что между нравственнымъ ученіемъ и нравственностью, т.-е. нравственнымъ поведеніемъ, еще существуетъ большая разница, которая именно и замѣчается такъ часто среди китайцевъ. По словамъ Гюка, «если китаецъ и читаетъ книги нравственнаго и религіознаго содержанія, то не иначе, какъ въ видѣ отдыха и развлеченія, съ цѣлью препровожденія времени» (I, 174). Религіозный индифферентизмъ китайцевъ есть фактъ общеизвѣстный и проявляется въ ихъ жизни на каждомъ шагу. Когда испанцы, въ видахъ противодѣйствія китайскимъ эмигрантамъ на Филиппинскихъ островахъ, издали постановленіе, что только христіане могутъ жениться на туземныхъ женщинахъ, то китайцы безъ малѣйшаго труда принимали христіанство, но, разумѣется, номинально. Ки-

[1]) Я цитирую по переводу Потье, въ 1858 г. изд. въ Парижѣ, стр. 68 и 84.

тайскій императоръ Мангъ-Чингъ (начала прошлаго столѣтія) издалъ комментаріи на рѣчи своего отца, въ которыхъ онъ предостерегаетъ отъ ложныхъ сектъ и осуждаетъ всѣ разбираемыя имъ религіи. Онъ шутитъ надъ безпрерывнымъ повтореніемъ молитвъ буддистами и говоритъ по этому поводу: «если вы, провинившись, будете тысячи разъ кричать передъ судьей «ваше превосходительство», то неужели вы думаете, что онъ васъ за это проститъ? Вашъ богъ Фо — презрѣнный, если онъ осуждаетъ за то, что ему не подносятъ взятокъ на алтари и не жгутъ въ честь его бумагъ, и пр.». Нашъ знаменитый синологъ, проф. Васильевъ, высказывается слѣдующимъ образомъ: «на Востокѣ (т.-е. собственно въ Китаѣ) вовсе не имѣютъ того понятія о привязанности къ религіи, которое мы встрѣчаемъ на Западѣ—*тамъ люди живутъ не сердцемъ, а житейскими нуждами*» [1]). Неудивительно, что при такомъ исключительно практическомъ направленіи искусство въ Китаѣ не могло подняться на высокій уровень развитія. Послушаемъ въ этомъ отношеніи спеціалиста по исторіи искусства. «Вкусъ китайцевъ,—говоритъ Шнаазе,—не имѣя возвышеннаго направленія, производитъ главнымъ образомъ работы, отличающіяся внѣшней искусственностью. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ художественной техники китайцамъ принадлежитъ заслуга, какъ авторамъ важныхъ техническихъ изобрѣтеній (изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣланы ими въ незапамятныя времена) и какъ искуснѣйшимъ и до настоящаго времени исполнителямъ; уже въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. они занимались отливкой металловъ, обработкой шелка и различными видами тонкихъ глиняныхъ издѣлій. Но рядомъ съ этими и другими, возбуждающими удивленіе техническими искусствами тѣмъ рѣзче выступаетъ недостатокъ истинно-художественнаго дарованія. Въ ихъ постройкахъ мы видимъ принципъ декоративной обойной пестроты, внѣшнимъ образомъ примыкающій къ свайнымъ постройкамъ и шатрамъ первобытныхъ народовъ; въ скульптурѣ и живописи окостенѣніе ихъ фантазіи допускаетъ только тощія копіи съ натуры или безобразныя отклоненія отъ нея. Изслѣдованіе этого

---

[1]) О движеніи магометанства въ Китаѣ, на годичномъ актѣ Петербургскаго унив. 1867, 24. Проф. Васильевъ здѣсь высказываетъ предположеніе, что китайцы, сдѣлавшись магометанами, потеряютъ и свой индифферентизмъ. Но предположенія эти до сихъ поръ не оправдываются. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, аббатъ Давидъ, говоритъ въ 1875 г.: „китайскіе магометане вовсе не заражены фанатизмомъ западныхъ мусульманъ; ихъ религія сводится къ небольшому числу догматическихъ положеній, къ обычаю обрѣзанія и воздержанія отъ свинины“. Они читаютъ Коранъ по-арабски, ничего въ немъ не понимая“. Journal de mon troisième voyage dans l'empire chinois, I, 136.

явленія, само по себѣ очень интересное, относится поэтому скорѣе къ этнографіи, чѣмъ къ исторіи искусства; да и для исторіи культуры въ обширномъ смыслѣ оно далеко не необходимо, такъ какъ, вращаясь главнымъ образомъ въ сферѣ технической и матеріальной цивилизаціи, нося на себѣ характеръ законченный и эгоистическій, оно осталось безъ замѣтнаго духовнаго вліянія на другіе народы [1]).

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ китайскимъ характеромъ, необходимо взглянуть и на внѣшнія условія, при которыхъ онъ складывался и развивался. Какъ ни разнорѣчивы показанія о величинѣ китайскаго населенія, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что оно мѣстами очень густо. Этимъ объясняется цѣлый рядъ явленій китайской жизни, какъ, напримѣръ, дѣтоубійство, переселеніе, множество кули, отдающихъ себя почти въ рабство за возможность заработать кусокъ хлѣба, и т. п. [2]). Къ тому же, фактъ густого населенія крайне вяжется съ нѣкоторыми сторонами народнаго характера, какъ, напримѣръ, съ крайней бережливостью и умѣренностью. Китай можетъ считаться страною съ сравнительно равномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ. Въ немъ мы не встрѣчаемъ сосредоточенія крупныхъ капиталовъ въ рукахъ немногихъ, равно какъ и особенно крупныхъ промышленныхъ и земледѣльческихъ предпріятій (Рацель, 49). Земля также распредѣлена сравнительно очень равномѣрно. Она, какъ извѣстно, раздроблена на чрезвычайно маленькіе участки, составляющіе достояніе множества мелкихъ собственниковъ. Хотя законъ и не ограничиваетъ количества скупаемой земли, тѣмъ не менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ очень мало, да и тѣ владѣютъ мелкими участками въ разныхъ мѣстахъ, потому что наибольшая часть такихъ владѣльцевъ пріобрѣла земли покупкою у частныхъ лицъ (Іакинфъ, Китай, I, 43). На раздробленіе земель въ Китаѣ имѣлъ въ значительной степени вліяніе съ давнихъ поръ вошедшій въ употребленіе обычай дѣлить землю поровну между всѣми сыновьями [3]). Вообще аграрный вопросъ въ Китаѣ представляется въ высшей степени интереснымъ какъ моментъ, игравшій существенную роль въ развитіи того практиче-

---

[1]) Geschichte der bildenden Künste, 1866, I, стр. 60, 61.

[2]) Авторъ одной интересной экономической статьи о Китаѣ, д-ръ Маронъ, считаетъ мнѣніе о перенаселеніи Китая чистой выдумкой. Но доводы его не подтверждаютъ этого отрицанія. Онъ говоритъ, напримѣръ, объ отсутствіи въ Китаѣ излишка рабочей силы, въ то время какъ оттуда ежегодно выселяется отъ 30 до 120 тыс. взрослыхъ работниковъ. См. Ratzel, стр. 257.

[3]) Объ этомъ, равно какъ о сравнительномъ равенствѣ въ Китаѣ вообще, см. *Girard.* France et Chine, 1869, I, 127—129, 210 и слѣд.

скаго характера, который оказался столь сильнымъ въ борьбѣ за существованіе. При династіи Чеу (въ XII столѣтіи до Р. Х.) была сдѣлана со стороны правительства крупная попытка къ равному распредѣленію земель, которыя были (еще ранѣе того) раздѣлены на хорошія, среднія и дурныя. Первой давали каждому семейству по сто,—второй по двѣсти,—третьей—по триста му. «Существенная цѣль такого раздѣла земель,—говоритъ отецъ Іакинфъ,—кромѣ уравненія поземельнаго налога и земельныхъ повинностей, состояла въ томъ, чтобы не было въ государствѣ ни чрезмѣрно богатыхъ, ни чрезмѣрно бѣдныхъ, т.-е. нищихъ и бродягъ, чтобы жители, привязанные къ осѣдлости закономъ, безъ крайней необходимости не могли оставлять своего мѣстопребыванія и чтобы, работая подъ непосредственнымъ надзоромъ начальства, не могли предаваться лѣности и праздности» (Китай, III, 97, 98). Но эти учрежденія стали мало-по-малу расшатываться, такъ что при слѣдующей династіи Тзинь они могли уже быть вовсе устранены и взамѣнъ ихъ впервые возникла въ Китаѣ частная собственность. При этомъ, разумѣется, болѣе богатые и вліятельные люди захватили множество лучшихъ земель, тогда какъ бѣдняки, лишившись послѣдняго клочка, должны были разбрестись въ разныя стороны. «Отсюда родилось бродяжничество, праздность, лѣность, воровство, обманы, разорительныя тяжбы о земляхъ, разные пороки въ народѣ, разные безпорядки въ управленіи, и это зло въ короткое время столь умножилось, что самый виновникъ онаго, государь Тзинь-ши-Хоангть, принужденъ былъ изъ бродягъ и негодяевъ составить огромное ополченіе и отправить для завоеванія нынѣшней губерніи Гіанъ-дунъ» (Іакинфъ, III, 99). Подати при такихъ условіяхъ сдѣлались въ высшей степени обременительны, и во всѣхъ концахъ государства стали раздаваться жалобы. Многіе государственные люди и писатели начали обдумывать мѣры къ устраненію зла и съ этой цѣлью стали требовать возстановленія прежней формы землевладѣнія, т.-е. новаго, основаннаго на равноправности, передѣла земель. Впрочемъ, нашлись и противники подобнаго мнѣнія: защищая богатыхъ указаніями на ихъ разнообразныя заслуги, одинъ изъ такихъ противниковъ старался выдвинуть на первый планъ положеніе, что «зло заключается не въ существованіи общественныхъ или частныхъ полей, а въ томъ, что нѣтъ никакой возможности устранить бѣдность». Между крайними партіями возвысила свой голосъ и примирительная, согласившаяся на сохраненіе частной собственности, но требовавшая ограниченія ея расширенія опредѣленіемъ максимума поземельной собственности и, кромѣ того, настаивавшая на необходимости принять мѣры противъ

усиленнаго раздробленія. Въ этомъ смыслѣ было дважды сдѣлано представленіе (въ 122 и 20 г. до Р. Х.), и правительство оба раза оказывалось вынужденнымъ уступить общему сопротивленію землевладѣльцевъ. Зло тѣмъ временемъ сильно возросло и привело, наконецъ, къ крупному государственному перевороту. Министръ послѣдняго императора первой ханьской династіи Вангъ-Мангъ, человѣкъ въ высшей степени рѣшительный и энергичный, велѣлъ отравить малолѣтняго государя, посадилъ вмѣсто него на престолъ двухлѣтнее дитя, но вскорѣ свергнулъ его и объявилъ себя императоромъ въ 9-мъ году нашей эры. Онъ велѣлъ сдѣлать опись имуществу богатыхъ, начиная съ мандариновъ, у которыхъ оказалось несравненно большее состояніе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ оставилъ имъ только пятую долю, а остальныя четыре—продалъ, для того, чтобы вырученныя деньги могли быть употреблены на государственныя нужды. Кромѣ того, Вангъ-Мангъ издалъ слѣдующее постановленіе: «Вся земельная собственность страны принадлежитъ императору; ни одинъ подданный не имѣетъ права на землю свыше одного цина (около 6 десятинъ); продажа земли воспрещается для того, чтобы каждый могъ сохранить источникъ для пропитанія; земли, которыхъ, послѣ этого закона, окажется слишкомъ много, отойдутъ въ казну и будутъ раздѣлены по деревнямъ, смотря по надобности. Тотъ, кто усумнится въ мудрости этихъ правилъ, будетъ изгнанъ; того же, кто ихъ нарушитъ, постигнетъ смертная казнь» [1]). Вангъ-Мангъ не отступалъ передъ крайностями. Щедрый по отношенію къ народу, онъ не щадилъ жизни людей, не слѣдовавшихъ его политикѣ. Были дни, когда онъ казнилъ по нѣскольку сотъ человѣкъ за то, что они не оправдали его узурпаторства. Учрежденія, введенныя такъ внезапно и притомъ въ сопровожденіи такихъ насилій, оказались недолговѣчными: черезъ три года послѣ изданія своего постановленія Вангъ-Мангъ долженъ былъ взять его обратно. Для того, чтобы утвердить свою власть и съ цѣлью подавленія племенъ, возставшихъ при извѣстіи о низложеніи ханьской династіи, онъ снарядилъ военныя экспедиціи, высосавшія множество денегъ и отразившіяся крайне тяжело на благосостояніи народа. Увеличеніе налоговъ и пошлинъ возбудило всеобщее неудовольствіе, выразившееся въ возстаніяхъ, которыя быстро разрослись и привели къ установленію прежней династіи. Ванъ-Мангъ былъ задушенъ и разрѣзанъ на куски; голова его, выставленная на площади, сдѣ-

[1]) См. интересную статью *Сахарова* о землевладѣніи въ Китаѣ, напечатанную въ I томѣ „Трудовъ русской миссіи въ Пекинѣ".

лалась цѣлью для метанія стрѣлъ со стороны черни. При послѣдующихъ династіяхъ аграрный вопросъ сосредоточился исключительно на пріисканіи гарантій къ ограниченію расширенія частной земельной собственности и притомъ безъ требованія безденежной отдачи излишка. Объ уничтоженіи личнаго владѣнія уже не было и рѣчи. Въ 485 году нашей эры «Сяо-вынь-ди первый имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ возстановленіи уравненія въ сѣверномъ Китаѣ. Не отнимая земель у владѣльцевъ, онъ положилъ земли, оставшіяся безъ наслѣдниковъ, и земли конфискованныя превращать въ государственное имущество и раздавать землепашцамъ въ пожизненное владѣніе, и касательно владѣльческихъ земель ограничилъ закономъ количество, которымъ каждому можно владѣть по его состоянію. Съ сею цѣлью допустилъ продажу излишнихъ земель, а покупку излишнихъ противъ законнаго количества и продажу казенной земли, въ надѣлъ данной, безусловно запретилъ» (Іакинфъ, III, 101). Такъ какъ главная цѣль этихъ постановленій состояла въ устраненіи нищенства, то прежде всѣхъ землею надѣляли бѣдныхъ, а потомъ уже давали и богатымъ. Но эта мѣра не пережила своего основателя, и дѣйствіе ея прекратилось послѣ смерти Сяовынь-ди. Послѣ того было еще нѣсколько попытокъ въ этомъ же родѣ. Въ первой половинѣ седьмого столѣтія императоръ Тхайцзунъ ввелъ уложеніе о надѣленіи крестьянъ подушными и потомственными землями. «Бѣднымъ и отправляющимъ земскія повинности давали землю прежде другихъ. Но въ непродолжительномъ времени тотъ же государь принужденъ былъ уничтожить свой законъ». Въ 954 году еще государь Ши-цзунъ пытался ввести уравнительное раздѣленіе земель, но землевладѣльцы сильно воспротивились его установленію. «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ отецъ Іакинфъ,—въ продолженіе десяти вѣковъ всѣ усилія правительства утвердить ограничивающій законъ были тщетны, почему домъ Гинь, вступившій на престолъ имперіи въ 1115 году, произвелъ только измѣреніе земель и опредѣлилъ поземельный налогъ по качествамъ почвы, не входя въ разборъ, кто владѣлъ землями» (стр. 104). Около полвѣка до этого послѣдняго постановленія совершилось явленіе, само по себѣ очень интересное въ исторіи соціальнаго движенія въ Китаѣ. Я имѣю въ виду попытку реформы со стороны Вангъ-Нганъ-шé, государственнаго человѣка, достигшаго почти неограниченной власти, сдѣлавшагося самымъ приближеннымъ лицомъ императора Шенъ-цунга. Умный, образованный, краснорѣчивый, Вангъ-Нганъ-шé умѣлъ придать вѣсъ каждому своему слову и вербовать партизановъ въ свой лагерь. Но въ то же время онъ

былъ крайне честолюбивъ и считалъ всѣ средства законными, когда дѣло шло объ исполненіи его намѣреній; человѣкъ гордый и полный чувства собственнаго достоинства, онъ относился съ уваженіемъ только къ тѣмъ, кто раздѣлялъ его взгляды [1]). Добившись власти, онъ возстановилъ бывшія еще во времена династіи Чеу учрежденія для контроля надъ торговыми сдѣлками, для назначенія таксъ въ широкихъ размѣрахъ и пошлинъ, которыя взимались только съ богатыхъ. Деньги, выручаемыя изъ этого источника, шли въ сохранную кассу императора, который распредѣлялъ ихъ между безпомощными стариками, бѣдными, рабочими, не имѣвшими работы, и пр. Кромѣ того, Вангъ-Нганъ-шé учредилъ особыя инстанціи, на которыхъ лежала обязанность распредѣлять сѣмена для засѣванія пустопорожнихъ земель и раздавать эти земли поселянамъ, съ условіемъ, чтобы послѣдніе возвращали въ видѣ сѣмянъ или другихъ продуктовъ стоимость выданныхъ имъ цѣнностей. Для того же, чтобы всѣ земли въ государствѣ приносили доходъ, смотря по ихъ качеству, чиновники этого учрежденія рѣшали, какими именно сортами растеній слѣдовало засѣвать данную землю и сообразно съ этимъ они выдавали сѣмена, которыя должны были быть возвращаемы только по снятіи жатвы. Эти реформы вызвали уже нѣкоторое неудовольствіе въ имперіи, но оно приняло серьезные размѣры, когда Вангъ-Нганъ-шé измѣнилъ форму экзаменовъ и для объясненія книгъ (пяти священныхъ книгъ) велѣлъ принять написанныя имъ самимъ комментаріи, а для объясненія знаковъ — держаться смысла, приданнаго имъ въ составленномъ имъ всеобщемъ словарѣ. Противъ этихъ нововведеній поднялась цѣлая буря со стороны министровъ, мандариновъ и прочихъ сильныхъ людей, но ни что не могло поколебать довѣрія со стороны императора и умалить власти, которой пользовался Вангъ-Нганъ-шé. Послѣдній настойчиво преслѣдовалъ свои планы реформъ и съ этой цѣлью удалилъ многихъ сановниковъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ отправилъ въ ссылку; вмѣсто нихъ онъ выдвинулъ своихъ приверженцевъ, большею частью людей совершенно новыхъ на служебномъ поприщѣ. Такъ шло дѣло до смерти Шенъ-цунга. Послѣ него реакція немедленно восторжествовала; императрица-регентша вполнѣ довѣрилась одному изъ самыхъ энергичныхъ и талантливыхъ противниковъ реформъ прежняго царствованія—знаменитому писателю Ссе-ма-куангу, который въ короткое

---

[1]) Такимъ изображаетъ его Amiot въ Mémoires concernant les Chinois, т. X., 1784, стр. 33.

время разрушилъ неупрочившіяся еще нововведенія Вангъ-Нганъ-шé. Смѣщенные чиновники снова вернулись на свои мѣста, и дѣла вошли въ свою прежнюю колею [1]).

Выводъ, къ которому приводитъ сообщенное въ главныхъ чертахъ изслѣдованіе о борьбѣ за существованіе въ человѣчествѣ, имѣетъ, особенно съ перваго взгляда, много общаго съ извѣстнымъ положеніемъ Бокля, что въ дѣлѣ цивилизаціи рѣшающимъ и главнымъ моментомъ всегда является интеллектуальное развитіе. Въ самомъ дѣлѣ, подходя къ вопросу съ двухъ сторонъ, мы должны были убѣдиться, что роль нравственнаго момента въ борьбѣ за существованіе несравненно ограниченнѣе и подчиненнѣе, нежели умственнаго. На это прямо указываютъ и факты человѣческой борьбы и соображенія о непрочности этическихъ основаній. «Существенныя начала нравственности были извѣстны много тысячъ лѣтъ тому назадъ и ни одной іоты, ни одного параграфа не прибавили къ нимъ всѣ проповѣди, поученія и афоризмы, какіе только могли произвести теологи-моралисты» (I, 135). Но развѣ рѣшеніе вопроса о томъ, кто тѣ «другіе», которымъ нужно дѣлать добро, не составляетъ подвижного элемента въ морали, и точно все равно, будемъ ли мы распространять добро только на своихъ соплеменниковъ, или же и на чужихъ людей, на представителей другого народа, другой расы и, наконецъ, на животныхъ? Слѣдовательно, развитіе нравственнаго чувства есть фактъ, замѣтный какъ въ исторіи народовъ, такъ и въ исторіи отдѣльныхъ людей. Невѣрно также, будто въ историческомъ процессѣ цивилизаціи незамѣтно вліяніе нравственнаго момента. Если бы Бокль взялъ примѣръ изъ области литературы, искусства и чистой науки, то онъ увидѣлъ бы, какимъ двигателемъ являлось въ нихъ нравственное чувство. Съ этой стороны ему также были приведены довольно вѣскія возраженія, различіе между основнымъ положеніемъ Бокля и главнымъ выводомъ, вытекающимъ изъ представленнаго читателю матеріала, заключается въ томъ, что ограниченную роль нравственнаго момента слѣдуетъ признать только какъ орудія къ побѣдѣ въ дѣлѣ борьбы за существованіе, которая въ крупныхъ формахъ выражается въ видѣ промышленной конкуренціи и соперничества народовъ, а не во всемъ процессѣ ци-

1) Въ высшей степени интересное положеніе этихъ событій находится у Аміо, къ которому я и отсылаю читателя. Я не счелъ умѣстнымъ останавливаться подробнѣе на этой страницѣ китайской соціальной исторіи, такъ какъ это не соотвѣтствовало бы общему характеру статьи.

вилизаціи. Литература и искусство, составляющія столь существенную сторону цивилизаціи и такъ тѣсно связанныя съ нравственнымъ развитіемъ, отступаютъ на задній планъ въ обыкновенныхъ формахъ борьбы за существованіе. Отсюда понятно, что народы, крайне неразвитые съ этихъ точекъ зрѣнія, могутъ оказаться несравненно сильнѣе, чѣмъ народы, стоящіе гораздо выше ихъ въ этомъ отношеніи. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ необходимости расчленить то сложное цѣлое, которое называется цивилизаціей, на двѣ большія группы, слѣдуя въ этомъ отношеніи Гизо. «Въ цивилизаціи—говоритъ онъ,—заключены два главные факта, она существуетъ при двухъ условіяхъ и обусловливается двумя признаками: развитіемъ общественной дѣятельности и развитіемъ дѣятельности личной, прогрессомъ общества и прогрессомъ человѣка [1]). Первый изъ этихъ элементовъ обнимаетъ собою гражданина и экономическое развитіе и вообще то, что называютъ часто терминомъ «Матеріальная культура»; второй же заключаетъ «развитіе жизни индивидуальной, внутренней, развитіе самого человѣка, его способностей, чувствъ, идей» и выражается въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ. Хотя Гизо и указываетъ на то, что есть «много государствъ, гдѣ благосостояніе растетъ быстрѣе и лучше распредѣляется между гражданами и гдѣ между тѣмъ цивилизація находится на низшей степени развитія, нежели въ другихъ государствахъ, не такъ богато надѣленныхъ собственно въ соціальномъ отношеніи», тѣмъ не менѣе онъ строго держится принципа, что оба составные элемента цивилизаціи неразрывно связаны между собою. Предполагаемая неразрывность этой связи опровергается приведенными выше фактами, напримѣръ, сила въ борьбѣ за существованіе китайцевъ и малайцевъ, стоящихъ невысоко ни въ дѣлѣ нравственности, ни въ дѣлѣ искусства, литературы и науки. Первенствующее положеніе эллиновъ въ этихъ высшихъ областяхъ цивилизаціи не сдѣлало ихъ живучими и не дало имъ силы пережить неизмѣримо ниже стоящихъ китайцевъ, такъ же точно, какъ неразвитость послѣднихъ, съ этихъ точекъ зрѣнія, не помѣшала имъ сдѣлаться сильнѣйшимъ народомъ въ борьбѣ за существованіе, на долго пережить греческую и римскую цивилизаціи и занять отчасти даже угрожающее положеніе по отношенію къ современному европейскому міру. Рацель и другіе писатели о китайцахъ много разъ ссылаются на отсутствіе у этого народа «идеальныхъ стремленій», но именно это отсутствіе, замѣняемое удивительной практичностью, послужило имъ не во вредъ, а въ пользу на аренѣ борьбы.

[1]) Исторія цивилизаціи въ Европѣ. Переводъ Арсеньева, стр. 16.

Вступительное слово предсѣдателя съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ въ 1883 г.

Прежде всего позвольте мнѣ высказать вамъ, многоуважаемые сочлены, свою глубокую благодарность за оказанную мнѣ высокую, хотя и не вполнѣ заслуженную мною честь. Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, я считаю своимъ долгомъ высказать благодарность—и, въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, я могу говорить отъ имени всѣхъ членовъ—всѣмъ тѣмъ инстанціямъ, которыя оказали содѣйствіе съѣзду, которыя дали намъ возможность собраться, снабдили насъ матеріальными средствами, пустили въ свой домъ, которыя повезутъ насъ на своемъ пароходѣ и посадятъ насъ на своихъ лошадей. Какъ одесситъ, я, кромѣ того, считаю своею обязанностью поблагодарить иногороднихъ членовъ, которые не пожалѣли времени, чтобы побывать на нашемъ съѣздѣ. Затѣмъ я нахожу нужнымъ оріентировать посѣтившую насъ публику, при чемъ я, однакоже, считаю себя въ правѣ говорить лишь исключительно отъ своего имени.

Первый вопросъ, который, я полагаю, задаютъ въ настоящую минуту, заключается въ томъ: чѣмъ намѣренъ заняться съѣздъ и что изъ этого можетъ воспослѣдовать? Просматривая списокъ членовъ и предполагаемыхъ занятій, можно прійти къ общему выводу, что съѣздъ нашъ преимущественно научный, хотя онъ и будетъ заниматься нѣкоторыми чисто прикладными вопросами, напримѣръ, вопросами изъ области земской медицины, тѣмъ не менѣе на первомъ планѣ стоятъ дѣла изъ сферы такъ называемой чистой или теоретической, пожалуй университетской науки. Столь важныя, какъ прикладныя отрасли, напримѣръ, технологія и сельское хозяйство, на нашемъ съѣздѣ не имѣютъ секцій, и значительное большинство сообщеній носитъ чисто теоретическій характеръ. На ближайшей моей спеціальности—зоологической секціи—преобладаютъ вопросы

изъ исторіи развитія, какъ отрасли зоологіи, всего болѣе вѣдающей общія теоретическія стороны этой науки. У ботаниковъ вы не найдете ни одного сообщенія, касающагося культуры хлѣбовъ или другихъ полезныхъ растеній, и т. д. Я особенно выдвигаю чисто теоретическое направленіе нашего съѣзда, нисколько не боясь возраженія, столь часто повторяемаго у насъ въ Россіи, что теоретическая наука представляетъ для насъ непозволительную роскошь, что намъ нужно заниматься исключительно прикладными отраслями естествознанія, непосредственно ведущими къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія. Отдавая должное прикладной наукѣ, которая успѣла уже принести столько благъ человѣчеству, но въ то же время помня, что «не отъ единаго хлѣба будетъ живъ человѣкъ» и что у него существуетъ непреодолимая потребность сознательнаго отношенія къ окружающему и себѣ, я думаю, что намъ пора позаботиться о томъ, чтобы укрѣпить знамя теоретическаго естествознанія и, по возможности, устранить многочисленныя недоразумѣнія, по поводу него у насъ возникшія. Нѣкоторые, быть можетъ, подумаютъ, что, говоря такимъ образомъ, я имѣю возможность утверждать, будто теорія уже настолько созрѣла, что въ состояніи удовлетворить многочисленнымъ требованіямъ, къ ней предъявляемымъ, что она можетъ дать всеобъемлющее готовое міросозерцаніе. Я знаю, что немногіе допускаютъ это, въ то время какъ большинство именно ставятъ въ вину теоріи то, что она не въ состояніи отвѣтить на основные вопросы, тревожащіе человѣческій умъ. Говоря о прикладной наукѣ, обыкновенно умиляются ея плодотворнымъ результатомъ; говоря же о теоріи, ее обвиняютъ въ томъ, что она, разрушая старыя традиціи, не замѣняетъ ихъ ничѣмъ новымъ. Отсюда является, съ одной стороны, упорное противодѣйствіе, готовое на все, противъ науки, ради возврата къ традиціямъ; съ другой же стороны, разочарованіе въ теоріи и переходъ въ жизнь практическую. Выходъ изъ положенія былъ бы въ высшей степени простъ, если бы можно было утверждать, что естественно-историческое міросозерцаніе теперь же или въ ближайшемъ будущемъ окажется въ состояніи отвѣтить на предлагаемый ему съ столь давнихъ поръ гамлетовскій вопросъ,—«что благороднѣй для души», что оно, другими словами, можетъ разрѣшить основную задачу нравственной, а слѣдовательно соціальной жизни. Чѣмъ ближе, однакоже, мы подходимъ къ этому вопросу, тѣмъ больше оцѣниваемъ колоссальныя затрудненія на пути. Въ прошломъ, отчасти и въ нашемъ столѣтіи, казалось дѣломъ доступнымъ опредѣлить свойства общаго блага, къ которому всѣ люди должны бы были стремиться; въ особенности поддерживалъ это убѣжденіе Бокль,

опиравшійся на незыблемость и неизмѣняемость нравственныхъ основъ человѣчества; но съ тѣхъ поръ оказалось совершенно наоборотъ, что въ различныя времена у различныхъ народовъ, у болѣе мелкихъ соціальныхъ группъ и даже чуть не у каждаго человѣка существуетъ свое особенное мѣрило блага и что задача раціональной этики, въ которую входило, само собою разумѣется, и благо будущихъ поколѣній, оказалось ей не по силамъ. Къ тому же теорія общаго блага неприложима уже потому, что она санкціонируется индуктивнымъ путемъ лишь по сведеніи окончательныхъ итоговъ даннаго поступка. Я, быть можетъ, не рѣшился бы настаивать на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, если бы многочисленныя попытки представителей различныхъ школъ современныхъ мыслителей, не доказали бы, во-первыхъ, что при современномъ состояніи естествознанія основы этики удовлетворительнымъ образомъ даны быть не могутъ и, во-вторыхъ, что неискренность въ этихъ дѣлахъ лишь увеличиваетъ и безъ того достаточное количество недоразумѣній и можетъ вести только къ тяжелымъ послѣдствіямъ. Я, разумѣется, не имѣю здѣсь возможности входить въ критическій разборъ этическихъ ученій, число которыхъ въ силу неутомимаго спроса растетъ чуть не ежедневно, но остановлюсь лишь на принципѣ Г. Спенсера, какъ представителя эволюціонизма, т.-е. той точки зрѣнія, на которой стоитъ современное ученіе объ организмахъ. Этотъ изумительный мыслитель, поставившій, какъ онъ самъ говоритъ, главной своей задачей установленіе раціональныхъ основъ этики, печатающій ихъ въ незаконченномъ видѣ, боясь, чтобы смерть не отняла у него возможности высказать свои взгляды, казалось, лучше чѣмъ кто-либо способенъ къ выполненію великой задачи. Его основной принципъ дедуктивной этики «полнота жизни», выведенный будто бы на основаніи главнымъ образомъ біологическихъ данныхъ, въ сущности не даетъ искомаго критерія и является обновленнымъ перифразомъ «естественной жизни», въ которой искали отвѣта мыслители XVII и XVIII вѣковъ. Въ обѣ эти формулы можетъ быть включено рѣшительно все, что угодно, подобно тому, какъ понятіе о благѣ общемъ и единичномъ оказалось эластичнымъ до непригодности. Кромѣ этого теперь уже можно признать невѣрнымъ стремленіе втиснуть человѣческую жизнь въ рамки, положенныя данной готовой формой, съ ея зачаточнымъ обезьяньимъ образомъ, и пора уже искать чего-нибудь иного. Полнота жизни въ смыслѣ греческаго принципа гармоническаго развитія также не можетъ имѣть претензіи стать этическимъ принципомъ, удовлетворяющимъ потребностямъ ума, воспитаннаго на началахъ послѣдовательнаго эволюціонизма. Объ интуитивной или

инстинктивной морали нечего и говорить съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ, что эти интуиціи столь различны у различныхъ народовъ и что именно человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ ослабленіемъ инстинктивной дѣятельности вообще.

Итакъ, современное естествознаніе оказывается не въ силахъ сколько-нибудь установить принципы этики теоретической и прикладной и ему остается пока лишь болѣе укрѣпиться въ своемъ скептицизмѣ. Есть времена, когда скрывать подобную точку зрѣнія положительно не слѣдуетъ; это именно времена фанатическаго убѣжденія въ истинности принциповъ, раздѣляемыхъ извѣстными инстанціями. Скептицизмъ въ такихъ случаяхъ умѣряетъ самоувѣренность, вноситъ осторожность сужденій и дѣйствій и, наконецъ, ведетъ къ терпимости. Послѣднія столѣтія дали намъ религіозную терпимость, и до сихъ поръ еще не слышно, чтобы она принесла какой-либо вредъ. Въ нашемъ вѣкѣ, почти на нашихъ глазахъ, стала устанавливаться терпимость въ области практической медицины. Еще недавно врачей, не пускавшихъ кровь при острыхъ болѣзняхъ, призывали на судъ, какъ людей, совершившихъ великій проступокъ. Фанатическая вѣра въ пользу кровопусканій уже отжила свой вѣкъ. Скептицизмъ въ области терапіи сдѣлалъ немыслимымъ подобное отношеніе; онъ внесъ, однакоже, не индифферентизмъ, а терпимость и осторожность, по возможности научную разработку вопросовъ. Теперь на очереди младшая сестра медицины въ области антропологическихъ наукъ—соціологія (этика и политика). Она имѣетъ еще меньше незыблемой почвы подъ ногами, чѣмъ медицина, а между тѣмъ она еще мнитъ, будто ея принципы прочно установлены. Посмотрите на нарастающее теперь направленіе государственной науки—на этическую школу—развивающуюся въ Германіи подъ эгидою Ад. Вагнера и Бисмарка. Она стремится отдать благо въ руки государственной власти во имя принциповъ раціональной этики, не замѣчая при этомъ, что именно эти самые принципы выведены ею на пескѣ.

Мы уже видѣли примѣры практическаго примѣненія высокихъ принциповъ, не достаточно провѣренныхъ критикою, и считаемъ, что прежнихъ опытовъ достаточно для того, чтобы допустить самый широкій скептицизмъ. Онъ долженъ выработать соціологическую терпимость, научить насъ прямо смотрѣть въ глаза истинѣ, не отклоняясь отъ ея послѣдствій, и во всякомъ случаѣ по возможности изгнать употребленіе изъ этической фармакопеи «medicamenta heroica». Пора припомнить сказанное болѣе 2300 лѣтъ назадъ: «никто изъ насъ, ни софисты, ни поэты, ни ораторы, ни артисты, ни я, не знаетъ, что такое истина, доброе и прекрасное. Но между

ними то различіе, что хотя они всѣ ничего этого не знаютъ, тѣмъ не менѣе увѣрены, что знаютъ «нѣчто», между тѣмъ, какъ я, если и не знаю, то, по крайней мѣрѣ, нимало не сомнѣваюсь въ томъ». Таково, по моему мнѣнію, современное положеніе. *Теоретическая разработка вопросовъ естествознанія* (въ самомъ широкомъ смыслѣ) *одна только можетъ дать правильный методъ къ познанію истины и вести къ установленію законченнаго міросозерцанія или, по крайней мѣрѣ, по возможности приблизить къ нему.* Именно теперь, когда со всѣхъ сторонъ дружные труды въ этомъ направленіи могутъ оказаться весьма цѣнными. Есть времена, когда передовики, подобно Фаусту, бѣгутъ отъ науки въ жизнь; но есть и другія, когда не найдя въ жизни должнаго удовлетворенія, именно въ силу того, что называютъ сложностью жизни, и что опять-таки сводится къ неполнотѣ и непрочности этическихъ основъ, они возвращаются въ науку съ поникшей головой, уже не требуя отъ нея столь многаго, какъ въ первый разъ. Мнѣ кажется, что такой періодъ уже не за горами; для того же, чтобы блудные сыны не вернулись въ пустой домъ, мы должны убрать его и внести въ него оживленіе. Поскольку наши съѣзды съ теоретическими работами, касающимися болѣе или менѣе непосредственно стремленія къ установленію раціональнаго міровоззрѣнія, могутъ помочь этому, настолько мы считаемъ ихъ дѣломъ нужнымъ. Въ ожиданіи лучшаго будущаго, обязанностью своей мы считаемъ отстаивать интересы теоретическаго знанія у насъ, несмотря на всѣ препятствія, съ какой бы стороны они къ намъ ни приходили.

О цѣлебныхъ силахъ организма.

Приглашенный почтеннымъ предсѣдателемъ комиссіи къ прочтенію сообщенія на общемъ собраніи, я рѣшился сказать нѣсколько словъ, мм. гг. и мм. гг., «о цѣлебныхъ силахъ организма», полагая, что здѣсь всего удобнѣе избирать темы не изъ области отдѣльныхъ спеціальностей, а изъ отдѣловъ знанія, гдѣ соприкасается нѣсколько отраслей его, и притомъ изъ отдѣловъ, доступныхъ и непосвященной публикѣ. Само собою разумѣется, что изложеніе подобнаго рода темъ сопряжено съ многочисленными затрудненіями, вслѣдствіе чего я заранѣе прошу извиненія у публики, если мнѣ не удастся придать моему сообщенію достаточно общедоступный характеръ, а у врачей—за то, что я, натуралистъ, не получившій достаточной медицинской подготовки, рѣшаюсь говорить о предметѣ ихъ компетенціи.

Я начну съ факта общеизвѣстнаго, что болѣзни переносятся неодинаково различными людьми, что крѣпкіе субъекты нерѣдко подвержены имъ сильнѣе слабыхъ, что въ большинствѣ случаевъ болѣзнь проходитъ сама собою. Самостоятельное заживленіе ранъ, сращеніе сломанной кости извѣстно всякому изъ обыденной жизни. Очень часто вы слышите, что такой-то выздоровѣлъ, благодаря «его сильной натурѣ», при чемъ употребленіе послѣдняго слова, почти изгнаннаго изъ языка, ясно указываетъ на давность выражаемаго понятія. Въ самомъ дѣлѣ, исторія медицины показываетъ намъ, что съ древнѣйшихъ временъ въ этой наукѣ установлено было понятіе о цѣлебной силѣ природы—которая предохраняетъ человѣка отъ заболѣванія и устраняетъ болѣзненную причину. Ученіе это было ясно выражено еще Гиппократомъ (IV в.), какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Натуры—болѣзней врачи. Природа сама отыскиваетъ пути безъ размышленія; она достигаетъ нужнаго безъ указанія и ученія» (Haeser, I, 1875, 148); это положеніе Гиппократъ кладетъ въ основаніе своей лѣчебной науки—терапіи и по-

этому совѣтуетъ врачу какъ можно болѣе оберегать цѣлебныя силы природы. Особенно при острыхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ онъ считаетъ главнѣйшей обязанностью врача поддерживать тѣлесную силу и, по возможности, меньше вмѣшиваясь въ теченіе болѣзни, слѣдить за правильнымъ ходомъ ея и выжидать наступленія кризиса. Въ силу этого онъ высказалъ требованіе, что врачъ долженъ «*помогать или, по крайней мѣрѣ, не вредить*». Продолжатель Гиппократа—Галенъ (II в.) старался опредѣлить нѣсколько ближе природу цѣлебной силы организма. Онъ считалъ ее «силой, образующей и питающей тѣло, регулирующей его отправленія и возстановляющей его въ случаѣ болѣзни. Все это производитъ цѣлебная сила (фюзисъ) безсознательно, по законамъ необходимости, при помощи притягательной, удерживающей, измѣняющей и изгоняющей силы. Послѣдняя главнымъ образомъ служитъ для исцѣленія, извлеченія болѣзнетворныхъ веществъ» (Haeser, I, 371). Галенъ, подобно своему великому предшественнику, совѣтуетъ также по возможности воздерживаться отъ вмѣшательства и предоставлять полную свободу цѣлебной силѣ природы.

Это основное положеніе гиппократовской терапіи прошло чрезъ цѣлый рядъ столѣтій и сохранилось отчасти и до нашихъ дней. Въ началѣ новыхъ временъ оно нашло горячаго приверженца въ Парацельзѣ (XVI в.), который ссылается на полное заживленіе запущенныхъ ранъ безъ всякаго участія врача (Haeser, II, 1881, 95). Только въ случаяхъ, когда цѣлебная сила природы оказывается явно несостоятельной, врачъ долженъ выступить изъ своего выжидательнаго положенія и вмѣшаться въ дѣло. Но и тутъ онъ долженъ употреблять средства—съ цѣлью вызвать цѣлебную силу природы изъ дремоты. Еще больше проникся Сиденгамъ (XVII в.) принципомъ цѣлебной силы, который онъ положилъ въ основаніе своего ученія объ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ и о болѣзненномъ сложеніи. Но, вообразивъ, что главная причина болѣзней и помѣха успѣшному вліянію цѣлебной силы заключена въ крови и именно въ «воспаленіи ея», онъ пришелъ къ выводу о необходимости самыхъ энергичныхъ кровопусканій, противорѣча въ этомъ большинству другихъ послѣдователей гиппократовской терапіи и самому Гиппократу. Не имѣя возможности распространяться здѣсь подробнѣе о цѣломъ рядѣ другихъ поклонниковъ теоріи цѣлебной силы природы, не могу не остановиться одну минуту на баварскомъ врачѣ Шталѣ (XVII—XVIII вв.), который эту силу прямо называлъ «душою» или «природою». Признавая за ней неоцѣненныя заслуги въ дѣлѣ исцѣленія, онъ допускалъ, однакоже, способность «души» заблуждаться, обвинялъ ее нерѣдко въ лѣности

и трусости и приписывалъ ей различныя неудачныя попытки къ исцѣленію, выражающіяся, напримѣръ, въ эпилептическихъ припадкахъ.

Перифразированное на разные лады, гиппократовское ученіе вело нерѣдко къ крайностямъ и, по обыкновенію, вызвало реакцію, выразителемъ которой явился въ прошломъ столѣтіи знаменитый шотландскій врачъ Броунъ. Вообще говоря, хотя принципъ цѣлебной силы природы пережилъ это и послѣдующія противодѣйствія, но онъ былъ оттиснутъ на задній планъ инымъ характеромъ общаго направленія медицины. Выросшая на почвѣ практики, явившаяся сначала въ видѣ терапіи, врачебная наука вскорѣ сосредоточилась главнымъ образомъ на болѣзненныхъ явленіяхъ. Изученіе процессовъ, представляемыхъ больнымъ организмомъ, а впослѣдствіи основанное на немъ искусство опредѣлять болѣзни, а также наука объ измѣненіяхъ больныхъ органовъ заняли господствующее положеніе въ медицинѣ. Для того, чтобы понять болѣзнь, сумму ея проявленій старались заключить въ одну общую рамку, представить ее какъ нѣчто цѣльное, единое. Первоначальный дуализмъ, два начала болѣзни, болѣзнетворное и цѣлебное, сталъ болѣе и болѣе сглаживаться. Долгое время не только гиппократовскій принципъ терапіи, но и ученіе о причинахъ болѣзней оставались безъ дальнѣйшей разработки, и только послѣднее двадцатипятилѣтіе пролило на этотъ вопросъ блестящій свѣтъ. Я имѣю въ виду ученіе о бактеріяхъ, уже успѣвшее составить эпоху въ медицинѣ и поэтому слишкомъ извѣстное всякому врачу. Такъ какъ оно важно не только само по себѣ, но является необходимымъ введеніемъ къ изученію цѣлебныхъ силъ, то я, въ интересахъ лицъ непосвященныхъ, долженъ сказать нѣсколько словъ о немъ. Исторія этіологіи, т.-е. науки о причинахъ болѣзней, представляетъ безспорно одну изъ лучшихъ страницъ въ лѣтописи завоеваній человѣческаго ума.

И въ наше время существуетъ много народовъ, убѣжденныхъ, что болѣни являются продуктомъ злыхъ духовъ, которые въ той или иной формѣ проникаютъ въ тѣло, изъ котораго могутъ быть извлечены лишь при посредствѣ религіозно-магическихъ чародѣйствій. По мнѣнію индѣйцевъ Сѣверной Америки, болѣзнетворные духи облекаются въ форму различныхъ звѣрей, вслѣдствіе чего основнымъ правиломъ ихъ терапіи служатъ средства къ изгнанію соотвѣтствующаго животнаго. Готтенготы представляютъ себѣ злыхъ духовъ въ видѣ змѣй, для извлеченія которыхъ прибѣгаютъ къ разрѣзамъ больныхъ частей тѣла (Müller, Allg. Ethnogr., S. 90, 253). Во времена болѣе отдаленныя подобныя представленія были

распространены въ несравненно большей степени. Знаменитый защитникъ христіанства Тертуліанъ (II — III вв.) былъ убѣжденъ, что злые духи, подъ властью сатаны, ихъ князя, производятъ болѣзни и другія бѣдствія. Духи эти, по его мнѣнію, «легки и подвижны какъ птицы и потому знаютъ все, что происходитъ на землѣ; они живутъ въ воздухѣ и потому могутъ подсмотрѣть, что дѣлается на небѣ»... «Они ложно исцѣляютъ болѣзни, потому что, овладѣвъ тѣломъ человѣка, они производятъ въ немъ какую-нибудь болѣзнь, и затѣмъ, предписавъ употреблять какое-нибудь средство, перестаютъ его мучить, а люди думаютъ, что произошло исцѣленіе». Врачами древности ученіе о болѣзнетворныхъ духахъ было отвергнуто, они искали причину болѣзней въ видимыхъ космическихъ и метеорологическихъ явленіяхъ, предполагая какую-то таинственную связь между ними и болѣзненными процессами. Даже Галенъ, одинъ изъ главныхъ основателей медицины, упорно утверждалъ, что существуютъ легкіе и тяжелые дни и что ходъ болѣзни существенно зависитъ отъ относительнаго положенія луны къ добрымъ и злымъ планетамъ. До нашихъ временъ еще сохранилось суевѣрное убѣжденіе въ болѣзнетворномъ вліяніи кометъ, и я живо припоминаю жуткое чувство, охватившее меня при появленіи кометы 1858 г. Съ звѣзднаго неба этіологіи спустились въ область теллурическихъ и метеорологическихъ явленій, искали причинъ болѣзней въ вулканическихъ изверженіяхъ, землетрясеніяхъ, грозахъ, наконецъ, въ рѣзкихъ перемѣнахъ температуры.

Весьма часто и въ прежнія времена къ числу болѣзнетворныхъ причинъ присоединяли различные организмы, живой контагій, который представляли себѣ въ видѣ микроскопическихъ насѣкомыхъ, летающихъ въ воздухѣ. Но даже значительные успѣхи въ нашихъ свѣдѣніяхъ о чужеядныхъ животныхъ человѣка мало подвинули впередъ общій вопросъ о живомъ контагіѣ. Существенный шагъ впередъ былъ сдѣланъ ботаниками, доказавшими, что болѣзнь картофеля, злаковъ и другихъ культурныхъ растеній дѣйствительно производится грибами. Имѣя возможность изслѣдовать вопросъ съ точностью, почти недоступной въ области медицины, ботаники разъ навсегда установили какъ фактъ, что растенія, прежде вполнѣ здоровыя и сильныя, могутъ заболѣвать вслѣдствіе внѣдренія въ тѣло и размноженія тамъ грибовъ и другихъ паразитическихъ организмовъ. Выводъ этотъ былъ распространенъ вскорѣ на низшихъ животныхъ; ботаниками же было доказано, что нѣкоторыя болѣзни шелковичныхъ червей сопровождаются развитіемъ въ нихъ грибковъ, которые являются не вслѣдствіе прежде бывшей болѣзни, а сами производятъ ее. Послѣ того какъ это ученіе было строго

установлено въ области науки о растеніяхъ и насѣкомыхъ, оно перешло и въ сферу настоящей медицины. Прежнія находки грибовидныхъ организмовъ въ больныхъ органахъ стали объяснять съ новой точки зрѣнія и, послѣ ряда труднѣйшихъ и блестящихъ изслѣдованій, было, наконецъ, доказано, что и многія изъ человѣческихъ болѣзней производятся мельчайшими грибками—бактеріями или скицофитами. Правда, такую причину допустили лишь относительно такъ называемыхъ инфекціонныхъ болѣзней, какъ, напримѣръ, сибирской язвы, зараженія крови и проч., но съ каждымъ годомъ въ область этихъ болѣзней стали переносить многія, не считавшіяся прежде инфекціонными, какъ, напримѣръ, чахотка, эндокардитъ и проч. Оказалось такимъ образомъ, что летающіе въ воздухѣ тертуліановскіе духи могутъ быть видимы подъ микроскопомъ.

Борьба вѣнца творенія съ этими представителями низшаго органическаго міра оказалась въ высшей степени затруднительной. Точными изслѣдованіями было доказано, что сѣмена бактерій въ высшей степени распространены и что они обладаютъ живучестью, неслыханной для другихъ организмовъ (напримѣръ, сѣмена нѣкоторыхъ не умираютъ въ кипяткѣ, если ихъ кипятить менѣе часу, и безнаказанно проходятъ чрезъ сѣрную кислоту и ѣдкое кали). Кромѣ того, въ послѣднее время становится все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что бактеріи, обыкновенно совершенно безвредныя, могутъ при нѣкоторыхъ условіяхъ перерождаться въ крайне болѣзнетворныя. При всѣхъ этихъ условіяхъ не только наука объ исцѣленіи болѣзней, но и о предотвращеніи ихъ была поставлена въ величайшее затрудненіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда находящіяся въ воздухѣ споры бактерій проникаютъ въ организмъ чрезъ открытыя раны, препятствія доступу ихъ оказывается дѣломъ сравнительно легкимъ. Такимъ образомъ теперь, по примѣру Листера, удается во многихъ случаяхъ предотвратить зараженіе крови посредствомъ соотвѣтственнаго содержанія и перевязки ранъ. Но какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда бактеріи проходятъ чрезъ легочную рану или вообще проникаютъ въ организмъ чрезъ дыхательные пути? Затрудненія съ этихъ сторонъ навели Пастера на мысль воспользоваться явленіемъ, замѣченнымъ по отношенію къ нѣкоторымъ инфекціоннымъ болѣзнямъ, но до сихъ поръ еще научно не объясненнымъ. Извѣстно, что лица, перенесшія корь, оспу, брюшной тифъ и нѣкоторыя другія болѣзни получаютъ способность не заражаться ими вторично. На основаніи этого, подобно предохраненію отъ оспы прививкой болѣе слабой коровьей оспы, Пастеръ ослабляетъ болѣзнетворное дѣйствіе нѣкоторыхъ бактерій и, прививая ихъ организму, защищаетъ его отъ заболѣванія болѣе

тяжелой натуральной формой. Всему міру извѣстны блестящія изслѣдованія этого ученаго о предохранительной прививкѣ сибирской язвы и такъ называемой куриной холеры. Казалось одно время, что предохранительными прививками можно обезпечиться чуть ли не отъ всѣхъ инфекціонныхъ болѣзней. Направленныя въ эту область изслѣдованія показали, однакоже, что нѣкоторыя изъ такихъ болѣзней, какъ напримѣръ, гнилостное зараженіе крови (мышиная септицемія), возвратная горячка и др. не утрачиваютъ способности возвращаться по нѣскольку разъ. Подобные результаты должны были заставить ученыхъ искать еще новыхъ путей для борьбы съ бактеріями.

Указанныя выше свойства бактерій не разъ уже наводили на мысль, что по всей вѣроятности организмъ человѣка и животныхъ обладаетъ какою-то способностью бороться съ ними, такъ какъ иначе весь родъ человѣческій давно уже долженъ былъ бы вымереть. Въ виду этого пришлось вспомнить о гиппократовскомъ принципѣ общей терапіи съ цѣлью уяснить себѣ характеръ борьбы съ бактеріями и воспользоваться цѣлебными силами природы. Вопросъ этотъ прямѣе всѣхъ былъ поставленъ мюнхенской школой, которая, однакоже, нашла факты, касающіеся его, чрезвычайно плохо подготовленными. Общая терапія настоящаго времени почти совсѣмъ покинула гиппократовскую фюзисъ, и вы рѣдко гдѣ встрѣтите теперь трактатъ о ней. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ, правда, упоминается о ней мимоходомъ и крайне неохотно. Въ такихъ обширныхъ энциклопедіяхъ, какъ, напримѣръ, Nouveau Dictionnaire или Eulenburg Realencyclopädie уже ничего не говорится о ней. Въ послѣдней въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно было бы говорить о «Heilkraft», стоитъ «Heilgymnastik». Исключеніемъ и здѣсь является Вирховъ, который въ 1875 г. резюмировалъ современное положеніе вопроса. Съ точки зрѣнія своей целлулярной патологіи, онъ полагаетъ, что, вмѣсто прежней единой цѣлебной силы, ихъ существуетъ въ организмѣ множество и что онѣ сидятъ въ тканяхъ. Дальнѣйшаго опредѣленія ихъ онъ дать не можетъ. Представитель мюнхенской школы, Негэли, жалуется на недостатокъ эмпирическаго матеріала объ этихъ цѣлебныхъ силахъ тканей. Онъ представляетъ себѣ, что между бактеріями и клѣтками тканей существуетъ конкуренція изъ-за жидкой пищи: одержитъ верхъ та изъ борющихся сторонъ, которая притянетъ большее количество питательныхъ соковъ изъ крови.

Представивши краткій очеркъ вопроса о цѣлебныхъ силахъ организма, указавши на важность его разрѣшенія для цѣлей терапіи и на недостаточную разработку его въ области медицины,

попробуемъ, нельзя ли нѣсколько подвинуть дѣло, посмотрѣвъ на него съ точки зрѣнія теоріи развитія. Мнѣ нѣтъ надобности долго останавливаться на доказательствѣ того, что не съ человѣка и высшихъ животныхъ начались инфекціонныя болѣзни. Имъ, какъ мы видѣли, подвержены и растенія, и низшія животныя и притомъ не только домашнія, но и дикія. Въ настоящее время собрано достаточно данныхъ объ эпидеміяхъ у корненожекъ, ракообразныхъ, насѣкомыхъ и пр. Болѣзнетворныя бактеріи завѣдомо водились еще во времена каменноугольной формаціи, отъ которой сохранились пораженные ими корни хвойныхъ деревьевъ. Съ тѣхъ поръ, несмотря на присутствіе бактерій и отсутствіе карболки и другихъ дезинфекцій, успѣли развиться богатѣйшія флоры и фауны и появиться человѣкъ. Если мы, такимъ образомъ, видимъ, что борьба между организмами и поражающими ихъ бактеріями имѣетъ позади себя цѣлую исторію, то естественно спросить, не сохранились ли какіе-нибудь слѣды этого длиннаго процесса. Если сравнительная анатомія показываетъ намъ такое множество приспособленій съ цѣлью нападенія и защиты отъ болѣе крупныхъ организмовъ, то, быть можетъ, она дастъ намъ какія-нибудь свѣдѣнія и относительно интересующей насъ борьбы между микроскопическими паразитами и задѣваемыми ими тканями. Какимъ же образомъ противодѣйствуютъ растенія и животныя нашествію сильныхъ въ борьбѣ и вездѣсущихъ бактерій? На этотъ общій вопросъ можно, я думаю, дать слѣдующій отвѣтъ: животныя обезвреживаютъ бактерій тѣмъ, что съѣдаютъ и переваривaютъ ихъ.

Въ гніющихъ веществахъ, переполненныхъ разнородными бактеріями, мы обыкновенно встрѣчаемъ амебъ и другихъ простѣйшихъ животныхъ, которыя не только не боятся гнилостнаго зараженія, но процвѣтаютъ, поѣдая массы бактерій. Удобство этихъ одноклѣточныхъ корненожекъ и инфузорій заключается въ томъ, что онѣ цѣликомъ или почти цѣликомъ состоятъ изъ вещества, способнаго ѣсть и переваривать; на какую бы часть тѣла ихъ не попала бактерія, она вездѣ будетъ задержана и съѣдена. Низшія животныя вообще отличаются тѣмъ, что весьма значительная часть ихъ организма способна поѣдать мелкія вещества. Такъ, напримѣръ, у полиповъ, нѣкоторыхъ медузъ почти вся сумма внутреннихъ органовъ, выстланныхъ толстой оболочкой, обладаетъ этой способностью. У нѣкоторыхъ, кромѣ того, появляются спеціальные органы, назначенные для поѣданія тѣлъ, могущихъ послужить причиной возникновенія болѣзней. Такъ, напримѣръ, у однихъ гидрополиповъ, образующихъ перистыя колоніи и оттого называемыхъ плумуларіями, находится множество особенныхъ отростковъ, тщательно поѣдаю-

щихъ всѣ попадающія на колонію постороннія тѣла; въ случаѣ смерти какого-нибудь члена колоніи, эти же органы съѣдаютъ мертвыя клѣтки трупа, не давая, такимъ образомъ, повода къ развитію бактерій и устраняя тѣмъ гнилостное зараженіе колоніи. Укажу вамъ еще на одинъ примѣръ. Употребляющееся въ послѣднее время въ медицинѣ вливаніе соленой воды въ кровь больныхъ съ незапамятныхъ временъ составляетъ одно изъ свойствъ организма такъ называемыхъ мягкотѣлыхъ животныхъ. Но въ то время, когда врачъ, передъ вливаніемъ, непремѣнно долженъ дезинфицировать воду, мягкотѣлыя, которыхъ я имѣю въ виду, имѣютъ для этой цѣли въ органѣ, насасывающемъ воду, особыя прожорливыя клѣтки, которыя съѣдаютъ мелкія вещества, находящіяся въ водѣ (между ними, само собою разумѣется, и бактерій), и такимъ образомъ предохраняютъ кровь отъ зараженія.

Учеными, занимавшимися вопросомъ о зараженіи бактеріями человѣка и высшихъ животныхъ, уже было обращено вниманіе на фактъ, что, несмотря на то, что мы ежедневно проглатываемъ огромное ихъ количество съ питьемъ и пищей и несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ приспособились къ жизни въ нашемъ кишечномъ каналѣ, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ весьма мало шансовъ заразиться ими этимъ путемъ. Вспомнимъ, что нѣкоторые дикіе народы ѣдятъ пищу часто сильно загнившую, что гнилой сыръ, въ которомъ недостатка въ бактеріяхъ нѣтъ, составляетъ предметъ лакомства, и что, несмотря на это, употребленіе такой пищи не влечетъ за собою въ большинствѣ случаевъ пагубныхъ послѣдствій. Очевидно, что кислый желудочный сокъ частью убиваетъ бактерій, частью же значительно ослабляетъ ихъ. Если бы всѣ внутренности человѣка были одѣты пищеварительной оболочкой, какъ у медузъ или полиповъ, то нужно думать, что борьба съ бактеріями оказалась бы гораздо менѣе затруднительной. Органомъ, чрезъ который чаще всего происходитъ зараженіе, считаются легкія. Вмѣстѣ съ входящимъ въ нихъ воздухомъ, вносятся многочисленныя споры бактерій, доступъ которыхъ въ организмъ легче, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Чрезъ промежутки между клѣтками легочныхъ пузырьковъ бактеріи могутъ входить въ тончайшіе каналы и отсюда распространяться въ ткани и кровь. Извѣстно, что при вдыханіи угольной пыли большое количество ея отлагается въ стѣнкахъ легкихъ, такъ что послѣднія принимаютъ черную окраску; часть же пыли проникаетъ въ кровь и откладывается въ столь скрытыхъ органахъ, какъ печень, селезенка и почка. Если принять во вниманіе, что въ окружающемъ воздухѣ находится огромное количество бактерій, между которыми конста-

тированы и несомнѣнно болѣзнетворныя, что чрезъ наши легкія проходитъ ежедневно весьма значительное количество воздуха (12.000 к. с. въ часъ), то станетъ яснымъ, что мы ежечасно, чуть не ежеминутно вдыхаемъ въ себя вредныя споры. Для устраненія ихъ организмъ нашъ снабженъ множествомъ клѣтокъ, способныхъ поѣдать и обезвреживать эти споры. Клѣтки сами во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ простѣйшихъ животныхъ и потому съ давнихъ поръ называются амебовидными. Онѣ выдвигаютъ отростки наподобіе амебъ и, такъ же, какъ и послѣднія, способны ѣсть и переваривать твердую пищу. Въ огромномъ количествѣ онѣ живутъ въ крови, извѣстныя подъ именемъ безцвѣтныхъ или бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ, а также во всевозможныхъ органахъ, гдѣ ихъ описали подъ названіемъ клѣтокъ соединительной ткани. Проникнутъ ли бактеріи и ихъ споры чрезъ легочные пузырьки, стѣнку кишечнаго канала или пораненное мѣсто кожи, вездѣ онѣ рискуютъ быть захваченными подвижными клѣтками, способными ихъ уничтожить, т.-е. съѣсть и переварить, и, разумѣется, не всегда выполняющими это.

Мы видимъ такимъ образомъ, что у человѣка и вообще у огромнаго большинства многоклѣточныхъ животныхъ, помимо пищеварительнаго канала, существуетъ еще цѣлая система органовъ цѣлебнаго пищеваренія, которая, подобно тому, что мы видѣли у низшихъ животныхъ, основана на способности нѣкоторыхъ клѣтокъ къ внутриклѣточному пищеваренію. У многихъ животныхъ, какъ, напримѣръ, ракообразныя, насѣкомыя, система эта исчерпывается безцвѣтными кровяными тѣлами; у позвоночныхъ же, за немногими исключеніями, она представляетъ дальнѣйшую ступень прогресса. Можно высказать въ видѣ предположенія, въ видѣ дедуктивнаго вывода, что центральнымъ органомъ цѣлебной пищеварительной системы является селезенка. Съ давнихъ поръ извѣстно, что органъ этотъ служитъ главнымъ центромъ, къ которому устремляются безцвѣтныя кровяныя тѣла, обремененныя неудобоваримой или трудноваримой пищей. Нынѣшній итальянскій министръ народнаго просвѣщенія Бачелли доказалъ присутствіе въ селезенкѣ вещества, сильно переваривающаго бѣлковыя вещества, что еще болѣе подтверждаетъ предположеніе о пищеварительной роли этого органа. То обстоятельство, что животныя могутъ жить безъ селезенки, не доказываетъ безполезности ея, а указываетъ еще болѣе на то, что дѣятельность ея проявляется въ экстренныхъ случаяхъ, а именно при инфекціонномъ зараженіи. Въ то время какъ физіологія отодвинула селезенку на задній планъ, не имѣя возможности опредѣлить ея назначеніе, врачи съ давнихъ поръ замѣтили, что увеличеніе ея

служитъ хорошимъ и иногда очень раннимъ указаніемъ на существованіе инфекціонной болѣзни. Въ увеличенной селезенкѣ было прямо найдено огромное количество бактерій, заключенныхъ въ безцвѣтныя кровяныя тѣла. Кромѣ селезенки къ системѣ цѣлебныхъ органовъ позвоночныхъ нужно еще отнести лимфатическія железы и костный мозгъ. Отчасти сходную роль выполняютъ и нѣкоторые другіе железистые органы, какъ, напримѣръ, печень и почки. Какъ селезенка, такъ и система лимфатическихъ железъ не существуетъ у безпозвоночныхъ; обѣ онѣ должны быть разсматриваемы какъ усовершенствованіе организаціи въ борьбѣ съ вредными вліяніями. Низшія рыбы еще не имѣютъ ихъ; въ ряду же позвоночныхъ замѣчается вообще прогрессъ въ развитіи этихъ органовъ противодѣйствія.

Поскольку мы говоримъ о болѣзняхъ, причиняемыхъ бактеріями, т.-е. микроскопическими твердыми тѣлами, постольку и цѣлебныя силы организма являются въ видѣ свойствъ блуждающихъ клѣтокъ ѣсть и переваривать этихъ паразитовъ. Подобно тому какъ сложно организованныя государства для борьбы съ дикими племенами набираютъ армію изъ членовъ, во всѣхъ отношеніяхъ приближающихся къ дикарямъ (тюркосы, зуавы), такъ и организмъ для борьбы съ низшими растеніями пользуется такими составными частями, которыя всего болѣе похожи на низшихъ животныхъ; противъ бактерій онъ высылаетъ армію амебовидныхъ клѣтокъ. Не имѣя возможности распространяться здѣсь о подробностяхъ устройства и исторіи развитія цѣлебной системы, я укажу лишь на общій результатъ, что она, вмѣстѣ съ пищеварительной системой въ тѣсномъ смыслѣ, развилась изъ одной общей основы. То, что у низшихъ животныхъ, напримѣръ, губокъ, составляетъ общую массу пищеварительныхъ клѣтокъ, у другихъ болѣе высшихъ животныхъ распадается на двѣ отдѣльныя группы: на обыкновенные органы пищеваренія и на систему, такъ сказать, медицинскаго, или терапевтическаго (пожалуй, профилактическаго) пищеваренія.

Сводя цѣлебныя силы организма къ процессамъ внутриклѣточнаго пищеваренія, мы, быть можетъ, получимъ со временемъ возможность дать сколько-нибудь болѣе полное объясненіе явленіямъ, добытымъ чисто эмпирическимъ путемъ. Быть можетъ, окажется, что крѣпкіе субъекты, подверженные нѣкоторымъ инфекціоннымъ болѣзнямъ, болѣе чѣмъ слабые, отличаются меньшимъ развитіемъ селезенки и другихъ органовъ цѣлебнаго противодѣйствія. Явленіе предохранительной прививки, быть можетъ, также сведутъ къ особенностямъ пищеварительной способности цѣлебныхъ клѣтокъ, способности, которая, какъ мы знаемъ по опыту, подвержена чрезвычайнымъ, до кризиса доходящимъ индивидуальнымъ колебаніямъ.

Законъ жизни.

По поводу нѣкоторыхъ произведеній гр. Л. Толстого.

I.

Усиленное исканіе правды въ жизни, стремленіе согласовать поступки съ основными теоретическими принципами составляетъ, какъ уже давно было замѣчено, одну изъ характернѣйшихъ чертъ русскаго духа. На низшихъ ступеняхъ она выражается въ своеобразномъ отношеніи къ религіозному ученію, особенно въ столь разнообразномъ и распространенномъ сектантствѣ; на высшихъ стадіяхъ она проявляется въ видѣ философскихъ ученій, носящихъ явно практическій характеръ. Хотя обыкновенно эти ученія переносятся къ намъ съ Запада болѣе или менѣе готовыми, однакоже нельзя не замѣтить своеобразнаго отношенія къ нимъ русскихъ мыслящихъ людей, выражающагося главнымъ образомъ въ стремленіи какъ можно цѣльнѣе и быстрѣе провести теоретическіе принципы на практикѣ.

Наблюдая русскую крестьянскую жизнь, вамъ бросается въ глаза та важная роль, какую въ ней играетъ толкованіе св. писанія. Въ этомъ легко убѣдиться, слушая разговоры великорусскихъ крестьянъ, случайно собравшихся гдѣ-нибудь безъ дѣла, напримѣръ, на палубѣ парохода, плывущаго по Волгѣ. Бесѣды на самыя разнообразныя темы скоро переходятъ у нихъ въ оживленныя пренія по вопросамъ религіознаго свойства, при чемъ обнаруживается и богатство познаній по этой части, и тонкая діалектика.

О чемъ бы ни зашелъ разговоръ среди учащейся молодежи и вообще въ болѣе образованныхъ кружкахъ, онъ быстрыми скачками переходитъ отъ частныхъ вопросовъ къ самымъ общимъ и считается прѣснымъ и неинтереснымъ, если въ немъ не затрогиваютъ основные принципы человѣческихъ поступковъ и ихъ цѣльное проведеніе въ жизнь. То же отражается въ литературѣ и въ наукѣ. Самыя выдающіяся беллетристическія произведенія выста-

вляютъ передовыхъ дѣятелей, развивающихъ свои взгляды на эти темы. Со стороны цѣнителей громко заявляется требованіе, чтобы въ современномъ романѣ, въ популярной статьѣ или на публичной лекціи было выставлено воззрѣніе автора на основные вопросы: что дѣлать и какъ согласовать поведеніе съ принципами правды?

Неудивительно, что при такомъ спросѣ все мыслящее русское общество отнеслось съ особеннымъ интересомъ къ повѣствованіямъ гр. Л. Толстого объ исканіи правды героями его геніальныхъ романовъ и разсказовъ. Интересъ этотъ еще болѣе усилился, когда оказалось, что за этими героями скрывается самъ авторъ, и когда послѣдній обстоятельно и откровенно раскрылъ передъ читателями исторію своихъ собственныхъ попытокъ разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ задачъ, представляющихся для человѣческаго ума.

Впечатлѣніе и вліяніе, произведенныя проповѣдями гр. Л. Толстого, оказались тѣмъ сильнѣе, что въ ученіяхъ его была особенно выдвинута прикладная сторона и прямо сказано, какъ нужно устроить поведеніе во всѣхъ главныхъ случаяхъ жизни. Искатели правды не только зачитывались гр. Толстымъ, обсуждали и отстаивали положенія его ученій, но и проводили послѣднія въ жизнь, основывая особыя общежитія и братства. Ученіе доходило въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того, что молодые ученые бросали науку, жгли приготовленныя диссертаціи и вступали въ общины для обновленной жизни въ сферѣ почти исключительнаго физическаго труда.

II.

Несмотря на трудность задачи—въ виду разбросанности, нервнаго характера изложенія и частыхъ противорѣчій гр. Л. Толстого—попытаемся найти коренную сущность его воззрѣній, родъ ключа, при помощи котораго можно бы было раскрыть это сложное построеніе.

Я только потому и рѣшился заговорить объ ученіяхъ гр. Л. Толстого, что въ основу ихъ положенъ имъ чисто раціоналистическій, естественно-историческій принципъ: человѣкъ есть животная машина, своеобразно устроенная и пригодная для совершенно опредѣленныхъ дѣйствій. Если послѣднія строго соотвѣтствуютъ механизму этой машины, то въ результатѣ получается счастье, а вмѣстѣ съ нимъ чувство довольства и удовлетворенія; если же такого соотвѣтствія нѣтъ и отправленіе недостаточно отвѣчаетъ устройству механизма, то получается несчастье, сопровождающееся тягостными ощущеніями. Принципъ этотъ возводится на чисто

зоологической почвѣ и подкрѣпляется гр. Л. Толстымъ примѣрами изъ животнаго міра. «Птица, — говоритъ онъ, — такъ устроена, что ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда она все это дѣлаетъ, тогда она удовлетворена, счастлива — тогда она птица. Точно такъ же и человѣкъ, когда онъ ходитъ, ворочаетъ, поднимаетъ, таскаетъ, работаетъ пальцами, глазами, ушами, языкомъ, мозгомъ, тогда только онъ удовлетворенъ, тогда только онъ — человѣкъ» (Сочиненія, изд. 1887, ч. XII, стр. 442). Гр. Л. Толстой много разъ повторяетъ тѣ же основы и прямо заявляетъ, что «исполнять *законъ жизни* — дѣлать то, что *свойственно* не только человѣку, но и животному» (стр. 436), т.-е. животному въ смыслѣ сложно-устроеннаго механизма. Даже въ одномъ изъ новѣйшихъ произведеній своихъ — «Крейцеровой сонатѣ» — гдѣ гр. Толстой въ столь многомъ отступаетъ отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, онъ не разъ мѣряетъ разбираемые имъ поступки тѣмъ же масштабомъ «естественности».

Гр. Л. Толстой пришелъ къ формулированному имъ принципу путемъ продолжительнаго умственнаго труда и, разъ остановившись на немъ, предположилъ, что открылъ новый и притомъ очень ясно выраженный законъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста: «И когда я ясно понялъ все это, мнѣ стало смѣшно. Я цѣлымъ рядомъ сомнѣній, исканій, длиннымъ ходомъ мысли пришелъ къ той необыкновенной истинѣ, что если у человѣка есть глаза, то затѣмъ, чтобы смотрѣть ими, и уши, чтобы слышать, и ноги, чтобы ходить, и руки, и спина, чтобы работать. И что если человѣкъ не будетъ употреблять этихъ членовъ на то, на что они предназначены, то ему будетъ хуже» (XII, 436).

Найдя этотъ основной принципъ и утвердившись на немъ, какъ на аксіомѣ, гр. Толстому не трудно было вывести изъ него рядъ руководящихъ правилъ практической жизни.

Прежде всего онъ убѣдился въ естественно-исторической необходимости значительнаго физическаго труда, какъ одного изъ основныхъ элементовъ счастья. То, что сказано въ библіи «какъ *законъ человѣка:* въ потѣ лица снѣси хлѣбъ», нашло себѣ явное подтвержденіе въ опредѣленномъ имъ принципѣ.

Уже одно выведеніе на первый планъ физическаго труда, какъ естественно-исторически необходимаго залога счастья, значительно измѣняетъ взгляды и поступки людей изъ такъ называемаго интеллигентнаго круга, односторонне увлекшагося умственнымъ трудомъ. Оно сразу, и притомъ въ значительной степени, уменьшаетъ раздѣленіе труда между людьми и тѣмъ устраняетъ одну изъ главныхъ причинъ несправедливости и несчастія. Когда люди послѣ-

дуютъ за гр. Толстымъ, «тогда только уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ, и установится то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастья человѣка» (XII, 441).

Вездѣ, гдѣ только гр. Толстой касается вопроса о трудѣ, онъ каждый разъ возвращается къ тому же основному принципу и выводитъ изъ него тѣ же практическіе результаты.

Въ вопросѣ о назначеніи и поведеніи женщины онъ слѣдуетъ тѣмъ же путемъ. Изъ естественно-историческаго закона, по которому женщина есть животный механизмъ, приспособленный къ рожденію дѣтей, вытекаетъ, что вся ея дѣятельность должна быть направлена къ этой цѣли. «Женщина, — говоритъ гр. Толстой, — *по строенію своему* призвана, привлечена неизбѣжно къ тому служенію, которое одно исключено изъ области служенія мужчинъ» (XII, 467). Это основное положеніе, опирающееся на анатомическихъ данныхъ, повторяется имъ много разъ и развивается въ рядъ дальнѣйшихъ выводовъ. «Идеальная женщина, — по мнѣнію гр. Толстого, — будетъ та, которая, усвоивъ высшее міросозерцаніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдается своему женскому, *непреодолимо вложенному въ нее призванію*, — родитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей по усвоенному ей міросозерцанію. Для того же, чтобы усвоить себѣ высшее міросозерцаніе, мнѣ кажется, нѣтъ надобности посѣщать курсы, а нужно только прочесть евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и, главное, сердца» (XII, 470).

Хотя при отысканіи руководящаго правила въ сношеніяхъ съ людьми гр. Л. Толстой болѣе слѣдовалъ непосредственному чувству, тѣмъ не менѣе и тутъ мы видимъ стремленіе подвести это правило подъ основную формулу его раціоналистической этики. Такъ, онъ считаетъ неподлежащимъ спору, «что не то что мучить или убивать человѣка, но мучить собаку или убить курицу и теленка *противно и мучительно природѣ человѣка*». (Въ чемъ моя вѣра, стр. 37).

Казалось бы, что, придя къ воззрѣніямъ, опирающимся на естественно-историческія данныя, гр. Л. Толстому слѣдовало бы смотрѣть на точную науку и ея выводы какъ на истинное основанія ученія о человѣческихъ поступкахъ. Поэтому съ перваго взгляда можетъ показаться очень непослѣдовательнымъ и страннымъ вполнѣ отрицательное и притомъ въ высшей степени страстное отношеніе его къ современному положительному знанію. Изъ того, что въ своихъ нападеніяхъ гр. Толстой какъ будто выгораживаетъ иногда «истинную науку и истинное искусство», которыя «такъ же необходимы для людей, какъ пища, и питье, и одежда,

даже необходимѣе» (XII, 408), можно, пожалуй, подумать, что негодованіе его направлено исключительно противъ цеховой науки и цехового искусства, которыя столь часто дѣйствительно тормозятъ преуспѣяніе этихъ высшихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Но ближайшее знакомство съ полемикой графа Толстого убѣждаетъ въ томъ, что онъ нападаетъ на самую настоящую науку, которой такъ долго и такъ упорно пришлось отстаивать себя въ борьбѣ именно противъ цеховой науки. Такъ, напримѣръ, онъ разражается гнѣвомъ противъ теоріи, теперь, наконецъ, общепризнанной, о постепенномъ происхожденіи органическихъ видовъ путемъ накопленія и укрѣпленія мелкихъ отличій (XII, 382) и презрительно насмѣхается надъ ученіемъ о клѣточкѣ и протоплазмѣ (XII, стр. 398, 399 и т. д.), которое получило въ современной наукѣ объ организмахъ первенствующую роль. Третируя такимъ образомъ самыя выдающіяся и наиболѣе прочно установленныя обобщенія современной біологіи, гр. Толстой не находитъ достаточно язвительныхъ словъ, чтобы выразить свое презрѣніе и къ фактическимъ работамъ, какъ, напримѣръ, къ изслѣдованію глистовъ или насѣкомыхъ (XII, 399, 414 и пр.). По его мнѣнію, истинная наука можетъ быть признана такою только въ томъ случаѣ, если она сразу ставитъ и рѣшаетъ вопросъ, «въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей»; а такъ какъ для этого нѣтъ никакой надобности (гр. Толстой не забываетъ, что его собственный главный принципъ поведенія основанъ именно на сравненіи съ отправленіями животныхъ) въ изученіи насѣкомыхъ, глистовъ, протоплазмы и пр., то занятія этими предметами онъ и признаетъ «праздной и вредной забавой» (XII, 411).

Мы не станемъ приводить здѣсь подробнѣе нападеній гр. Толстого на науку, такъ какъ всѣ они представляютъ развитіе того же основного положенія; съ аргументаціей же автора намъ придется еще встрѣтиться неоднократно. Скажемъ только вообще, что, чувствуя себя на прочной почвѣ «закона жизни», установленнаго на раціоналистическомъ основаніи, гр. Толстой выработалъ себѣ до подробностей кодексъ правилъ поведенія, а замѣтивъ разладъ послѣднихъ съ нѣкоторыми положеніями науки и вообще современной культуры, ополчился и сталъ проповѣдывать крестовый походъ противъ этихъ послѣднихъ.

III.

Опредѣливъ, насколько было возможно, основной характеръ принципа практической философіи гр. Толстого и нѣкоторыхъ из-

влеченныхъ имъ изъ него выводовъ, попытаемся взглянуть нѣсколько ближе на это ученіе, примѣнивъ при этомъ методу и пріемы точнаго естествознанія. Въ случаяхъ, когда послѣднее встрѣчается съ сложной задачей, оно всегда старается упростить ея рѣшеніе, прослѣдивъ историческій ходъ изучаемаго явленія.

Съ тѣхъ поръ, какъ возникли попытки возведенія началъ человѣческой нравственности на раціоналистическомъ основаніи, ихъ постоянно старались вывести изъ свойствъ человѣческой природы. Такъ было въ древней Греціи, гдѣ философы проповѣдывали, что «счастье заключается въ выполненіи всѣхъ естественныхъ дѣйствій и состояній», и гдѣ развилось метріопатическое ученіе о сообразованіи нравственной жизни съ природою человѣка.

Болѣе тринадцати лѣтъ назадъ я напечаталъ (Вѣстн. Европы, 1877, апрѣль) «Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу», въ которомъ читатель можетъ найти краткое изложеніе нравственныхъ ученій, основанныхъ на естественной природѣ человѣка. Тамъ же было указано на столь распространенное у грековъ и перешедшее въ новыя времена воззрѣніе на гармоническое развитіе всѣхъ естественныхъ человѣческихъ способностей, какъ на цѣль истинно нравственнаго поведенія. Рядомъ съ ученіемъ о природныхъ свойствахъ человѣка, какъ источникахъ нравственныхъ обязанностей, возникла и теорія о «естественномъ правѣ». Связь эта сознавалась уже давно, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка, заимствованнаго Боклемъ у Гютчисона: «Такъ какъ, въ сущности, всѣ наши естественныя желанія и стремленія, даже и низшаго разряда, даны намъ на благо, то справедливо удовлетворять имъ настолько, чтобы они не мѣшали болѣе благороднымъ наслажденіямъ и достаточно имъ подчинялись; со всѣми ими какъ будто сопряжено естественное понятіе о *правѣ*» (Бокль, II, прим. 28 къ стр. 372).

Писатели новѣйшаго времени и, между прочимъ, натуралисты, несмотря на обвиненіе ихъ гр. Толстымъ въ томъ, что они вовсе не занимаются вопросомъ о назначеніи и благѣ человѣка, неоднократно пытались рѣшить его и притомъ въ томъ же духѣ, какъ и у древнихъ философовъ. Въ своей вышеупомянутой статьѣ я, между прочимъ, привелъ воззрѣнія ревностнаго дарвиниста, естествоиспытателя Георга Зейдлица, который въ 1875 году выставилъ слѣдующее положеніе: «Въ удовлетвореніи всѣхъ отправленій тѣла въ должной степени и ваимномъ отношеніи другъ къ другу заключается раціональная и нравственная жизнь». Отъ этого общаго принципа до основы, развиваемой гр. Л. Толстымъ, одинъ шагъ, и если изъ него и нельзя сдѣлать прямого вывода о такомъ

распредѣленіи физическаго и умственнаго труда, которое предлагаетъ гр. Л. Толстой, то во всякомъ случаѣ изъ него ясно вытекаетъ необходимость болѣе или менѣе равномѣрнаго упражненія этихъ обоихъ видовъ отправленій.

Хотя гр. Толстой, очевидно, не сообразовался ни съ этими взглядами новѣйшихъ писателей, ни съ ученіями греческихъ философовъ и раціоналистовъ семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ, доходя до своего рѣшенія болѣе самостоятельнымъ путемъ, тѣмъ не менѣе связь его основъ съ этими ученіями не можетъ подлежать сомнѣнію. Эта связь еще болѣе доказывается тѣмъ, что возраженія противъ послѣднихъ могутъ быть съ одинаковымъ правомъ выдвинуты и противъ воззрѣній гр. Толстого. Прежде всего нужно замѣтить, что всѣ эти основы и теоріи задѣваютъ вопросъ лишь съ поверхности и къ тому же страдаютъ черезчуръ большой неопредѣленностью. Такъ, напримѣръ, при обсужденіи положенія Зейдлица бросается въ глаза отсутствіе признаковъ той «должной степени», въ которой должны удовлетворяться отправленія человѣческаго тѣла. А относительно того, что «свойственно» природѣ человѣка, мнѣнія могутъ до того расходиться, что изъ этого принципа можно придти къ самымъ противоположнымъ выводамъ. Такъ это и было во всѣ времена. Греческія школы, согласныя въ томъ, что нужно жить сообразно съ природою человѣка, были совершенно противоположнаго мнѣнія о естественности наслажденія. Эпикурейцы считали послѣднее за естественное благо, то-есть сообразное съ природою и удовлетворяющее собою состояніе каждаго существа, между тѣмъ какъ стоики учили какъ разъ наоборотъ.

Въ настоящее время положительное знаніе настолько подвинулось впередъ, что и въ вопросъ о «жизни, сообразной съ природою», можетъ и должно быть внесено гораздо больше опредѣленности и ясности. Оно уже не можетъ удовлетворяться тѣмъ поверхностнымъ порханіемъ мысли, которое казалось достаточнымъ прежде. И гр. Толстой въ своей главной аргументаціи лишь слегка затрогиваетъ основной вопросъ. Желая утвердить принципъ нравственнаго поведенія на раціоналистической почвѣ, онъ говоритъ: «Птица такъ устроена, что ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда она все это дѣлаетъ, тогда она удовлетворена, счастлива, тогда она—птица». Это вѣрно лишь съ перваго, самаго бѣглаго взгляда. Не нужно быть зоологомъ для того, чтобы знать, что можно быть птицей и вовсе не летать. Таковы страусы, казуары, пингвины. Но, скажутъ, это крайности, такъ какъ у этихъ исключительныхъ птицъ крылья недостаточно развиты. Поэтому не мѣшаетъ вспомнить многочисленныхъ представителей ку-

риныхъ птицъ, которыя, несмотря на присутствіе достаточно развитыхъ крыльевъ, предпочитаютъ пользоваться ногами и летаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Особенно поучителенъ слѣдующій примѣръ. Южно-американская головастая утка, несмотря на присутствіе развитыхъ крыльевъ, пользуется ими только для того, чтобы перелетать надъ поверхностью воды. Доказательствомъ того, что она утратила способность настоящаго полета, служитъ фактъ, что въ молодости эта порода утокъ летаетъ такъ же хорошо, какъ и другіе представители утиныхъ.

Нерѣдко полное пользованіе крыльями, доставляя животному нѣкоторое переходящее «удовлетвореніе», ведетъ, однакоже къ гибельнымъ для него послѣдствіямъ, вслѣдствіе чего такое животное не можетъ быть «счастливо». Подобные примѣры мы встрѣчаемъ особенно у насѣкомыхъ. Ученые были поражены фактомъ, что между жуками океаническихъ острововъ очень многіе лишены крыльевъ, несмотря на то, что ихъ материковые родичи снабжены ими вполнѣ. Фактъ этотъ объясняется по теоріи Дарвина, предположеніемъ, что насѣкомыя, летавшія вблизи океана, часто заносились въ море и погибали въ немъ и что поэтому на океанических островахъ должны были вымирать жуки, сохранившіе способность полета, а выжили главнымъ образомъ такіе, которые, по словамъ Дарвина, «либо отъ малѣйшаго недостатка въ развитіи крыльевъ, либо отъ *прирожденной лѣни* подвергались въ меньшей мѣрѣ опасности быть занесенными въ море» (Происх. видовъ, русск. переводъ, 1873, стр. 108).

Предположимъ для удобства, что жуки океаническихъ острововъ могли разсуждать о своихъ поступкахъ такъ же, какъ люди. Если бы между ними находились послѣдователи ученія гр. Толстого, то они должны бы были рѣшить, что такъ какъ у нихъ есть крылья и они, слѣдовательно, «такъ устроены, что имъ необходимо летать», то «неестественно» воздерживаться отъ воздушныхъ странствованій и нужно предпринимать ихъ безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія. Въ результатѣ большинство этихъ послѣдователей было бы занесено въ море, а болѣе счастливыми оказались бы жуки, находившіеся въ оппозиціи и рѣшившіе, что, несмотря на ихъ природное устройство, имъ нужно какъ можно менѣе пользоваться своими крыльями. Уоллестонъ, наблюдавшій образъ жизни насѣкомыхъ на Мадейрѣ, отмѣтилъ фактъ, что тамошніе крылатые жуки большей частью скрываются, пока не засвѣтитъ солнце и не утихнетъ вѣтеръ, т.-е. что они развили въ себѣ особенную осторожность въ употребленіи крыльевъ, благодаря которой они и могли удержаться, несмотря на близость океана.

Все это не случайно выхваченные примѣры для того, чтобы показать несостоятельность зоологической аргументаціи гр. Толстого, а лишь иллюстрація самаго общаго положенія, что организмъ животнаго не есть нѣчто прочное, данное разъ навсегда, но, напротивъ, нѣчто весьма измѣнчивое и притомъ измѣнчивое подъ вліяніемъ привычекъ, идущихъ иногда даже въ разрѣзъ съ анатомическимъ устройствомъ. Разъ же организмъ измѣнчивъ, то и то, что «свойственно» ему, также непостоянно.

Примѣнимъ эти выводы къ человѣку. По мнѣнію гр. Толстого, подобно тому, какъ птица счастлива только тогда, когда она упражняетъ всѣ свои органы, «точно такъ же и человѣкъ, когда онъ ходитъ, ворочаетъ, поднимаетъ, таскаетъ, работаетъ пальцами, глазами, ушами, языкомъ, мозгомъ, тогда только онъ удовлетворенъ, тогда только онъ—человѣкъ». Это нужно понимать именно въ смыслѣ ученія о гармоническомъ отправленіи всѣхъ органовъ, какъ прочныхъ основъ, составляющихъ постоянное и неотъемлемое свойство человѣческой природы. Посмотримъ же, чему учитъ наука о человѣкѣ. Оказывается, что человѣкъ, являясь результатомъ очень длиннаго и притомъ односторонняго генетическаго процесса, имѣетъ цѣлую сумму органовъ, уже утратившихъ свое значеніе, и не мало такихъ, которыя хотя и могутъ совершать свое отправленіе, но, видимо, идутъ къ полному упадку. Органы эти вдвойнѣ интересны, такъ какъ, съ одной стороны, они показываютъ неосновательность преклоненія предъ данной организаціей и черпанія изъ нея основъ поведенія, а, съ другой стороны, они являются неопровержимыми доказательствами происхожденія человѣка отъ другихъ, болѣе низкихъ организмовъ.

У ребенка, еще не выучившагося ходить, ступня и пальцы ногъ способны къ гораздо болѣе разнообразнымъ движеніямъ, чѣмъ у взрослаго человѣка; сгибательныя движенія стопы и хватательныя—пальцемъ ноги—у него совершаются легко. Въ основѣ этихъ движеній заложены мускулы, которые могутъ быть развиты посредствомъ упражненія, какъ мы и видимъ это у тѣхъ безрукихъ, которые выучиваются писать и рисовать кистью ноги. У нѣкоторыхъ «дикарей», ноги которыхъ никогда не бываютъ стѣснены обувью, движенія ступней и пальцевъ ногъ гораздо свободнѣе. Вообще же нога взрослаго человѣка, становясь органомъ поддержанія тѣла въ вертикальномъ положеніи и передвиженія его, постепенно теряетъ разнообразныя движенія стопы и пальцевъ, при чемъ утрачиваются (въ болѣе или менѣе полной степени) и нѣкоторые мускулы.

Съ точки зрѣнія ученія гр. Л. Толстого слѣдуетъ развивать и

рукообразныя движенія стопы, такъ какъ они составляютъ прирожденное «свойство» человѣческаго организма и поэтому совершенно «естественны». Обувь же, которая сковываетъ стопу, мѣшаетъ движенію ея частей, является такимъ образомъ противоестественнымъ изобрѣтеніемъ культуры, которое необходимо устранить. (Знаменитые сапоги, о которыхъ такъ часто говорилось по поводу сапожной дѣятельности гр. Л. Толстого, должны быть безусловно забракованы, на основаніи его же собственнаго ученія).

Анатомическое устройство и развитіе человѣческой ноги ясно указываютъ на то, что она развилась изъ конечности, подобной рукѣ, т.-е. что предки человѣка могли ступнею обхватывать разные предметы и двигали пальцами ногъ приблизительно такъ же, какъ многія обезьяны. Эти сложныя и разнообразныя движенія утрачивались постепенно, при чемъ ступня, все болѣе и болѣе упрощаясь, превратилась въ цѣльный малоподвижный органъ. Несмотря на сохранившіеся еще задатки болѣе сложнаго развитія ступни, не представляется ни малѣйшей надобности развивать ее, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, когда, за неимѣніемъ рукъ, человѣкъ упражняетъ свою ступню, да и то, не ради удовлетворенія непосредственной потребности въ дѣйствіи существующимъ органомъ, а ради стремленія наполнить жизнь сложной механической работой (писать, шить, рисовать).

Не только ступни и нижнія конечности вообще, но и весь организмъ человѣка переполненъ органами, которые хотя и могутъ еще дѣйствовать, тѣмъ не менѣе клонятся къ явному упадку, а также—и при томъ въ еще большей степени—органами уже совершенно заглохшими, такъ называемыми остаточными или рудиментарными. Извѣстный анатомъ Видерсгеймъ собралъ въ очень интересномъ очеркѣ [1]) всѣ данныя, относящіяся къ этому предмету. Изъ приложеннаго имъ перечня оказывается, что на девять органовъ, представляющихъ у человѣка явные слѣды прогрессивнаго развитія (головной мозгъ, мускулы рукъ и лица, сѣдалищныя мышцы, расширенія крестца и входа въ тазъ, а также лопатокъ), приходится двѣнадцать органовъ, идущихъ къ упадку, хотя и способныхъ еще совершать свои отправленія (упрощеніе мускуловъ ноги и ступни, а также пирамидальной мышцы, 11 и 12 пары реберъ, обонятельные бугры и носовыя раковины, слѣпая кишка, клыки и пр.) и семьдесятъ восемь рудиментарныхъ органовъ, или вовсе недѣятельныхъ, или же способныхъ къ отправленію только въ очень слабой степени. Органы этой послѣд-

[1]) Der Bau des Menschen. Freiburg, 1887.

ней категоріи, представляющіе остатки животныхъ предковъ различныхъ степеней, разсѣяны почти по всѣмъ органическимъ системамъ человѣка. Тутъ мы находимъ и остатки хвоста съ его мускулами, и нѣсколько лишнихъ паръ реберъ, а также ушныхъ и затылочныхъ мышцъ и нервовъ, червеобразный отростокъ слѣпой кишки, зубы мудрости и придаточные зубы, остатки шерсти и пр., и пр. Однимъ словомъ, эти многочисленные органы ясно свидѣтельствуютъ, что въ человѣческомъ тѣлѣ заключается остатокъ цѣлаго ряда чисто животныхъ предковъ, нѣкоторое наслѣдіе которыхъ еще и теперь не окончательно угасло и даетъ себя чувствовать въ той или другой формѣ.

Вотъ что такое, слѣдовательно, человѣческая природа, которую ставятъ въ основу нравственной жизни. Низшее животное сидитъ въ немъ еще далеко не заглушеннымъ, а способнымъ, напротивъ, вырваться наружу. Предоставьте ему только свободно развиваться на томъ основаніи, что оно составляетъ «естественное свойство» нашего организма, и оно не замедлитъ вырваться.

Человѣческая природа, такая, какою ее раскрываетъ предъ нами наука, не указываетъ также и на существованіе особаго закона гармоническаго развитія отдѣльныхъ частей. Рядомъ съ прогрессивнымъ развитіемъ лишь немногихъ органовъ совершается регрессъ въ области гораздо большаго количества аппаратовъ. Человѣкъ явился въ результатѣ односторонняго, а не всесторонняго усовершенствованія организма и примыкаетъ онъ не столько къ взрослымъ обезьянамъ, сколько къ неравномѣрно развитымъ ихъ зародышамъ. Съ точки зрѣнія чисто естественно-исторической, человѣка можно было бы признать за обезьяньяго «урода» съ непомѣрно развитымъ мозгомъ, лицомъ и кистями рукъ.

Не обнаруживая слѣдовъ равномѣрнаго развитія всѣхъ системъ органовъ, человѣческая природа не представляетъ намъ и достаточной гармоніи съ нашими стремленіями и требованіями отъ нея. Положеніе это, развитое мною въ нѣсколькихъ статьяхъ [1]), всего лучше иллюстрируется примѣрами изъ области органовъ размноженія, какъ одной изъ наиболѣе сложныхъ органическихъ системъ. Различные аппараты, входящіе въ эту систему, развиваются не рука объ руку, какъ это бы слѣдовало съ точки зрѣнія человѣческихъ стремленій и интересовъ. Чувствительная часть аппарата развивается гораздо раньше и сохраняется часто гораздо дольше, чѣмъ самые существенные изъ этой системы органовъ. Отсюда широкій разладъ между отдѣлами механизма, который бы долженъ былъ

[1]) Вѣстн. Европы, 1871, I; 1874, I; 1877, II.

дѣйствовать въ строгомъ согласіи, и источникъ многочисленныхъ страданій и такъ называемыхъ «неестественныхъ» дѣйствій.

Изученіе другихъ органовъ человѣка также убѣждаетъ въ томъ, какъ далеко ихъ устройство отъ того идеала, который можетъ формулировать наука. Въ одной изъ моихъ цитированныхъ статей я уже приводилъ мнѣнія І. Мюллера и Гельмогольца о несовершенствѣ нашего глаза, при устройствѣ котораго «природа какъ бы нарочно скопила противорѣчія для того, чтобы устранить всѣ основанія теоріи предсуществующей гармоніи между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ».

Однимъ изъ основныхъ источниковъ разлада и дисгармоніи является то, что человѣкъ, происшедши отъ животныхъ, жившихъ въ одиночку или небольшими стадами, долженъ былъ развиться въ существо съ самой широкой общественностью. Въ этомъ пунктѣ и заключается самое больное мѣсто его природы, которая въ этомъ-то направленіи и подлежитъ самой капитальной передѣлкѣ.

Въ результатѣ всего этого ряда соображеній получается выводъ, что зоологическій принципъ, по которому устройство организма должно служить критеріумомъ поведенія, не можетъ быть признанъ за пригодную къ руководству основу нравственной жизни. Дѣйствуя всей суммой готовыхъ, способныхъ къ отправленію органовъ, мы тѣмъ самымъ санкціонируемъ *консервативный* принципъ, не взирая на могущія произойти отсюда невзгоды. Таково, напримѣръ, летаніе, въ случаяхъ, когда развиты крылья, но когда это движеніе приводитъ къ бѣдѣ. Развивая же всѣ «естественныя, прирожденныя свойства», даже такія, которыя уже клонятся къ упадку, мы можемъ вызвать *возвратное развитіе*, т.-е. вернуться къ такимъ животнымъ свойствамъ, которыя уже были болѣе или менѣе устранены. Такимъ образомъ, человѣкъ могъ бы вернуться на степень четырерукаго животнаго, если бы сталъ усиленно развивать «естественно свойственные» ему задатки мышцъ стопы.

IV.

Для того, чтобы лучше уяснить значеніе вышеприведенной критики, попытаемся примѣнить ее къ частнымъ положеніямъ ученія гр. Толстого.

Одно изъ основныхъ положеній этого ученія заключается въ проповѣди физическаго труда, которому всякій человѣкъ долженъ предаваться въ усиленной степени, для того, чтобы, повинуясь единственно разумному и вѣрному «закону жизни», идти по пути къ истинному счастью. Руки и ноги должны служить для физи-

ческаго труда, т.-е. для того, на что онѣ «даны», «а не на то, чтобы онѣ атрофировались» (XII, 450). Слѣдуя этому правилу, гр. Толстой рѣшилъ, что человѣкъ, вполнѣ способный къ умственному труду, долженъ прежде всего собственными руками дѣлать всю работу, необходимую для удовлетворенія его физическихъ потребностей. Поэтому «на вопросъ что нужно дѣлать—явился самый несомнѣнный отвѣтъ: прежде всего, что мнѣ самому нужно—мой самоваръ, моя печка, моя вода, моя одежда,—все, что я могу самъ дѣлать» (XII, 432). Въ результатѣ получилось такое распредѣленіе времени, что изъ шестнадцати часовъ ежедневнаго бодрствованія, гр. Толстой сталъ употреблять восемь на физическій трудъ (4 на ремесло, 4 другіе на болѣе грубую работу), четыре на умственный трудъ и столько же на общеніе съ людьми. Слѣдствіемъ такого измѣненія образа жизни, введшаго правильное чередованіе разныхъ родовъ труда, явилось ощущеніе неиспытаннаго до той поры благополучія и довольства, отразившихся, по мнѣнію гр. Толстого, и на качествѣ произведеній его умственнаго труда.

Если всѣ люди послѣдуютъ этому примѣру и станутъ жить сообразно съ «закономъ жизни», то тогда «уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ, и установится то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастья человѣка» (XII, 441). Противоположное мнѣніе людей науки доказываетъ только, что послѣдніе идутъ по совершенно ложному пути подъ вліяніемъ желанія освободить себя отъ всякаго дѣла и оправдать неестественное и несправедливое поглощеніе чужого труда. Наука вообще, такая, какой она большей частью является въ наше время, не заслуживаетъ никакого вниманія и уваженія, такъ какъ она, прилѣпившись къ сильнымъ міра сего, идетъ наперекоръ здравому смыслу и ищетъ лишь оправданія тунеядства и праздности.

Хотя многіе органы человѣка и животныхъ «даны» именно «на то, чтобы они атрофировались», т.-е. другими словами, что человѣкъ и животныя унаслѣдовали отъ своихъ предковъ, между прочимъ, такіе органы, которые для ихъ же благополучія должны были или должны будутъ атрофироваться, и хотя у человѣка такія атрофическія явленія и произошли въ значительной степени въ ногахъ (какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ), тѣмъ не менѣе никто не станетъ серьезно утверждать, чтобы переднія и нижнія конечности должны были цѣликомъ или въ значительной степени атрофироваться. Но отъ этого до необходимости для людей, способныхъ къ умственному труду, упряжнять ихъ въ теченіе восьми

часовъ ежедневно—цѣлая пропасть. Многіе виды умственной работы сами по себѣ уже требуютъ мускульнаго труда. Такимъ образомъ именно занятіе большей частью естественныхъ наукъ сопряжено часто съ значительнымъ упражненіемъ мускуловъ конечностей, особенно рукъ. Лабораторная техника со всѣми ея усложненіями и усовершенствованіями сама по себѣ уже обезпечиваетъ ученаго отъ излишняго ослабленія мышечной системы. Если на это скажутъ, что занятія многими науками не представляютъ подобной гарантіи, то можно возразить, что если ужъ слѣдуетъ отдавать часть времени на упражненіе мускуловъ, то пусть такіе ученые займутся лучше физикой, химіей или біологіей, такъ какъ эти спеціальности, сопряженныя съ физическимъ трудомъ, будутъ для нихъ гораздо полезнѣе, чѣмъ умѣнье ставить самовары, тачать сапоги и т. п. занятія.

Отнюдь не сомнѣваясь въ томъ, что нѣкоторая физическая работа очень желательна, а иногда просто необходима для людей умственнаго труда, слѣдуетъ, однакоже, признать преувеличенными часто повторяющіеся отзывы о несовмѣстимости серьезнаго и упорнаго умственнаго труда съ бездѣятельностью мускульной системы. Между большими полушаріями головного мозга и мышцами вовсе не существуетъ такой тѣсной зависимости, чтобы недоразвитіе или болѣзнь одного изъ такихъ органовъ необходимо вызывали соотвѣтствующее измѣненіе и въ другихъ. Между этими органами нѣтъ и подобія такого соотношенія, какъ, напримѣръ, между половыми органами и волосами на лицѣ, когда недоразвитіе первыхъ обязательно вліяетъ на развитіе бороды и усовъ. Между нервной и мускульной системами иногда замѣчается даже обратное отношеніе, т.-е. усиленное развитіе одной рядомъ съ слабостью другой, подобно тому, какъ нерѣдко недоразвитые или вовсе атрофированные органы замѣняются въ своемъ отправленіи другими. Это наблюдается именно въ мышечной и железистой системахъ; такъ, здоровая почка усиленно развивается, принимая на себя роль больного органа.

Пораженіе органа умственной дѣятельности, ведущее къ полной потерѣ разсудка, нерѣдко совмѣщается съ очень значительнымъ развитіемъ мышечной системы и вообще съ цвѣтущимъ физическимъ состояніемъ. И, наоборотъ, самая интенсивная умственная работа вяжется съ слабымъ здоровьемъ вообще и болѣзненностью нервной и мускульной системъ въ частности. Какъ извѣстно, самый геніальный изъ біологовъ нашего вѣка, Дарвинъ, отличался почти всю свою жизнь разстроеннымъ здоровьемъ и это не помѣшало ему быть первымъ по качеству и интенсивности умственнаго труда. Такъ какъ этотъ аргументъ можетъ показаться без-

сильнымъ именно въ глазахъ гр. Толстого, который считаетъ Дарвина ученымъ, стоящимъ ниже всякой критики, то я попробую привести другой примѣръ.

По мнѣнію гр. Толстого, только тотъ можетъ быть признанъ настоящимъ ученымъ, кто трудится «для пользы народа» и направляетъ свою дѣятельность на «участіе въ борьбѣ съ природою за свою жизнь и жизнь другихъ людей». Этимъ требованіямъ можетъ вполнѣ удовлетворить самый геніальный изъ нынѣ живущихъ біологовъ, Пастеръ. Хотя онъ въ глазахъ гр. Толстого и грѣшенъ тѣмъ, что много занимался вопросомъ о произвольномъ зарожденіи (который отнесенъ у гр. Толстого—XII, стр. 393—къ числу праздныхъ вопросовъ), но зато онъ научилъ, какъ избавиться отъ болѣзни шелковичныхъ червей, разорившей многихъ французскихъ и итальянскихъ крестьянъ, нашелъ способъ предохранять домашнихъ животныхъ отъ сибирской язвы и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, и, наконецъ, придумалъ предохранительное лѣченіе отъ бѣшенства, спасительное по преимуществу для бѣдныхъ людей вообще (которые больше подвергаются укушеніямъ бѣшеныхъ животныхъ) и для крестьянъ, даже русскихъ крестьянъ въ частности. При томъ же это лѣченіе, пригодное не только для «тѣхъ людей, которые ничего не дѣлаютъ» и «которые все могутъ достать себѣ» (т. XII, стр. 401), такъ какъ оно производится безплатно, придумано ученымъ, не принадлежащимъ къ врачебному сословію и нерѣдко находящимся въ оппозиціи съ послѣднимъ, что тоже должно увеличить его вѣсъ въ глазахъ гр. Толстого. И что же? Пастеръ произвелъ большую часть этихъ геніальныхъ открытій, даже не имѣя возможности самому выполнять лабораторную работу, такъ какъ болѣе двадцати-двухъ лѣтъ у него парализована цѣлая половина (лѣвая) тѣла. Механическая его дѣятельность вообще сводилась лишь къ прогулкамъ съ цѣлью отдохновенія и изрѣдка къ игрѣ на билліардѣ. Несмотря на свою физическую немощь, Пастеръ, однакоже, рѣшилъ много существеннѣйшихъ вопросовъ науки теоретической и прикладной, и притомъ рѣшилъ не одной способностью къ геніальной интуиціи, а упорнымъ, неутомимымъ умственнымъ трудомъ. Съ нимъ не случилось того, что разсказываетъ гр. Л. Толстой о наиболѣе образованномъ членѣ одной знакомой ему общины,—членѣ, который долженъ былъ готовиться днемъ къ вечернимъ лекціямъ. «Онъ дѣлалъ это съ радостью, чувствуя, что онъ полезенъ другимъ и дѣлаетъ дѣло хорошее. Но онъ усталъ отъ исключительно умственной работы, и здоровье его стало хуже. Члены общины пожалѣли его и попросили идти работать въ поле» (XII, 444).

Помимо сказаннаго, многочисленные примѣры людей съ параличомъ ногъ, продолжающихъ работать мозгомъ и руками, а также безрукіе, работающіе ногами и достигающіе значительнаго умственнаго развитія, убѣждаютъ въ томъ, что ученіе о необходимости усиленнаго физическаго труда для умственной дѣятельности должно быть ограничено. Сошлюсь, для примѣра, на одинъ частный случай, представляющій намъ крайнее недоразвитіе тѣла [1]). Нѣсколько лѣтъ назадъ на показъ публики была выставлена старая дѣвица, лѣтъ 50—60, имѣвшая росту не болѣе полъ-аршина, при чемъ голова, нормальныхъ размѣровъ, занимала около половины длины всего тѣла. На ничтожномъ искривленномъ туловищѣ были прикрѣплены маленькія руки, изъ которыхъ правая не могла совершать движеній безъ помощи лѣвой; ноги, въ сильной степени атрофированныя, оставались въ горизонтальномъ положеніи и были совершенно неподвижны. Несмотря на поразительное недоразвитіе костной и мышечной системъ, у описываемаго субъекта «всѣ чувства, равно какъ и умственныя способности, память и способность сужденія были превосходно развиты». Необходимо также имѣть въ виду, что, съ другой стороны, и требованія серьезнаго умственнаго труда не допускаютъ траты значительнаго количества времени на мышечную работу. Достиженіе тѣхъ, практически столь важныхъ, результатовъ Пастера и его лабораторіи, о которыхъ я только что упоминалъ, было мыслимо лишь благодаря упорному и непрерывному труду, продолжавшемуся часто по двѣнадцати часовъ въ день. Ученые, преслѣдующіе какую-нибудь серьезную задачу, въ лучшемъ случаѣ могутъ совершать небольшую прогулку въ видѣ отдыха и часто не успѣваютъ отвѣчать на всѣ дѣлаемые имъ запросы. Какая же при этомъ возможность ограничивать умственный трудъ четырьмя часами въ день, отдавая восемь часовъ на физическій трудъ и еще четыре часа на общеніе съ людьми? Немыслима даже съ перваго взгляда менѣе трудная комбинація, предлагаемая нѣкоторыми другими реформаторами общественной жизни, которые требуютъ, чтобы каждый человѣкъ «ежедневно посвящалъ четыре или пять часовъ на производительный трудъ», т.-е. «на производство необходимыхъ принадлежностей жизни, доставку сырого матеріала и обученіе», тѣмъ болѣе, что и сами авторы такого проекта признаютъ, что «при подобныхъ условіяхъ мы, быть можетъ, будемъ имѣть менѣе Дарвиновъ, т.-е. менѣе тѣхъ геніевъ, которые трудами, составляющими плодъ тридцатилѣтней работы,

[1]) См. статью проф. *А. Брандта* въ Archiv für pathologische Anatomie, 1886, іюнь, стр. 540.

производятъ переворотъ въ наукѣ и создаютъ новыя отрасли знанія». Ихъ и теперь черезчуръ мало, этихъ геніевъ, а что же будетъ, если въ самомъ дѣлѣ осуществится проектируемая реформа?

Я близко знаю одного русскаго ученаго, который, будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, въ шестидесятыхъ годахъ (слѣдовательно, задолго до проповѣдей гр. Л. Толстого), задумалъ соединить занятія естественными науками съ образомъ жизни, основаннымъ на теоріи «гармоническаго отправленія частей для блага цѣлаго». Съ этой цѣлью онъ сталъ жить одинъ, безъ прислуги, стараясь по возможности самому удовлетворять своимъ потребностямъ, совершенно въ родѣ того, какъ впослѣдствіи гр. Л. Толстой, когда онъ рѣшилъ, что онъ долженъ дѣлать все, что ему «самому нужно—мой самоваръ, моя печка, моя вода, моя одежда» (XII, 432). Только мой ученый обходился вовсе безъ самовара и старался елико возможно упростить жизненный обиходъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ чистя платье и сапоги, прибирая комнату и пр. Несмотря на то, что уже вскорѣ стали сказываться очень чувствительныя неудобства отъ такого «соединенія труда», тѣмъ не менѣе молодой естествоиспытатель оставался вѣрнымъ принципу и крѣпился сколько было силъ. Но однажды, глубокой осенью, онъ серьезно захворалъ и, находясь въ безпомощномъ состояніи, былъ перевезенъ друзьями на ихъ квартиру и принятъ на ихъ доброе попеченіе. Съ тѣхъ поръ онъ уже не возвращался къ «естественному» и «гармоническому» образу жизни.

Свой выводъ о возможности сократить умственный трудъ до четырехъ часовъ въ день гр. Л. Толстой основываетъ, очевидно, на невѣрныхъ данныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о «свободныхъ у *каждаго умственнаго работника* десяти часахъ въ день» (XII, 454) и утверждаетъ, что «служитель науки, т.-е. служитель и учитель истины, заставляя другихъ людей дѣлать для себя то, что онъ самъ можетъ сдѣлать, половину своего времени проводитъ въ сладкой ѣдѣ, куреніи, болтовнѣ, либеральныхъ сплетняхъ, чтеніи газетъ, романовъ и посѣщеніи театровъ» (XII, 395). Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что гр. Л. Толстой взялъ эти примѣры изъ дѣйствительной жизни, такъ какъ и мнѣ самому извѣстны подобные случаи (при чемъ «болтовня» и «сплетни» носятъ нерѣдко и совсѣмъ не-либеральный характеръ), но я рѣшительно не признаю возможнымъ основывать на нихъ оцѣнку людей, серьезно занимающихся наукой и двигающихъ ее впередъ. Достаточно сколько-нибудь близкое знакомство со многими русскими и западно-европейскими учеными для того, чтобы рѣшительно утверждать, что въ подобной праздности они ни мало не

повинны и что ихъ образъ жизни отнюдь не мирится съ исключеніемъ ежедневно восьми часовъ въ день на мускульный трудъ и четырехъ—на общеніе съ людьми. Случаи же, дѣйствительно поразительные, на которыхъ гр. Толстой основалъ свое неправильное заключеніе, доказываютъ лишь то, что есть люди, которые совершенно напрасно и несправедливо пристроились къ наукѣ и относительно которыхъ было бы очень желательно, чтобы они даже и четырехъ часовъ въ день не посвящали умственному труду, а занимались бы исключительно физическимъ. Бѣда только въ томъ, что такіе люди всегда останутся глухи къ проповѣдямъ гр. Толстого и что ихъ совѣсть вообще ничѣмъ расшевелить невозможно.

Говоря о необходимости продолжительнаго физическаго труда, гр. Л. Толстой часто ссылается на свой собственный примѣръ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что гр. Толстой—геніальный беллетристъ, который доставилъ людямъ неисчислимое благо, но именно его-то примѣръ и не можетъ служить аргументомъ въ пользу его воззрѣнія. Писательство большей частью не требуетъ такого продолжительнаго и разнообразнаго труда, какъ другіе виды умственной дѣятельности и особенно научныя занятія. Хотя гр. Толстой и говоритъ, что онъ «занимался всю свою жизнь умственнымъ трудомъ» (XII, 441), но изъ его же собственныхъ произведеній видно, что онъ «половину дня прежде проводилъ въ тяжелыхъ условіяхъ борьбы со скукою» (XII, 433) и что самыя дорогія требованія его отъ жизни, «именно требованія тщеславія и разсѣянія отъ скуки, происходили прямо отъ праздной жизни» (XII, 435). При такихъ условіяхъ, разумѣется, очень хорошо, что гр. Толстой обратился къ усиленному физическому труду, хотя нельзя не пожалѣть, что, принимаясь за публицистическіе и философскіе трактаты, онъ не удѣлилъ больше четырехъ часовъ въ день на умственную работу. Черезчуръ продолжительное упражненіе мышечной системы, очевидно, не оставило ему достаточно времени, чтобы ознакомиться со многими научными вопросами, относительно которыхъ онъ часто высказываетъ очень рѣзкія и совершенно невѣрныя сужденія (напримѣръ, о дарвинизмѣ, о безполезности изслѣдованій, о протоплазмѣ и о мн. др.).

Предлагаемый гр. Толстымъ проектъ ограниченія раздѣленія труда не можетъ быть принятъ какъ по шаткости его естественно-исторической основы (необходимости развивать всѣ свойственныя организму части), такъ равно и по невозможности ограничить требованія серьезнаго умственнаго труда. Изъ того, однакоже, что раздѣленіе труда между людьми не можетъ быть устранено, еще не слѣдуетъ, чтобы человѣческая совѣсть не возмущалась неспра-

ведливостью черезчуръ усиленнаго раздѣленія труда и не искала способовъ помочь бѣдѣ. Рѣшеніе этой задачи, составляющее идеалъ, къ которому стремятся многіе люди, будетъ правильно только подъ условіемъ, если отъ него не пострадаютъ самые существенные интересы умственнаго труда, необходимаго для борьбы съ природою вообще и съ отрицательными сторонами человѣческой природы въ частности.

V.

Ссылка на свойства женской природы, какъ на доказательство того, что вся дѣятельность женщины должна исключительно сосредоточиваться около рожденія, кормленія и воспитанія дѣтей и что поэтому занятія науками для нея представляютъ нѣчто неестественное и нежелательное, сдѣлалось до того избитымъ мѣстомъ, что ее повторяютъ вездѣ и всюду, у насъ и на западѣ Европы, ученые и неученые люди. На ту же точку зрѣнія сталъ и гр. Толстой со свойственной ему страстностью. Я уже приводилъ нѣкоторыя выдержки изъ его статей, которыя цѣликомъ посвящены развитію этой темы. Уже въ библіи сказано, что женщинѣ данъ законъ рожденія дѣтей, всякое отступленіе отъ котораго неестественно и преступно. Для этой цѣли нѣтъ надобности въ занятіи науками, которое, подъ предлогомъ развитія, ведетъ къ «одурѣнію» и къ тому же препятствуетъ рожденію дѣтей (XII, 462). «Женщина, проводящая большую часть своей жизни въ свойственномъ исключительно ей трудѣ рожденія, кормленія и возращенія дѣтей, будетъ чувствовать, что она дѣлаетъ то, что должно, и будетъ возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, потому что исполняетъ то, *что предназначено ей по природѣ*» (468).

Я не знаю, какъ смотритъ теперь на все это гр. Толстой, послѣ того, какъ онъ написалъ «Крейцерову сонату» и «Послѣсловіе» къ ней, но я тѣмъ охотнѣе останавливаюсь на приложеніи метріопатическаго воззрѣнія къ женскому вопросу, что здѣсь, повидимому, представляется самое серьезное затрудненіе для взглядовъ, которые я провожу въ своихъ очеркахъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ отрицать, что женская природа спеціально приспособлена къ произведенію и воспитанію дѣтей, а не къ выполненію высшихъ формъ умственной работы. Всѣ попытки доказать противное, какъ, напримѣръ, въ извѣстномъ трактатѣ Дж. С. Милля о женщинахъ, обнаруживаютъ лишь съ большею силою справедливость этого положенія.

Недостатокъ иниціативы,—качества, столь существеннаго для занятія высшими родами человѣческой дѣятельности, какъ наука

и искусство, составляетъ одну изъ выдающихся особенностей женскаго склада. Это видно даже въ такой области, какъ музыка, гдѣ, несмотря на отличную и продолжительную школу, женщина не могла пойти дальше виртуозности. Врядъ ли будетъ ошибочно предположить, что женщины вообще учатся музыкѣ гораздо больше и дольше, чѣмъ мужчины, и, несмотря на это, изъ нихъ не вышло ни одной хотя бы второстепенной композиторши. Даже въ сферахъ кулинарнаго и швейнаго искусствъ женщины обнаружили несравненно менѣе таланта, чѣмъ мужчины. И самый организмъ ихъ представляетъ родъ остановки въ развитіи, какъ въ этомъ можно убѣдиться при сравненіи женскаго и мужского череповъ и цѣлаго ряда другихъ признаковъ [1]).

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, что чисто женская дѣятельность для поддержанія потомства можетъ быть безъ труда совмѣщена съ серьезнымъ занятіемъ какою-нибудь отраслью науки или искусства; немногія исключенія, на которыя ссылаются въ подобныхъ случаяхъ, не могутъ быть возведены въ общее правило. Примѣры же изъ крестьянской жизни, гдѣ женщина согласуетъ произведеніе часто многочисленнаго потомства съ усиленнымъ женскимъ трудомъ, еще менѣе доказательны, такъ какъ тутъ, во-первыхъ, идетъ рѣчь о физическомъ, а не умственномъ трудѣ, несравненно болѣе прихотливомъ, а главное, отъ этого совмѣщенія получается крайне небрежное выращиваніе и воспитаніе дѣтей, сопряженное съ значительной смертностью послѣднихъ.

Если, съ одной стороны, нельзя не признать, что женская природа, приспособленная болѣе спеціально для цѣлей размноженія, стоитъ ниже мужской по отношенію къ высшимъ проявленіямъ умственнаго труда, то, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что уже съ довольно давнихъ поръ среди женщинъ назрѣло серьезное и твердое стремленіе къ самымъ высшимъ сферамъ человѣческой дѣятельности. Это стремленіе очень многимъ казалось неестественнымъ, незрѣлымъ и смѣшнымъ, простой погоней за какой-то модой; но непреложные факты показали противное. Разумѣется, между многими женщинами, пожелавшими проникнуть въ эту новую и трудную для нихъ область, оказалось не мало и такихъ, у которыхъ эти стремленія были недостаточно серьезны и прочны и которыя поэтому должны были остановиться или попятиться назадъ; но нашлись и такія, которыя остались вѣрны своему идеалу.

Съ перваго взгляда легко можетъ показаться, что во всемъ этомъ заключено какое-то основное противорѣчіе; но при ближай-

[1]) См. Очеркъ вступленія въ бракъ, Вѣстникъ Европы, 1874, I.

шемъ разсмотрѣніи дѣла предположеніе это падаетъ. Очевидно, что въ такъ называемомъ женскомъ вопросѣ обнаруживается сильное внутреннее, какъ бы инстинктивное стремленіе опередить природу, перешагнуть узкія рамки, наложенные «естественными свойствами» женскаго организма. И въ этомъ нѣтъ ничего особенно парадоксальнаго, такъ какъ сходныя явленія совершались и теперь совершаются въ животномъ мірѣ.

Такъ какъ высшія животныя, т.-е. позвоночныя, не представляютъ намъ случаевъ столь развитой общественности, какъ человѣкъ, то намъ поневолѣ придется спуститься въ область болѣе низшихъ животныхъ. Къ счастію, насѣкомыя, являющія намъ примѣры очень сложной общественной жизни, оказываются высоко одаренными и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Среди нихъ наиболѣе развитыя общества наблюдаются у термитовъ, муравьевъ и пчелъ. Хотя послѣднія двѣ группы насѣкомыхъ и относятся къ одному и тому же отряду (перепончатокрылыхъ), тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что общественность развилась у нихъ вполнѣ независимо другъ отъ друга. О совершенно же самородномъ происхожденіи общественныхъ формъ термитовъ не можетъ быть вопроса, такъ какъ эти насѣкомыя принадлежатъ къ другому отряду—прямокрылыхъ. Что же мы наблюдаемъ у нихъ? Оказывается, что во всѣхъ этихъ наиболѣе сплоченныхъ и сложныхъ животныхъ обществахъ, рядомъ съ раздѣленіемъ труда между различными особями, установилось безплодіе значительнаго количества индивидуумовъ и притомъ гораздо больше среди женскихъ особей. Безплодные самцы развились только у термитовъ. Эти безплодныя насѣкомыя выполняютъ всѣ общественныя работы, а нѣкоторыя изъ нихъ играютъ роль воиновъ, защищая гнѣзда отъ нападенія и, въ свою очередь, нападая на другихъ животныхъ.

Тотъ фактъ, что при столь тѣсномъ общественномъ сплоченіи обязательно и независимо другъ отъ друга (т.-е. помимо наслѣдственной передачи) развилось безплодіе большинства особей, уже самъ по себѣ указываетъ на крайне важное значеніе этого явленія для благополучія, счастія цѣлой общины.

При разсмотрѣніи вопросовъ человѣческой жизни съ естественно-исторической точки зрѣнія, обыкновенно встрѣчается то важное неудобство, что у людей мы находимъ еще незаконченныя, часто только зачинающіяся явленія, тогда какъ у животныхъ, которыхъ мы беремъ для сравненія, процессы представляются въ ихъ готовой, окончательной формѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Въ то время, какъ у людей замѣчаются лишь первые шаги на пути къ безплодію, у общественныхъ насѣкомыхъ, какъ у муравьевъ, пчелъ

и термитовъ, уже вполнѣ установилось такое раздѣленіе отправленій, при которомъ лишь немногіе члены общины служатъ для размноженія, огромное же большинство ихъ, негодное для производства потомства (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ), выполняетъ всѣ работы и охраняетъ безопасность общины. Было бы поэтому очень интересно, если можно было бы подыскать примѣръ болѣе подходящій, т.-е. найти такой случай, который бы позволилъ намъ нѣсколько ближе проникнуть въ самый процессъ возникновенія безплодія у самокъ общественныхъ насѣкомыхъ.

Обратимся съ этой цѣлью къ одному виду осы, водящемуся во Франціи и южной Германіи, извѣстному подъ названіемъ «галльской осы» (Polistes gallica) и превосходно изученному покойнымъ зоологомъ Зибольдомъ[1]). У этой осы еще не произошло такого глубокаго раздѣленія особей, какъ у пчелъ, муравьевъ и термитовъ. Кромѣ самцовъ, у нея встрѣчаются самки, различающіяся между собою по величинѣ: болѣе крупныя и болѣе мелкія самки. У этихъ обѣихъ формъ органы размноженія развиты вполнѣ, и мелкія самки имѣютъ, такъ же какъ и большія, все, что необходимо для оплодотворенія и кладки яицъ. Въ этомъ отношеніи онѣ отличаются отъ работницъ-пчелъ, такъ какъ у послѣднихъ аппаратъ размноженія недоразвитъ, и онѣ лишены органовъ, дѣлающихъ возможнымъ оплодотвореніе.

Но между большими и меньшими самками галльской осы уже установились значительныя различія въ образѣ жизни и инстинктахъ. Перезимовываютъ только большія самки и онѣ же кладутъ начало общины. Обыкновенно въ началѣ весны одна такая самка устраиваетъ сама небольшое гнѣздо изъ пережеванной древесины, изъ которой она приготовляетъ массу въ родѣ папье-маше. Вскорѣ она кладетъ въ каждую ячейку гнѣзда по яйцу, изъ которыхъ выходятъ безпомощныя червеобразныя личинки. «Дальнѣйшее развитіе этихъ личинокъ,—говоритъ Зибольдъ,—совершается медленно, такъ какъ самка-царица, принужденная единолично заботиться о цѣломъ гнѣздѣ, не въ состояніи доставить достаточное количество корма для ея голодныхъ личинокъ» (стр. 18). Въ іюнѣ изъ такихъ недокормленныхъ личинокъ вылупляется цѣлый маленькій рой осъ, которыя и оказываются вышеупомянутыми мелкими самками. Эти послѣднія тотчасъ же принимаются за работу, увеличиваютъ гнѣздо и доставляютъ новому поколѣнію личинокъ обильную пищу, вслѣдствіе чего личинки растутъ быстрѣе, становятся больше и пре-

[1]) Beiträge zur Parthenogenesis des Arthropoden. Leipzig, 1871.

вращаются, наконецъ, въ болѣе крупныхъ осъ, которыя размѣрами не уступаютъ самкѣ-царицѣ» (21). Благодаря полезной работѣ мелкихъ самокъ, гнѣзда тщательно охраняются отъ многочисленныхъ ночныхъ враговъ (какъ, напримѣръ, пауковъ, уховертокъ, мокрицъ и пр.), которые нерѣдко уничтожаютъ всѣхъ личинокъ въ то время, когда мелкія самки еще не вылупились, а самка-царица спокойно спитъ, не заботясь о судьбѣ своего потомства.

Столь дѣятельныя въ работѣ для обезпеченія общаго блага колоніи мелкія самки оказываются очень безчувственными въ любовномъ отношеніи. На ухаживаніе вылупившихся и созрѣвшихъ въ теченіе лѣта самцовъ «мелкія самки не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія. Онѣ слишкомъ заняты уходомъ за личинками и обыкновенно прогоняютъ вонъ назойливыхъ ухаживателей» (стр. 41). Эти самки, однакоже, сохраняютъ способность, въ случаѣ нужды, класть неоплодотворенныя яйца, изъ которыхъ могутъ вылупляться только самцы.

Въ этомъ примѣрѣ мы, такимъ образомъ, видимъ одинъ изъ первыхъ шаговъ раздѣленія труда между самками и пріобрѣтенія безплодія среди общественныхъ животныхъ. Самка-царица еще выполняетъ работу, но она уже не можетъ справиться сама со всѣмъ потомствомъ, и цѣлой общинѣ грозитъ бѣда, если не являются своевременно мелкія самки, занятыя главнымъ образомъ работою для «общаго блага». Природа этихъ самокъ устроена такъ[1]), что онѣ легко могли бы вступать въ супружество. Съ метріопатической точки зрѣнія такъ бы и слѣдовало. Поклонники сообразованія съ «природными свойствами» должны бы были возмутиться и возстать противъ «неестественнаго» поступка мелкихъ самокъ, отвергающихъ жениховъ, предпочитающихъ оставаться въ дѣвственности цѣлую жизнь и посвящать послѣднюю ухаживанію за чужими дѣтьми. Тѣ же проповѣдники должны бы были не менѣе возмутиться и поведеніемъ самки-царицы, плодящей множество дѣтей, которыхъ сама не въ состояніи охранить и прокормить, а передаетъ для этого въ чужія руки. Если бы обѣ формы самокъ послушались голоса такихъ моралистовъ и перестали слѣдовать своимъ стремленіямъ, то, какъ легко предвидѣть, община бы распалась и отдѣльные члены ея пострадали. Повиновеніе же такимъ инстинктивнымъ побужденіямъ, несмотря на кажущуюся неестественность, привело къ развитой общественной жизни, какую мы видимъ, напримѣръ, у пчелъ.

---

[1]) Зибольдъ нѣсколько разъ (стр. 17, 20, 56) съ особеннымъ удареніемъ настаиваетъ на томъ, что въ анатомическомъ отношеніи мелкія самки устроены такъ же точно, какъ и крупныя, и имѣютъ все устройство, необходимое для брачной жизни,

Вся эта исторія галльской осы убѣждаетъ въ томъ, что *измѣненія инстинктивныя, функціональныя, могутъ идти впереди измѣненій органовъ и показывать имъ путь.* Можно предсказать, что если дальнѣйшее развитіе общественности у этой осы пойдетъ по тому же направленію, то оно приведетъ къ измѣненію въ устройствѣ органовъ размноженія у мелкихъ самокъ и къ установленію двухъ рѣзко отличныхъ формъ: работницъ и царицъ, подобно тому, какъ это встрѣчается у пчелъ.

Если мы приложимъ добытыя данныя къ женскому вопросу, то должны будемъ прежде всего замѣтить, что природныя свойства женскаго организма, приспособленнаго къ дѣторожденію, не могутъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ къ удовлетворенію стремленія нѣкоторыхъ женщинъ посвятить себя высшимъ сферамъ умственнаго труда. Для этого даже нѣтъ надобности, чтобы у такихъ женщинъ было такое же равнодушіе къ браку, какъ у дѣвственныхъ галльскихъ осъ, хотя и извѣстны многочисленные примѣры отвращенія женщинъ къ брачной жизни. Это и многія другія, вообще довольно частыя въ человѣческомъ родѣ, отклоненія половыхъ инстинктовъ указываютъ на то, что первый шагъ на пути къ безплодію уже сдѣланъ. Весьма возможно, что съ этого начался прецессъ обособленія въ человѣческихъ обществахъ, сходный съ тѣмъ, который гораздо далѣе подвинулся у насѣкомыхъ, и что со временемъ установится, хотя и не столь рѣзкое, раздѣленіе людей на наиболѣе и наименѣе плодовитыхъ или даже и вовсе безплодныхъ. Послѣдніе, имѣя возможность посвятить себя исключительно высшимъ сферамъ человѣческой дѣятельности, будутъ служить обществу главнымъ образомъ умственнымъ трудомъ.

Боязнь, что при такомъ неравномѣрномъ распредѣленіи размноженія, люди, высшіе въ умственномъ отношеніи, не оставятъ прямого потомства, которое бы могло поддерживать и развивать наиболѣе драгоцѣнныя для общества качества, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи несостоятельной. Примѣръ насѣкомыхъ съ крайнимъ обособленіемъ безплодія и раздѣленіемъ труда въ общинахъ доказываетъ вполнѣ, что недѣятельные и неразвитые родители (царица и трутень у пчелъ) могутъ производить гораздо болѣе способныхъ и трудолюбивыхъ потомковъ (пчелъ-работницъ) и что измѣненія, наблюдаемыя у этихъ безплодныхъ насѣкомыхъ, могутъ повторяться и совершенствоваться въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Это можетъ быть объяснено такимъ образомъ. Самка производитъ массу яицъ, въ которыя вложены самые различные задатки; въ то время, какъ въ однихъ зародышахъ вполнѣ разви-

лись только одни изъ этихъ задатковъ, у остальныхъ развились совершенно другіе. Пчела-царица съ слабо-развитымъ мозгомъ, произведшая работницъ съ очень совершенной нервной системой, сама могла имѣть неразвившіеся впослѣдствіи задатки очень высоко одареннаго мозга. Дарвинъ приводитъ еще слѣдующій примѣръ. Есть породы озимаго левкоя съ махровыми, слѣдовательно безплодными, и простыми, дающими сѣмена, цвѣтами. Послѣдніе будутъ соотвѣтствовать царицамъ у пчелъ, а махровые цвѣты—безплоднымъ работницамъ. Левкои эти размножаются исключительно сѣменами, изъ которыхъ происходятъ, однакоже, большей частью махровые цвѣты и только въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ простые, сѣмяноносные. Здѣсь махровость передается посредствомъ немахровыхъ, простыхъ цвѣтовъ. Въ приложеніи къ человѣку это ведетъ къ предположенію, что плодовитые люди будутъ передавать по наслѣдству признаки своихъ высоко одаренныхъ безплодныхъ родичей. Эти послѣдніе, какъ нужно думать, оказались выдающимися лишь вслѣдствіе того, что въ нихъ совершилось полное развитіе задатковъ, которые были получены ими непосредственно отъ ихъ плодовитыхъ родителей. Положимъ, въ какой-нибудь семьѣ есть ясно выдающійся, но безплодный дѣятель. Самъ онъ не можетъ передать своихъ признаковъ потомству, но сходный талантъ можетъ обнаружиться у какого-нибудь другого члена семьи, напримѣръ, у племянника, сестры или брата. Предположенія эти, равно какъ и факты унаслѣдованія у общественныхъ насѣкомыхъ и озимыхъ левкоевъ, вполнѣ вяжутся съ современными представленіями о наслѣдственности, по которымъ признаки, пріобрѣтенные послѣ рожденія, никогда не передаются потомству. Послѣднее же получаетъ лишь задатки, которые могутъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе и развиваться обильно, или глохнуть.

Боязнь, что установленіе частнаго безплодія поведетъ къ общему вымиранію, тоже не должна быть признана основательной, такъ какъ при процессѣ дальнѣйшаго обособленія, рядомъ съ безплодіемъ однихъ индивидуумовъ, должна или, по крайней мѣрѣ, можетъ усилиться плодовитость другихъ, подобно тому, какъ это совершилось въ мірѣ общественныхъ насѣкомыхъ. Уже и теперь мы видимъ, что въ семьѣ, въ которой есть нѣсколько дѣтей, не составляетъ существеннаго отягощенія имѣть ихъ еще двое или трое, между тѣмъ какъ жизнь бездѣтнаго супружества сразу измѣняется самымъ кореннымъ образомъ съ той минуты, какъ въ ней рождается ребенокъ. Необходимо также имѣть въ виду, что съ успѣхами культуры и главнымъ образомъ научной медицины

смертность вообще, и въ дѣтскомъ возрастѣ въ особенности, уже и теперь значительно уменьшившаяся, будетъ со временемъ становиться все меньше и меньше. Возможно даже, что вызванное этимъ увеличеніе народонаселенія обусловитъ необходимость позаботиться объ уменьшеніи числа рожденій, и тогда, подготовленное развитіемъ, частное безплодіе обнаружитъ всю свою полезность.

Примѣръ постепеннаго пониженія процента увеличенія народонаселенія во Франціи, о которомъ теперь, послѣ доклада Ланьо, идетъ такъ много толковъ, ничего не доказываетъ въ нашемъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о пагубномъ вліяніи женскаго научнаго образованія, такъ какъ оно почти цѣликомъ отсутствуетъ у французскихъ женщинъ. Уже скорѣе какъ разъ наоборотъ. Распространеніе среди нихъ серьезнаго образованія, способнаго только искоренять вкусы къ роскоши и пустымъ утѣхамъ въ жизни вообще, можетъ содѣйствовать поддержанію необходимаго уровня размноженія.

Не забѣгая далеко впередъ, можно и теперь убѣдиться въ пользѣ посѣщенія высшихъ курсовъ и вообще участія женщинъ въ высшемъ умственномъ трудѣ. Не говоря о тѣхъ изъ нихъ, которыя остаются вѣрными своей спеціальности и идутъ по разъ избранному пути, даже тѣ женщины, которыя потомъ покидаютъ высшія сферы дѣятельности, сохраняютъ все-таки вкусъ къ нимъ и поддерживаютъ его въ близкихъ имъ людяхъ, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать развитію и потворствовать стремленіямъ къ пустой и праздной жизни. Хотя, какъ выше было сказано, женщины въ музыкальномъ отношеніи стоятъ значительно ниже мужчинъ, но сколько пользы принесли они успѣхамъ музыки тѣмъ, что развивали и поддерживали вкусъ къ ней въ дѣтяхъ и вообще близкихъ имъ! Кому не извѣстенъ въ этомъ отношеніи примѣръ матери нашего геніальнаго композитора и виртуоза А. Рубинштейна, игравшей такую роль въ развитіи музыкальнаго таланта своихъ дѣтей? То же самое приложимо и къ научной области.

Мы получаемъ въ результатѣ этого разсмотрѣнія женскаго вопроса съ біологической точки зрѣнія, что и тутъ, какъ во многомъ другомъ, самые интересы развитія не вяжутся съ преклоненіемъ предъ готовыми и несовершенными формами, данными природнымъ устройствомъ человѣческаго организма, а, напротивъ, требуютъ чуткаго и внимательнаго отношенія къ проявляемымъ стремленіямъ къ идеалу, который упорно пробивается наружу, не смотря на всякія оказываемыя со всѣхъ сторонъ и, между прочимъ, со стороны гр. Л. Толстого препятствія.

VI.

При разсмотрѣніи женскаго вопроса намъ пришлось цѣликомъ разойтись съ воззрѣніемъ гр. Л. Толстого, который въ данномъ случаѣ послѣдовательно стоитъ на принципѣ преклоненія предъ готовыми формами человѣческой природы и во имя его попираетъ идеалъ, ясно выразившійся. Въ вопросѣ объ умственномъ и мускульномъ трудѣ мы также были вынуждены возражать графу Толстому; только тутъ мы выдѣлили исповѣдуемый имъ идеалъ—проповѣдь противъ роскоши и стремленіе помѣшать превращенію человѣка въ безсмысленную машину—отъ попытки доказать, что необходимо отодвинуть научную дѣятельность на задній планъ и обратиться къ усиленному мышечному труду.

Нельзя не сочувствовать гр. Толстому въ его проповѣди гуманности и мягкаго обращенія съ людьми и животными, но не потому, чтобы мучить и убивать людей и животныхъ было «противно и мучительно природѣ человѣка», а несмотря на то, что мучить людей и животныхъ очень свойственно человѣческой природѣ. Подобно тому, какъ дѣтеныши хищныхъ животныхъ играютъ въ травлю, а взрослыя животныя наслаждаются мученіемъ своихъ жертвъ, такъ и дѣти находятъ большей частью величайшее удовольствіе въ мученіи и убійствѣ животныхъ. Столь распространенная страсть къ охотѣ у дѣтей и у взрослыхъ, воинственныя наклонности и звѣрство, обнаруживаемое во всѣхъ случаяхъ, когда дѣлается возможнымъ свободное проявленіе инстинктовъ, служатъ явными опроверженіями мнѣнія гр. Л. Толстого.

Можно предположить, что наклонности зоологическихъ прародителей человѣка были очень свирѣпы и что эти предки характеромъ своимъ скорѣе напоминали гориллу, чѣмъ шимпанзе. Отъ нихъ-то должны были унаслѣдоваться тѣ звѣрскія привычки, которыя такъ часто даютъ себя чувствовать въ человѣческомъ мірѣ.

Несмотря на все это, нельзя не желать, чтобы въ борьбѣ со зломъ, возникающимъ изъ дурныхъ сторонъ человѣческой природы, употребляемы были сколь возможно мягкія мѣры. Разумѣется, невозможно согласиться съ гр. Л. Толстымъ, когда онъ допускаетъ насиліе только по «отношенію къ ребенку и только для избавленія его отъ предстоящаго ему тотчасъ же зла» (Въ чемъ моя вѣра, стр. 195), такъ какъ въ дѣйствительности должно быть признано несравненно большее число исключеній, въ которыхъ необходимо прибѣгнуть къ насилію. Но тутъ различіе не принципіальное, а чисто количественное, разъ самъ гр. Толстой признаетъ, что правило: «не противиться злу насиліемъ», не можетъ

быть примѣнено во всей его послѣдовательности. Съ другой стороны, нельзя не пожелать распространенія его на пріемы литературной критики и полемики, такъ какъ черезчуръ запальчивая рѣчь съ пѣной у рта, клейменіе противниковъ позорными эпитетами и приписываніе имъ самыхъ низкихъ побужденій («оглупѣніе» противниковъ, «одуренія» противницъ, «дармоѣды» ученые и художники, жрецы науки и искусства, «самые дрянные обманщики», и многое другое, чѣмъ пересыпаны статьи гр. Л. Толстого) можетъ только повредить дѣлу, заставивъ, пожалуй, подумать, что такіе пріемы служатъ лишь для прикрытія слабости основной аргументаціи.

Въ какую сторону мы бы не обратили вниманіе во всѣхъ этихъ жизненныхъ вопросахъ, вездѣ мы увидимъ болѣе или менѣе рѣзкое раздвоеніе. Съ одной стороны, унаслѣдованная отъ животныхъ предковъ природа со всѣми ея отрицательными сторонами, съ другой—сильное, непреодолимое стремленіе къ идеалу, къ лучшему будущему. Это послѣднее выражается то въ формѣ вѣрованія въ такое состояніе, когда люди предстанутъ въ иномъ образѣ и воцарится справедливость, то въ формѣ мечтаній о золотомъ вѣкѣ, который осуществится на землѣ, то въ видѣ вѣры въ прогрессъ и историческую справедливость. Хотя критикѣ удается разрушить эти иллюзіи, тѣмъ не менѣе въ концѣ-концовъ все же всплываетъ иногда лучъ надежды на то, что положеніе, быть можетъ, еще не такъ отчаянно, при этомъ необходимо всегда имѣть въ виду, что многіе вопросы, которые прежде казались неразрѣшенными, уступили человѣческому уму и энергіи и что, успѣшно борясь съ природою, человѣку удалось многое измѣнить если не въ своей собственной природѣ, то въ природѣ окружающихъ его существъ.

Процессъ, посредствомъ котораго совершалось развитіе и измѣненіе формъ въ органическомъ мірѣ, сводится, въ концѣ-концовъ, къ естественному подбору, т.-е. къ переживанію существъ, наиболѣе одаренныхъ въ борьбѣ за существованіе, рядомъ съ вымираніемъ наименѣе приспособленныхъ организмовъ. Въ результатѣ этого процесса получилось множество органическихъ видовъ, носящихъ на себѣ явные признаки цѣлесообразности въ устройствѣ ихъ тѣла. Нужно думать, что и человѣкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ той же силѣ естественнаго подбора, проявившей свое дѣйствіе на какомъ-нибудь зоологическомъ человѣкообразномъ прародителѣ.

Воззрѣніе это, составляющее сущность дарвиновскаго ученія,

въ теченіе болѣе чѣмъ тридцатилѣтней борьбы выдержавшаго самую тяжелую пробу, въ настоящее время составляетъ краеугольный камень всей біологіи, да и не одной только біологіи, а и другихъ, соприкасающихся съ ней отраслей знанія. Правда, гр. Л. Толстой считаетъ его результатомъ «праздныхъ играній мысли людей такъ называемой науки» (XII, 382) и думаетъ, что отъ него можно отдѣлаться двумя, тремя шуточками (напримѣръ, въ родѣ приписыванія дарвинизму нелѣпости, будто «изъ роя пчелъ можетъ сдѣлаться одно животное») и возраженіемъ, «что никто никогда не видалъ, какъ дѣлаются одни организмы изъ другихъ» (тамъ же), точно будто наука можетъ ограничиваться только тѣмъ, что можно видѣть непосредственно глазами! Я не стану здѣсь останавливаться долѣе на этой «критикѣ», такъ какъ она не заключаетъ въ себѣ ни одного признака таковой, я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ сдѣлать это, что мною былъ напечатанъ цѣлый рядъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» за 1876 годъ, въ которыхъ я старался изложить въ популярно-научной формѣ все значеніе дарвиновскаго ученія, не скрывая, разумѣется, и его недостатковъ.

Въ человѣческомъ мірѣ, рядомъ съ развитіемъ сознательности, «естественное» стало уступать мѣсто «искусственному» и естественный подборъ сталъ перерождаться въ искусственный. Произошло это потому, что «искусство» значительно ускорило процессъ развитія, оказавшись, слѣдовательно, вообще очень полезнымъ. Поясникъ это послѣднее положеніе примѣромъ. Перемѣна климата застала и человѣка, и животныхъ недостаточно приспособленными къ низкой температурѣ; но въ то время, какъ у послѣднихъ это приспособленіе могло совершиться лишь съ помощью развитія обильнаго волосяного покрова и отложенія подкожнаго жира, у человѣка оно произошло благодаря искусству одѣваться. Къ счастью, наши предки не остановились передъ тѣмъ, что такъ какъ природа создала ихъ голыми, то они не должны были прикрываться «неестественной» одеждой; они послѣдовали своему непосредственному чувству, побуждавшему ихъ согрѣться, и въ результатѣ оказались побѣдителями надъ природою.

Захватывая все большую и большую область, искусство стало мѣнять и обликъ организмовъ, окружавшихъ человѣка. При этомъ съ очень давнихъ поръ выступилъ на сцену искусственный подборъ, посредствомъ котораго удалось въ относительно короткое время отобрать и упрочить путемъ наслѣдственности множество драгоцѣнныхъ для человѣка свойствъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда такой подборъ совершается вполнѣ сознательно, люди посвятив-

шіе себя этой спеціальности, начинаютъ съ того, что намѣчаютъ прежде всего цѣль, къ которой они должны стремиться. Дарвинъ, резюмируя данныя о подборѣ голубей, выражается такъ: «Подборъ производится методически въ томъ случаѣ, когда заводчикъ старается улучшить или измѣнить породу, согласно предвзятому *идеалу* [1]). Установленіе послѣдняго не есть дѣло простой фантазіи или прихоти; для того, чтобы намѣтить идеалъ, который бы былъ осуществимъ, необходимо точное знаніе природы организма и достаточная доля иниціативы. Идеалъ этотъ никогда не будетъ простой копіей съ дѣйствительности, а всегда результатомъ синтеза послѣдней съ человѣческимъ воображеніемъ и мышленіемъ». Вотъ почему даже въ такой узкой и опредѣленной области, какъ искусственный подборъ домашнихъ животныхъ, требуется такъ много данныхъ отъ намѣчающаго путь «идеалиста». Многочисленные любители животныхъ и растеній устраиваютъ собранія, на которыхъ они, послѣ долгаго обсужденія, намѣчаютъ идеалъ, къ которому должно стремиться, и выражаютъ его въ программѣ, за осуществленіе которой полагается призъ.

Этотъ процессъ подбора можетъ служить образцомъ того, какъ должно сложиться «искусство» въ болѣе высокомъ и широкомъ смыслѣ слова, т.-е. и какъ изящное искусство, и какъ житейское искусство, или практическая философія. Въ обоихъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ идеалъ, какъ продуктъ синтеза внутренняго и внѣшняго міра. Изящное искусство не должно быть реалистическимъ, въ смыслѣ рабскаго подражанія дѣйствительности; оно можетъ и должно переходить за предѣлы послѣдней. Когда любитель-садоводъ или животноводъ вызываетъ созданный имъ идеалъ на рисункѣ, то послѣдній изображаетъ животное или растеніе не такими, каковы они въ дѣйствительности, а такими, какими они должны быть впослѣдствіи. Только если онъ серьезный «идеалистъ», то въ своемъ идеалѣ онъ будетъ сообразоваться съ природою и ея законами, которыхъ нельзя обойти.

То же и въ житейскомъ искусствѣ, или этикѣ. Моралистъ не долженъ останавливаться рабски передъ готовыми формами, какъ бы «естественны» или «свойственны природѣ» онѣ ни казались. Онъ долженъ стараться перешагнуть чрезъ эти границы, чтобы идти по направленію къ идеалу, намѣченному опять-таки на основаніи всѣхъ данныхъ дѣйствительности.

Во всей этой обширной области искусства требуется, слѣдовательно, идеализмъ, основанный на точномъ и всестороннемъ

---

[1]) Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Русск. пер., I, стр. 227.

знаніи. Если бы кому-нибудь вздумалось намѣтить идеаломъ пріобрѣтеніе крыльевъ, согласно представленію о воздушныхъ ангелахъ и другихъ подобныхъ существахъ, то такая цѣль должна была бы быть отвергнута на основаніи закона, по которому развитіе летательной перепонки или настоящихъ крыльевъ стѣсняетъ движенія конечностей, столь важныя для человѣка, и еще на основаніи того, что ближе къ цѣли можно придти совершенствованіемъ воздухоплаванія. Если же идеаломъ является, напримѣръ, измѣненіе нѣкоторыхъ природныхъ свойствъ, мѣшающихъ женщинѣ удовлетворить непреложное стремленіе въ высшія сферы человѣческой дѣятельности, то я не вижу причины, почему бы нельзя было направить искусство къ достиженію такой цѣли.

Безспорно, что переходъ отъ естественнаго подбора къ сознательному, искусственному, въ приложеніи къ человѣку долженъ составить критическій и поэтому крайне трудный періодъ въ жизни человѣчества. Онъ требуетъ, съ одной стороны, свободнаго развитія идеальныхъ стремленій для опредѣленія того разумнаго идеала, къ которому можно направить дѣятельность; съ другой стороны, онъ немыслимъ безъ значительныхъ успѣховъ положительнаго знанія. Такъ какъ оба эти условія касаются самыхъ деликатныхъ и нѣжныхъ отпрысковъ человѣческой дѣятельности, которые легко глохнутъ отъ слишкомъ грубаго прикосновенія дѣйствительности, то неудивительно, что по временамъ можетъ явиться сомнѣніе, въ успѣшности дальнѣйшаго развитія и самый мрачный взглядъ на будущность.

Выводъ, сдѣланный болѣе тридцати лѣтъ назадъ Боклемъ въ результатѣ обзора пути, пройденнаго человѣчествомъ, подтверждается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Самые прочные успѣхи, добытые людьми, это именно тѣ, которые совершены при помощи положительнаго знанія. Самыя серьезныя надежды, которыя можно лелѣять, должны быть возложены на дальнѣйшіе успѣхи въ той же области. Отсюда ясно, что непосредственной нашей цѣлью должно быть все то, что можетъ въ наибольшей степени содѣйствовать этимъ успѣхамъ.

Противъ науки и развивающейся подъ ея вліяніемъ культуры уже не разъ раздавались самые страстные протесты. Остановить ея движенія они, однакоже, были не въ силахъ. Не менѣе талантливая, чѣмъ полемика гр. Л. Толстого, проповѣдь Ж.-Ж. Руссо, дѣйствовавшая притомъ въ такое время, когда знаніе еще пустило далеко меньшіе корни, и та не была въ состояніи хоть сколько-нибудь замѣтно затормозить успѣхи его. Нужно надѣяться,

что и новая проповѣдь автора статьи «О назначеніи науки и искусства» не окажетъ большого вліянія.

Правда, у насъ существуютъ, повидимому, какія-то особенныя условія, благопріятствующія всему, что враждебно наукѣ и культурѣ. Замѣчательно, что при той склонности къ исканію идеала, о которой было упомянуто въ началѣ этой статьи, у насъ въ то же время пользуются особенной симпатіей ученія, идущія противъ науки. Стремленіе въ народъ, возвращеніе къ физической работѣ, «упрощеніе жизни» и пр.,—все это только различныя формы, въ которыя облекалась потребность разорвать связь съ серьезнымъ научнымъ трудомъ. Не объясняется ли это явленіе до нѣкоторой степени примѣромъ изъ жизни той общины, о которой говоритъ гр. Л. Толстой и наиболѣе образованный членъ которой, послѣ приготовленія къ вечернимъ работамъ, «*усталъ* отъ исключительно умственной работы» (XII, 444)? Быть можетъ, наши мозги, лишь съ недавняго времени направленные на умственный трудъ, просто не выдерживаютъ того упорнаго и постояннаго напряженія, которое необходимо для серьезнаго занятія наукою, и инстинктивно влекутъ насъ назадъ. Нѣкоторую аналогію этому явленію представляютъ примѣры изъ жизни болѣе первобытныхъ людей, которые, несмотря на обширныя природныя дарованія и на легкость, съ какой они усваиваютъ европейскую культуру и науку, по истеченіи извѣстнаго времени разрываютъ со всѣмъ этимъ и успокаиваются только тогда, когда возвращаются къ своему прежнему образу жизни. Если это предположеніе справедливо, то бѣдѣ можно помочь правильной организаціей обученія и постепеннымъ пріученіемъ къ упорной мозговой работѣ. Въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что неутомимый научный трудъ, соединенный съ непреодолимымъ стремленіемъ къ идеалу, не замедлитъ принести обильные плоды.

Современное состояніе вопроса о старческой атрофіи.

1.

Въ то время, когда естественный подборъ еще не былъ открытъ, біологовъ всего болѣе занималъ вопросъ о гармоніи въ природѣ. Казалось непонятнымъ, какимъ образомъ, не прибѣгая къ таинственнымъ силамъ, объяснить замѣчаемое на каждомъ шагу удивительное приспособленіе органовъ къ ихъ отправленію. Но когда *Дарвинъ и Валласъ* показали, что въ природѣ происходитъ какъ постоянный подборъ существъ, приспособленныхъ къ жизни, такъ и истребленіе организмовъ, менѣе пригодныхъ въ борьбѣ за существованіе, поставленный вопросъ разрѣшился столь не ожиданно, какъ и просто.

Послѣ этого можно было обратится къ изученію явленій дисгармоніи, окружающихъ насъ. Въ своемъ превосходномъ сочиненіи объ оплодотвореніи растеній черезъ посредство насѣкомыхъ *Германъ Мюллеръ*[1]), рядомъ со множествомъ удивительныхъ приспособленій, установленныхъ естественнымъ подборомъ, описываетъ примѣры совершенно противоположнаго характера. Въ особенности интересенъ его разсказъ о бѣдственныхъ приключеніяхъ съ божьими коровками, пробирающимися въ цвѣты съ цѣлью получить медъ изъ нектарниковъ и недостигающими цѣли.

Жизнь человѣка переполнена подобными проявленіями дисгармоніи. Длинный періодъ развитія, предшествующій взрослому возрасту, представляетъ намъ не мало такихъ примѣровъ. Такимъ образомъ, различные отдѣлы функціи размноженія, вмѣсто того, чтобы созрѣвать одновременно, развиваются по частямъ, отдѣленнымъ болѣе или менѣе длинными промежутками. Столь преждевременное развитіе полового чувства, появляющагося въ то время, когда нор-

[1]) Die Befruchtung der Blumen durch Insecten. 1873 стр. 167.

мальное отправленіе органовъ размноженія безусловно немыслимо, ведетъ часто къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Даже созрѣваніе половыхъ продуктовъ начинается въ такомъ возрастѣ, когда общая зрѣлость организма еще недостаточна для правильной половой жизни.

Потеря функціи размноженія совершается такъ же скачками, обнаруживая не менѣе очевидную дисгармонію. Половая чувствительность, сохраняясь гораздо долѣе, чѣмъ нѣкоторыя другія стороны полового отправленія, влечетъ за собою невзгоды, быть можетъ, столь же важныя, какъ и слишкомъ преждевременное ея развитіе. Безплодная любовь стариковъ представляетъ намъ еще новое доказательство отсутствія гармоніи въ исчезноваціи половой функціи.

Но здѣсь мы подходимъ къ біологическому явленію, представляющему самый поразительный примѣръ дисгармоніи въ человѣческой жизни. Я имѣю въ виду отсутствіе инстинкта старости и естественной смерти.

Выполненіе многихъ физіологическихъ отправленій влечетъ за собой ощущеніе пресыщенія и нѣкоторой усталости. Послѣ дневного труда инстинктивно ощущается потребность отдыха и сна. Было бы столь же естественно, если бы, послѣ взрослаго возраста, мы испытывали инстинктивное желаніе состарѣться, а послѣ болѣе или менѣе продолжительной старости, мы бы спокойно ждали естественной смерти.

Въ дѣйствительности же мы видимъ прямо противоположное этому. Только въ исключительныхъ случаяхъ люди стремятся умереть и никто въ мірѣ не желаетъ состарѣться. Тутъ, очевидно, кроется противорѣчіе со всей совокупностью естественныхъ явленій. Эта предохранительная дисгармонія тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что она играла и продолжаетъ играть огромную роль въ жизни человѣчества.

Страхъ смерти долженъ былъ съ незапамятныхъ временъ озобочивать людей. Ему слѣдуетъ, очевидно, приписать представленіе о будущей жизни и безсмертіи. Эта мысль легла основаніемъ многоразличнымъ вѣрованіямъ, прошедшимъ черезъ всю человѣческую исторію.

Въ своемъ знаменитомъ трактатѣ о старости *Цицеронъ*[1]) при помощи всевозможныхъ соображеній старается доказать преимущество старости и смерти. Но онъ тѣмъ не менѣе приходитъ къ понятію о безсмертіи души, какъ къ крайнему доводу. «Природа—го-

---

[1]) Полное Собраніе сочиненій. Съ французскимъ переводомъ *Pierrot и Pommier*. О старости Т. XVIII.

воритъ онъ—не сдѣлала пребываніе на землѣ вѣчнымъ, а обратила его лишь въ временное пристанище». И, убаюканный этой гипотезой, онъ прибавляетъ слѣдующія знаменательныя слова:... «если я ошибаюсь, вѣруя въ безсмертіе души, то эта иллюзія мнѣ пріятна и я не хочу, чтобы у меня отняли ее, пока я живъ».

Со времени *Цицерона* прошло около двухъ тысячъ лѣтъ, и человѣчество все еще находится приблизительно на той же точкѣ зрѣнія. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ современныхъ писателей, графъ *Л. Толстой*, во многихъ сочиненіяхъ развиваетъ ту мысль, что смерть страшна лишь для тѣхъ, кто не имѣетъ вѣры. Онъ даетъ яркую картину этого страха смерти у невѣрующихъ въ загробную жизнь и описываетъ состояніе душевнаго спокойствія умирающихъ, послѣ того какъ они увѣровали.

Въ своей исповѣди *Толстой* описываетъ свое душевное состояніе въ то время, когда онъ пришелъ къ выводу, что жизнь не имѣетъ смысла, такъ какъ ежеминутно мы можемъ быть застигнуты смертью, послѣ чего отъ насъ «ничего не останется, кромѣ смрада и червей». Всѣ его попытки выйти изъ этого затрудненія, иначе какъ при помощи религіи съ ея вѣрованіемъ въ безсмертіе, привели его только къ отрицанію основъ нашей цивилизаціи. Отсюда вытекла столь рѣзкая ненависть противъ науки, неспособной ни рѣшить задачу жизни и смерти, ни внести хотя какое-либо утѣшеніе въ его твердую душу.

А между тѣмъ наука, какъ и религія, имѣетъ одинъ изъ своихъ глубочайшихъ источниковъ въ боязни смерти, которая легла въ основу медицины, а черезъ ея посредство и всѣхъ біологическихъ наукъ вообще. Интересно поэтому попытаться свести итоги, полученные наукою въ изслѣдованіи задачи естественной смерти и ведущей къ ней старости.

2.

Смерть кажется намъ чѣмъ-то до такой степени естественнымъ и неизбѣжнымъ, что на нее съ давнихъ поръ смотрѣли какъ на свойство, присущее всѣмъ организмамъ. Но когда біологи стали ближе изучать этотъ вопросъ, они тщетно пытались найти какія-либо доказательства этого положенія, принятаго всѣми какъ догматъ. Въ своей рѣчи о продолжительности жизни *Вейсманъ* [1]) развилъ ту идею, что одноклѣточныя растенія и животныя безсмертны. Такъ какъ эти существа размножаются посредствомъ часто повторяющагося дѣленія, то легко представить себѣ, что они мо-

[1]) Ueber die Dauer des Lebens. Jena 1882, стр. 27.

гутъ жить безконечно, съ тѣмъ, что въ теченіе всего ихъ существованія, ни разу не встрѣтится случай естественной смерти. По мнѣнію *Вейсмана*, эта послѣдняя могла развиться лишь у многоклѣточныхъ организмовъ, вслѣдствіе обособленія клѣтокъ на элементы, служащіе для размноженія, и на соматическіе. Притомъ же онъ смотритъ на естественную смерть какъ на приспособленіе, полезное для вида, то-есть «какъ на извѣстнаго рода уступку внѣшнимъ условіямъ существованія, а не какъ на нѣчто неизбѣжное, имѣющее своимъ основаніемъ самую сущность жизни». Преслѣдуя эту мысль, *Вейсманъ* приходитъ къ заключенію, что «истинную причину смерти слѣдуетъ искать не въ устарѣніи соматическихъ клѣтокъ, а скорѣе въ предѣльности ихъ способности къ воспроизведенію».

Если часто повторяющееся дѣленіе одноклѣточныхъ организмовъ, вмѣстѣ съ слѣдующимъ за нимъ возстановленіемъ отошедшихъ частей, обезпечиваетъ имъ безконечную жизнь и предохраняетъ ихъ отъ смерти, то не видно основанія, почему нельзя бы было приложить тотъ же выводъ и къ многоклѣточнымъ существамъ часто дѣлящимся, каковы нѣкоторые полипы, микростомы и пр. Нѣкоторыя Metazoa могутъ поэтому быть столь же безсмертны, какъ Protozoa и другіе одноклѣточные организмы.

По мнѣнію *Вейсмана*, естественной смерти высшихъ существъ предшествуетъ обыкновенно уменьшеніе воспроизводительной способности соматическихъ клѣтокъ, въ чемъ, слѣдовательно, и должна бы заключаться существенная основа старости.

Но прежде чѣмъ подойти къ вопросу о внутренныхъ явленіяхъ старческаго увяданія, намъ необходимо сдѣлать обзоръ общихъ измѣненій, наблюдаемыхъ въ старости. Такъ какъ очень преклонный возрастъ всегда сопровождается уменьшеніемъ вѣса, то на старость принято смотрѣть просто какъ на атрофію[1]). И въ самомъ дѣлѣ, атрофическія явленія преобладаютъ въ старости. Вотъ почему, для того чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о послѣдней, необходимо бросить предварительно бѣглый взглядъ *на атрофію въ организованномъ мірѣ вообще*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ атрофія состоитъ въ уменьшеніи объема клѣтокъ, составляющихъ данный органъ, причемъ онѣ не исчезаютъ. Чаще клѣточки атрофируются цѣликомъ, причемъ наблюдается два случая. Иногда клѣтки исчезаютъ въ сокахъ организма, или же онѣ перевариваются внутри фагоцитовъ. Внѣклѣточное раство-

---

[1]) Смотри, напр., главу *о старческой атрофіи* въ Основахъ Патологіи *Подвысоцкаго*. Изд. 3 1899.

реніе тканей и клѣтокъ часто принималось какъ фактъ, хотя въ пользу его никогда еще не было приведено ни одного истиннаго доказательства. Такіе случаи однако же дѣйствительно существуютъ, они очень рѣдки и наблюдаются при исключительныхъ условіяхъ. Ихъ можно легче констатировать при резорбированіи нѣкорыхъ клѣтокъ, т.-е. при явленіи, сходномъ съ атрофіей. Такъ, если мы введемъ въ лимфатическій мѣшокъ лягушки немного крови морской свинки, то мы убѣдимся въ быстромъ внѣклѣточномъ растворенiи красныхъ шариковъ въ лимфатической жидкости.

Подобное же явленіе можетъ быть, на основаніи открытія *Бордэ*[1]), наблюдаемо у различныхъ животныхъ, которымъ по нѣскольку разъ впрыскивалась кровь другихъ видовъ. При впрыскиваніи крови какого-либо позвоночнаго въ брюшную полость морскихъ свинокъ, красные шарики не перевариваются въ плазмѣ брюшной лифмы. Но если подобную операцію повторить нѣсколько разъ, то въ результатѣ получается плазма, растворяющая красные шарики, по крайней мѣрѣ отчасти. Это растворенiе происходитъ несомнѣнно внѣ клѣтокъ, а между тѣмъ во время первыхъ впрыскиваній крови шарики исчезаютъ только внутри лейкоцитовъ.

Я могъ въ этомъ убѣдиться съ большой точностью, изучая резобированіе эритроцитовъ гуся въ брюшной полости морскихъ свинокъ. По истеченіе нѣкотораго времени красные шарики захватываются одноядерными лейкоцитами и вполнѣ перевариваются внутри ихъ. Послѣ второго и третьяго впрыскиванія это захватываніе, равно какъ и перевариваніе, совершаются еще быстрѣе. Если послѣ того такимъ образомъ подготовленнымъ свинкамъ впрыснуть еще гусиной крови, то эритроциты обезцвѣчиваются въ брюшной жидкости, но периферическій слой ихъ протоплазмы и ядра перевариваются исключительно лишь внутри макрофаговъ.

Подобно разсасыванію, и атрофія клѣтокъ чаще всего происходитъ внутри фагоцитовъ. Послѣ того какъ этотъ фактъ былъ констатированъ при превращеніи иглокожихъ[2]), онъ былъ вскорѣ распространенъ на лягушекъ[3]) и мухъ[4]). Въ однихъ случаяхъ атрофическія клѣтки пожираются лейкоцитами, въ другихъ онѣ захватываются особеннаго рода фагоцитами, какъ, напр. мускульной саркоплазмой при атрофіи поперечнополосатыхъ мышечныхъ волоконъ.

Очень часто отвергали вовсе или же значительно уменьшали эту роль фагоцитовъ при атрофіи клѣтокъ во время метаморфозы.

---

[1]) Annales de l'Institut Pasteur. 1898, стр. 688.

[2]) *Мечниковъ*, Arbeiten d. zool. Institut Wien. 1883 T. X.

[3]) *Мечниковъ* Biolog. Centralb. 1883, T. III. и Ann. de l'Inst. Pasteur 1892.

[4]) *Кавалевскій* Zeitschr. f. wiss. Zool. 1887.

Такъ, *Нётцель*[1]) и еще очень недавно *Караваевъ*[2]) описали превращеніе нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, помимо участія фагоцитовъ. Не вдаваясь здѣсь въ подробную критику этихъ работъ, сошлюсь на то, что достаточно сличить ихъ текстъ съ приложенными рисунками (что касается спеціально статьи *Караваева*), для того, чтобы убѣдиться въ несомнѣнномъ существованіи фагоцитарныхъ явленій, просмотрѣнныхъ авторомъ.

Метаморфоза безпозвоночныхъ, равно какъ и амфибіи, преизобилуютъ фактами, доказывающими преобладающую роль фагоцитовъ при атрофіи.

Тотъ же законъ проявляется и въ частичной атрофіи рудиментарныхъ органовъ. Какъ примѣръ я могу сослаться на атрофію хрусталика слѣпого протея каринтійскихъ пещеръ, обусловленную проникновеніемъ фагоцитовъ внутрь органа.

То же правило приложимо и къ физіологическимъ атрофіямъ. Такъ напр. *Helme*[3]) доказалъ, что при послѣродовой атрофіи матки фагоциты поглощаютъ много клѣточныхъ элементовъ. Очень часто въ этихъ атрофіяхъ главную роль приписываютъ недостаточному притоку крови къ атрофирующимся частямъ. Такъ, нѣкоторые ученые предполагаютъ, что причиной атрофіи хвоста головастиковъ является меньшій притокъ крови. Это предположеніе однакоже совершенно ошибочно. Источники атрофіи тканей во время превращенія гораздо глубже и заключаются въ особенностяхъ дѣятельности клѣтокъ. Какъ доказательство сошлюсь на фактъ, что у многихъ безпозвоночныхъ (иглокожія, насѣкомыя), у которыхъ личиночные органы погружены въ кровь и у которыхъ сосудовъ вовсе не существуетъ, тѣмъ не менѣе происходитъ, какъ и у головастиковъ, атрофія однѣхъ и гиперплазія другихъ клѣтокъ.

Въ виду столь широкаго распространенія атрофіи чрезъ посредство фагоцитоза, не будетъ ничуть удивительно встрѣтить тотъ же процессъ и при патологическихъ атрофіяхъ. Извѣстно уже не мало примѣровъ этого явленія. Патологическій фагоцитозъ былъ изслѣдованъ въ особенности по отношенію къ поперечно-полосатымъ мускульнымъ волокнамъ. Обильное размноженіе мускульныхъ ядеръ, давно уже замѣченное при атрофіи этихъ элементовъ, должно быть признано за одно изъ проявленій фагоцитарной дѣятельности. Оно тѣсно связано съ гипертрофіей саркоплазмы, играющей главную роль въ атрофіи сократительнаго вещества мускуловъ[4]). Подобный же

[1]) Virchow's Archiv T. 151. 1897.

[2]) Zeitschr. f. wiss. Zool. 1898. T. LXIV.

[3]) Transactions of the R. Society of. Edinburgh. 1889.

[4]) *Судакевичъ*, Annales de l'Inst. Pasteur 1892, стр. 13.

процессъ былъ съ давнихъ поръ установленъ *Ранвье* [1]) по отношенію къ атрофіи нервныхъ волоконъ. Онъ былъ подтвержденъ впослѣдствіи нѣсколькими другими учеными [2]).

Разрушеніе нервныхъ клѣтокъ лейкоцитами при патологическихъ процессахъ было наблюдаемо съ очень давнихъ поръ [3]). Въ болѣе недавнее время былъ поставленъ вопросъ, во всѣхъ-ли случаяхъ атрофія нервныхъ клѣтокъ происходитъ подобнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть попытки съ цѣлью показать фагоцитарную роль клѣточекъ невроглія и въ высшей степени вѣроятно, что эти элементы должно признать за нервные фагоциты, подобно тому, какъ саркоплазма служитъ фагоцитомъ мускульнаго волокна.

Въ то время какъ при острыхъ инфекціяхъ главнѣйшая роль выполняется, за рѣдкими исключеніями, многоядерными лейкоцитами, при атрофіи тканей она исполняется макрофагами. Съ этой точки зрѣнія атрофія тѣсно примыкаетъ къ хроническому воспаленію и къ медленнымъ инфекціямъ, какъ туберкулезъ и другія гранулемы. Макрофаги бываютъ различнаго происхожденія. Ими могутъ быть или одноядерные лейкоциты, или эндотеліальныя и соединительнотканныя клѣтки, а также элементы невроглія и саркоплазма.

При разсасываніи красныхъ шариковъ, описанномъ выше, равно какъ и при разрушеніи другихъ тканей, введенныхъ въ организмъ, фагоцитозъ выполняется всегда одноядерными клѣтками. Когда въ брюшинномъ экссудатѣ находится вмѣстѣ много полиморфно-ядерныхъ лейкоцитовъ и макрофаговъ, то можно быть увѣреннымъ, что многіе изъ числа послѣднихъ окажутся заключающими полинуклеаровъ. Противоположный же случай не наблюдается никогда, что лишній разъ доказываетъ, что только макрофаги служатъ органами разсасыванія и атрофіи животныхъ клѣтокъ.

Обыкновенно думаютъ, что фагоциты разрушаютъ какъ ослабѣвшія клѣтки, такъ и ткани и органы, сдѣлавшіеся безполезными для организма. Выраженное въ такомъ видѣ предложеніе это носитъ телеологическій характеръ и можетъ дать поводъ къ очень важнымъ недоразумѣніямъ. Есть много ослабѣвшихъ клѣтокъ и ненужныхъ органовъ, не становящихся добычею фагоцитовъ; съ другой стороны, существуетъ много элементовъ, очень важныхъ для организма и которые тѣмъ не менѣе пожираются ими. Настоящіе рудиментарные органы несомнѣнно не приносятъ никакой пользы

---

[1]) Leçons sur le système nerveux 1878.

[2]) *Büngner.* Beiträge z. pathol. Anatomie 1891 T. X, стр. 321.

[3]) *Л. Поповъ*, Virchow's Archiv 1875, T. 63, стр. 421.

организму, несмотря на что, однакоже, они противостоятъ фагоцитозу. Рудиментарные глаза рыбъ (Typhlychtis subterraneus), живущихъ въ мамутовомъ гротѣ въ Кентукки или глаза протеевъ каринтійскихъ пещеръ, не выполняютъ никакой роли въ полной тьмѣ, среди которой живутъ эти животныя. Нѣкоторыя части ихъ глазъ претерпѣваютъ даже фагоцитарную атрофію и тѣмъ не менѣе остается еще цѣлый рудиментарный органъ, нетронутый фагоцитами. То же правило примѣнимо и къ такимъ органамъ, какъ молочная железа самцовъ, половые органы насѣкомыхъ работницъ, остающихся безплодными, за весьма рѣдкими исключеніями. Съ другой же стороны, при голоданіи и въ болѣзняхъ наблюдается часто несомнѣнное ослабленіе нѣкоторыхъ клѣточныхъ элементовъ, сопровождающееся уменьшеніемъ объема, при чемъ эти клѣтки не поѣдаются фагоцитами.

Изъ всей совокупности этихъ фактовъ вытекаетъ, что клѣтки, съ цѣлью противодѣйствія макрофагамъ, должны обладать какимъ-то веществомъ, отталкивающимъ этихъ фагоцитовъ. Въ то время, какъ элементамъ тканей такъ легко обезпечить себя противъ многоядерныхъ лейкоцитовъ, имъ нужны совершенно особенныя средства для того, чтобы избѣжать прожорливости макрофаговъ. Такъ какъ эти клѣтки поглощаютъ нерастворимыя неорганическія вещества, какъ напр. угольный порошокъ, то ясно, что онѣ не нуждаются въ привлеченіи химіотактическими веществами. Поэтому, въ томъ, что онѣ избѣгаютъ здоровые элементы тканей, нужно видѣть результатъ выдѣленія этими элементами вещества, дѣйствующаго отрицательно химіотактически. Если мы встрѣчаемъ рядомъ со многими личиночными органами, поглощаемыми фагоцитами, другіе находящіеся тутъ же (какъ напр. имагинальныя пластинки личинокъ иглокожихъ и насѣкомыхъ), но избѣгающіе фагоцитоза, то какъ причину, почему эти органы противостоятъ фагоцитамъ, слѣдуетъ признать существованіе предохранительнаго выдѣленія. А такъ какъ, съ другой стороны, мы такъ часто встрѣчаемъ въ тѣсной близи другъ съ другомъ клѣтки, поѣдаемыя макрофагами и другія, избѣгающія ихъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что предохранительное вещество непосредственно облегаетъ выдѣлявшую его клѣтку, не распространяясь на разстояніи. Въ этомъ отношеніи существуетъ большое сходство съ тѣмъ, что замѣчается у микробовъ, слизистая оболочка которыхъ заключаетъ вещество, отгоняющее фагоцитовъ.

На основаніи сказаннаго нужно думать, что было бы достаточно, чтобы, несмотря на ея полнѣйшую необходимость для организма, клѣтка потеряла способность выдѣлять предохранительное вещество, чтобы она тотчасъ же была съѣдена фагоцитомъ. И это,

по всей вѣроятности, случается во многихъ атрофическихъ болѣзняхъ нервной системы и другихъ важнѣйшихъ органовъ.

Нельзя отрицать того, что между обыкновенной функціей даннаго органа и его способностью выдѣлять предохранительное вещество должно существовать извѣстное соотношеніе. Такъ напр. сокращеніе мускуловъ, раздраженіе глаза свѣтомъ, должны возбуждать предохранительное выдѣленіе. Но было бы совершенно ошибочно думать, что между обѣими функціями существуетъ постоянное и необходимое отношеніе, такъ какъ клѣтки могутъ выдѣлять предохранительное вещество, не выполняя своего обычнаго отправленія. Существуютъ даже случаи, гдѣ разъединеніе обѣихъ функцій чрезвычайно рѣзко. Такъ, эмбріональные органы во время ихъ дѣятельнаго развитія или въ періодъ застоя (какъ напр. имагинальныя пластинки личинокъ) еще не выполняютъ своей обычной роли, что имъ не мѣшаетъ однакоже противостоять противъ тѣсно окружающихъ ихъ многочисленныхъ фагоцитовъ.

При атрофіи физіологической, равно какъ и при патологической, между клѣтками происходитъ непрерывная борьба, состоящая изъ нападенія макрофаговъ съ одной стороны и изъ самозащиты клѣтокъ, при помощи выдѣленія, съ другой.

3.

Примѣнимо-ли общее правило для атрофій къ старческому увяданію? Мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ, опираясь на работы, накопившіяся въ литературѣ по этому предмету.

Вотъ какимъ образомъ *Самуэль* [1]) резюмируетъ внутренній процессъ одряхленія въ «Реальной Энциклопедіи медицины» Эйленбурга: «Старческое вырожденіе не зависитъ ни отъ пищепринятія, ни отъ питанія, но является исключительнымъ слѣдствіемъ типическаго расположенія тканей и должно быть поэтому признано неизбѣжнымъ явленіемъ».

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на старческое вырожденіе, то увидимъ, что оно состоитъ изъ атрофіи различныхъ тканей, съ частичнымъ отложеніемъ жира и извести. «Эта клѣточная атрофія, несмотря на всю ея обширность, не распространяется однакоже на всѣ клѣтки. Новые кровяные шарики переходятъ постоянно въ кровь и потери крови постоянно восполняются. Эпителій воспроизводится непрерывно; раненія кожи, соединительной ткани, а часто

---

[1]) Статья „Marasmus“ въ *Eulenburg's* Realencyclopädie d. ges. Heilkunde T. XII, 1887, стр. 540.

даже и костей заживаютъ нормально и притомъ въ обычные сроки; пости растутъ». Во всемъ этомъ не видно того общаго и прогрессивнаго уменьшенія воспроизводительной способности клѣтокъ, какое предполагаетъ теорія *Вейсмана*.

Старческая атрофія тканей, несмотря на ея распространеніе, однакоже не становится всеобщей. Съ давнихъ поръ уже было замѣчено, что соединительная ткань стариковъ представляетъ очень замѣчательное исключеніе изъ этого правила. Въ своихъ лекціяхъ о болѣзняхъ стариковъ *Шарко* [1]) высказывается объ этомъ вопросѣ слѣдующимъ образомъ: «Въ чемъ же заключается этотъ процессъ атрофіи, распространяющійся на совокупность органовъ и тканей. Прежде всего здѣсь совершается процессъ простой атрофіи: клѣточные элементы паренхимы и, быть можетъ, также нервныя клѣтки прогрессивно уменьшаются въ объемѣ, не обнаруживая никакого существеннаго измѣненія въ строеніи; это въ особенности замѣчательно по изслѣдованіямъ *Отто Вебера*, относительно мускуловъ стариковъ, элементы которыхъ блѣдны, малы и всѣ почти одинаковыхъ размѣровъ, противоположно тому, что наблюдается у взрослыхъ. Однакоже, соединительнотканная основа не принимаетъ въ соотвѣтствующей степени участія въ этомъ процессѣ медленнаго разрушенія; она, наоборотъ, становится преобладающей во внутреннихъ органахъ, что было очень хорошо установлено докторомъ *Бастьенъ* по отношенію къ печени и большей части брюшныхъ органовъ».

Почти двадцать лѣтъ спустя *Деманжъ* [2]) приходитъ приблизительно къ тѣмъ же выводамъ: «...всего чаще соединительная ткань претерпѣваетъ настоящее раздраженіе, ведущее хотя и не къ полному воспаленію, но къ размноженію клѣтокъ и къ послѣдовательному склерозу. Этотъ склерозъ, смотря по обстоятельствамъ, развивается въ видѣ островковъ или тяжей, начинаясь то съ периферіи органа, то съ его глубины и заглушая въ его отпрыскахъ элементы органа, подвергающіеся вслѣдствіе этого атрофіи и перерожденію. Такимъ образомъ клѣточный элементъ мало по малу исчезаетъ, соединительно-тканная основа становится на его мѣсто и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр., въ предстательной железѣ, она, вслѣдствіе усиленной гиперплазіи, обусловливаетъ увеличеніе органа сравнительно съ его нормальными размѣрами. Впрочемъ, гораздо чаще послѣдствіемъ является общая или частичная атрофія» (стр. 9).

---

1) Leçons sur les maladies des vieillards. Paris 1868, стр. 8, 9.

2) Etude clinique et anatomo-pathologique sur la vieillesse. Paris 1866.

Такимъ образомъ постоянно получается та же картина: *атрофія благородныхъ и специфическихъ элементовъ тканей и ихъ замѣна гипертрофированной соединительной тканью.* Но какимъ образомъ объяснить механизмъ этихъ клѣточныхъ измѣненій? По мнѣнію *Деманжа*, ихъ истинная причина заключается въ первичномъ измѣненіи артерій. Претерпѣвая склерозъ, онѣ теряютъ способность достаточно питать органы, которые вслѣдствіе этого неизбѣжно атрофируются.

Весь процессъ, однакоже, не такъ простъ, какъ предполагаетъ эта теорія и намъ легко убѣдиться въ томъ, что старческія измѣненія тканей должны зависѣть отъ глубоко заложенныхъ отправленій клѣтокъ. Для того, чтобы доказать это, слѣдуетъ обратиться прежде всего къ явленіямъ дегенераціи, начинающимся задолго до склерозированія сосудовъ. Изъ всѣхъ органовъ яичники могутъ дать намъ наиболѣе подходящіе факты. Атрофія яичекъ начинается очень рано и продолжается въ теченіе всей жизни, т.-е. совершается въ такое время, когда не можетъ быть рѣчи о нарушеніи питанія вслѣдствіе артеріосклероза. И тѣмъ не менѣе эта атрофія представляетъ совершенно тотъ же характеръ у молодыхъ женщинъ, что и у старухъ и у старыхъ самокъ вообще. Вездѣ процессъ сводится къ развитію соединительной ткани, обусловливающей полное исчезновеніе яичекъ. *Отрошкевичъ* [1]) напечаталъ въ 1896 году диссертацію, въ которой онъ резюмируетъ современное ученіе о старческомъ перерожденіи яичниковъ. Яичниковыя фолликулы замѣщаются волокнистой тканью и уже чрезъ четыре года послѣ прекращенія менструацій, ихъ не остается вовсе. Яичники сморщиваются и обнаруживаютъ значительное уменьшеніе объема, то-есть настоящую атрофію. Превращенію фолликуловъ въ фиброзныя массы предшествуетъ жировое перерожденіе яичекъ и клѣтокъ membranae granulosae, вмѣсто которыхъ появляется сначала молодая, наполненная круглыми клѣтками, соединительная ткань.

Хотя эта атрофія яичниковъ была часто наблюдаема и описана, тѣмъ не менѣе, внутренніе процессы, составляющіе ея сущность, еще недостаточно выяснены. Болѣе извѣстна атрофія яичниковъ у низшихъ позвоночныхъ, начиная съ птицъ, причемъ относительно ея мнѣнія ученыхъ согласуются вполнѣ. Вотъ какимъ образомъ резюмируетъ этотъ вопросъ *Неппедиу* [2]) въ очень интересномъ изслѣдованіи на эту тему: «... у птицъ, рептилій, амфибій, рыбъ, фагоциты очень рано внѣдряются въ желтокъ, присоединяя свое

---

[1]) Къ вопросу о старческихъ измѣненіяхъ. Диссертація СПБ. 1896.

[2]) Journal d'Anatomie et de Physiologie. 1894, стр. 1.

участіе къ дробленію для размельченія желтка, который затѣмъ переваривается и всасывается. Эпителій фолликулъ, усиленно питающійся, гипертрофируется и доставляетъ новыхъ фагоцитовъ, дополняющихъ и заканчивающихъ работу первыхъ иммигрировавшихъ клѣтокъ. Въ то же время замѣчается утолщеніе оболочки фолликула и образованіе сосудовъ, проникающихъ въ membrana granulosa и могущихъ даже врости въ желтокъ». Мы видимъ здѣсь примѣръ, въ которомъ атрофія, очевидно, зависитъ не отъ недостатка сосудовъ, а гдѣ она, напротивъ, усиливается вслѣдствіе ихъ вростанія въ атрофическую ткань. Фагоциты, membranae granulosa, переполненные питательнымъ матеріаломъ, превращаются въ соединительно-тканыя клѣтки, а фолликулъ обращается въ концѣ концовъ въ массу фиброзной ткани».

Результаты изслѣдователей по отношенію къ атрофіи у женщинъ и у млекопитающихъ вообще, гораздо менѣе согласны и точны. *Hennegiuy* (въ стр. 34) думаетъ: «... что у млекопитающихъ блуждающія клѣтки выступаютъ лишь въ послѣдней стадіи атрофіи яйца и часто даже вовсе не проникаютъ въ его глубину». Если нѣкоторыя клѣтки membrana granulosa и проникаютъ въ яичниковыя яйца млекопитающихъ, это внѣдреніе совершается только въ конечныхъ стадіяхъ перерожденія: при этомъ онѣ, по всей вѣроятности, играютъ роль фагоцитовъ и ускоряютъ исчезновеніе желтка. При перерожденіи, сопровождающемся раздробленіемъ, клѣтки membrana granulosa въ концѣ-концовъ также внѣдряются между частями желтка и превращаются въ фагоцитовъ» (стр. 32).

Судя по этому, атрофія яйца у млекопитающихъ существенно отличается отъ того же процесса у всѣхъ остальныхъ позвоночныхъ. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что послѣднее слово въ этомъ вопросѣ еще далеко не сказано. На основаніи рисунковъ, приложенныхъ къ работѣ *Hennegiuy*, а также на основаніи рисунковъ въ болѣе поздней статьѣ *Janosik'a* [1]), слѣдуетъ заключить, что фагоцитарныя явленія при атрофіи у млекопитающихъ наступаютъ по крайней мѣрѣ столь же рано, какъ и у другихъ позвоночныхъ. *Hennegiuy* упоминаетъ съ самаго начала этого перерожденія образованія вокругъ яйца пласмодія, что ясно указываетъ на развитіе гигантскихъ фагоцитовъ въ этомъ мѣстѣ. *Janosik* изображаетъ также (Табл. IX, фиг. 3, 6, 7) протоплазмическія массы съ ядрами вокругъ яичка и при томъ начиная съ первыхъ стадій атрофіи.

Въ предыдущемъ мы видимъ примѣръ атрофіи, совершающейся одинаковымъ образомъ въ молодости и въ старости, и притомъ

---

1) Archiv f. mikrosk. Anatomie. T. 48, 1897, стр. 169. Табл. IX.

въ такое время, когда состояніе сосудистой системы обезпечиваетъ нормальное питаніе тканей. Гораздо справедливѣе отнести ее на счетъ внутренней борьбы между клѣточными элементами, т.-е. между яичниковыми яйцами, съ одной, и клѣтками membranae granulosa, съ другой стороны. Яичко, потерявшее способность самозащиты, претерпѣваетъ нападеніе со стороны окружающихъ клѣтокъ, которыя его поглощаютъ, сами превращаясь на мѣстѣ въ соединительную ткань.

Придаточные женскіе половые органы тоже претерпѣваютъ въ старости атрофію, примыкающую къ общему типу. *Schnapper* [1]), описавшій недавно старческое перерожденіе фаллопіевыхъ трубъ, пришелъ къ тому выводу, что всѣ три слоя до такой степени проростаютъ соединительной тканью, что границы между ними становятся незамѣтны. Слизистая оболочка представляетъ сильное развитіе молодой соединительной ткани, пускающей отростки, соединяющіе сосѣднія складки. Мускульный слой тоже пропитывается соединительной тканью, развивающейся въ видѣ островковъ, раздѣляющихъ кольцеобразныя мышцы на нѣсколько частей.

Сѣменныя железы атрофируются въ старости гораздо менѣе, чѣмъ яичники и перерожденіе притомъ распространяется лишь на нѣкоторые отдѣлы железы. Эпителіальный покровъ сѣмянныхъ канальцевъ претерпѣваетъ различное перерожденіе (пигментное, гіалиновое и пр.), но вокругъ этихъ атрофированныхъ частей всегда наблюдается новообразованная соединительная ткань. *М. Павловъ* [2]) настаиваетъ на томъ фактѣ, что соединительная ткань при этомъ богата клѣтками различной формы, частью расположенными въ видѣ длинныхъ тяжей.

Но рядомъ съ этими атрофированными отдѣлами, проявляющими общій типъ замѣщеній специфической ткани соединительною, наблюдаются и другіе, не отличающіеся замѣтнымъ образомъ отъ нормальнаго состоянія. У старика 71 года *Павловъ* нашелъ даже довольно значительное количество эпетиліальныхъ клѣтокъ въ процессѣ митотическаго размноженія и, кромѣ того, много зрѣлыхъ сѣмянныхъ тѣлъ. Впрочемъ, уже съ давнихъ поръ извѣстно, что старики способны производить сперматозоиды, даже иногда въ большомъ количествѣ. У старика 94 лѣтъ *Павловъ* наблюдалъ, рядомъ съ болѣе или менѣе атрофированными канальцами, другіе, находившіеся въ дѣятельномъ состояніи и заключавшіе довольно много сѣмянныхъ тѣлъ.

---

[1]) Centralblatt für Gynäkologie 1898 № 44, стр. 1201.

[2]) О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ сѣмянныхъ железъ въ старческомъ возрастѣ. Диссертація. СПБ. 1894.

Изъ другихъ отдѣловъ мужскихъ половыхъ органовъ было изслѣдовано въ особенности старческое перерожденіе мужского члена, о которомъ г. *Шурыгинъ* [1]) напечаталъ недавно довольно подробную монографію. Всюду, въ сосудахъ, нервахъ, кавернозныхъ пространствахъ, онъ наблюдалъ то же преобладающее явленіе, т.-е. развитіе соединительной ткани насчетъ другихъ элементовъ. Половыя тѣльца съ ихъ нервными окончаніями претерпѣваютъ подобную же атрофію. Часто *Шурыгинъ* видѣлъ внутри этихъ тѣлецъ много клѣтокъ, различной формы и величины; между ними онъ могъ отличить остатки пластинокъ и лейкоцитовъ. «Судя по тому—говоритъ *Шурыгинъ*—что въ нормальныхъ генитальныхъ тѣльцахъ не приходилось ни разу встрѣчать такого обилія эндотеліальныхъ клѣтокъ, образующихъ пластинки капсулъ, можно высказать предположеніе, что эта масса клѣтокъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могла произойти путемъ пролиферації, а быть можетъ и путемъ эмиграціи». (Стр. 43).

Явленія склероза въ старческой печени и почкахъ достаточно общеизвѣстны и примыкаютъ всегда къ тому же типу развитія соединительной ткани на счетъ желѣзистыхъ эпителіевъ (см. у *Demange'a* l. c.). Въ нервной системѣ наблюдается подобная же атрофія; только здѣсь невроглія заглушаетъ болѣе благородныя клѣтки. Фактъ усиленнаго развитія невроглії у стариковъ былъ найденъ *Golgi* и позже подтвержденъ *Weigert'омъ*. *Шурыгинъ* упоминаетъ также о развитіи невроглії въ поясничномъ утолщеніи спинного мозга (l. c. стр. 46).

Недавно *Pugnat* [2]) описалъ участіе лейкоцитовъ въ старческой атрофіи мозга. «Когда нервная клѣтка, состарившись—говоритъ онъ—оказывается менѣе стойкою, она легко становится жертвою лейкоцитовъ, которые ее поглощаютъ, размельчаютъ и растворяютъ безъ остатка. Лейкоциты и соединительнотканныя клѣтки играютъ такимъ образомъ важную роль въ процессѣ физіологической смерти нервной ткани».

Такъ какъ морщины кожи составляютъ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ и нерѣдко одинъ изъ самыхъ раннихъ признаковъ старости, то было обращено большое вниманіе на ихъ микроскопическое строеніе, равно какъ и на строеніе старческой кожи вообще. Но, и это слѣдуетъ особенно отмѣтить, результаты этихъ изслѣдованій еще далеко не ясны. Всѣ согласны въ томъ, что наиболѣе посто-

---

[1]) О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ in membro virili въ старческомъ возрастѣ. Диссертація СПБ. 1897.

[2]) Comptes rendus de la Soc. de Biologie. 1898, стр. 242.

янный признакъ старческой кожи состоитъ изъ особаго измѣненія эластическихъ волоконъ поверхностнаго слоя cutis. Эти волокна утолщаются, скрещиваются между собою и часто претерпѣваютъ коллоидальное перерожденіе. Эластическая ткань глубокихъ слоевъ кожи представляетъ, наоборотъ, нормальное строеніе. Соединительная ткань обнаруживаетъ нѣкоторые признаки атрофіи; она становится тоньше, нежели въ молодости. Въ ней часто встрѣчаются скопленія круглыхъ и удлиненныхъ клѣтокъ. Въ то время, какъ нѣкоторые ученые, съ *Unna* [1]) во главѣ, смотрятъ на это наводненіе клѣтками какъ на особенный процессъ старческой кожи, другіе наблюдатели, какъ напр. *Орбантъ* [2]) утверждаетъ противное. Во всякомъ случаѣ, ни роль этихъ клѣтокъ, ни происхожденіе видоизмѣненій поверхностныхъ эластическихъ волоконъ еще не достаточно выяснены. Эпидермисъ и другія части кожи (гладкія мышечныя волокна, потовыя и сальныя железы и пр.) не представляютъ особенныхъ измѣненій въ старости.

Измѣненія эластическихъ волоконъ, сходныя съ подобными же въ кожѣ, были наблюдаемы также въ легкихъ у стариковъ, особенно въ легочной ткани старыхъ астматиковъ [3]).

Во всѣхъ органахъ, старческія измѣненія которыхъ мы разсмотрѣли, наблюдается также и перерожденіе сосудовъ. Нѣкоторые авторы настаиваютъ особенно на преобладающей роли артеріосклероза въ старческой дегенераціи. *Demange* особенно горячо поддерживаетъ это мнѣніе. По его мнѣнію «... прогрессивный хроническій эндо-періартеритъ наблюдается постоянно при старческихъ поврежденіяхъ; онъ составляетъ, повидимому, естественный способъ ослабленія органовъ и замедленія отправленій; онъ же обусловливаетъ атрофію органовъ и атероматозное перерожденіе сосудовъ; *онъ составляетъ главнаго дѣятеля старости*» (стр. 23).

Этіологія артеріосклероза еще далеко не вполнѣ выяснена, но его стремятся все болѣе и болѣе приписать вліянію, оказываемому на сосуды со стороны вредныхъ дѣятелей, попадающихъ въ кровь. Послѣ того какъ *Porchet* и *Desoubry* [4]) доказали легкое проникновеніе микробовъ въ кровь у нормальныхъ животныхъ, сдѣлалось очевиднымъ, что сосуды должны постоянно противостоять ихъ дѣйствію. Съ другой стороны, въ послѣднее время убѣдились, что даже въ болѣзняхъ, носящихъ мѣстный характеръ, патогенные ми-

---

[1]) Цитировано у *Орбанта*, стр. 36.

[2]) Къ вопросу о старческихъ измѣненіяхъ кожи. Дисс. СПБ. 1896.

[3]) *Булатовъ*. Къ вопросу объ измѣненіяхъ эластич. волок. легкихъ въ старч. возрастѣ. Дисс. СПБ. 1897.

[4]) Comptes rendus de la Soc. de Biologie 1895, стр. 344.

кробы гораздо чаще проникаютъ въ кровь, чѣмъ это думали ранѣе. Кромѣ того, помимо микробовъ, сосуды подвергаются постоянно вліянію ядовъ различнаго происхожденія.

Совершенно естественно, что при такихъ условіяхъ въ сосудахъ постоянно происходитъ острое или хроническое воспаленіе, начинающееся въ intima и распространяющееся на другіе слои артерій. А отсюда—перерожденіе и атрофія, ведущія къ уменьшенію просвѣта артерій и ослабленіе питанія органовъ. Было бы однако же несправедливо, какъ это дѣлаетъ *Demange*, слишкомъ преувеличивать это вліяніе. Не раздѣляя мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, безусловно его отвергающихъ, можно вполнѣ согласиться съ *Klebs'омъ* [1]) «что очень значительное уменьшеніе кровянаго притока можетъ не вести за собою никакихъ атрофическихъ явленій. Все зависитъ здѣсь —прибавляетъ онъ—отъ дѣятельностей тканей, которыя, подобно растеніямъ, могутъ добывать достаточное количество питательнаго матеріала изъ бѣдной имъ почвы».

При старческомъ измѣненіи сосудовъ, равно какъ и при перерожденіи другихъ органовъ, дѣло кончается всегда значительнымъ разрастаніемъ соединительной ткани.

Въ виду такого преобладанія въ старости элементовъ мезобластическаго происхожденія, можно было бы предположить, что производящіе ихъ органы не должны подвергаться перерожденію. Хотя и по этому вопросу наши настоящія свѣдѣнія еще очень не полны, тѣмъ не менѣе на основаніи показанія нѣкоторыхъ авторовъ, нужно думать, что это предположеніе несправедливо.

Старческая селезенка, какъ это подтверждаетъ *Pilliet* [2]), обнаруживаетъ несомнѣнную атрофію, распространяющуюся особенно на мальпигіевы тѣла, но въ меньшей степени обнимающую и мякоть. Онъ различаетъ двѣ разновидности селезенки у стариковъ: рыхлую, съ расширенной мякотью, и плотную, окруженную утолщенной капсулой. Эти различія сами по-себѣ уже достаточны, чтобы доказать, что перерожденіе селезенки у стариковъ должно зависѣть еще и отъ другихъ причинъ, кромѣ старости.

Лимфатическія железы также претерпѣваютъ болѣе или менѣе рѣзко выраженную атрофію въ старости. По изслѣдованію *Захарова* [3]), старческое перерожденіе лимфатическихъ железъ состоитъ иногда въ превращеніи въ жировую и соединительную ткани. Но, не смотря на несомнѣнную атрофію этихъ органовъ, производство

---

[1]) Allgemeine Pathologie, Jena 1889, стр. 285.

[2]) Archives de médecine expérimentale 1893 T. V. стр. 520.

[3]) Объ измѣненіяхъ лимфатическихъ железъ въ старческомъ возрастѣ. Дисс. СПБ. 1894.

лимфоцитовъ въ железахъ продолжается даже въ самой глубокой старости, хотя въ меньшей степени, чѣмъ въ молодости.

Нужно думать, однакоже, что это производство лимфатическихъ клѣтокъ довольно значительно, для того, чтобы ихъ хватало на инфильтрацію большого количества тканей, атрофирующихся въ старости. Будущія изслѣдованія должны будутъ выяснить кажущееся противорѣчіе между усиленнымъ развитіемъ соединительной ткани, слѣдующей за нашествіемъ лимфоцитовъ и атрофіей органовъ, производящихъ безцвѣтныя тѣльца.

4.

Изъ всего предыдущаго вытекаетъ лишь одинъ несомнѣнный выводъ, а именно недостаточность современныхъ знаній о процессѣ старческой атрофіи. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, до какой степени мало добыто точныхъ свѣдѣній, относящихся къ столь важному отдѣлу біологіи. Можно почти согласиться съ *Brunetier'омъ* въ его упрекахъ наукѣ за то, что она пренебрегаетъ вопросомъ о томъ: «куда мы клонимся?» Только вмѣсто того, чтобы признать, что наука не занимается рѣшеніемъ этой задачи потому, что она къ тому неспособна, слѣдуетъ лишь отмѣтить, что, не смотря на свою компетентность въ этомъ дѣлѣ, наука не дала себѣ достаточно труда для разъясненія этого, столь важнаго вопроса. Мы думаемъ, что она можетъ значительно его подвинуть, занявшись систематически его изученіемъ. Въ настоящее же время, такъ какъ невозможно прійти къ окончательнымъ выводамъ, позволительно по крайней мѣрѣ высказать нѣсколько гипотетическихъ взглядовъ, могущихъ послужить для первоначальнаго оріентированія въ столь существенномъ и въ то же время въ столь сложномъ вопросѣ.

Факты, изложенные въ предыдущей главѣ, не говорятъ въ пользу теоріи старческаго истощенія способности клѣтокъ къ размноженію. Во-первыхъ, потому что мы на каждомъ шагу наблюдаемъ размноженіе соединительной ткани, а во-вторыхъ, потому что мы встрѣчаемъ иногда даже ненужную роскошь въ воспроизведеніи сѣмянныхъ клѣтокъ у стариковъ. Но болѣе всего говоритъ противъ указанной теоріи истощенія фактъ частаго развитія, даже въ самой глубокой старости, различныхъ новообразованій.

Теорія артеріосклероза, какъ главной причины старческой атрофіи, также не можетъ быть признана, потому что эта атрофія гораздо болѣе всеобща, чѣмъ перерожденіе сосудовъ. Мы уже указывали на появленіе атрофіи яичниковыхъ яицъ задолго до перваго появленія артеріосклероза и ссылались на явленія атрофіи, уси-

лившіяся вслѣдствіе вростанія новыхъ сосудовъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить раннюю атрофію нѣкоторыхъ органовъ, какъ напр. грудной железы.

Болѣе правдоподобно предположеніе, что *старческая атрофія является слѣдствіемъ внутреннихъ клѣточныхъ процессовъ,* своего рода *борьбой между элементами тканей, все болѣе и болѣе усиливающейся съ возрастомъ.* Мы видѣли—и это главнѣйшее явленіе въ старости—что здѣсь происходитъ атрофія всевозможнаго рода клѣтокъ, замѣщаемыхъ гипертрофированной соединительной тканью. Въ этой борьбѣ макрофаги, т.-е. грануляціонныя клѣтки, превращающіяся въ соединительную ткань, одерживаютъ побѣду надъ болѣе благородными элементами нашего организма. Глубоко заложенная сторона этой побѣды еще далеко не достаточно выяснена, но нѣкоторые примѣры, разсмотрѣнные въ предыдущей главѣ, указываютъ на то, что тутъ дѣло заключается въ фагоцитозѣ. Возможно предсказать, что съ успѣхами науки, процессъ фагоцитнаго воздѣйствія въ этой борьбѣ будетъ еще рѣзче обнаруженъ. Въ этомъ отношеніи вопросъ о старческомъ вырожденіи сильно напоминаетъ состояніе нашихъ свѣдѣній о превращеніи животныхъ, въ періодъ до вмѣшательства теоріи фагоцитовъ.

Существенная основа борьбы за существованіе между клѣтками заключается въ ихъ неравенствѣ. Всѣ вредныя вліянія, дѣйствующія на организмъ, очень различнымъ образомъ отражаются на различныхъ тканевыхъ элементахъ. Изъ всѣхъ клѣтокъ наибольшей чувствительностью отличаются яичниковыя яйца. Во первыхъ, они наименѣе разборчивы въ выборѣ поглощаемыхъ веществъ. Послѣ впрыскиванія тетаническаго токсина въ тѣло курицы легко убѣдиться въ томъ, что въ то время какъ значительное большинство клѣтокъ не поглащаютъ эту опасную жидкость, яичниковыя яйца, напротивъ, всасываютъ ее въ большомъ количествѣ. Этой жадностью ихъ и объясняется столь легкая атрофія яичниковыхъ яицъ. *По Henle,* въ яичникѣ восемнадцатилѣтней женщины заключается 36.000 яичекъ, изъ коихъ едва $^1/_{200}$ оказывается въ состояніи уйти за предѣлы этого органа. Всѣ остальныя претерпѣваютъ процессъ атрофіи, т.-е., просто говоря, поѣдаются фагоцитами еще во время пребыванія въ яичникѣ. Легко представить себѣ это громадное распространеніе атрофіи яйцевыхъ клѣтокъ, совершающейся главнымъ образомъ въ періодъ жизни, когда не можетъ быть и рѣчь объ артеріосклерозѣ, обусловливающемъ недостаточное питаніе. Значительная чувствительность яичниковыхъ яицъ доказывается еще легкостью, съ которой малѣйшія измѣненія внѣшнихъ условій влекутъ за собою безплодіе. Извѣстно, что животныя, содержимыя въ

неволѣ, несмотря на хорошее питаніе, очень часто оказываются неспособными къ размноженію. *Mingazzini* [1]) нашелъ, что у такихъ животныхъ переродившіеся фолликулы болѣе многочисленны, чѣмъ у животныхъ, живущихъ ни свободѣ и изслѣдованныхъ въ тѣ же времена года.

Послѣ яичекъ наибольшей чувствительностью къ ядамъ отличаются нервныя клѣтки. *Roux и Borrel'* [2]) доказали, что для того, чтобы убить данное животное, ему достаточно впрыснуть въ головной мозгъ гораздо менѣе яда, чѣмъ при введеніи его подъ кожу или въ любое мѣсто тѣла. *Безредка* [3]) примѣнилъ эти результаты къ изслѣдованію соединеній мышьяка, при чемъ онъ нашелъ, что впрыснутый въ головной мозгъ этотъ ядъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ при введеніи его въ брюшную полость или прямо въ кровь. Онъ показалъ также, что фагоциты отличаются большой нечувствительностью къ мышьяку и могутъ даже, поглащая его, предохранить организмъ отъ смертельнаго отравленія.

Мы видимъ въ результатѣ, что въ организмѣ, рядомъ съ клѣтками, очень чувствительными къ ядамъ, существуютъ другія, отличающіяся большой выносливостью. Въ числѣ послѣднихъ на первомъ ряду находятся, именно, фагоциты, борящіеся въ организмѣ и нападающіе при старческомъ вырожденіи, на различнаго рода благородные элементы, вмѣсто которыхъ они образуютъ соединительную ткань.

Если мы представимъ себѣ огромное количество ядовъ, проходящихъ чрезъ организмъ въ теченіе долгой жизни, направляясь частью изъ кишечнаго канала, гдѣ они выдѣляются безчисленными микробами, частью являясь изъ другихъ источниковъ, то мы легко поймемъ, что болѣе чувствительныя клѣтки будутъ гораздо сильнѣе задѣты ими, чѣмъ безразличные фагоциты. Такимъ образомъ равновѣсіе, устанавливающееся между послѣдними и другими клѣтками, будетъ по необходимости нарушено. Благородныя клѣтки ослабѣютъ раньше всѣхъ, тогда какъ фагоциты выдержатъ гораздо дольше. Въ результатѣ получится побѣда фагоцитовъ, которые поглотятъ и заглушатъ своихъ противниковъ. Такъ какъ при разсасываніи тканей участвуютъ почти исключительно макрофаги, то эти клѣтки одержатъ побѣду и превратятся, согласно основному свойству ихъ природы, въ соединительную ткань.

Старческое вырожденіе сведется такимъ образомъ прежде всего

---

[1]) Ricerche fatte nel Laborat. di Anat. normale di R. Univ, di Roma 1893. T. III.
[2]) Annales de l'Institut Pasteur 1898. T. XII.
[3]) Ibid. 1899. Январь.

къ нѣкотораго рода макрофагиту, обусловливающему исчезновеніе благородныхъ элементовъ, неспособныхъ къ достаточной самозащитѣ.

Нѣтъ надобности долго разбирать вопросъ, могутъ ли фагоциты поглащать клѣтки въ живомъ состояніи. Еще въ первой моей работѣ о фагоцитозѣ, напечатанной въ 1883 г., было показано, что поглощенныя клѣтки часто носятъ на себѣ всѣ признаки жизни. Это было спеціально констатировано по отношенію къ ядро-содержащимъ краснымъ кровянымъ шарикамъ и сѣмяннымъ тѣламъ. Многочисленныя изслѣдованія, окончательно доказавшія, что микробы и другіе паразиты (кокцидіи, грегарины, нематоды) вполнѣ живые могутъ быть поглащаемы фагоцитами, служатъ новымъ подтвержденіемъ этого правила.

Иной вопросъ, должны ли живыя клѣтки, прежде чѣмъ быть захвачены фагоцитами, претерпѣть значительное ослабленіе. На основаніи всего вышесказаннаго очень вѣроятно, что различныя клѣтки становятся добычею фагоцитовъ, лишь только онѣ лишаются предохранительнаго вещества. Можетъ также случиться, что иногда фагоциты, усиленные или возбужденные какой-либо причиной, нападутъ на клѣтки совершенно нормальныя. Но, по отношенію къ старческой атрофіи, главнымъ образомъ интересующей насъ здѣсь, слѣдуетъ признать, что прежде всего наступаетъ ослабленіе клѣтокъ, а затѣмъ уже происходитъ ихъ поглощеніе и задушеніе фагоцитами.

Если послѣдующіе наблюденія и опыты подтвердятъ гипотезу, здѣсь высказанную, то слѣдуетъ ли остановиться въ виду такого заключенія? Не было ли бы возможно въ такомъ случаѣ попытаться примѣнить научные выводы съ цѣлью вмѣшательства въ борьбу между клѣтками нашего организма? Нельзя-ли бы было, помощью искусственныхъ мѣръ, усилить одну изъ борящихся сторонъ или ослабить другую, какъ это мы такъ часто дѣлаемъ въ борьбѣ организма съ микробами и ядами?

Не подлежитъ сомнѣнію, что органотерапія уже дала благопріятные результаты, въ смыслѣ усиленія организма. Слѣдуетъ изучить, при помощи экспериментальной методы на старыхъ животныхъ, вліяніе различныхъ веществъ, добытыхъ изъ органовъ, на внутреннюю борьбу между клѣтками. Быть можетъ, между этими веществами существуютъ такія, которыя усиливаютъ защиту благородныхъ клѣтокъ въ ихъ борьбѣ противъ фагоцитовъ?

Такъ какъ лучше всего защищаются ткани очень молодыя (припомнимъ только примѣръ имагинальныхъ пластинокъ), то слѣдовало бы искать предохранительныя вещества въ эмбріональныхъ

органахъ. Въ пользу этого говоритъ еще и то, что, на основаніи многочисленныхъ изслѣдованій *Féré* [1]), эти органы, будучи введены въ тѣло взрослыхъ животныхъ, долго противостоятъ разсасыванію и даже могутъ до нѣкоторой степени развиваться дальше.

Но если, съ одной стороны, планъ защиты благородныхъ клѣтокъ, какой можно придумать въ настоящее время, еще весьма мало опредѣленъ, то съ другой стороны вмѣшательство съ цѣлью ослабить прожорливость фагоцитовъ можетъ быть основано на болѣе положительныхъ данныхъ. Какъ я уже сказалъ во второй главѣ, теперь извѣстенъ способъ разрушить красные кровяные шарики при помощи кровяной сыворотки животныхъ, получившихъ нѣсколько впрыскиваній крови другихъ видовъ. Такъ, напр., кровяная сыворотка морскихъ свинокъ, которымъ была впрыскиваема кровь гуся, разрушаетъ красныя тѣльца послѣдняго и извлекаетъ изъ нихъ весь гемоглобинъ, хотя она и не въ состояніи вполнѣ растворить ихъ. То, что приложимо къ краснымъ кровянымъ тѣльцамъ, должно быть равнымъ образомъ примѣнимо и къ другимъ клѣткамъ. Легко поэтому предсказать возможность приготовленія кровяныхъ сыворотокъ противъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и, между прочимъ, противъ макрофаговъ, этихъ разрушителей благородныхъ клѣтокъ въ старости. Подобно тому какъ уже теперь можно съ успѣхомъ бороться противъ нѣсколькихъ болѣзней, обусловливаемыхъ микробами, посредствомъ кровяной сыворотки, приготовленной при помощи этихъ паразитовъ, такъ со временемъ, нужно надѣяться, будутъ бороться и противъ атрофическихъ и гипертрофическихъ болѣзней, посредствомъ сыворотокъ, приготовленныхъ при помощи соотвѣтствующихъ клѣтокъ. Здѣсь не мѣшаетъ припомнить, что макрофаги лишь въ рѣдкихъ случаяхъ играютъ важную роль въ защитѣ организма противъ микробовъ. Эта задача почти всегда выполняется такъ называемыми многоядерными лейкоцитами, т.-е. фагоцитами, обнаруживающими естественное отвращеніе къ клѣткамъ организма.

Если бы можно было возстановить равновѣсіе между клѣтками, то въ такомъ случаѣ удалось бы остановить или, по крайней мѣрѣ, ослабить старческую атрофію. Старость сдѣлалась бы тогда болѣе сносной и инстинктъ естественной смерти, почти всегда отсутствующій при нынѣшнихъ условіяхъ, могъ бы свободно развиться.

Въ такомъ случаѣ боязнь состарѣться потеряла бы большую часть своей остроты, а страхъ естественной смерти значительно бы ослабѣлъ. Послѣдствія этого страха, намѣченныя выше, съ вѣрою

---

[1]) Archives d'anatomie microscopique 1897. Т. стр. 193.

въ безсмертіе души и съ отрицаніемъ науки, которое почти неизбѣжно вытекаетъ изъ нея, совершенно бы сгладились.

Заканчивая этотъ очеркъ, мы должны вернуться къ мысли, высказанной въ его началѣ. Мы указали на дисгармонію въ природѣ, какъ на источникъ многихъ бѣдствій. Жертва этой дисгармоніи, божья коровка, въ своихъ попыткахъ питаться цвѣточнымъ медомъ, можетъ разсчитывать лишь на естественный подборъ. Накопляя въ продолженіе неизмѣримаго періода времени мельчайшія полезныя отклоненія, естественный подборъ можетъ въ концѣ концовъ приспособить организацію жучка для намѣченной цѣли. Но у человѣка есть и другія средства, кромѣ естественнаго подбора и, поощренный тѣмъ, что человѣческое искусство уже значительно превзошло природу въ гармоніи звуковъ, онъ можетъ попытаться примѣнить знаніе для установленія гармоніи отправленій, которой его не сумѣла одарить природа.

Флора нашего тѣла.

(Лекція, прочитанная въ Манчестерскомъ литературномъ и философскомъ обществѣ, въ апрѣлѣ 1901 года.)

Извѣщая меня о присужденной мнѣ медали имени Уайлда, вашъ предсѣдатель выразилъ желаніе, чтобы я прочелъ вамъ лекцію. Пользуюсь этимъ случаемъ для словеснаго выраженія благодарности за оказанную мнѣ честь. Я бы желалъ доказать вамъ заслуженность этого высокаго отличія сообщеніемъ какого-нибудь новаго и интереснаго факта. Боюсь не успѣть въ этомъ, но по крайней мѣрѣ надѣюсь доказать вамъ искренность моей признательности.

Письмо вашего уважаемаго предсѣдателя застало меня за разработкой программы новыхъ изслѣдованій. Какъ вамъ извѣстно, ученые обыкновенно поглощены своими занятіями подобно навязчивымъ идеямъ; имъ трудно говорить о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ того, что занимаетъ ихъ въ данную минуту. Поэтому, вмѣсто окончательныхъ результатовъ, я рѣшилъ представить вамъ просто канву, программу новыхъ изслѣдованій, уже начатыхъ въ моей лабораторіи Пастеровскаго института.

Я буду говорить вамъ о микробахъ человѣческаго организма съ цѣлью доказать, что обѣ великія біологическія теоріи XIX вѣка освѣщаютъ, подобно маякамъ, трудныя и сложныя изслѣдованія и задачи, разрѣшеніе которыхъ выпало на долю начинающагося столѣтія.

Первая изъ этихъ теорій—эволюціонная—о происхожденіи видовъ—принадлежитъ вашему знаменитому соотечественнику Дарвину; вторая—о микробахъ, ферментахъ и болѣзняхъ—Пастеру.

Вскорѣ послѣ изобрѣтенія микроскопа—болѣе 200 лѣтъ тому назадъ—были впервые открыты мелкія существа, водящіяся въ человѣческомъ организмѣ. Левенгукъ выражаетъ свое удивленіе, констатируя, что полость рта и кишечникъ человѣка переполнены

микроскопическими организмами, изъ которыхъ многіе очень подвижны и представляются въ видѣ крошечныхъ «инфузорій».

Открытіе это было подтверждено множество разъ въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій.

Тѣмъ не менѣе вы будете удивлены неполностью свѣдѣній относительно флоры нашего тѣла.

«Инфузорія» Левенгука, или микробы, какъ обозначаютъ ихъ теперь, большею частью суть низшія, микроскопическія растенія. Они водятся въ громадномъ количествѣ на поверхности и внутри нашего тѣла.

При рожденіи человѣкъ не заключаетъ въ себѣ микробовъ ни на поверхности, ни внутри организма. Иногда, при выхожденіи изъ утробы матери, слизистая оболочка вѣкъ новорожденнаго заражается маленькой бациллой, очень сходной съ дифтеритной. Это бываетъ и при полномъ здоровьи матери и ребенка.

Такъ какъ этотъ микробъ приблизительно безвреденъ, то его отнесли къ группѣ ложно-дифтеритныхъ бациллъ. Онъ первый появляется въ человѣческомъ организмѣ [1]).

Тотчасъ послѣ рожденія поверхность кожи и слизистыхъ оболочекъ населяется микробами. Черезъ нѣсколько дней они уже многочисленны и разнообразны.

Они засѣваются изъ воздуха и воды, которою обмываютъ ребенка. Лѣтомъ флора развивается скорѣе, чѣмъ зимою, и иногда уже черезъ 4 часа послѣ рожденія кишечное содержимое—меконіумъ—заключаетъ нѣсколько видовъ микробовъ.

Чаще всего наблюдали появленіе кишечной флоры между 16 и 17 часами послѣ рожденія.

Я не хочу утомлять васъ подробнымъ описаніемъ всѣхъ микробовъ, населяющихъ здоровый организмъ. Кромѣ того, невозможно строго установить виды микробовъ, такъ какъ специфическіе признаки ихъ очень непостоянны и трудно опредѣлимы. Если можно такъ выразиться, мы имѣемъ въ бактеріологіи почти всегда дѣло съ «дурными видами».

Микробная флора нормальнаго человѣческаго тѣла состоитъ главнымъ образомъ изъ бактерій. Низшіе грибы, какъ дрожди или бластомицеты, составляютъ въ ней значительное меньшинство.

Наша кожа населена главнымъ образомъ микрококками, т.-е. круглыми микробами. Между нѣсколькими видами или разновид-

---

[1]) *V. Hallé.* Recherches sur la bactériologie du canal génital de la femme. Paris 1898, p. 22, Note 3.

Раннее развитіе псевдо-дифтеритной палочки на конъюктивѣ новорожденнаго было наблюдаемо д-ромъ *Моражсомъ*, сообщившимъ мнѣ этотъ фактъ.

ностями ихъ особенно замѣчателенъ одинъ, благодаря оранжевой окраскѣ, которую онъ принимаетъ въ культурахъ на различныхъ средахъ. Этотъ микрококкъ, называемый золотистымъ стафилококкомъ, менѣе распространенъ на здоровой человѣческой кожѣ, чѣмъ двѣ безцвѣтныя разновидности. Тѣмъ не менѣе онъ довольно часто встрѣчается, такъ же какъ и разные его родичи, во многихъ другихъ областяхъ человѣческаго тѣла.

Четковидные микробы встрѣчаются рѣже стафилококковъ.

Палочкообразныя формы менѣе распространены на нормальной кожѣ, чѣмъ круглыя. Изъ нихъ я упомяну одну очень мелкую форму — микробациллу себореи и своеобразную бактерію, описанную извѣстнымъ нѣмецкимъ дерматологомъ Уна, подъ именемъ бутылкообразной бациллы (Flaschenbacillus). Эти микробы постоянно встрѣчаются у основанія волосъ на такъ легко отдѣляющихся чешуйкахъ кожи. Но главное мѣстопребываніе микробовъ кожи есть корень волосъ. Онъ составляетъ родъ футляра, глубоко сидящаго въ кожѣ и служащаго для образованія волоса. Каналъ этого футляра представляетъ очень удобныя условія для развитія въ немъ бактерій. И дѣйствительно, онъ большею частью наполненъ глубокими и прочно сидящими скопленіями стафилококковъ.

Богаче кожной представляется флора слизистыхъ оболочекъ благодаря тому, что ихъ поверхность всегда влажна и заключаетъ питательныя для микробовъ вещества.

На слизистую оболочку глаза очень легко попадаютъ микробы съ пылью изъ воздуха или заносятся при трепіи глазъ пальцами; но большинство этихъ микробовъ постоянно смывается слезой.

Флора слизистыхъ оболочекъ, такъ же, какъ и кожная, содержитъ больше кокковъ, чѣмъ бациллъ. Нѣкоторые авторы отмѣчаютъ присутствіе золотистыхъ и безцвѣтныхъ стафилококковъ, какъ и на кожѣ, и ложно-дифтеритную бациллу.

Между микробами слизистой оболочки носа часто наблюдали стафилококка, стрептококка и нѣкоторыя бациллы. Несомнѣнно, что микробы попадаютъ также въ дыхательные пути, даже въ самыя глубокія области ихъ. Но только очень трудно составить себѣ точное понятіе о флорѣ трахеи, бронхъ и легкихъ у здороваго человѣка. Присутствіе же микробовъ въ этихъ органахъ на трупѣ не доказательство для живого и нормальнаго организма, такъ какъ они могли проникнуть изъ сосѣднихъ органовъ уже послѣ смерти. Во всякомъ случаѣ у здороваго человѣка флора глубокихъ дыхательныхъ путей не должна быть обильной.

Она всего богаче въ пищеварительныхъ органахъ. Берлинскій докторъ Миллеръ соединилъ большое количество наблюденій, въ

которыхъ онъ описываетъ болѣе тридцати видовъ, населяющихъ полость рта человѣка. Между ними есть и такіе, которые встрѣчаются на человѣческой кожѣ. Но, съ другой стороны, вокругъ зубовъ водятся совершенно характерныя для полости рта бактеріальныя формы, которыя не встрѣчаются нигдѣ, кромѣ какъ въ ней. Это *лептотриксъ* и *спирохеты*. Въ полости рта водится, по крайней мѣрѣ, столько же бациллъ, какъ и кокковъ. Между вторыми очень часто встрѣчаются золотистые и безцвѣтные стафилококки, стрептококки и пневмококки.

Нѣкоторые представители ротовой флоры спускаются въ глубокія части пищеварительныхъ путей и встрѣчаются въ желудкѣ и въ кишкахъ.

Содержимое желудка имѣетъ кислую реакцію, слѣдовательно, представляетъ совершенно исключительныя условія для развитія микробовъ. Такъ, многія бактеріи не выносятъ кислой среды, въ то время какъ нѣкоторыя дрожди и близкіе имъ грибы выносятъ ее гораздо лучше. И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти неблагопріятныя условія, желудочная бактеріальная флора еще довольно богата.

Койонъ (Coyon), изучавшій только тѣ желудочные микробы, которые культивируются при доступѣ воздуха, упоминаетъ 30 различныхъ видовъ. Большинство изъ нихъ не встрѣчается въ другихъ частяхъ пищеварительныхъ путей.

Въ содержимомъ человѣческаго желудка уже давно найдены совершенно характерные микробы. Они представляются въ видѣ кокковъ, соединенныхъ большими массами и названныхъ *сарцинами*. Послѣднія такъ же типичны для желудочной флоры, какъ спирохеты для полости рта. Но человѣческій желудокъ, помимо сарцинъ, заключаетъ мало другихъ кокковъ; въ немъ преобладаютъ, напротивъ, бациллы и дрожди.

Это преобладаніе бациллъ еще рѣзче во флорѣ тонкихъ кишекъ. Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о ней служатъ изслѣдованія г. Макфадіэнъ, Ненскаго и г-жи Зиберъ. Имъ удалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наблюдать кишечное содержимое, выдѣлявшееся черезъ фистулу. Послѣдняя получилась вслѣдствіе оперированія ущемленной грыжи. Вышеупомянутые изслѣдователи изолировали изъ выдѣляемой жидкости тонкихъ кишекъ 14 видовъ микробовъ. Между ними было мало дрождей и плѣсеней; чаще встрѣчались круглыя формы, между прочимъ два вида стрептококковъ; но громадное большинство флоры тонкихъ кишекъ составляли различныя бациллы. Наиболѣе постоянными были колибациллы, обыкновенныя въ кишечникѣ человѣка и множества жи-

вотныхъ, и бациллы, вызывающія скисаніе молока. Названные выше авторы констатировали измѣненіе флоры тонкихъ кишекъ съ измѣненіями пищи, которую давали ихъ больному. Такъ, мясной режимъ, съ одной стороны, и вегетаріанскій, съ другой, вызывали развитіе различныхъ бактеріальныхъ формъ. Но даже и при постоянномъ режимѣ наблюдались значительныя варіаціи въ видахъ микробовъ.

Изъ тонкихъ кишекъ микробы переходятъ въ толстыя, гдѣ къ нимъ присоединяется много новыхъ формъ. Изъ всѣхъ частей человѣческаго тѣла толстыя кишки безспорно заключаютъ наибольшее количество микробовъ. О нихъ существуетъ уже цѣлая литература, изъ которой видно, что толстыя кишки содержатъ приблизительно 45 видовъ микробовъ.

Между ними дрожди встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ желудкѣ и даже чѣмъ въ тонкихъ кишкахъ. Главнымъ же образомъ встрѣчаются бактеріи и между ними всего больше бациллъ. Толстыя кишки содержатъ много такихъ же микробовъ, какъ ротовая полость, желудокъ и тонкія кишки.

Многія формы, свойственныя однѣмъ толстымъ кишкамъ, не культивируются внѣ организма, чѣмъ и объясняются значительные пробѣлы нашихъ свѣдѣній въ этой области.

Толстыя кишки начинаютъ населяться почти тотчасъ послѣ рожденія. Уже въ первый день, т.-е. прежде чѣмъ ребенокъ успѣлъ принять какую бы то ни было пищу, меконіумъ, или содержимое толстыхъ кишекъ, представляетъ довольно разнообразную микробную флору.

Рядомъ съ нѣсколькими круглыми формами—микрококками—встрѣчаются удлиненныя; между ними большинство коли-бациллъ, о которыхъ уже говорилось, что они встрѣчаются въ тонкихъ кишкахъ.

Кормленіе материнскимъ молокомъ вскорѣ измѣняетъ флору толстыхъ кишекъ. Она становится болѣе однородной и заключаетъ преимущественно, иногда исключительно, мелкій и тонкій видъ бациллъ. Послѣдній съ трудомъ культивируется внѣ организма и только безъ доступа воздуха.

Тиссье, открывшій этотъ видъ, назвалъ его *bacillus bifidus*.

Эта бацилла, хотя въ меньшемъ количествѣ, встрѣчается также у дѣтей, вскормленныхъ коровьимъ молокомъ. Флора ихъ толстыхъ кишекъ гораздо разнообразнѣе. Въ ней вновь встрѣчаются колибациллы, стрептококки, стафилококки, бациллы кислаго молока, сарцины и цѣлый рядъ другихъ бактерій. Хотя преобладающее мѣсто занимаютъ палочкообразныя формы, но круглыя и спиральныя также изобилуютъ.

Итакъ, какъ вы видите, флора толстыхъ кишекъ уже довольно богата у дѣтей, вскормленныхъ исключительно коровьимъ стерилизованнымъ или сырымъ молокомъ. Но послѣ прекращенія молочнаго режима, когда пища становится болѣе разнообразной, флора толстыхъ кишекъ дѣлается еще гораздо обильнѣе. Таковой она остается и у взрослаго человѣка. По даннымъ, собраннымъ Виньялемъ и Зукдорфомъ, можно вычислить, что количество микробовъ, отбрасываемыхъ въ день человѣкомъ, равняется отъ 30 до 50 милліардовъ. Многіе изъ нихъ не могли быть культивированными внѣ организма и потому мало извѣстны. При современномъ положеніи науки невозможно опредѣлить числа микробовъ, составляющихъ флору нормальнаго человѣческаго организма. Можно только приблизительно установить отъ 60 до 70-ти видовъ. Какъ вы видѣли, они очень неравномѣрно распредѣлены въ организмѣ. Ихъ всего меньше на кожѣ и всего больше въ толстыхъ кишкахъ.

Что можно сказать объ этой, столь разнообразной флорѣ?

Человѣкъ не одинъ заселенъ такимъ множествомъ низшихъ растеній.

Кожа и полости многихъ животныхъ заключаютъ болѣе или менѣе богатую флору. Нѣкоторыя безпозвоночныя покрыты гораздо болѣе богатою растительностью, чѣмъ человѣческая кожа. Таковъ одинъ видъ крабовъ (Maya squimado), очень распространенный на южныхъ и западныхъ берегахъ Англіи и называемый въ общежитіи морскимъ паукомъ. Его панцырь, покрытый шипами, большею частью весь обрастаетъ длинными водорослями, торчащими во всѣ стороны. Полезность этой флоры для краба очевидна и неоспорима: водоросли его скрываютъ на поросшемъ днѣ какъ отъ враговъ, такъ и отъ тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ самъ преслѣдуетъ для своего питанія.

Флора человѣческой кожи не выполняетъ никакой подобной роли, и польза отъ нея не можетъ быть обнаружена.

Наоборотъ, флора полости рта до извѣстной степени полезна человѣку. Всѣмъ извѣстно, что пораженія слизистой оболочки рта заживаютъ гораздо быстрѣе кожныхъ. Слюна, смачивая пораненную поверхность, приводитъ ее въ соприкосновеніе съ микробами и ихъ растворимыми продуктами. Это значительно стимулируетъ реакцію организма: выдѣленія микробовъ привлекаютъ большое количество бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ — лейкоцитовъ, которые очищаютъ рану, освобождаютъ ее отъ микробовъ и омертвѣлыхъ частей, содѣйствуя такимъ образомъ окончательному заживленію.

Подобная роль микробовъ гораздо менѣе существенна въ бо-

лѣе глубокихъ частяхъ кишечника, такъ какъ пораненія слизистыхъ оболочекъ въ нихъ гораздо болѣе рѣдки.

Но очень вѣроятно, что кислоты, выдѣляемые многими бактеріями въ тонкихъ кишкахъ, полезны тѣмъ, что мѣшаютъ развитію нѣкоторыхъ другихъ микробовъ, могущихъ вредить нормальному пищеваренію. Это задерживающее вліяніе однихъ микробовъ относительно другихъ обнаруживается даже въ борьбѣ организма съ очень опасными бактеріями. Такимъ образомъ часто наблюдали, что нѣкоторые люди могутъ безнаказанно поглотить большое количество холерныхъ вибріоновъ, которые у другихъ вызываютъ настоящую азіатскую холеру. Мы имѣемъ данныя предположить, что первые обязаны своимъ иммунитетомъ присутствію кишечныхъ микробовъ, мѣшающихъ патогенному дѣйствію холернаго вибріона. Въ пользу этой гипотезы говорятъ слѣдующія опыты съ маленькими кроликами. Пока они питаются исключительно молокомъ матери и пока поэтому ихъ кишечная флора еще однообразна, поглощеніе вибріоновъ вызываетъ у нихъ смертельную холеру. Но съ той поры, когда они начинаютъ питаться растительной пищей и когда ихъ флора становится гораздо разнообразнѣе, поглощеніе даже большихъ количествъ холерныхъ вибріоновъ не вызываетъ болѣе никакого заболѣванія.

Бинштокъ предполагаетъ, что нѣкоторые микробы нашей нормальной кишечной флоры, а именно коли-бациллы и бациллы кислаго молока, мѣшаютъ развитію гнилостныхъ микробовъ. Онъ основывается на томъ фактѣ, что сырое молоко, заключающее оба эти вида, не загниваетъ.

Хотя эта задерживающая роль кишечныхъ микробовъ не могла быть наглядно доказана, тѣмъ не менѣе она очень вѣроятна.

Но, кромѣ того, предполагаютъ другого рода полезное дѣйствіе нашей кишечной флоры.

По поводу одного сообщенія Дюкло въ академіи наукъ, Пастеръ высказалъ гипотезу, что микробы кишечнаго канала играютъ существенную роль въ пищевареніи. Онъ предполагалъ даже, что безъ ихъ содѣйствія усвоеніе пищи организмомъ было бы невозможно.

Вслѣдствіе большихъ практическихъ затрудненій, только въ послѣдніе годы принялись за выполненіе опытовъ для разрѣшенія этой задачи.

Нюталь и Тирфелдеръ пробовали воспитать молодыхъ морскихъ свинокъ при полномъ отсутствіи микробовъ. То же сдѣлалъ Шотеліусъ по отношенію къ цыпленку.

Первымъ двумъ изслѣдователямъ удалось 13 дней наблюдать морскихъ свинокъ, вынутыхъ изъ утробы матери путемъ кесарскаго сѣченія.

Въ теченіе всего этого времени свинки находились въ пространствѣ, вполнѣ лишенномъ микробовъ, и ихъ кормили стерилизованными молокомъ и сухарями.

Морскія свинки хорошо выносили этотъ режимъ, увеличивались въ вѣсѣ (хотя меньше, чѣмъ контрольныя, воспитанныя при нормальныхъ условіяхъ) и при вскрытіи оказались совершенно лишенными микробовъ.

Въ виду этого Нюталь и Тирфелдеръ выводятъ, что молодое млекопитающее можетъ жить и усваивать пищу безъ всякаго содѣйствія микробовъ, исключительно благодаря собственнымъ пищеварительнымъ сокамъ.

Шотеліусъ пришелъ къ діаметрально противоположному результату. Цыплята, которыхъ онъ выводилъ въ спеціально приспособленомъ помѣщеніи, лишенномъ микробовъ, и питаемыхъ стерилизованной пищей, были подъ наблюденіемъ въ теченіе 17 дней. Но, вмѣсто того, чтобы увеличиваться въ вѣсѣ, какъ ихъ контрольные при нормальныхъ условіяхъ, они до такой степени похудѣли и ослабѣли, что пришлось прекратить опытъ и вскрыть ихъ. Оказалось, что они совершено свободны отъ микробовъ. Шотеліусъ приписываетъ печальное состояніе цыплятъ отсутствію микробовъ въ ихъ кишечникѣ, вслѣдствіе чего организмъ былъ предоставленъ исключительно собственнымъ пищеварительнымъ средствамъ.

Какъ вы видите, результаты вышеупомянутыхъ опытовъ такъ противорѣчивы, что невозможно сдѣлать изъ нихъ опредѣленнаго вывода. Поэтому необходимо продолжать эти опыты съ цѣлью выяснить указаное противорѣчіе. Впрочемъ, самъ Шотеліусъ смотритъ на свою попытку только какъ на первый шагъ къ разрѣшенію задачи. Относительно его опытовъ можно возразить, что онъ вводилъ слишкомъ много антисептическихъ веществъ въ свой аппаратъ для выведенія цыплятъ и что это могло вредить нормальному развитію послѣднихъ. Такимъ образомъ онъ сначала дважды промывалъ снесенныя яйца довольно сильнымъ растворомъ сулемы (5 на 1000). Это могло уже само по себѣ уменьшить жизненность и сопротивляемость зародыша.

Помимо своихъ вышеупомянутыхъ наблюденій, въ пользу безусловной необходимости содѣйствія микробовъ при пищевареніи животныхъ, Шотеліусъ приводитъ соображенія общаго характера, основаныя на дарвиновской теоріи.

По его мнѣнію, «не существуетъ животнаго, кишечникъ котораго постоянно не заключалъ бы громаднаго количества бактерій». Поэтому ему кажется невѣроятнымъ, чтобы естественный подборъ давно не устранилъ эти флору, еслибы она не выполняла какой-нибудь полезной роли.

Во-первыхъ, невозможно отстоять положеніе, будто всѣ животныя въ нормальномъ состояніи обладаютъ кишечною флорой. Напротивъ, кишечный каналъ значительнаго числа видовъ вовсе или почти вовсе не заключаетъ микробовъ. Примѣромъ можетъ служить кишечникъ скорпіона: онъ всегда совершенно стериленъ. Мнѣ могутъ возразить, что это объясняется тѣмъ, что скорпіонъ питается кровью мелкихъ животныхъ, а послѣдняя переваривается очень легко и большею частью не заключаетъ микробовъ. Скорпіонъ поэтому — какъ бы свободно живущій паразитъ.

Можно, однако, легко привести примѣры животныхъ, вполнѣ лишенныхъ кишечной флоры и которыя въ то же время питаются очень неудобоваримыми веществами. Такихъ примѣровъ много между личинками насѣкомыхъ. Рядомъ съ шелковичными червями и съ личинкой майскаго жука, у которыхъ кишечный каналъ содержитъ много бактерій, мы можемъ привести личинокъ различныхъ видовъ моли; кишечный каналъ ихъ большею частью не заключаетъ вовсе микробовъ, не смотря на то, что онѣ живутъ среди пыльныхъ тканей и скученнаго зерна, гдѣ достаточно и пыли, и микробовъ. Иногда въ кишечникѣ этихъ личинокъ встрѣчаются рѣдкія отдѣльныя бактеріи, которыя, очевидно, не могутъ играть въ немъ существенной роли. Въ приведенныхъ примѣрахъ (подобныхъ которымъ можно было бы указать сколько угодно) пищеварительные соки насѣкомыхъ могутъ самостоятельно переваривать не только столь неудобоваримыя вещества, какъ шерсть и зерна, но также и самихъ микробовъ. Личинка восковой моли, паразитирующая въ пчелиныхъ ульяхъ, обладаетъ такой сильной пищеварительной способностью, что можетъ переварить самыхъ неудобоваримыхъ микробовъ, какъ, напримѣръ, туберкулезнаго бацилла. Мы даже пытаемся утилизировать эту способность въ борьбѣ съ чахоткою.

Между кишечными паразитами встрѣчаются аскариды, живущіе въ средѣ, переполненной микробами. И если сравнить флору кишечнаго канала этого червя съ флорой кишечника лошади, въ которомъ онъ паразитируетъ, то мы будемъ поражены разницей въ богатствѣ ихъ. Въ то время, какъ кишечный каналъ аскарида заключаетъ всего нѣсколько отдѣльныхъ микробовъ, кишечникъ лошади буквально кишитъ ими.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что животный организмъ можетъ вполнѣ обходиться безъ содѣйствія микробовъ для перевариванія необходимой ему пищи.

Но такъ какъ животныя представляютъ такое громадное разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, то невозможно примѣнить къ человѣку результаты, полученные относительно скорпіона, насѣкомыхъ и паразитическихъ червей. Съ этой точки зрѣнія мы скорѣе можемъ сравнивать съ человѣкомъ морскую свинку, которая, по изслѣдованіямъ Нюталя и Тирфелдера, тотчасъ послѣ рожденія уже способна обходиться одними своими пищеварительными соками, чѣмъ съ молодымъ цыпленкомъ.

Если даже и принять безъ критики результаты Шотеліуса, то и тогда слѣдуетъ признать только, что птицы въ раннемъ возрастѣ не могутъ обходиться безъ микробовъ для перевариванія пищи, обратно тому, что мы видимъ относительно нѣкоторыхъ млекопитающихъ.

Изслѣдованіе кишечныхъ пищеварительныхъ ферментовъ человѣка и млекопитающихъ показываетъ, что ферменты эти очень дѣйствительны и способны переваривать большинство питательныхъ веществъ. Въ прежнія времена въ опытахъ надъ перевариваніемъ посредствомъ пищеварительныхъ соковъ, добытыхъ отъ животнаго, не имѣли въ виду вмѣшательства микробовъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ установили ихъ роль въ броженіяхъ, стали прибавлять антисептики къ питательнымъ веществамъ, подвергаемымъ дѣйствію пищеварительныхъ соковъ. И, однако, несмотря на устраненіе микробовъ, пищевареніе совершалось очень хорошо подъ однимъ вліяніемъ ферментовъ пищеварительныхъ соковъ.

Ферменты кишечника животныхъ легко перевариваютъ бѣлковыя вещества, углеводы и жиры. До сихъ поръ не найдено пищеварительнаго фермента для одной клѣтчатки. Дюкло заключаетъ изъ этого, что если вмѣшательство микробовъ дѣйствительно полезно въ пищевареніи, то особенно это должно относиться къ травоядным животнымъ. Для человѣка же оно не должно играть никакой существенной роли.

Ненскій уже давно утверждаетъ, что микробы человѣческаго кишечника далеко не необходимы для нормальнаго пищеваренія. Въ сотрудничествѣ съ Макфадіэнъ и г-жей Зиберъ, онъ изучалъ кишечную флору женщины, оперированной вслѣдствіе ущемленія грыжи, и пытался точными изслѣдованіями опредѣлить роль микробовъ въ пищевареніи. Этимъ изслѣдователямъ удалось констатировать, что бѣлковыя вещества переваривались одними пищева-

рительными ферментами, безъ всякаго видимаго содѣйствія довольно многочисленныхъ микробовъ, которыхъ удалось изолировать. Такъ, эти послѣдніе не были въ состояніи разлагать бѣлковыя вещества, но энергично дѣйствовали на углеводы. Однако продукты ихъ дѣятельности, а именно алкоголь и молочная и уксусная кислоты, оказались безполезными при питаніи человѣка. Много данныхъ, слѣдовательно, приводятъ къ тому общему результату, что человѣческая кишечная флора вовсе не необходима для нормальнаго питанія.

Постараемся теперь установить, не могутъ ли микробы человѣческаго тѣла быть вредными для здоровья.

Мы видѣли уже, что человѣческая кожа и каналы корней волосъ заключаютъ довольно обильную бактеріальную флору. Въ ней особенно преобладаютъ круглыя формы, какъ стафилококкъ и стрептококкъ. Эти микробы, несомнѣнно, при всякомъ удобномъ случаѣ размножаются въ громадномъ количествѣ.

Когда сила сопротивленія организма ослабѣваетъ вслѣдствіе какой-нибудь причины, микробы кожи размножаются и выдѣляютъ свои болѣзнетворные продукты въ ткани и кровь. У хирурговъ и акушеровъ, принужденныхъ постоянно мыть руки антисептиками, часто появляются сыпи, въ которыхъ развиваются многочисленные микробы. Благодаря дезинфекціи, послѣдніе, конечно, проникаютъ не извнѣ, но изъ самой кожи, оборонительныя клѣтки которой пострадали отъ антисептическихъ веществъ гораздо больше, чѣмъ самые микробы.

У людей, страдающихъ сахарною болѣзнью или дурнымъ общимъ состояніемъ здоровья, часто развиваются чирьи и прыщи, иногда очень опасные. Но они не обязаны своимъ происхожденіемъ внѣшней инфекціи, какъ при сибирской язвѣ, напримѣръ. Наоборотъ, въ этихъ случаяхъ, вслѣдствіе ослабленія оборонительныхъ клѣтокъ, стафилококки нормальной кожи усиленно размножаются и этимъ вызываютъ появленіе прыщей и чирьевъ. Часто послѣдніе длятся и повторяются очень долго, еще болѣе ослабляя этимъ организмъ больного.

Не одни желтые и безцвѣтные стафилококки нормальной кожи могутъ стать очень вредными; другіе микробы кожи способны также вызвать болѣе или менѣе серьезныя заболѣванія.

Такимъ образомъ антисептическія вещества, проглоченныя или употребляемыя для полосканія горла, могутъ также вызвать усиленную дѣятельность микробовъ полости рта, въ результатѣ чего появляются язвы на слизистыхъ оболочкахъ.

Но особенно значительно вредное вліяніе микробовъ желудка

и кишекъ. Уже давно установилось убѣжденіе, что многія человѣческія болѣзни—кишечнаго происхожденія, но въ доказательство этого не имѣлось достаточно точныхъ данныхъ. Хорошо знали, напримѣръ, что прободеніе кишекъ вызываетъ очень серьезныя послѣдствія, приводящія чаще всего къ смертельному исходу. Только позднѣе узнали, что при этомъ микробы кишечной флоры распространяются на брюшину и вызываютъ въ ней сильное воспаленіе. При этомъ въ брюшинѣ часто находятъ коли-бациллъ. или золотистый стафилококкъ; въ иныхъ случаяхъ нѣсколько видовъ кишечныхъ бактерій производятъ совмѣстно свое болѣзнетворное дѣйствіе.

Но даже и безъ прободенія кишекъ микробы могутъ проникать изъ кишекъ въ брюшную полость, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ ущемленія грыжи или заворота кишекъ.

У нѣкоторыхъ животныхъ (собаки, лошади) констатировали довольно постоянное проникновеніе микробовъ нормальной кишечной флоры въ кровь (Поршэ и Дезубри). Вѣроятно то же происходитъ и у человѣка, но пока процессъ этого проникновенія не достаточно извѣстенъ.

Болѣзнетворное дѣйствіе микробовъ человѣческой флоры не ограничивается однимъ прямымъ проникновеніемъ ихъ въ кровь и органы. Микробы производятъ растворимыя вещества, которыя могутъ всасываться стѣнками кишекъ и проникать въ кровообращеніе. Нѣкоторыя же изъ бактеріальныхъ выдѣленій очень вредны для здоровья.

Фактъ проникновенія микробныхъ продуктовъ въ кровь несомнѣненъ. Уже довольно давно нашли въ мочѣ человѣка и животныхъ цѣлый рядъ веществъ, какъ предполагали, микробнаго происхожденія. Таковы производныя фенола, крезола, индола, скатола, пирокатехина и т. п. Бауманнъ, долго занимавшійся этимъ вопросомъ, привелъ много аргументовъ, основанныхъ на опытахъ, въ пользу этой гипотезы. Эвальдъ подтвердилъ ее очень убѣдительными фактами другого рода. Ему удалось наблюдать особу, которой пришлось сдѣлать кишечную фистулу, вслѣдствіе ущемленія грыжи. Въ теченіе всего времени, пока толстыя кишки бездѣйствовали, кишечные соки и моча не заключали производныхъ ни фенола, ни индола. Но какъ только фистула была закрыта и сообщеніе съ толстыми кишками возобновлено, фенолъ и индиканъ вновь появились въ выдѣленіяхъ.

Ненскій также подтверждаетъ это положеніе, и вышеизложенный случай фистулы тонкихъ кишекъ представилъ новое доказательство въ его пользу. Кромѣ того, онъ установилъ, что сѣрни-

стый водородъ и меркаптанъ — также продукты микробной флоры толстыхъ кишекъ.

Интересные вышеприведенные опыты Нютала и Тирфелдера заключаютъ также серьезныя данныя по этому вопросу. Ихъ морскія свинки, воспитанныя безъ участія микробовъ, не выдѣляли ни индола, ни скатола, ни одного изъ аналогичныхъ имъ веществъ (фенолъ, крезолъ, пирокатехинъ). Это ясно доказываетъ микробное происхожденіе послѣднихъ.

Итакъ, микробы нашей кишечной флоры дѣйствительно выдѣляютъ цѣлый рядъ веществъ, проникающихъ въ кровь и устраняемыхъ оттуда черезъ выдѣлительные органы. Нѣкоторые изъ этихъ веществъ имѣютъ болѣе или менѣе токсическія, ядовитыя свойства, какъ жирныя кислоты, фенолъ, амміачныя соединенія и т. д. Иногда даже наблюдались птомаины, вредное дѣйствіе которыхъ несомнѣнно. Весьма вѣроятно, что многіе изъ токсическихъ продуктовъ нашей кишечной флоры еще неизвѣстны, и между ними большинство токсиновъ въ строгомъ смыслѣ слова.

Несмотря на недостаточность нашихъ свѣдѣній, мы все же можемъ утверждать съ большою увѣренностью, что яды микробовъ нашихъ кишекъ играютъ значительную роль въ многочисленныхъ и разнообразныхъ болѣзняхъ.

Уже болѣе 15 лѣтъ какъ Бушаръ высказалъ свою теорію самоотравленія; главную роль въ послѣднемъ играетъ отравленіе продуктами кишечной флоры. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими учениками онъ собралъ рядъ убѣдительныхъ аргументовъ въ пользу своихъ воззрѣній. Вопросъ о самоотравленіи организма пріобрѣлъ право гражданства за эти послѣднія годы, и клиницисты имъ много занимаются. Такъ, въ 1898 году вопросъ этотъ разбирался на конгрессѣ внутренней медицины въ Висбаденѣ, въ которомъ принимали участіе большинство компетентныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Несмотря на весьма строгую критику, которой была подвержена теорія кишечнаго самоотравленія, всѣ должны были признать ея реальность и большое значеніе. Одинъ изъ докладчиковъ—Мюллеръ, обнаруживавшій наибольшую сдержанность и скептицизмъ по отношенію этого вопроса — пришелъ тѣмъ не менѣе къ тому заключенію, что «въ цѣломъ рядѣ болѣзней трудно отвергать ихъ причинную связь съ анормальнымъ разложеніемъ, происходящимъ въ кишкахъ». Онъ приводитъ такія болѣзненныя состоянія, какъ головныя боли, усталость, неврастенію и т. д. Даже въ извѣстныхъ формахъ эпилепсіи онъ приписываетъ значительную роль токсическихъ продуктамъ кишечнаго происхожденія. Другой докладчикъ, Бригеръ, имъ же приписываетъ диспептическую одышку

и нѣкоторыя кожныя болѣзни, какъ зудъ, токсическую сыпь, прыщи и т. д.

Дерматологи давно признали, что въ извѣстныхъ кожныхъ болѣзняхъ лѣченіе должно быть скорѣе направлено на кишечникъ, чѣмъ на мѣстное пораженіе.

Изслѣдованіе ядовъ, выработанныхъ кишечными микробами, даетъ имъ драгоцѣнныя указанія. Такимъ образомъ, когда больной себоррейей или прыщами выдѣляетъ усиленное количество индикана, его подвергаютъ соотвѣтствующему режиму и стараются насколько возможно освободить его кишки отъ ихъ микробной флоры.

Несомнѣнно, что при прыщахъ стафилококки нормальной кожной флоры усиленно развиваются и производятъ болѣзнетворное дѣйствіе подъ вліяніемъ ядовъ, выдѣленныхъ кишечными микробами. Яды послѣднихъ отравляютъ оборонительныя клѣтки организма и этимъ самымъ способствуютъ усиленію микробовъ кожи.

Мы видимъ здѣсь примѣръ того, какъ отдаленные другъ отъ друга микробы, одни — въ кожѣ, другіе — въ кишкахъ, соединенными силами вредятъ человѣческому организму. Все болѣе и болѣе несомнѣнной становится роль ядовъ кишечной флоры въ такой важной и распространенной болѣзни, какъ неврастенія. Доктора Рабонъ и Гюшаръ съ большимъ успѣхомъ отстаивали это мнѣніе въ недавно состоявшемся засѣданіи Парижскаго терапевтическаго общества. Значеніе кишечнаго самоотравленія не можетъ быть отвергнуто даже въ иныхъ психическихъ болѣзняхъ, хотя еще далеко не пришли къ соглашенію относительно причинной или вторичной роли бактеріальныхъ ядовъ.

Яды кишечной флоры занимаютъ также видное мѣсто въ атрофическихъ болѣзняхъ различныхъ благородныхъ органовъ, какъ мозга, сердца, почекъ и печени.

Такимъ образомъ удалось вызвать у животныхъ настоящій циррозъ печени подъ вліяніемъ масляной и уксусной кислотъ, — постоянныхъ продуктовъ нашихъ кишечныхъ микробовъ.

Даже склерозъ артерій, играющій такую важную роль въ сокращеніи нашей жизни, можно поставить на счетъ кишечной флоры. Точнымъ образомъ извѣстно, что инфекціонныя болѣзни микробнаго происхожденія, какъ инфлуэнца, перемежающаяся лихорадка, дифтеритъ, тифъ и другія, могутъ вызвать артеріосклерозъ. Между хроническими инфекціонными болѣзнями есть одна — сифилисъ, — которая чаще всего вызываетъ это измѣненіе артерій. И, однако, существуетъ еще большое число случаевъ склероза сосудовъ, которыхъ нельзя объяснить ни одной изъ вышеупомянутыхъ причинъ. Яды кишечныхъ микробовъ, вызывающіе склерозъ

почекъ и печени, должны быть въ состояніи вызвать также склерозъ другихъ органовъ и между прочимъ артерій. Пока еще трудно подтвердить это прямыми наблюденіями, но мы имѣемъ уже факты въ пользу этого мнѣнія. Такъ, въ Аргентинской республикѣ существуетъ болѣзнь телятъ, сопровождаемая острымъ воспаленіемъ кишекъ. Линьеръ, изучавшій эту болѣзнь съ большою добросовѣстностью и умѣніемъ, установилъ, что причиной ея служитъ очень маленькая кокко-бацилла, которую онъ назвалъ Pasteurella bovina. Этотъ микробъ развивается преимущественно въ кишкахъ телятъ и вызываетъ у нихъ довольно часто смертельный энтеритъ. Однако большинство телятъ (4/5) выздоравливаетъ. Только черезъ болѣе или менѣе долгій срокъ—черезъ мѣсяцы и даже годы — быки страшно ослабѣваютъ и умираютъ отъ своеобразной болѣзни, названной туземцами «энтеке». При вскрытіи наблюдается очень сильный склерозъ крупныхъ артерій и обызвествованіе легочной ткани. Этимъ окончательнымъ пораженіямъ предшествуетъ хроническое воспаленіе артерій. Послѣднее можетъ быть вызвано искусственно впрыскиваніемъ микроба телячьей холеры. Нокаръ, всемірно извѣстный бактеріологъ и ветеринаръ, вполнѣ подтверждаетъ это важное открытіе Линьера.

Въ этомъ примѣрѣ инфекціоннаго артеріосклероза мы имѣемъ дѣло съ патогеннымъ микробомъ, котораго до сихъ поръ не находили въ кишкахъ нормальныхъ телятъ. Поэтому онъ не можетъ служить аргументомъ въ пользу того, что хроническій артеріосклерозъ человѣка вызывается нормальной флорой его кишечника. Этотъ примѣръ имѣетъ для насъ интересъ только какъ первый случай хроническаго артеріосклероза микробнаго происхожденія, доказаннаго экспериментальнымъ путемъ.

Что же касается вопроса о нормальной и патологической микробной флорѣ, онъ гораздо сложнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Мы уже приводили нѣсколько примѣровъ бактерій, нормально живущихъ на поверхности или внутри человѣческаго тѣла, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ стать патогенными.

Мы также упоминали о томъ, что, по всей вѣроятности, нѣкоторыя патогенныя бактеріи могутъ проникнуть и жить въ кишечникѣ человѣка, не вызывая болѣзни, когда ихъ дѣйствіе уничтожается вліяніемъ сосѣдней нормальной флоры кишекъ. Такъ, во время холерныхъ эпидемій множество разъ находили холерную запятую въ содержимомъ нормальныхъ кишекъ здоровыхъ людей. Эти примѣры послужили намъ даже указаніемъ полезнаго дѣйствія извѣстныхъ представителей нашей флоры. Но только рядомъ съ этими благодѣтельными микробами съ еще большею вѣроятностью

приходится допустить существованіе другихъ кишечныхъ микробовъ, безвредныхъ самихъ по себѣ, но облегчающихъ зловредное дѣйствіе патогенныхъ бактерій. Такимъ образомъ тотъ же холерный вибріонъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы быть подавленнымъ, наоборотъ, поощряется въ своемъ развитіи присутствіемъ дрожжей или сарцинъ нормальной флоры нашего пищеварительнаго канала. Это вспомогательное дѣйствіе микробовъ удалось даже обнаружить экспериментально на молоденькихъ кроликахъ. Такимъ образомъ холерные вибріоны, слишкомъ слабые, чтобы вызвать самостоятельно болѣзнь у этихъ животныхъ, вызывали у нихъ смертельную холеру, если къ нимъ присоединяли торулъ или сарцинъ, изолированныхъ изъ человѣческаго желудка.

Несмотря на всю неполноту нашихъ свѣдѣній, надо однако, признать, что флора нашего тѣла заключаетъ микробы, могущіе во всякую данную минуту стать ядовитыми, или такіе, которые вредны содѣйствіемъ развитію случайныхъ патогенныхъ бактерій и выдѣленіемъ болѣе или менѣе опасныхъ ядовъ.

На вышеупомянутомъ конгрессѣ въ Висбаденѣ Мюллеръ высказалъ мысль, что наше тѣло должно бы быть уже достаточно иммунизированнымъ какъ противъ своей микробной флоры, такъ и противъ ея ядовъ. Этимъ онъ объясняетъ то, что дѣйствіе ихъ такъ часто оказывается безвреднымъ для нашего здоровья. Но болѣе подробное изслѣдованіе этого вопроса приводитъ къ совершенно обратному выводу.

Человѣческій организмъ всегда остается очень чувствительнымъ къ піогенному стафилококку, который, однако, одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ нашей флоры. Подъ вліяніемъ благопріятствующихъ агентовъ эти бактеріи вызываютъ прыщи, фурункулы, чирьи и еще болѣе серьезныя нагноенія. Фурункулы могутъ очень долго рецидивировать, и піемія тогда легко становится хронической.

Человѣкъ, слѣдовательно, не вакцинированъ противъ стафилококка; между тѣмъ искусственное предохраненіе животныхъ противъ него оказывается возможнымъ.

Примѣненіе предохранительныхъ прививокъ, установленное Пастеромъ и его сотрудниками Ру и Шанберланъ, достаточно показываетъ, къ какимъ сложнымъ и утонченнымъ методамъ приходится прибѣгать, чтобы достигнуть положительныхъ результатовъ. Надо приготовить вирусы, ослабленные до опредѣленной степени, приспособить ихъ къ извѣстнымъ животнымъ видамъ или расамъ и прививать ихъ при извѣстныхъ условіяхъ. Все это не можетъ легко быть достигнуто исключительно естественнымъ путемъ. Вотъ почему нашъ организмъ не иммунизированъ ни противъ стафилококка, ни

противъ многихъ другихъ микробовъ нашей флоры (стрептококовъ, коли-бацилла и т. д.).

Не разсчитывая на эту самопроизвольную вакцинацію, медицина очень тщательно старается устранять зловредное вліяніе микробовъ нашей флоры. Съ этою цѣлью она широко примѣняетъ дезинфекцію кожи, чтобы помѣшать проникновенію микробовъ въ организмъ. Въ хирургіи стараются дезинфицировать кожу какъ больного, такъ и оператора. Офтальмологи пытаются дезинфицировать соединительную оболочку глаза, а другіе врачи пробуютъ дезинфицировать ротовую полость и даже желудокъ и кишки.

Въ началѣ примѣненія дезинфекціи на нее возлагали большія надежды. Но чѣмъ больше и глубже изучали этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждались, что уничтоженіе столь многочисленныхъ микробовъ нашей флоры весьма трудно, если не невозможно. Даже кожа нашихъ рукъ, вполнѣ доступная вліянію антисептическихъ веществъ, представляетъ необыкновенныя затрудненія. Поверхностные микробы устранимы довольно легко, но тѣ, которые держатся въ луковичныхъ каналахъ волосковъ, напротивъ, очень недоступны. За эти послѣдніе годы хирурги много занимались вопросомъ дезинфекціи кожи и большею частью пришли къ тому результату, что она не можетъ быть вполнѣ достигнута.

Еще гораздо затруднительнѣе дезинфекція слизистыхъ оболочекъ, которыя сами гораздо чувствительнѣе къ вредному дѣйствію антисептическихъ веществъ, чѣмъ кожа и микробы. Многіе врачи признали безполезность кишечной антисептики и болѣе или менѣе отрѣшились употреблять ее.

Мюллеръ резюмируетъ мнѣніе большинства своихъ собратьевъ, когда говоритъ, что «антисептика кишекъ часто не только безполезна, но даже вредна: своими ядовитыми свойствами она уменьшаетъ благодѣтельную реакцію живыхъ клѣтокъ»:

Штернъ, въ Бреславлѣ, много изучалъ этотъ вопросъ, примѣняя къ нему бактеріологическіе методы. Между другими отрицательными результатами онъ нашелъ, что сильныя дозы β-нафтола, считающагося лучшимъ антисептическимъ веществомъ для кишекъ, не уменьшаютъ числа ихъ микробовъ даже послѣ 12-тидневнаго употребленія. Онъ выражаетъ надежду, что, можетъ быть, впослѣдствіи найдутъ болѣе дѣйствительное средство.

Отказываясь болѣе или менѣе отъ примѣненія антисептики, все больше и больше прибѣгаютъ къ устраненію микробовъ нашего тѣла механическимъ путемъ. Такъ, ограничиваются усиленнымъ мытьемъ рукъ жидкостями, не вредящими жизненности клѣтокъ кожи; промываютъ соединительную и другія слизистыя оболочки без-

вредными жидкостями, какъ, напримѣръ, физіологическимъ растворомъ поваренной соли или просто кипяченой водой. Хотя относительной, но лучшей дезинфекціей кишекъ признаютъ средства, вызывающія частое и обильное очищеніе ихъ. Достигаютъ также извѣстнаго результата измѣненіемъ пищи, напримѣръ, назначеніемъ молочной діэты, которая, по Жильберу и Доминичи, уменьшаетъ число кишечныхъ микробовъ.

Столь многочисленныя попытки уменьшить флору нашего тѣла достаточно доказываютъ ту опасность, которую представляютъ многіе ея представители. Если возможно признать полезность нѣкоторыхъ изъ нихъ, то еще достовѣрнѣе вредное вліяніе большинства ихъ на наше здоровье.

Но какъ согласить это съ приведеннымъ выше мнѣніемъ, что если бы наша флора была дѣйствительно опасна, то она давно была бы устранена однимъ дѣйствіемъ естественнаго подбора?

Этотъ подборъ есть не что иное, какъ переживаніе организмовъ, приспособленныхъ къ условіямъ ихъ существованія, и исчезновеніе неприспособленныхъ; поэтому онъ долженъ былъ бы обнаруживаться относительно человѣка и высшихъ животныхъ точно такъ же, какъ мы видимъ это относительно другихъ живыхъ существъ и растеній. И дѣйствительно, мы наблюдаемъ исчезаніе не только свойствъ, вредныхъ для жизни, но даже и просто органовъ, ставшихъ безполезными. Мы видимъ, напримѣръ, атрофію глазъ у подземныхъ и пещерныхъ животныхъ, какъ у крота, рыбъ, ракообразныхъ, червей и другихъ, живущихъ въ темнотѣ.

Чтобы еще больше подчеркнуть всю парадоксальность сохраненія флоры нашего тѣла, большая часть которой не только безполезна, но несомнѣнно вредна, я хочу обратить ваше вниманіе на слѣдующій фактъ. Большинство органовъ человѣческаго тѣла, заключающихъ эту флору, сами также безполезны или вредны для нашего здоровья и жизни.

Вы помните, что канальцы волосяныхъ луковицъ служатъ мѣстопребываніемъ микробовъ, между которыми — стафилококки, могущіе вызывать различныя болѣе или менѣе серьезныя заболѣванія. Итакъ, эти волосяныя луковицы суть вполнѣ безполезные органы; они не что иное, какъ остатки луковицъ шерсти, покрывавшей кожу нашихъ предковъ—животныхъ. Имъ они были очень полезны, защищая ихъ кожу отъ холода; для человѣка же они совершенно лишніе.

Точно такъ же и въ наиболѣе богатой микробами части тѣла, въ кишкахъ, мы находимъ безполезные отдѣлы. Условія человѣческаго питанія, особенно у цивилизованныхъ народовъ, совер-

шенно иныя, чѣмъ у животныхъ. Но, даже еще не дошедши до этой степени развитія, у человѣка начинаютъ исчезать извѣстныя части кишечнаго канала. Такимъ образомъ, червеобразный отростокъ слѣпой кишки есть остатокъ гораздо болѣе развитого органа у нашихъ предковъ—животныхъ. Уже у человѣкообразныхъ обезьянъ мы встрѣчаемъ это обратное развитіе слѣпой кишки въ видѣ придатка, очень сходнаго съ человѣческимъ.

Даже желудокъ, который кажется такимъ необходимымъ органомъ для пищеваренія и нормальной жизни, въ сущности, служитъ только крупнымъ вмѣстилищемъ пищи, безъ котораго можно обойтись. Сначала его вырѣзывали у собаки, а когда увидѣли, что она хорошо выноситъ эту операцію, то стали примѣнять послѣднюю къ человѣку въ случаяхъ рака желудка. Полная резекція желудка была впервые сдѣлана въ 1897 г. въ Цюрихѣ Шлаттеромъ. Благопріятный результатъ этой операціи поощрилъ другихъ хирурговъ, и теперь уже 4 человѣка живутъ безъ желудка и этимъ доказываютъ безполезность его. Вмѣстѣ съ желудкомъ была, понятно, удалена и его флора, что нисколько не повліяло на оперированныхъ.

Изъ всѣхъ частей нашего кишечнаго канала только тонкія кишки дѣйствительно необходимы для жизни. И то еще онѣ преувеличенно развиты у человѣка, который можетъ питаться очень удобоваримой пищей. Вмѣсто $5^1/_2 — 6^1/_2$ метровъ онѣ свободно могли бы имѣть всего треть этой длины.

На послѣднемъ хирургическомъ конгрессѣ извѣстный швейцарскій хирургъ Ру объявилъ, что человѣкъ можетъ отлично существовать съ $1^1/_2$ метромъ тонкихъ кишекъ. Кукула приводитъ случай, гдѣ онъ вырѣзалъ $^2/_3$ ихъ съ большимъ успѣхомъ для больного. Онъ прибавляетъ, что толстыя кишки могутъ быть совсѣмъ удалены. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ кишечная хирургія такъ сильно усовершенствовалась за эти послѣдніе годы, получаютъ поразительные результаты съ удаленіемъ толстыхъ кишекъ.

Такъ, Кёрте вмѣстѣ съ частью тонкихъ кишекъ удалилъ почти цѣликомъ толстыя кишки, оставивъ одну конечную часть ихъ. Больной, перенесшій 8 послѣдовательныхъ операцій, тѣмъ не менѣе вполнѣ выздоровѣлъ.

Визингеръ вырѣзалъ другому больному приблизительно $^2/_3$ изъязвленныхъ толстыхъ кишекъ. Слѣпая и восходящая толстая кишка были пришиты къ прямой, въ то время какъ поперечная и нисходящая были отдѣлены и выведены съ правой стороны живота. Я бы могъ привести еще и другіе примѣры успѣшныхъ хирургическихъ операцій въ доказательство безполезности толстыхъ кишекъ у человѣка.

Несмотря на боязнь злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ, я долженъ еще упомянуть о фактѣ, которыя лучше всякихъ хирургическихъ операцій, подтверждаетъ защищаемое мною положеніе. Дѣло идетъ о старой женщинѣ, которая 37 лѣтъ какъ имѣетъ кишечную фистулу, сквозь которую выдѣляются ея испражненія.

Фистула открылась самопроизвольно вслѣдствіе нарыва съ правой стороны живота. Это не помѣшало женщинѣ выйти замужъ, имѣть троихъ дѣтей и зарабатывать на прожитіе тяжелымъ трудомъ.

Черезъ 35 лѣтъ послѣ образованія фистулы, эта женщина подверглась медицинскому осмотру и ей предложили сдѣлать операцію, чтобы возстановить нормальное выдѣленіе кишекъ. Она согласилась. Но при вскрытіи живота оказалось, что всѣ толстыя кишки атрофированы, начиная со слѣпой кишки и до самаго ихъ конца. Отверстіе фистулы находилось надъ слѣпой кишкой и вело непосредственно въ тонкія кишки. При этихъ условіяхъ было немыслимо закрыть фистулу, такъ что хирургу (Цѣхомскому) пришлось зашить животъ и предоставить женщину своей судьбѣ. Послѣдняя быстро выздоровѣла и продолжала жить, какъ и до операціи. Слѣдовательно, вотъ случай, гдѣ полное отсутствіе толстыхъ кишекъ не помѣшало жить даже при очень тяжелыхъ условіяхъ существованія.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что мы обладаемъ очень крупнымъ и развитымъ органомъ—толстыми кишками, которыя, будучи безполезными, въ то же время даютъ пріютъ очень обильной и разнообразной флорѣ микробовъ, способныхъ вредить намъ своими ядами.

Въ виду этого факта мы въ правѣ поставить вопросъ: что такое толстыя кишки? Каково ихъ происхожденіе и смыслъ? Волосяныя луковицы, дающія пріютъ микробамъ кожи, также безполезные органы. Но ихъ исторія гораздо проще: они несомнѣнные остатки шерсти, защищавшей нашихъ предковъ отъ холода. Толстыя же кишки представляются далеко не «остаткомъ», а, напротивъ, сильно развитымъ органомъ. Но, несмотря на это, ихъ тоже приходится причислить къ одному изъ безполезныхъ наслѣдствъ нашихъ зоологическихъ предковъ.

Для послѣднихъ, безъ сомнѣнія, они представляли какую-нибудь выгоду.

Мы знаемъ изъ сравнительной анатоміи, что изъ всѣхъ позвоночныхъ одни млекопитающія обладаютъ толстыми кишками въ строгомъ смыслѣ слова. Ихъ нѣтъ ни у птицъ, ни у пресмыкающихся, ни у другихъ низшихъ позвоночныхъ. У нѣкоторыхъ рыбъ встрѣчаются придатки кишекъ и у многихъ птицъ слѣпыя кишки;

но органы эти не соотвѣтствуютъ толстымъ кишкамъ млекопитающихъ и человѣка.

Послѣднія—большею частью наземныя животныя, которыя добываютъ свою животную или растительную пищу на поверхности земли.

Для травоядныхъ слѣпая и толстая кишки могутъ быть полезными при перевариваніи неудобоваримыхъ веществъ, которыми они питаются, точно такъ же, какъ многочисленные микробы этихъ кишекъ могутъ способствовать перевариванію клѣтчатки.

Съ другой стороны, по всей вѣроятности, толстыя кишки играли роль резервуара для остатковъ пищеваренія.

Частое освобожденіе кишекъ должно было быть неудобнымъ для млекопитающихъ, принужденныхъ очень быстро бѣгать, будь это для избѣжанія врага или для догонки добычи. При этомъ развитыя толстыя кишки представляли большое удобство. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что слѣпая и толстая кишки всего болѣе развиты у наиболѣе быстро бѣгающихъ животныхъ, какъ заяцъ, и лошадь. Замѣчательно, что между птицами у бѣгающихъ, какъ у страуса и казуара, также развились довольно длинныя толстыя кишки и что ихъ слѣпые придатки самые крупныя изъ всего класса птицъ.

Итакъ, у позвоночныхъ развитіе толстыхъ кишекъ вызвано требованіями борьбы за существованіе.

Въ свою очередь, развитіе этого органа, служащаго резервуаромъ экскрементовъ, вызвало появленіе богатой микробной флоры.

Для большинства млекопитающихъ преимущества этого пріобрѣтенія должны были покрыть неудобства, связанныя съ нимъ. Продолжительность жизни млекопитающихъ короче, чѣмъ у птицъ или низшихъ позвоночныхъ вообще. Любители хорошо знаютъ, что изъ всѣхъ маленькихъ животныхъ, которыхъ можно держать въ комнатахъ, какъ мыши, птички, черепахи и золотыя рыбки, мыши всего менѣе долговѣчны. Онѣ живутъ не болѣе 3—4 лѣтъ. Маленькія птички, какъ канарейки, среднимъ числомъ, живутъ 16 лѣтъ, а при благопріятныхъ условіяхъ могутъ достичь 20 лѣтъ и болѣе. Такова же приблизительно продолжительность жизни золотыхъ рыбокъ, а черепахи живутъ и того дольше. Изъ всей этой коллекціи мелкихъ животныхъ одна лишь мышь имѣетъ настоящія толстыя кишки. Это правило подтверждается и вообще, хотя встрѣчаются исключенія, какъ относительно слона, живущаго иногда до 120-ти лѣтъ. Крупныя млекопитающія, какъ, напримѣръ, лошадь, рѣдко живутъ болѣе 20 лѣтъ. Они почти никогда не переживаютъ 30-ти, и такіе примѣры, какъ шотландскій пони, до-

стигшій 42-хъ лѣтъ, или гальскій пони—60-ти лѣтъ, совершенно исключительны. Маленькія или средней величины млекопитающія живутъ еще меньше, въ то время какъ между птицами часто встрѣчается большая продолжительность жизни. Даже между средними и мелкими птицами есть такія, которыя доживаютъ до 60 и 100 лѣтъ. Примѣромъ могутъ служить попугай, филинъ и ворона. Между рептиліями долговѣчность еще больше, и существуютъ черепахи, живущія болѣе 250 лѣтъ.

Итакъ, можно принять, что вообще позвоночныя безъ толстыхъ кишекъ и, слѣдовательно, съ блѣдною кишечною флорой живутъ дольше, чѣмъ млекопитающія, съ ихъ сильно развитыми толстыми кишками и обильной кишечной флорой.

Мы почти склонны вывести общее правило, что чѣмъ кишки длиннѣе, тѣмъ жизнь короче. Конечно, существуютъ нѣкоторыя исключенія, но большинство примѣровъ подтверждаетъ это правило.

Итакъ, между птицами живутъ всего дольше вовсе не самыя крупныя, какъ страусъ и казуаръ. Ривьеръ, занимающійся разведеніемъ страусовъ въ Алжирѣ, любезно сообщилъ мнѣ, что послѣдніе живутъ лѣтъ 35. Въ парижскомъ «Jardin des Plantes» указываютъ на австралійскаго казуара, прожившаго тамъ 23 года. Но долговѣчность этихъ животныхъ не бываетъ такъ велика, какъ у попугаевъ, лебедей и другихъ, гораздо менѣе крупныхъ птицъ. И мы видимъ, что страусы и казуары отличаются сильнымъ развитіемъ слѣпой и толстыхъ кишекъ, въ то время какъ долговѣчныя птицы большею частью совсѣмъ лишены этихъ органовъ, или имѣютъ только мало развитые слѣпые отростки.

Незначительное количество микробовъ въ кишкахъ птицъ поражаетъ насъ при сравненіи съ громаднымъ числомъ ихъ у млекопитающихъ и человѣка. Это объясняется тѣмъ, что у птицъ отсутствіе толстыхъ кишекъ мѣшаетъ скопленію экскрементовъ, въ которыхъ разводятся миріады бактерій. Поэтому птицы принуждены очень часто опоражнивать свои кишки, а это, какъ было выше сказано, лучшее средство кишечной антисептики.

Птицы пришли естественнымъ и безсознательнымъ путемъ къ результату, выраженному на висбаденскомъ конгрессѣ по внутренней медицинѣ.

Человѣку не нужны толстыя кишки ни для перевариванія пищи, ни для продолжительнаго удержанія остатковъ пищеваренія, и потому онѣ не представляютъ ему никакой выгоды. Наоборотъ, онъ претерпѣваетъ однѣ неудобства отъ этого органа. Такъ, человѣкъ подверженъ вредному вліянію постоянныхъ выдѣленій многочисленныхъ микробовъ, ютящихся въ его толстыхъ кишкахъ.

Рядомъ съ ядами, способствующими вредному дѣйствію кожной флоры, существуетъ много другихъ, отравляющихъ постепенно наиболѣе существенные и благородные элементы нашего организма. А это приводитъ къ преждевременному состариванію нашихъ тканей и органовъ. Кромѣ того, надо считаться съ многочисленными болѣзнями толстыхъ кишекъ и ихъ придатковъ. Таковы: воспаленіе червеобразнаго отростка, колиты, дисентерія и особенно ракъ, такъ часто гнѣздящійся въ толстыхъ кишкахъ.

Легко понять, что органъ, ставшій безполезнымъ, способствуетъ укороченію нашей жизни. А между тѣмъ инстинктъ человѣка краснорѣчиво говоритъ ему, что жизнь недостаточно длинна, что она прерывается, не достигнувъ своего естественнаго конца. Уже давно поэты и философы чувствовали какое-то противорѣчіе въ нашей природѣ и это привело ихъ къ очень пессимистическому взгляду на жизнь. Великій поэтъ Байронъ выразилъ эту мысль въ своемъ «Манфредѣ»:

„Все въ этомъ мірѣ
Течетъ спокойно, ровно, безконечно;
А мы, его цари и лжевладыки,
Часть божества, въ смѣшеньи съ частью праха,
Равно безсильные подняться кверху
Иль внизъ упасть, мы двойственной натурой
Гармонію природы оскорбляемъ“.

Но отчего же естественный подборъ не устранилъ это отсутствіе гармоніи между нашими инстинктами и мѣщающими ихъ осуществленію недостатками нашего организма? Неужели естественный подборъ, приведшій къ столькимъ чудеснымъ приспособленіямъ въ животномъ и растительномъ мірахъ, оказывается безсильнымъ въ примѣненіи къ человѣку? Часто сравниваютъ организмы, относительно которыхъ естественный подборъ сказалъ уже почти свое послѣднее слово, съ человѣческимъ, находящимся еще вполнѣ подъ его дѣйствіемъ.

Когда мы подумаемъ, что $^1/_4$ новорожденныхъ не достигаетъ 2-го года, что на 100 человѣкъ 57 умираютъ раньше 50 лѣтъ, что только 67 изъ 1000 людей достигаютъ 90-лѣтняго возраста, который не есть еще крайній предѣлъ жизни нормальнаго человѣка, то становится совершенно яснымъ, что естественный подборъ устраняетъ слишкомъ большое число жертвъ.

Хотя онъ дѣйствуетъ постоянно на человѣка, но результаты его достигаются только черезъ длинный срокъ. Достаточно бросить

бѣглый взглядъ на его дѣйствіе въ животномъ мірѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его медленности.

Извѣстно, что слѣпые придатки кишекъ птицъ—такіе же безполезные органы, какъ наши толстыя кишки. Они совершенно исчезли у нѣкоторыхъ видовъ; у другихъ они являются въ видѣ маленькихъ рудиментовъ, неспособныхъ ни служить для пищеваренія, ни быть резервуарами для остатковъ его. У нѣкоторыхъ птицъ, однако, еще встрѣчаются болѣе или менѣе развитые слѣпые придатки.

Помимо своей медленности, естественный подборъ претерпѣваетъ отклоненія еще вслѣдствіе вмѣшательства человѣческихъ искусственныхъ мѣръ. Такъ, напримѣръ, червеобразный отростокъ вреденъ для насъ. Естественный подборъ долженъ приводить къ переживанію тѣхъ, у кого этотъ отростокъ наиболѣе атрофированъ, и къ вымиранію тѣхъ, у кого онъ великъ, такъ какъ у этихъ послѣднихъ легко можетъ происходить инфекція его канала вслѣдствіе проникновенія въ него паразитовъ или посторонніхъ тѣлъ. Но сюда вмѣшивается медицинское искусство. Оно вылѣчиваетъ воспаленіе червеобразнаго отростка или удаляетъ послѣдній хирургическимъ путемъ. И вотъ потомство излѣченнаго имѣетъ всѣ шансы унаслѣдовать такой же развитой и неправильный червеобразный отростокъ.

Совершенно ясно, что человѣкъ не можетъ предоставить свою судьбу естественному подбору. Какъ для разведенія домашнихъ животныхъ или для культуры растеній онъ изобрѣлъ искусственный подборъ, точно такъ же для собственнаго вида онъ долженъ искусственными мѣрами возстановить гармонію между своими инстинктами и свойствами своего организма. Въ вопросѣ, интересующемъ насъ здѣсь, относительно флоры нашего тѣла, человѣческое искусство имѣетъ очень обширное поле дѣйствія.

Такъ какъ отъ микробныхъ ядовъ кишечной флоры главнымъ образомъ страдаютъ наши благородные элементы, то мы должны стремиться усилить сопротивленіе послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи очень полезными могутъ быть специфическія вещества, способныя увеличить дѣятельность большинства клѣтокъ нашихъ органовъ.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ установлено рядомъ изслѣдованій, что легко приготовить извѣстные яды, большія дозы которыхъ разрушаютъ различные элементы организма. Тѣ же самые яды, или цитотоксины, примѣненные въ малыхъ дозахъ, наоборотъ, возбуждаютъ специфическія клѣтки. Удалось уже добыть яды для красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, для клѣтокъ

селезенки, печени и первной системы. Каждый изъ этихъ ядовъ можетъ служить для возбужденія дѣятельности соотвѣтствующихъ элементовъ.

Но можно бороться не только противъ ослабленія благородныхъ клѣтокъ, необходимыхъ для нашей нормальной жизни, но также противъ самыхъ микробовъ нашей флоры. Антисептика вообще, и кишечная въ частности, не дали удовлетворительныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ бросать этотъ путь. Должно искать специфическія антисептическія вещества, которыя, можетъ быть, будутъ въ состояніи уничтожать микробовъ.

Мы видѣли выше, что личинки моли перевариваютъ бактеріи; пищеварительные ферменты этихъ личинокъ могли бы быть употребляемы противъ вредныхъ микробовъ нашей флоры.

Я предполагалъ одно время, что насѣкомыя, питающіяся гніющими веществами, какъ личинки мухи, навозные жуки, должны выдѣлять въ своемъ кишечникѣ большое количество бактерицидныхъ ферментовъ. Но долженъ признаться, что до сихъ поръ попытки мои найти ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ продолжать изслѣдованія въ этомъ направленіи.

Существуютъ также бактерицидные ферменты, добываемые изъ кровяной сыворотки животныхъ, иммунизированныхъ противъ опредѣленныхъ бактерій. Такимъ образомъ приготовляютъ однѣ сыворотки, разрушающія холерныхъ микробовъ, другія—тифозныхъ бациллъ, и т. д.

Не всѣ представители нашей флоры еще достаточно извѣстны, но мы уже находимся по дорогѣ къ разрѣшенію этого вопроса. Тогда можно будетъ приготовлять бактерицидныя сыворотки противъ всѣхъ вредныхъ микробовъ, населяющихъ наше тѣло.

Можно также добывать сыворотки противъ извѣстныхъ микробныхъ ядовъ—токсиновъ.

Итакъ, искусство человѣческое можетъ широко примѣнять микробіологическіе методы, чтобы достичь результата, къ которому не привелъ естественный подборъ. Надо надѣяться, что эти методы достигнутъ цѣли и что не придется прибѣгать къ хирургическому вмѣшательству.

Всѣ знаютъ, до какой степени необыкновенны успѣхи хирургіи, съ тѣхъ поръ какъ Листеръ, вдохновленный пастеровскими открытіями, вполнѣ преобразилъ это искусство. Кому могло придти въ голову еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что можно удалить желудокъ и большую часть толстыхъ и часть тонкихъ кишекъ? Хирургія еще не сказала своего послѣдняго слова, и именно ки-

шечная хирургія должна быть еще значительно усовершенствована. Такъ, слѣдовало бы передъ операціей впрыскивать въ брюшину стерильныя жидкости, которыя вызвали бы цѣлую армію оборонительныхъ клѣтокъ, готовыхъ къ борьбѣ.

Можно будетъ также употреблять микробицидныя и антитоксическія сыворотки, какъ предохранительныя мѣры противъ микробовъ, на случай ихъ внѣдренія въ оперированный организмъ.

Своими страданіями мы оплачиваемъ выгоды, которыми пользовались наши предки отъ присутствія толстыхъ кишекъ съ ихъ богатою флорой. Эта флора — главная причина кратковременности нашей жизни, пресѣкающейся слишкомъ рано. Сознаніе человѣческое дошло до полнаго выясненія этого разлада. Наука должна энергично приняться за устраненіе его. Она, конечно, достигнетъ этого, и надо надѣяться, что только что начавшееся столѣтіе будетъ свидѣтелемъ разрѣшенія этой задачи.

Міросозерцаніе и медицина.

Предлагаемая читателю статья есть переводъ публичной лекціи, прочитанной въ концѣ минувшаго октября въ Штуттгартѣ, въ пользу общества Краснаго Креста, для устройства больницъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Она заключаетъ въ себѣ сжатое содержаніе воззрѣній, изложенныхъ въ двухъ книгахъ: «Этюды о природѣ человѣка» и «Этюды оптимизма», и потому обращается главнымъ образомъ къ читателямъ, незнакомымъ съ этими сочиненіями. Въ то же время въ статью эту внесенъ отвѣтъ на нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя автору съ различныхъ сторонъ.

Выбранное заглавіе: «Міросозерцаніе и медицина» требуетъ нѣкотораго поясненія. Въ статьѣ идетъ рѣчь о міросозерцаніи по отношенію къ человѣку и человѣческой жизни, совершенно обходя вопросъ о мірозданіи съ физической точки зрѣнія. Въ виду этого, быть можетъ, слѣдовало бы обозначить статью и рѣчь названіемъ: «Міросозерцаніе и біологія»; но авторъ предпочелъ замѣнить послѣднее слово словомъ «медицина», въ виду того, что, съ его точки зрѣнія, человѣкъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ появился на землѣ, есть существо ненормальное, больное, подлежащее вѣдѣнію медицины.

Нечего и говорить, что предлагаемый очеркъ, несмотря на то, что въ его содержаніе входитъ немало гипотетическаго, цѣликомъ зиждется на научной почвѣ, внѣ всякаго вмѣшательства какой бы то ни было метафизики. Намъ кажется, что онъ можетъ отчасти послужить отвѣтомъ на новыя нападенія противъ науки, о которыхъ много писали въ послѣднее время въ русскихъ газетахъ.

Всѣмъ извѣстно, что многіе мыслители считаютъ человѣческую природу вполнѣ совершенной.

«Эмиль» Ж.-Ж. Руссо начинается слѣдующими словами: «все хорошо, выходя изъ рукъ Творца; все испорчено руками человѣка».

Въ настоящее время можно отстаивать какъ разъ обратное: природа дурно создала человѣка; только своими руками можетъ онъ усовершенствовать себя.

Чтобы доказать это, прежде всего необходимо отдать себѣ отчетъ въ происхожденіи человѣческой природы.

Въ настоящее время можно считать прочно установленнымъ животное происхожденіе человѣка отъ какой-нибудь породы обезьянъ.

Выводъ этотъ, высказанный пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, постепенно пробивалъ себѣ все болѣе и болѣе широкую дорогу, несмотря на сильнѣйшее противодѣйствіе.

Очень многозначительнымъ въ этомъ отношеніи является недавнее празднество въ честь Дарвина, имѣвшее мѣсто въ Кэмбриджѣ.

Когда Дарвинъ обнародовалъ свое ученіе о происхожденіи видовъ—ученіе, изъ котораго вытекало, что человѣкъ произошелъ отъ животнаго существа,—противъ этого отовсюду поднялись многочисленные голоса.

Кэмбриджскій университетъ, въ которомъ Дарвинъ былъ нѣкоторое время студентомъ, высказался очень отрицательно относительно дарвиновской теоріи.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ держалось такое враждебное дарвинизму направленіе — и только въ послѣднее время наступила перемѣна.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Кэмбриджскій университетъ призвалъ ученыхъ со всего міра для чествованія Дарвина, по поводу столѣтія со времени его рожденія и пятидесятилѣтія со времени появленія его главнаго труда. Юбилей этотъ удался самымъ торжественнымъ образомъ.

Въ іюнѣ 1909 года собрались въ Кэмбриджѣ лучшія научныя силы изо всѣхъ главнѣйшихъ странъ.

Дарвиновская теорія происхожденія организмовъ вообще и человѣческаго въ частности была провозглашена прочно установленной.

Отношеніе Кэмбриджскаго университета въ этомъ случаѣ имѣетъ большое значеніе. Но еще важнѣе всѣ накопившіяся за послѣдніе полвѣка научныя открытія, служащія новымъ доказательствомъ животнаго происхожденія человѣка.

Во время Дарвина и его ближайшихъ послѣдователей почти еще ничего не было извѣстно относительно зародышеваго развитія человѣкообразныхъ обезьянъ. Съ тѣхъ поръ въ этомъ направленіи собраны нѣкоторыя драгоцѣнныя наблюденія. Они доказы-

ваютъ, что зародыши человѣкообразныхъ обезьянъ, а именно гориллы и гиббона, представляютъ величайшее сходство съ человѣческимъ зародышемъ.

Изслѣдованія существенныхъ свойствъ кровяной жидкости, предпринятыя въ послѣднее время врачами, вполнѣ установили, что человѣческая кровь представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ величайшее сходство съ кровью человѣкообразныхъ обезьянъ.

Исходя изъ совершенно другой точки зрѣнія, научная медицина представила новыя и очень вѣскія доказательства въ пользу животнаго происхожденія рода человѣческаго.

Пытаясь отыскать средства противъ разныхъ болѣзней, нашли, что нѣкоторыя заболѣванія, считавшіяся свойственными исключительно человѣку, могутъ быть привиты и человѣкообразнымъ, но не другимъ обезьянамъ.

Сюда относится, напримѣръ, сыпной тифъ, уносившій въ прежнія времена много жертвъ въ Германіи; въ Россіи же онъ очень распространенъ и по сіе время.

Шарлю Николю, французскому бактеріологу въ Тунисѣ, недавно удалось перенести сыпной тифъ на шимпанзе, въ то время какъ низшія обезьяны оказались невоспріимчивыми къ нему. Только переходъ черезъ шимпанзе далъ возможность привить и имъ сыпной тифъ.

То же самое удалось мнѣ недавно доказать и относительно такъ называемой дѣтской холеры — одной изъ наиболѣе распространенныхъ заразныхъ болѣзней. Обыкновенныя обезьяны, даже въ дѣтскомъ возрастѣ, вовсе не воспріимчивы къ этой болѣзни;и молодыхъ же шимпанзе очень легко заразить ею.

Всѣ эти факты совершенно ясно говорятъ въ пользу настоящаго кровнаго родства между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами.

Но для нѣкоторыхъ ученыхъ эти аргументы кажутся недостаточно убѣдительными. Они требуютъ прямыхъ доказательствъ существованія переходныхъ формъ между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами. Такія формы отыскать не легко: ихъ скелеты зарыты глубоко въ землѣ, и многіе изъ нихъ, по всей вѣроятности, находятся въ отдаленныхъ странахъ, въ которыхъ едва только начинаютъ искать остатки давно исчезнувшихъ существъ.

Подобный примѣръ представляютъ намъ находки проф. Дюбуа на островѣ Явѣ нѣкоторыхъ костей переходныхъ формъ между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами.

Но и въ Европѣ открыто нѣсколько ископаемыхъ костей, про-

ливающихъ значительный свѣтъ на вопросъ переходныхъ формъ между человѣкомъ и обезьяной.

Уже около сорока лѣтъ какъ найденъ знаменитый неандертальскій черепъ, очень сходный съ обезьяньимъ.

Позднѣе нашли подобный же черепъ въ Спи, въ Бельгіи.

Нѣкоторые антропологи признали эти черепа за человѣческіе, но очень сильно приближающіеся къ обезьяньимъ. Однако черепа Neanderthal'я и Спи были плохо сохранены, такъ что при оцѣнкѣ ихъ природы приходилось быть очень осторожнымъ.

Тѣмъ интереснѣе было открытіе, впервые сдѣланное въ южной Франціи, сравнительно очень хорошо сохранившагося костнаго остова, найденнаго погребеннымъ глубоко въ гротѣ около деревни «Chapelle aux Saints».

Кости эти были отправлены въ Парижъ; возстановлены и подробно описаны проф. Булемъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло со старческимъ скелетомъ, представляющимъ несомнѣнное сходство съ обезьяной. Черепъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ неандертальскому и Спи. Но такъ какъ онъ сохранился гораздо лучше, то и даетъ несравненно болѣе указаній относительно природы доисторическаго человѣка, которому принадлежитъ.

Достаточно бросить сравнительный взглядъ на современный человѣческій черепъ, на черепъ человѣкообразной обезьяны и на возстановленный черепъ изъ Chapelle aux Saints, чтобы тотчасъ убѣдиться въ томъ, что послѣдній занимаетъ промежуточное мѣсто между двумя первыми.

Нельзя, однако, не признать, что между обоими человѣческими черепами гораздо болѣе сходства, нежели между черепомъ изъ Chapelle aux Saint, и черепомъ шимпанзе. Послѣдній значительно болѣе вытянутъ впередъ и представляетъ гораздо рѣзче животный характеръ: челюсти его гораздо болѣе выдаются и снабжены сильными зубами. У ископаемаго человѣка южной Франціи обѣ челюсти все же шире и сильнѣе, нежели у современныхъ людей. Особенно отличается своей величиной нижняя челюсть. Она поразительно сходна въ черепѣ изъ Chapelle aux Saints съ нижней челюстью черепа, найденнаго близъ Гейдельберга и точно описаннаго Шотензакомъ.

Въ общемъ, открытія эти даютъ право принять, что въ доисторическія времена въ Европѣ жили люди, составляющіе соединительное звено между современнымъ человѣкомъ и нынѣ живущими человѣкообразными обезьянами. Нѣкоторые ученые думаютъ, что этотъ ископаемый человѣкъ принадлежитъ не только къ особенной расѣ, но скорѣе даже составляетъ особый видъ, который можно обозначить именемъ Homo primigenius.

Въ то время, какъ съ основанія теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны общая сумма найденныхъ фактовъ говоритъ въ пользу этой теоріи,—за этотъ длинный пятидесятилѣтній періодъ не было сдѣлано ни одного открытія, противорѣчащаго ей.

Поэтому на человѣка слѣдуетъ смотрѣть какъ на дѣйствительно усовершенствованную обезьяну, съ значительно развившимся черепомъ и менѣе развитой лицевой частью.

Для того, чтобы большая голова могла пройти сквозь тазовыя кости, человѣческій тазъ долженъ былъ стать шире и вообще сильнѣе развиться.

Къ тому же ему пришлось служить опорой для ногъ при вертикальномъ положеніи тѣла человѣка.

Эти особенности человѣческаго организма неизбѣжно имѣли большое вліяніе на всю судьбу человѣческую.

Сильное развитіе головы и таза привело ко многимъ неудобствамъ.

Главныя между ними—затрудненіе дѣторожденія и возможность при этомъ вывиха бедра у ребенка.

Въ то время какъ у женщины выхожденіе плода требуетъ отъ $^1/_2$ часа до $1^1/_4$ [1]), — у кобылы оно совершается отъ 4 до 6 и въ крайности до 15 минутъ [2]).

Стоитъ сравнить скорость и легкость дѣторожденія у морской свинки и у женщины, чтобы убѣдиться въ превосходствѣ первой. И несмотря на это морская свинка появляется на свѣтъ въ гораздо болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ новорожденное дитя. Послѣднее рождается несчастнымъ, плачущимъ и безпомощнымъ. Морская свинка, наоборотъ, сразу начинаетъ бѣгать и производитъ во всѣхъ отношеніяхъ жизнерадостное впечатлѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, новорожденная свинка почти способна вести самостоятельный образъ жизни и питаться растительной пищей.

При этихъ условіяхъ дѣйствительно очень трудно признать человѣческую природу совершенной.

Послѣ появленія человѣка на свѣтъ начинается для него длинный періодъ развитія, сопряженный со столькими невзгодами.

Новорожденныя животныя отличаются отъ взрослыхъ несравненно меньше, нежели новорожденное дитя—отъ взрослаго человѣка. Различія эти относятся столько же къ тѣлосложенію и вообще всему организму, какъ и къ умственнымъ способностямъ.

Когда молодыя животныя инстинктивно подражаютъ родителямъ

---

1) *Varnier*. Obstétrique journalière, Paris, 1900, p. 174.

2) *Saint-Cyr*. Traité d'obstétrique vétérinaire, Paris, 1898, p. 334.

своимъ, то это вскорѣ приводитъ къ достиженію цѣлесообразной дѣятельности.

Такъ выучивается щенокъ охотиться за дичью.

Совершенно иное дѣло у человѣка, особенно у цивилизованнаго.

Разница между мальчикомъ и его отцомъ несравненно болѣе рѣзкая, чѣмъ у млекопитающихъ. Инстинктивная подражательность, служащая такимъ отличнымъ воспитательнымъ средствомъ у животныхъ, часто приводитъ ребенка къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Представимъ себѣ только мальчика, желающаго подражать своему отцу съ ружьемъ на охотѣ!

Сколько труда стоитъ матерямъ уберечь своихъ дѣтей отъ всякихъ опасныхъ инструментовъ — ножей, ножницъ и т. д.!

Трудность воспитать дѣтей зависитъ главнымъ образомъ отъ чисто органическихъ условій ихъ физическаго развитія.

Періодъ половой зрѣлости молодыхъ людей наступаетъ задолго до того, какъ они готовы къ супружеской жизни. Всѣмъ извѣстно, сколько затрудненій приходится преодолѣвать вслѣдствіе этого и какія опасныя послѣдствія можетъ повлечь за собой преждевременное половое развитіе.

Послѣ слишкомъ длиннаго періода до достиженія половой зрѣлости, для человѣка наступаетъ значительно преждевременная старость.

Пятидесятилѣтній человѣкъ можетъ только въ исключительныхъ случаяхъ получить новую должность. Во многихъ странахъ въ 60 лѣтъ служащіе обязаны подавать въ отставку,

Въ Даніи всякій пятидесятилѣтній нуждающійся человѣкъ имѣетъ уже право на государственную пенсію. Въ Австраліи на пенсію имѣетъ право въ 60 лѣтъ. Во Франціи главные врачи въ больницахъ или профессора университета въ 65 лѣтъ считаются уже неспособными выполнять свою должность, если они не члены медицинской академіи или академіи наукъ. Генералы французской арміи обязаны выходить въ отставку въ 60 — 65 лѣтъ.

Преждевременно состарѣвшись и сдѣлавшись безполезнымъ, человѣкъ ощущаетъ тѣмъ не менѣе величайшую потребность жить и непреодолимый страхъ передъ угрожающей смертью.

Этотъ страхъ смерти — одинъ изъ главныхъ признаковъ, отличающихъ человѣка отъ животныхъ, даже наиболѣе развитыхъ. Всѣ животныя инстинктивно избѣгаютъ смерти, но не сознаютъ этого.

Ребенокъ, избѣгающій ея подобнымъ же образомъ, также не имѣетъ никакого представленія о неизбѣжности смерти. Сознаніе

этого пріобрѣтается только позднѣе, благодаря необыкновенному умственному развитію человѣка.

Нѣкоторые ученые стремятся доказать, что смерть есть совершенно естественное явленіе, нисколько не страшное само по себѣ. Еще недавно датскій хирургъ, профессоръ Блохъ, подробно изложилъ эту мысль въ двухтомной монографіи о смерти. Онъ приводитъ въ ней большое число примѣровъ, долженствующихъ доказать, что многіе люди безбоязненно встрѣчаютъ смерть.

Но этому можно противопоставить гораздо большее число примѣровъ того, что человѣкъ сильнѣйшимъ образомъ боится смерти.

Чувство это совершенно инстинктивно присуще человѣческой природѣ и всегда составляло одну изъ величайшихъ заботъ человѣка. Поэтому-то разрѣшеніе вопроса о смерти и стало одной изъ главныхъ задачъ философіи.

Нужно имѣть въ виду, что человѣкъ, какъ существо животнаго происхожденія, принесъ уже съ собою на свѣтъ много отрицательныхъ сторонъ,—а благодаря своему значительному умственному развитію пріобрѣлъ и сознаніе неизбѣжной смерти.

При такихъ условіяхъ нечего удивляться тому, что многіе мыслители могли утверждать, будто животныя гораздо счастливѣе человѣка, и что поэтому нельзя считать счастье цѣлью человѣческой дѣятельности.

Это мнѣніе многочисленныхъ философовъ всѣхъ временъ недавно вновь было высказано знаменитымъ французскимъ математикомъ Пуанкаре.

Возможно ли, дѣйствительно, смотрѣть на человѣка какъ на нѣчто совершенное?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ разсмотрѣть его нѣсколько глубже.

Человѣкъ унаслѣдовалъ отъ своихъ животныхъ предковъ цѣлый рядъ вредныхъ для него свойствъ.

Такъ какъ здѣсь намъ нельзя касаться многихъ изъ нихъ, то ограничимся бѣглымъ взглядомъ на человѣческіе пищеварительныя органы. Хотя я и предполагаю, что нѣкоторые изъ моихъ читателей уже знакомы съ ранѣе высказанными мною воззрѣніями, тѣмъ не менѣе я не могу обойти этого вопроса, въ виду его выдающагося значенія.

Человѣческій кишечный каналъ вполнѣ сходенъ съ кишечникомъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Но въ время, какъ послѣдніе питаются сырой пищей, гораздо выше развитой въ умственномъ отношеніи человѣкъ приготовляетъ ее съ помощью болѣе или менѣе усовершенствованнаго повареннаго искусства.

Кромѣ того, онъ употребляетъ вмѣсто дико растущихъ растеній и мяса дикихъ животныхъ, искусственно выращенные фрукты и овощи и мясо домашнихъ животныхъ; такая пища гораздо болѣе удобоварима.

Вслѣдствіе всего этого человѣкъ могъ бы въ значительной степени обходится безъ столь сильно развитыхъ у обезьянъ кишекъ.

И дѣйствительно, хирургамъ хорошо извѣстно, что можно совершенно безъ вреда для человѣка вырѣзать большой кусокъ его слишкомъ длинныхъ тонкихъ кишекъ.

Въ то время, какъ часть нашихъ тонкихъ кишекъ оказывается лишней, толстыя кишки цѣликомъ не только безполезны, но даже вредны для человѣческаго организма. Онѣ были пріобрѣтены нашими предками, млекопитающими, въ виду перевариванія растительной пищи, а также какъ и резервуаръ для неудобоваримыхъ пищевыхъ остатковъ. Для человѣческаго организма все это сдѣлалось лишнимъ. Перевариваніе пищи у него происходитъ въ совершенно достаточной степени уже въ тонкихъ кишкахъ; резервуара для непереваренныхъ пищевыхъ остатковъ ему вовсе не нужно. Поэтому толстыя кишки стали для человѣка не только ненужнымъ балластомъ, но еще и источникомъ вреда.

Это положеніе, уже нѣсколько разъ высказанное мною, подверглось строгой критикѣ съ разныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, я болѣе чѣмъ когда-нибудь увѣренъ въ его справедливости.

Три отдѣла толстыхъ кишекъ, пересѣкающихъ всю брюшную полость человѣка, часто такъ видоизмѣняютъ свое положеніе, что очень затрудняютъ этимъ правильный выходъ своего содержимаго.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ расширеніе толстыхъ кишекъ вызываетъ болѣзненныя явленія, представляющія картину такъ называемой гиршпрунговской болѣзни. Случается также, что конецъ толстыхъ кишекъ слишкомъ удлиненъ и изгибается въ видѣ петли. При этихъ условіяхъ содержимое толстыхъ кишекъ черезчуръ долго застаивается въ нихъ, вызывая множество разныхъ вредныхъ послѣдствій для организма. Врачи часто лѣчатъ такія страданія, принимая ихъ за нервныя, но большею частью безуспѣшно.

Д-ръ Лэнъ, необыкновенно искусный и отважный англійскій хирургъ, рѣшилъ въ этихъ случаяхъ прибѣгать къ операціи, вмѣсто продолжительнаго и нецѣлесообразнаго внутренняго лѣченія. Онъ удаляетъ ихъ загнувшійся отдѣлъ, или всѣ, или почти всѣ толстыя кишки. При этомъ онъ соединяетъ нижній край тонкихъ кишекъ съ прямой кишкой.

Такая операція, естественно, очень опасна и въ настоящее время даетъ еще много смертныхъ случаевъ. Д-ръ Лэнъ сдѣлалъ

уже болѣе 50 подобныхъ операцій и въ началѣ минувшаго года подробно описалъ 39 случаевъ.

Онъ потерялъ девять больныхъ, что составляетъ 23%, т.-е. значительную смертность; зато вмѣшательство его оказало большую пользу остальнымъ 30 паціентамъ.

Я видѣлъ трехъ оперированныхъ Лэномъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и могъ убѣдится въ томъ, что здоровье двухъ изъ нихъ совершенно удовлетворительно.

Больные эти, которые въ теченіе многихъ лѣтъ страдали невыносимо, послѣ операціи точно ожили и стали снова работоспособными.

Система д-ра Лэна, конечно, встрѣтила сильную оппозицію. Противники его, ссылаясь на высокую смертность, осуждаютъ весь методъ.

Между тѣмъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что операціонная техника можетъ быть усовершенствована, при чемъ понизится и смертность.

Впрочемъ, въ хирургіи уже нѣсколько лѣтъ какъ введено полное или частичное удаленіе толстыхъ кишекъ, или же такое исключеніе ихъ, при которомъ онѣ болѣе не могутъ функціонировать.

Факты, собранные д-ромъ Лэномъ и другими хирургами, вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ обходиться безъ своихъ толстыхъ кишекъ, и слѣдовательно, органъ этотъ безполезенъ.

Помимо того, что содержимое толстыхъ кишекъ часто слишкомъ долго застаивается въ нихъ вызывая этимъ разныя болѣзни — между прочимъ такую ужасную, какъ ракъ толстыхъ кишекъ, — помимо этого толстыя кишки вредны еще вслѣдствіе большого скопленія въ нихъ множества болѣзнетворныхъ бактерій.

Хотя противъ этого мнѣнія сдѣлано было много возраженій, тѣмъ не менѣе я считаю его вполнѣ обоснованнымъ.

Мы питаемъ въ своихъ пищеварительныхъ органахъ, а именно въ толстыхъ кишкахъ, чрезвычайно богатую флору микроскопическихъ организмовъ, представляющихъ для насъ постоянную опасность.

Всѣмъ извѣстно, что тотчасъ послѣ смерти начинается трупное разложеніе. Оно возникаетъ изъ кишекъ и постепенно распространяется на все тѣло.

Явленіе это производится бактеріями, которыя нормально всегда присущи кишечнику каждаго человѣка. Въ живомъ организмѣ онѣ не въ состояніи возбудить сильнаго разложенія, потому что различныя вліянія мѣшаютъ этому. Но всякое болѣзнетворное явленіе можетъ вызвать ихъ угрожающую дѣятельность. Достаточно

ущемленія грыжи, внѣдренія одного отдѣла кишки въ другой, или иной какой-нибудь причины для того, чтобы произошло воспаленіе кишекъ, зависящее именно отъ дѣятельности постоянныхъ жильцовъ ихъ, гнилостныхъ бактерій.

Могутъ возразить, что, при нормальныхъ условіяхъ, эти же гнилостные микробы присутствуютъ совершенно спокойно въ нашихъ толстыхъ кишкахъ, не причиняя этимъ никакого вреда.

Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что при нормальныхъ условіяхъ кишечное гніеніе далеко не достигаетъ той степени, какъ при ущемленной грыжѣ или въ трупѣ. Тѣмъ не менѣе, содержимое нашихъ толстыхъ кишекъ постоянно гніетъ; это можно вывести уже изъ того, что почки наши ежедневно выдѣляютъ несомнѣнные продукты гніенія. Между ними находятся ядовитыя вещества, изъ которыхъ мы упомянемъ здѣсь для краткости одни фенолы, т.-е. карболовую кислоту или сходныя съ ней вещества.

Человѣкъ ежедневно выдѣляетъ черезъ почки около 15 миллиграммовъ феноловъ, что составляетъ приблизительно половину ихъ количества, образующагося въ толстыхъ кишкахъ.

Въ теченіе года человѣческій организмъ выдѣляетъ приблизительно одиннадцать граммовъ феноловъ. Вещества эти очень ядовиты и отличаются свойствомъ отравлять не только въ острой, но и въ хронической формѣ. Смертельная для человѣка доза фенола очень различна; однако часто маленькая доза, около полуграмма, уже достаточна для того, чтобы вызвать серьезныя явленія остраго отравленія.

Съ тѣхъ поръ какъ карболовая кислота введена въ медицинскую практику, наблюдали большое количество причиняемыхъ ею несчастныхъ случаевъ. Повязки, пропитанныя этимъ веществомъ, часто оказывались вредными. Утверждаютъ даже, что нѣкоторые хирурги, употреблявшіе слишкомъ большое количество карболовой кислоты во время операцій, сами хронически отравлялись и проявляли признаки маразма. Нѣтоторые даже умирали отъ послѣдствія этого. Такія наблюденія вызвали значительное уменьшеніе примѣненія карболовой кислоты въ хирургіи.

Организмъ защищается отъ фенеловъ тѣмъ, что связываетъ ихъ сѣрой, дѣлая ихъ менѣе ядовитыми.

Но даже и эти сѣрнокислые фенолы не безобидны, такъ какъ хотя постоянно выдѣляются, но постоянно и возобновляются, слѣдовательно почти всю жизнь вращаются въ человѣческой крови.

Вполнѣ доказано, что фенолы производятся не самими организмами, но микробами, живущими въ кишечникѣ, преимущественно въ толстыхъ кишкахъ.

Нѣкоторые изслѣдователи думали, что наши органы могутъ сами производить фенолы; но съ этимъ нельзя согласиться.

Помимо многихъ научныхъ доказательствъ, я сошлюсь только на одинъ новый фактъ, недавно констатированный въ моей лабораторіи.

Большія индійскія летучія мыши (Pteropus) живутъ какъ птицы въ томъ отношеніи, что совершаютъ длинные полеты. Тѣло ихъ приспособлено къ летающему образу жизни, и поэтому онѣ должны вѣсить какъ можно меньше.

Ихъ толстыя кишки очень слабо развиты и никогда не нагружены пищевыми остатками, выбрасываемыми необыкновенно часто. При такихъ условіяхъ у этихъ летучихъ мышей, такъ сказать, вовсе нѣтъ бактеріальной флоры въ кишечникѣ: число микроорганизмовъ въ немъ поразительно ничтожно. Въ связи съ этимъ у нихъ не образовывается феноловъ; ихъ выдѣленія не заключаютъ никакихъ слѣдовъ послѣднихъ.

Это наблюденіе доказываетъ, что толстыя кишки — лишній органъ, далѣе, что кишечная флора безполезна, и особенно, что феноловые яды производятся бактеріями, а не животнымъ организмомъ.

Разобранныя здѣсь данныя послужатъ, между прочимъ, и для того, чтобы отвѣтить на нѣкоторыя сдѣланныя мнѣ возраженія.

Извѣстный боннскій патологъ, проф. Риббертъ, недавно сильно напалъ на мою теорію старости.

Онъ считаетъ неправдоподобнымъ мое мнѣніе о томъ, что въ этомъ явленіи значительную роль играютъ ядовитыя вещества кишечныхъ бактерій.

Риббертъ думаетъ, что совершенно неосновательно признавать, будто «нормальный кишечный каналъ всасываетъ яды изъ нормальнаго содержимаго, т.-е. изъ содержимаго, вполнѣ соотвѣтствующаго условіямъ существованія даннаго вида».

Между тѣмъ вполнѣ доказано какъ то, что кишечныя бактеріи постоянно выдѣляютъ фенолы, такъ и то, что стѣнки кишекъ нормально всасываютъ ихъ.

Неосновательно, наоборотъ, признавать гармонію между содержимымъ кишечника и здоровьемъ человѣка. Въ этомъ содержимомъ находятъ у многихъ людей, именно у живущихъ негигіенично, множество внутреностныхъ червей, способныхъ вызывать опасныя болѣзни. Существо дѣла не мѣняется отъ того, что это находится въ связи съ образомъ жизни человѣка. Выводъ этотъ долженъ быть распространенъ и на вредныхъ кишечныхъ бактерій.

Болѣе чистоплотный образъ жизни можетъ устранить парази-

товъ. Примѣненіе гигіеническихъ мѣръ должно устранить изъ кишекъ бактеріи, выдѣляющія въ нихъ яды.

Высказанное Риббертомъ мнѣніе, будто человѣческій организмъ вообще вполнѣ приспособленъ къ условіямъ своей жизни — неосновательно.

Мы уже видѣли, что со дня рожденія человѣкъ страдаетъ отъ разныхъ несовершенствъ своей природы. Главную причину человѣческихъ горестей составляетъ то обстоятельство, что развитіе его требуетъ очень длиннаго періода времени, въ то время какъ жизнь его слишкомъ коротка вслѣдствіе хроническаго отравленія.

Животная сторона человѣка, т.-е. организація, приспособленная для животныхъ, находится въ постоянномъ противорѣчіи съ чисто человѣческой стороной, т.-е. съ его высокимъ духовнымъ развитіемъ и требованіями.

Наслѣдіе, полученное отъ животныхъ, мѣшаетъ человѣку достигнуть своей жизненной цѣли.

Поэты, одаренные тонкимъ чутьемъ, давно подмѣтили, что человѣкъ страстно стремится къ особенной цѣли; но они не могли точно опредѣлить, въ чемъ она заключается.

Это неопредѣленное стремленіе можно сравнить съ неясными порывами молодой дѣвушки, которая чувствуетъ себя несчастной, но не въ состояніи отдать себѣ отчета въ причинѣ этого чувства. Она становится нервной, неровной, груститъ, чувствуетъ себя не по себѣ. Она часто вздыхаетъ и плачетъ безъ всякой видимой причины. Иногда у нея развивается наклонность къ одиночеству и религіознымъ мечтаніямъ и къ преувеличеннымъ выраженіямъ любви и дружбы. Общая картина этихъ чувствъ, поразительно изображенная нѣкоторыми писателями, есть не что иное, какъ предвѣстникъ половой зрѣлости.

Періодъ этотъ иногда очень продолжителенъ и бываетъ сопряженъ со многими невзгодами. У животныхъ онъ далеко не такъ длиненъ и серьезенъ. Къ счастью, у человѣка, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, онъ проходитъ и ведетъ къ правильному супружеству и материнству. Тогда женщина чувствуетъ себя уравновѣшенной и даетъ себѣ ясный отчетъ, въ чемъ собственно заключается цѣль ея жизни.

Когда Анна Каренина Толстого, несчастная въ супружествѣ, думала о своемъ сынѣ, то она успокаивалась мыслью, что у нея есть цѣль жизни.

Къ сожалѣнію, много женщинъ не достигаютъ этой цѣли; тогда онѣ часто становятся несчастными, мрачными и считаютъ свою жизнь разбитой.

Подобно тому, какъ молодая дѣвушка не имѣетъ представленія о той цѣли, къ которой она такъ страстно стремится, такъ и люди не сознаютъ цѣли, къ которой стремятся, и не знаютъ, въ чемъ она заключается. Однакоже, потребность отдать себѣ въ этомъ отчетъ чувствуется очень глубоко и вызвала на свѣтъ множество философскихъ и религіозныхъ теорій. При этомъ главнымъ образомъ рѣчь идетъ о томъ, что жизнь наша слишкомъ коротка и что вслѣдствіе этого цѣль нашего существованія не можетъ быть достигнута. Главную задачу религіозныхъ и философскихъ ученій составляетъ вопросъ о смерти. Первыя утверждаютъ, что земная жизнь продолжается и послѣ смерти, и что поэтому человѣкъ долженъ постоянно готовиться къ будущей жизни. Философы, не признающіе безсмертія, доказываютъ, что человѣкъ составляетъ частицу метафизическаго цѣлаго, и что его жизненная задача заключается, поэтому, въ дѣятельности, направленной въ виду этого цѣлаго. Это не разъ уже высказанное воззрѣніе было вновь развито въ послѣдніе годы выдающимся врачемъ и мыслителемъ, Павломъ Мёбіусомъ, къ несчастью преждевременно умершимъ.

Хотя Мёбіусъ признаетъ, что «главная цѣль человѣка — его бытіе», тѣмъ не менѣе онъ не думаетъ, что мы существуемъ на свѣтѣ для своего удовольствія. «Для чего же другого?» — спрашиваетъ онъ себя. И приходитъ къ тому заключенію, что «посредствомъ нашей жизни преслѣдуются цѣли» и что «наша жизнь можетъ служить средствомъ для высшихъ цѣлей». Мёбіусъ думаетъ, что утѣшительно имѣть возможность сказать себѣ: «мы служимъ для чего-то высшаго, хотя и не знаемъ, какимъ образомъ... Если мы включены въ крупное цѣлое, то мы имѣемъ право надѣяться».

Такое заключеніе требуетъ признанія факторовъ, стоящихъ надъ человѣкомъ и регулирующихъ нашу жизнь совершенно невѣдомымъ намъ путемъ. Это приводитъ насъ, слѣдовательно, къ метафизикѣ, съ которой наука не можетъ имѣть ничего общаго.

Но обстоитъ ли дѣло дѣйствительно такъ безнадежно, что нельзя постигнуть смыслъ человѣческой жизни безъ признанія какихъ-то силъ, недоступныхъ нашему разуму? Подойдя ближе къ этому вопросу, мы видимъ, что исканіе особенной цѣли жизни представляется различнымъ въ разные возрасты. Мы уже видѣли примѣръ матери, воспитывающей ребенка, которая находитъ именно въ этомъ цѣль своего существованія. Затѣмъ люди, особенно жившіе долго, не задаются болѣе вопросомъ, къ чему живетъ человѣкъ на свѣтѣ. Причина этого заключается въ полномъ развитіи

чувства жизни, т.-е. инстинктивнаго стремленія жить, съ которомъ одновременно связанъ сильнѣйшій страхъ смерти. Въ основѣ этого лежитъ нѣчто чисто физіологическое.

Наши чувства развиваются медленно, такъ какъ вообще наша психическая жизнь требуетъ продолжительнаго времени для полнаго своего развитія. Такъ, напримѣръ, эстетическое чувство развивается сравнительно поздно. Дѣти не испытываютъ удовольствія отъ вида красивой природы. Я поясню это характернымъ примѣромъ. Одинъ мой пріятель родился въ отдаленномъ городѣ, гдѣ и провелъ свое дѣтство. Уже взрослымъ посѣтилъ онъ свою родину. Онъ помнилъ въ точности мѣстоположеніе кондитерской и другихъ лавокъ, гдѣ покупались вкусныя вещи, но не имѣлъ никакого представленія о красотѣ страны, въ которой провелъ свое дѣтство.

Такъ какъ чувство жизни состоитъ изъ цѣлаго ряда другихъ чувствъ, куда относится и чувство красоты, то понятно, что для развитія его требуется длинный періодъ времени.

Одна давно тяжело больная старушка высказала мнѣ свое желаніе пожить еще нѣкоторое время слѣдующими словами: «Ахъ, когда бы дожить мнѣ еще до одной весны, чтобы полюбоваться деревьями въ цвѣту! Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе я испытываю при видѣ солнечнаго сіянія!»

Еще другимъ примѣромъ можно пояснить медленность развитія нашихъ чувствъ.

Съ самаго ранняго дѣтства проявляютъ мальчики склонность къ борьбѣ. Признакъ этотъ былъ выработанъ у человѣка какъ средство для овладѣнія женщиной. А между тѣмъ мальчики не только не сознаютъ этой цѣли, но, напротивъ, обнаруживаютъ величайшее презрѣніе къ женскому полу. Съ возрастомъ это отношеніе мѣняется, и вскорѣ юноша начинаетъ ощущать совершенно особенное уваженіе къ женщинѣ.

Между чувствами, поразительно измѣняющимися съ возрастомъ, можно назвать чувство времени.

Всякому извѣстно, какъ необыкновенно различно воспринимается время въ дѣтствѣ и въ позднѣйшемъ возрастѣ.

Въ то время какъ для ребенка или юноши годъ кажется очень длиннымъ періодомъ, старики считаютъ его очень короткимъ.

При этихъ условіяхъ легко понять, что чувство жизни и тѣсно связанный съ нимъ страхъ смерти развиваются медленно и ощущаются значительно сильнѣе въ старости, чѣмъ въ молодости.

Вслѣдствіе развитія чувства жизни, пожилой человѣкъ менѣе озабоченъ цѣлью ея, такъ какъ онъ сознаетъ, что жизнь уже сама по себѣ является въ значительной степени этой цѣлью.

Но такъ какъ любовь къ жизни не утолена даже и въ преклонные годы, то человѣкъ ощущаетъ чувство неудовлетворенности, и мысль о предстоящей смерти особенно пугаетъ его.

Такъ какъ въ старости быстро уходящая жизнь кажется слишкомъ краткой, то задача о концѣ ея выступаетъ на первый планъ.

Съ незапамятныхъ временъ старалось человѣчество найти отвѣтъ на этотъ запросъ.

Большинство людей думало, и многіе думаютъ еще и теперь, что смерть не есть настоящій конецъ жизни и что послѣ смерти наступаетъ другая, вѣчная жизнь.

Вѣра въ безсмертіе одной души или души и тѣла укоренилась очень глубоко. Часто утверждаютъ, что вѣра эта способна вполнѣ побѣдить чувство страха смерти, наилучшимъ образомъ разрѣшая поставленную задачу. Но это можно признать только въ ограниченномъ числѣ случаевъ.

Высокообразованные люди, несмотря на глубочайшую вѣру, тѣмъ не менѣе ощущаютъ сильнѣйшій страхъ передъ смертью. Относительно этого я могу прибавить еще одинъ новый примѣръ ко многимъ уже извѣстнымъ.

Дѣло касается одного стараго, очень интеллигентнаго священника, искренняя вѣра и нравственная чистота котораго стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Происходя изъ богатай и аристократической семьи, онъ, еще въ юности, посвятилъ себя богословію. Раздавъ все свое состояніе бѣднымъ, онъ поступилъ въ монастырь и пробылъ въ немъ до своей недавней кончины. Близко знавшіе его люди единогласно утверждаютъ, что сношенія съ нимъ имѣли на нихъ необыкновенно возвышающее вліяніе. Въ 74 года онъ тяжело заболѣлъ. Несмотря на то, что онъ ежедневно исповѣдывался, страхъ смерти очевидно сильно преслѣдовалъ его. Онъ надѣялся, что врачи вылѣчатъ его и съ напряженіемъ ждалъ ихъ мнѣнія. Понятно, что послѣдніе должны были скрывать правду. Въ его присутствіи надо было избѣгать говорить какъ о смерти вообще, такъ и о кончинѣ его знакомыхъ.

Такой сильный страхъ смерти не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ вѣра въ будущую жизнь прививается воспитаніемъ, въ то время какъ страхъ смерти вполнѣ инстинктивенъ. По той же причинѣ легко предвидѣть, что и философскія системы, съ ихъ признаніемъ нѣкоего метафизическаго цѣлаго, которому

должна быть подчинена и принесена въ жертву человѣческая жизнь, не могутъ имѣть большого успѣха.

Поэтому не остается ничего другого, какъ обратиться къ наукѣ съ вопросомъ: не можетъ ли она выяснить великую задачу жизни человѣческой? Она не въ состояніи окончательно разрѣшить эту задачу. Но она можетъ указать пути, идя по которымъ, въ будущемъ можно будетъ найти успокоительный отвѣтъ.

Жизнь человѣка слишкомъ коротка для полнаго достиженія жизненной цѣли, именно вслѣдствіе того, что его психическое развитіе требуетъ слишкомъ длиннаго періода времени.

Краткость же его жизни находится въ зависимости отъ его животнаго происхожденія.

Органы и устройство ихъ, необходимые для животнаго, стали ненужными для несравненно болѣе высоко развитого въ умственномъ отношеніи человѣка. Наука должна по возможности устранить это зло, что можетъ быть достигнуто систематическимъ выполненіемъ правилъ гигіены.

Такимъ образомъ можно будетъ продлить жизнь до наступленія настоящей, естественной смерти.

Съ этой цѣлью особенно полезно устранять бактеріальные яды, проникающіе изъ кишекъ, хронически отравляющіе организмъ и тѣмъ сокращающіе жизнь.

Весьма вѣроятно, что естественная смерть также сводится къ отравленію—только не чуждыми организму бактеріями, а самыми элементами нашего тѣла.

Какъ извѣстно, нѣкоторые органы вырабатываютъ очень ядовитыя вещества, напримѣръ, адреналинъ, выдѣляемый надпочечными железами. Одна десятая миллиграмма его достаточна, чтобы убить человѣка.

У человѣка существуетъ железа, свойственная одному мужскому полу, которая также выдѣляетъ ядовитый сокъ.

Надо замѣтить, что послѣдній служитъ для возбужденія особыхъ пріятныхъ ощущеній.

Нѣкоторыя данныя позволяютъ предполагать, что естественная смерть также сопровождается пріятными ощущеніями.

Въ этомъ вѣроятно играютъ роль именно яды, вызывающіе ихъ.

Въ природѣ встрѣчается много подобныхъ ядовъ, но наиболѣе извѣстные изъ нихъ — не животнаго, а растительнаго происхожденія.

Таковъ ядъ мака—опіумъ и его производные и гашишъ. Затѣмъ продукты микроскопическихъ растеній — дрожжей: именно

спиртъ. Веселящее вліяніе его привело къ одному изъ величайшихъ бѣдствій человѣчества.

Мысль, что естественная смерть должна сопровождаться необыкновенно пріятными ощущеніями, хотя и гипотетична, тѣмъ не менѣе не лишена нѣкотораго основанія. Описано нѣсколько примѣровъ случайной смерти, связанной съ необыкновенно пріятными ощущеніями. Такіе примѣры представляютъ люди, тонувшіе или пораженные молніей, люди, которые были близки отъ смерти, но спаслись.

Существуютъ еще и другіе факты, указывающіе на связь между смертью и радостными чувствами.

Извѣстно, что очень большая радость можетъ вызвать смерть. Въ разныя времена приводятъ достовѣрные разсказы о подобныхъ случаяхъ.

Не знаю, можно ли отнести къ этой категоріи смерть папы Льва X, умершаго, будто бы, отъ радости при вѣсти о покореніи Милана.

Въ новѣйшей медицинской литературѣ приводится примѣръ одной дамы, ожидавшей свою дочь на вокзалѣ. Тамъ узнаетъ она, что произошло столкновеніе поѣздовъ и что нѣсколько человѣкъ погибло. Увидя свою дочь невредимой, она отъ волненія падаетъ въ обморокъ и умираетъ черезъ 12 часовъ.

Гораздо обстоятельнѣе отчетъ недавно умершаго въ Парижѣ д-ра Фере относительно одного его паціента, который хотя и не умеръ отъ радости, но очень серьезно заболѣлъ отъ нея. Получивъ крайне радостную для него вѣсть, онъ сталъ быстро ходить по комнатѣ и впалъ въ странное состояніе опьяненія. Онъ вдругъ сталъ дрожать всѣмъ тѣломъ и упалъ, затѣмъ уснулъ и спалъ безъ просыпа въ теченіе 19-ти часовъ и оправился только черезъ пять дней. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣзнью, которая могла бы быть смертельной. Ея сходство съ бредомъ алкоголиковъ (о которомъ въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи) такъ поразительно, что приходится допустить здѣсь родъ отравленія. Только ядъ происходитъ не отъ дождей, а отъ самого человѣческаго организма.

По нашей гипотезѣ, человѣкъ обладаетъ неопреодѣленнымъ предчувствіемъ естественной смерти, къ которой онъ страстно стремится, какъ къ настоящей жизненной цѣли. Достигается же послѣдняя только въ исключительныхъ случаяхъ, встрѣчая препятствіе въ краткости жизни. Вмѣсто того, чтобы раціональнымъ образомъ жизни подготовлять радостное чувство естественной смерти, человѣкъ въ своемъ несчастіи ищетъ опьяненія растительными ядами—спиртомъ, табакомъ, опіумомъ и т. под.

Точная наука еще не въ состояніи доказать эту гипотезу; она не можетъ обѣщать человѣку вѣчную жизнь какъ въ видѣ безсмертія души, такъ и тѣла.

Съ другой стороны, наука не можетъ утѣшать человѣка признаніемъ того, что онъ составляетъ одно съ метафизическимъ цѣлымъ, хотя бы уже потому, что метафизика стоитъ внѣ нашего пониманія. Поэтому насъ нисколько не трогаетъ сознаніе того, что мы составляемъ какъ бы частицу неизвѣстнаго цѣлаго.

Если наука не имѣетъ еще увѣренности въ томъ, что идеально-нормальный циклъ развитія человѣка неизбѣжно долженъ привести къ ощущенію величайшей радости и къ развитію страстнаго желанія естественной смерти, то она можетъ, по крайней мѣрѣ, обѣщать, что нормальное развитіе человѣка должно привести къ счастливой старости.

Постепенно развивающееся чувство жизни будетъ при этомъ удовлетворено, такъ что въ глубокой старости наступитъ извѣстного рода пресыщеніе, которое, помимо вѣры, уничтожитъ страхъ смерти.

Для достиженія этой цѣли наука уже собрала множество данныхъ. Она знаетъ, что можно предохранить себя отъ большинства инфекціонныхъ болѣзней и отравленій.

Она также не безпомощна относительно вреда, постоянно истекающаго отъ кишечника и грозящаго нормальному циклу жизни нашей.

Многое уже достигнуто на этомъ пути, но еще больше усовершенствованій предстоитъ впереди.

Экспериментальная медицина въ настоящее время такъ разработана, что слѣдуетъ возлагать величайшія надежды на ея успѣхи.

Въ общемъ, нельзя отрицать, что природа наша, вслѣдствіе своего животнаго происхожденія, заключаетъ много несовершенствъ.

Однако человѣкъ, благодаря своей высокой культурѣ, въ состояніи подготовить себѣ счастливое существованіе и безстрашный конецъ.

Итакъ, я могу заключить, совершенно обратно Руссо, что все, выходящее изъ рукъ Творца, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ совершенно и что оно также далеко не портится въ рукахъ человѣческихъ.

Напротивъ, человѣкъ, при помощи науки, въ состояніе исправлять несовершенства своей природы.

Изданія „НАУЧНАГО СЛОВА“.

И. И. Мечниковъ. Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія. Съ портр. автора. Цѣна 2 руб. 20 к.

Е. Бюрнэ. Микробы и токсины. Съ предисл. и подъ редакціей **И. И. Мечникова.** Цѣна 2 руб.

„Памяти Дарвина“. Сборникъ статей профессоровъ: Умова, Тимирязева, Мечникова, Ковалевскаго, Мензбира и Павлова. Съ фототип. портретами и рисунками. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 75 к.

И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. 4-ое, дополненное изд. съ портр. автора и многочислен. рисунками. Цѣна 2 руб.

И. И. Мечниковъ. Этюды оптимизма. Съ 27 рис. и портрет. автора. Изд. 3-ье, исправл. и дополненное. Цѣна 2 руб. 20 коп.

Н. В. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство. Цѣна 1 руб. 40 коп.

М. М. Покровскій. Очеркъ по сравнительной исторіи литературы (романъ Дидоны и Энея и его римскіе подражатели). Цѣна 60 к.

Г. К. Рахмановъ. Основы метеорологіи. Съ рисунк. и климатолог. картами. Краткій курсъ для студ. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 25 к.

Ю. И. Айхенвальдъ. Пушкинъ. Цѣна 80 коп.

Ю. И. Айхенвальдъ. Этюды о западныхъ писателяхъ. Съ фототип. портретами писателей (больш. формата). Цѣна 1 р. 80 к.

И. М. Сѣченовъ. Автобіографическія записки. Съ предисловіемъ **проф. Н. А. Умова** и портр. авт. Цѣна 1 руб. 30 коп.

П. П. Муратовъ. Образы Италіи. Томъ I. Съ 17 иллюстраціями. Изданіе 2-е исправленное и дополненное. Цѣна 2 р. 25 к. Томъ II. Съ 12 иллюстр. 2-е значительно дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 85 к.

„Освобожденіе крестьянъ—дѣятели реформы“ *). Въ сборникѣ участвуютъ профессора и преп. Московскаго университета. Приложены портреты дѣятелей. Цѣна 3 р., въ пер. 3 р. 20 к.

В. Арнольди *). По островамъ Малайскаго архипелага. Съ картами и иллюстраціями. Цѣна 1 р. 80 к.

„В. О. Ключевскій“ — характеристики и воспоминанія. Съ 3-мя портр. Ключевскаго. Цѣна 1 р. 90 к., въ коленк. пер. 2 р. 40 к.

Д. М. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Изданіе 3-ье, исправленное и значительно дополненное авторомъ. Цѣна 2 р. 60 к.

Всѣ книги высылаются наложеннымъ платежомъ; пересылка за счетъ издательства.

Складъ у издателя: Москва, Нѣмецкая улица, с. д., Г. К. Рахмановъ. Тел. 1-97.

) **Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. 1912 г.*